

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

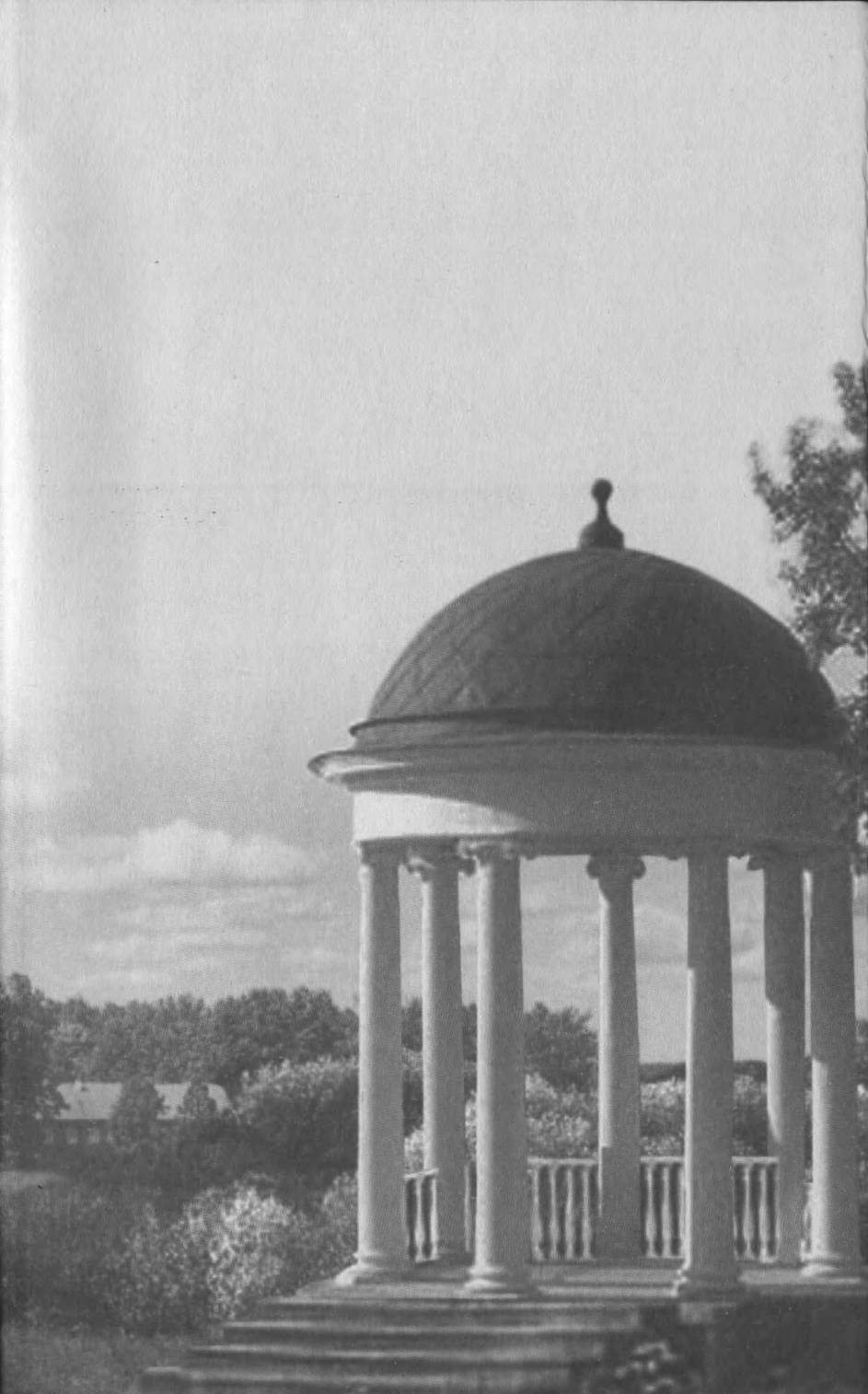
Сергей Охлябинин

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

РУССКОЙ УСАДЬБЫ XIX ВЕКА

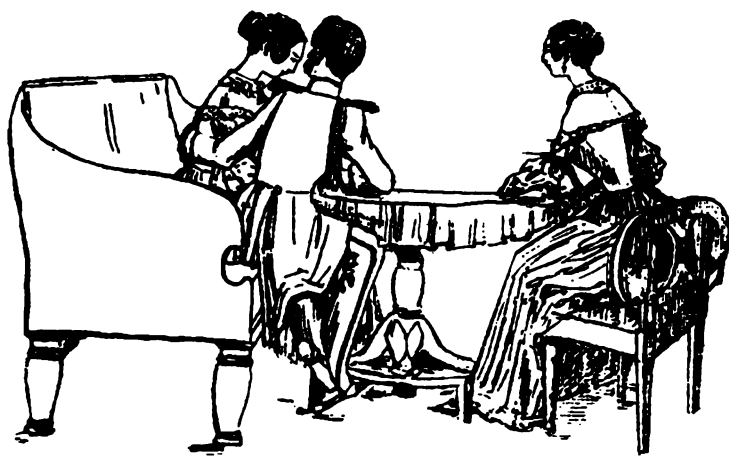

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Сергей Охлябинин

МОСКВА

ЖИЗНЬ РУССКОЙ УСАДЬБЫ XIX ВЕКА

УДК 908(470+571)“18”
ББК 63.5(2)
О 92

*Предисловие, научная редакция
кандидата исторических наук, доцента
А. И. ФРОЛОВА*

*Серийное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА*

ISBN 5-235-02864-3

© Охлябинин С. Д., 2006
© Фролов А. И., предисловие, 2006
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2006

В отечественном культурном наследии русской дворянской усадьбе принадлежит особое место. Без внимания, понимания и любви к этому феномену нет и не может быть понимания отечественной истории, любви к России.

Русская усадьба — поразительно емкое понятие. Именно она, будучи хорошо изученной, дает наглядное представление буквально обо всех процессах, происходивших в истории и культуре России в XVII—XIX веках. Как в капле воды отражается весь окружающий мир, так и в дворянской усадьбе отражается весь мир российской истории, весь мир российской культуры.

Одним из высоких проявлений русской усадебной культуры по праву признана архитектура. Однако не одна она «делает лицо» русской дворянской усадьбы.

Русская усадьба — это уникальный по своим общественным функциям центр экономической, политической и культурной жизни нескольких поколений наших соотечественников.

В печати не раз фигурировали цифры, помогающие оценить если не качественную, то хотя бы количественную характеристику этого уникального явления мировой культуры. Одни исследователи считают, что усадеб было 50 тысяч, другие называют цифру в два раза большую. Истина, по-видимому, где-то посередине.

Воображение подсказывает, как лет 100—150 назад выглядел «культурный ландшафт» нашей страны. На-

ряду с малыми и большими городами, деревнями и селами, крепостями и монастырями, усадьбы играли едва ли не главную роль в этом ландшафте. Там, где усадьба, — там господские особняки и службы, флигели и оранжереи, парки и пруды, аллеи и пристани.

В состав каждого усадебного комплекса входит как историко-культурный, так и природный компонент, имеющий достаточно сложную структуру. Ее элементами выступают регулярные и пейзажные парки, сады и цветники.

К тому же широкое распространение получили оранжереи, где выращивались экзотические южные растения. В некоторых усадьбах, таких, как, к примеру, Архангельское или Кусково, встречались зверинцы, ставшие в России прообразами зоопарков.

Рекреационные возможности русских усадеб ценились еще в XIX веке. Представители дворянского сословия с помощью лучших русских и зарубежных архитекторов, строителей парков, садовников создавали идеальные условия для повседневной жизни, творческой деятельности и полноценного отдыха. Русская усадьба была не только притягательна красотой своих архитектурных сооружений и тенистых парков и проявлением заботы о гостях. Хозяева отличались хлебосольством и гостеприимством. Во многих имениях были «дома для гостей» — не что иное, как малые гостиницы, процветал культ русской кухни, здесь были идеальные условия для занятий спортом, охотой. Словом, если изучать отечественные традиции отдыха, спорта, рекреации, гостиничного и ресторанного хозяйства, то искать их надо в истории русской дворянской усадьбы.

Всякая дворянская усадьба — это в определенной степени музей, поскольку в ее стенах столетиями накапливались огромные исторические и художественные ценности — картины, книги, гравюры, мебель, фарфор, семейные архивы. Все это собиралось и веками бережно хранилось. В барских особняках таились несметные, составленные несколькими поколениями просвещенных людей собрания книг, рукописей, картин, мебели, оружия, фарфора... Настоящие «сельские эрмитажи»!

А люди, которые жили в усадьбах! Как много среди них было по-настоящему талантливых писателей, поэтов, композиторов, художников! Да просто честных, порядочных, энергичных людей!

Между тем самих усадеб, усадебных построек, парков, прудов становится все меньше и меньше. Следы усадебной культуры, достигшей своего расцвета к середине XIX века, усердно стирались в пореформенное время, нещадно уничтожались в годы первой русской революции, в двадцатые годы. Каждое десятилетие XX века внесло свою лепту в этот безумный и беспощадный процесс.

Защищать русскую усадьбу некому. Лишенная настоящих владельцев, она обречена на окончательную гибель. И никакие «меры», никакие «заклипания» ей, увы, не помогут. Спасти усадьбу нельзя. Зато ее можно изучать.

И это изучение, однажды начавшись, по-видимому, будет продолжаться всегда.

На первых порах заманчиво хотя бы мысленно реконструировать навсегда ушедший усадебный мир. Порой кажется, что это невозможно: вихрь XX века стер с лица земли многие усадьбы, не оставив ни рисунков, ни чертежей, ни фотографий.

От многих барских особняков, как говорится, следа не осталось. Но, к счастью, сохранились библиотеки, музеи, архивы, в которых собрано немало памятников былой усадебной культуры. Причем многие из этих памятников не просто «пылятся в забвении», но живут вместе с нами, питая нас самым главным — духовной пищей, вселяя в нас гордость за деяния минувших поколений, позволяя еще и еще раз испытать ни с чем не сравнимую радость от соприкосновения с произведениями талантливых зодчих, художников, скульпторов, поэтов, музыкантов, актеров — всех тех, для кого русская усадьба была не столько «памятником архитектуры», сколько родным домом, «малой родиной».

Именно усадьбы в значительной степени определяют «национальное лицо» нашей страны на мировом туристском рынке. Нигде в мире усадебная культура не занимает столь почетного места, как в России. Можно сказать: «Если хочешь получить представле-

ние о великой русской культуре, получи представление о десяти — пятнадцати дворянских усадьбах».

Книга, которую читатель держит в руках, хороша уже тем, что фокусирует внимание на «живой» русской усадьбе, стремится показать разные стороны ее бытия. Она изобилует интереснейшим фактическим материалом. Этот материал необходим для изучения былой усадебной культуры. А если будут знания, откроется возможность по-настоящему глубоко оценить и полюбить это явление. Ибо нельзя любить того, о чем не имеешь ни малейшего представления.

В конце концов русскую усадьбу погубили не столько войны и революции, сколько обычные темнота и невежество, неумение и нежелание видеть что-то значительное совсем рядом: «Лицом к лицу лица не увидать».

Перед нами увлекательный рассказ о буднях русской дворянской усадьбы позапрошлого века.

На чем строится этот рассказ? На многочисленных свидетельствах очевидцев. Усадьбе повезло: свидетелями ее расцвета и многообразной жизни стали десятки талантливейших русских писателей: Н. В. Гоголь, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин, И. С. Тургенев... Не будет преувеличением сказать, что усадьба не только их приютила, но стала тем могучим импульсом, что сопровождал их всю творческую жизнь... Усадьба — своего рода колыбель русской классической литературы, а при внимательном изучении — и русской поэзии, и русской драматургии, и русской живописи.

Жизнь русской усадьбы — яркое явление отечественной культуры, возвращенное на русской почве, живое воплощение национальных культурных традиций. Вместе с тем это и культурное достояние всего человечества.

Вероятно, эту книгу следует расценивать не как итог, а как этап в изучении русских дворянских гнезд. И следует подчеркнуть, что это — очень важный и ответственный этап.

А. И. Фролов

Прежде чем поведи разговор об усадебной жизни русского дворянства в XIX столетии, вспомним историю появления самих дворян-помещиков и их родовых гнезд, разбросанных в свое время по всей великой России.

Поместные дворяне ведут свое начало от служилых людей, «испомещавшихся», то есть получавших в пользование землю (поместье) за несение гражданской, но в основном военной службы. Первоначально эта служба была пожизненной, начиная с пятнадцатилетнего возраста, а поместье не подлежало продаже, обмену и наследованию. Постепенно поместья становятся наследственными, а с 1714 года — собственностью помещиков.

Поскольку получаемые земли требовали заботы их владельцев, указ 1727 года разрешал отпускать две трети офицеров и урядников в их поместья для приведения хозяйства в порядок. Следующим шагом к возникновению того, что в дальнейшем получило название «русская усадьба», было ограничение срока службы дворянства 25 годами (1736), а также разрешение оставлять в поместьях одного из отпрысков для ведения дел в имениях.

В 1740 году дворянам было позволено выбирать между военной и гражданской службой. С этого времени формируется слой поместного дворянства, который постоянно живет в своих имениях.

Манифест 18 февраля 1762 года «О вольности дворянской» полностью освободил дворян от обязательной военной службы.

Юридическое оформление этого дворянского сословия окончательно завершено губернской реформой 1775 года и Жалованной грамотой дворянству 1785 года, которая в развитие манифеста дала ему значительные личные, имущественные и сословные привилегии. Эта грамота определяет понятие дворянства как «следствие, истекающее от качества и добродетели начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем, обращая самую службу в достоинство, приобрели потомству своему нарицание благородное»*.

Получившее вольность дворянство в основном состояло из дворян, владевших 20 душами крепостных. Таких было 59 процентов сословия. Вторую группу составляли дворяне, имевшие от 20 до 100 душ, их было 25 процентов. 16 процентов приходилось на помещиков, в хозяйствах которых было свыше 100 душ крепостных.

К середине же XIX века (по данным переписи 1858 года) благосостояние дворянства значительно выросло. До 39,5 процента сократилась доля дворян первой группы (до 20 душ крепостных), зато увеличилось до 34,2 процента число дворян второй группы (20—100 душ), а также владевших от 101 до 1000 крепостных (21,5 процента). Крупных же землевладельцев, у которых насчитывалось более тысячи крепостных, было сравнительно немного — всего 1,3 процента. Беспоместные дворяне составляли 3,5 процента дворянского сословия.

Освобожденные от обязательной военной службы дворяне получили возможность заниматься обустройством своих поместий, которые становятся не только источником средств к существованию, но постепенно уже к первой четверти XIX века превращаются в особое явление русской культуры, аккумулирующее энергию живущих в них людей и распро-

* Брокгауз и Ефрон. Т. 19. С. 207.

страняющее свое влияние на окружающую провинциальную жизнь.

Роль и место усадьбы в провинциальной жизни во многом зависели от того, насколько она была обжита. Там, где барщинная запашка давала приличные доходы, помещики старались наблюдать за ведением хозяйства лично. А потому, приезжая из города, селились в усадьбе. Это относилось прежде всего к среднепоместным владельцам. Они проводили в таких усадьбах время с ранней весны и до поздней осени. В город же перебирались только лишь на зиму.

Дворяне, имевшие менее 20 душ, обычно не служили либо после кратковременной службы навсегда поселялись в деревне*.

Такие усадьбы, как правило, из-за недостатка средств и часто невысокого уровня образования владельцев не могли претендовать на какую-либо роль в жизни провинции, ее культуре. Очень скоро оставляли службу дворяне, у которых было от 21 до 100 душ. Местом их постоянного пребывания также становилась деревня.

Наиболее активной и влиятельной группой было среднее дворянство, имевшее от 100 до 1000 душ крепостных крестьян. В 1858 году в 37 губерниях собственно России в их владении находилось в среднем по 470 душ крепостных, которых хватало, чтобы ни от кого не зависеть и давать себе и своим детям современное образование. Многие из них поступали на несколько лет на военную службу. Именно они собирали библиотеки и были в курсе международных новостей.

Предпочитая жить в городе, лето они проводили в своих поместьях, что укрепляло их связи с деревней и ее обитателями. Эта группа служила своеобразным мостом между деревенской культурой России и современного Запада, и из ее рядов вышло большинство видных политических и интеллектуальных деятелей царской России. Изображение та-

* Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI—XX вв. М., 2001.

кой провинциальной дворянской семьи (скорее скромного достатка) находим в автобиографической повести С. Т. Аксакова «Семейная хроника».

Дворян среднего достатка больше всего интересовала культура — литература, театр, живопись, музыка, история, общественно-политические теории. Русская культура в большой степени порождена именно этим слоем дворянства в 18—19 тысяч семей, из чьих рядов и вышли таланты.

Усадьба создавала свой неповторимый мир. Именно она связывалась с понятием родины, пусть и малой. Питала воспоминания детства. Была также, как правило, и последним прибежищем для владельцев.

Есть милая страна, есть угол на земле,
Куда, где б ни были: средь буйственного стана,
В садах Армидиных, на быстром корабле,
Браздящем весело равнины океана,
Всегда уносимся мы думою своей;
Где, чужды низменных страстей,
Житейским подвигам предел мы назначаем,
Где мир надеемся забыть когда-нибудь.
И веды старые сомкнуть
Последним, вечным сном желаем.

Е. Баратынский

Сложившийся тип помещичьей усадьбы XVIII—XIX веков представлял собой комплексный архитектурно-парковый ансамбль, который включал обычно барский дом с флигелем (или флигелями), обслуживающие постройки — конюшни, оранжереи, сараи; парк, а в крупной усадьбе еще и церковь, порой более раннего времени. Зачастую и сам усадебный дом возводился на месте старых боярских хором. Такой состав был характерен как для подмосковных крупных усадеб, так и для рядовых имений.

Разнообразны композиция и масштабы жилых усадебных домов, зависящих от уровня благосостояния и культуры владельца. Встречаются трехчастный план с подъездным двором (Городня под Калугой, Пехра-Яковлевское под Москвой), центрические построения (Талицы под Петербургом). Иногда дом проектируется с подчеркнута плоскостными фаса-

дами (Николо-Погорелое в Смоленской области), чаще с колоннадами.

Но везде обязательным дополнением к усадебному дому служили флигели. По большей части их было два. Один для гостей, а другой — для молодой поросли рода.

Художественное значение приобретают и некоторые хозяйственные строения, включаемые в ансамбль двора или парка, например конный двор в селе Красном Рязанской области.

Примером зажиточной усадьбы может служить усадьба в Спасском-Лутовинове, построенная отставным секунд-майором Иваном Ивановичем Лутовиновым, дядей матери И. С. Тургенева. Работы по устройству усадьбы были начаты на рубеже XVIII—XIX столетий, продолжались более десяти лет и явились делом жизни И. И. Лутовинова. Центром усадьбы стал двухэтажный деревянный дом с портиком, украшенным колоннами, пятиаршинными светлыми окнами и залом «в два света». С обеих сторон к дому примыкали каменные галереи «в полуциркульном виде», которые заканчивались деревянными постройками-флигелями. Возле дома располагались кладовые, погреба, ледники; далее — флигели для дворовых. За домом находились конный, скотный и птичий дворы. Перед фасадом дома — пышные цветники с фигурными клумбами из тюльпанов, лилий, левкоев, мальв, резеды. Въездная и выездная дороги окаймлялись рабатками махровых роз. Возле въезда в усадьбу была выстроена каменная церковь. Дом окружал парк, разбитый на 40 гектарах.

В первой четверти XIX века масштабы усадебного строительства в сравнении с предыдущим периодом сокращаются. Композиция усадеб упрощается, парки становятся меньше, церкви строятся лишь изредка. Усадебные дома часто возводятся из дерева и не штукатурятся (Панское в Калужской области, имение Зыковых под Угличем, Шахматово в Подмоскovie).

Типичным для среднего дворянства усадебным домом можно считать дом в усадьбе А. Блока в Шахматове. По воспоминаниям М. А. Бекетовой он был

«одноэтажный, с мезонином — в стиле среднепомещичьих усадеб 20-х или 30-х годов XIX века. Уютно и хорошо расположенный, он был построен на кирпичном фундаменте из великолепного соснового леса, с тесовой обшивкой серого леса и железной зеленой крышей».

В облике среднепоместных усадеб продолжают сохраняться устойчивые черты русского классицизма, хотя в некоторых проектах и проскальзывают новые композиционные приемы, те, что архитекторы величают зодчеством эпохи романтизма («псевдо-и неоготика»). Однако все провинциальные архитекторы, как правило, используют уже наработанные, типовые, стандартные решения при строительстве усадебных зданий. К тому же сложные сооружения, их декорирование воспринимались в среде губернского дворянства как непомерная да, пожалуй, и ненужная роскошь.

И все же усадьбы продолжают прихорашиваться. Даже те, кто не имеет достаточных средств на новое капитальное строительство, не остаются в стороне от веяний моды.

Постепенно уходят в прошлое дома, подобные описанному И. С. Тургеневым:

Старинный дом, нахмуренный и черный,
Раскрашенный приходским маляром...
Широкий, низкий, с крышей безобразной,
Подпертый рядом жиденьких колонн...
Свидетель буйной жизни, лени праздной
Двух или трех помещичьих племен.

Их место занимают иные постройки, о чем свидетельствует известный историк XIX века граф М. Д. Бутурлин: «С архитектурною утонченностью нынешних вообще построек, при новых понятиях о домашнем комфорте исчезли повсюду эти неказистые дедовские помещичьи домики, все почти серопепельного цвета, тесовая обшивка и тесовые крыши коих никогда не красились...»

В более замысловатых деревенских постройках приклеивались, так сказать, к этому серому фону четыре колонны с фронтонным треугольником над

ними. Колонны эти были у более зажиточных оштукатуренные и вымазанные известью так же, как и их капители; у менее достаточных помещиков колонны были из тощих сосновых бревен без всяких капителей.

Входное парадное крыльцо, с огромным выдающимся вперед деревянным навесом и двумя глухими боковыми стенами в виде пространной будки, открытой спереди».

Усадебные дома в имениях вблизи крупных городов вполне отвечали требованиям взыскательного вкуса. В глубинке же, да еще и в исполнении доморощенных архитекторов и строителей, барский дом отличался не только милым провинциальным упрощенчеством, но и желанием помещика на свой лад преподнести, пусть и наивно, свой, «личный классицизм». «...взору представляли упрощенные формы и детали или гладкие плоскости ничем не украшенных стен, порождавшие известный провинциализм с его несуразным соединением тех или иных элементов. С одной стороны, он раздражал несовершенством исполнения, с другой — в нем сказывались черты особого понимания форм архитектуры классицизма, наивность, сопряженная с непосредственностью», — пишет автор книги «Архитектура в старой русской провинции» А. Н. Акиншин.

Внутреннее устройство таких барских домов, по свидетельству историка М. Д. Бутурлина «было совершенно одинаково везде, оно повторялось без всяких почти изменений в Костромской, Калужской, Орловской, Рязанской и прочих губерниях и было следующее.

В будке парадного крыльца была боковая дверь в ретирадное место (всегда, конечно, холодное), и потому вход в дом не всегда отличался благовонием. После передней был длинный зал, составляющий один из углов дома, с частыми окнами в двух стенах и потому светлый, как оранжерея.

В глухой капитальной стене зала было двое дверей; первая, всегда низкая, вела в темный коридор, в конце коего была девичья и черный выход во двор.

Вторая такого же размера дверь вела из гостиной в кабинет или в хозяйскую спальню, составляющую другой угол дома. Эти две комнаты и поперечная часть зала были обращены к цветнику, а за неимением такового — к фруктовому саду; фасад же этой части дома состоял из семи огромных окон, два из них были в зале, три — в гостиной (среднее, впрочем, превращалось летом в стеклянную дверь со спуском в сад), а остальные два окна — в спальне».

Усадебная меблировка, как правило, была также одинакова во всех домах: «В двух простенках между окнами висели зеркала, а под ними тумбочки или ломберные столы.

В середине противоположной глухой стены стоял неуклюжий с деревянной спинкою и боками диван (иногда, впрочем, из красного дерева); перед диваном овальный большой стол, а по обеим сторонам дивана симметрически выходили два ряда неуклюжих кресел...

Вся эта мебель была набита как бы ореховой шелухой и покрыта белым коленкором, как бы чехлами, для сбережения под нею материи, хотя под коленкором была нередко одна толстейшая пеньковая суровая ткань.

Мягкой мебели и в помине тогда не было, но в кабинете или спальне нередко стояла полумягкая клеенчатая софа, и в том же углу этажерка с лучшим хозяйским чайным сервизом, затейливыми дедушкиными бокалами, фарфоровыми куколками и подобными безделушками. Обои были тогда еще редко в ходу: у более зажиточных стены окрашены желтой вохрою...»

Нередко в усадьбах расписывали внутреннее пространство дома. Прежде всего это было продиктовано желанием живущих в усадьбе «слиться» с природой, создать некую иллюзию перетекания пространства интерьера в окружающую среду.

«...Все парадные комнаты были с панелями, а стены и потолки затянуты холстом и расписаны краской на клею, — пишет Е. П. Янькова в книге «Рассказы бабушки». — В зале нарисованы на стенах охота, в

гостиной — ландшафты, в кабинете у матушки то же, а в спальне, кажется, стены расписаны боскетом (куртины садов и деревьев); еще где-то драпировкой или спущенным занавесом».

Кроме «природно-анималистических» сюжетов «комнатные живописцы» увлекались и красочными «галантными сценами», воссоздавая в подробностях замысловатую одежду прошедших времен, а лица порой списывая со своих современников, а то и портретируя для этих сцен и собственно хозяев поместий.

В усадьбах особое внимание уделялось садам и паркам. Отвечая вкусам хозяина, они отражали и художественно-эстетические веяния эпохи.

Доставшиеся владельцам в наследство от XVII века русские сады в усадьбах были тесно связаны с окружающей природой, сочетали декоративные качества с утилитарными (рыбные пруды, плодовые сады, покосные луга). С середины XVIII века по примеру столичных и усадебных садов провинции обогащаются элементами регулярной планировки, отражающей смену эстетических вкусов общества. Сложный стиль развитого русского барокко выделяет русские сады середины XVIII века и более позднего времени. Для них характерны сочетание пейзажного и регулярного парков с умелым использованием водных поверхностей и рельефа местности.

Характерной чертой русских усадебных садов конца XVIII — начала XIX века было то, что вблизи дома владельцы располагали цветник. Он связывал архитектуру дома с пейзажной частью парка. Такой цветник мог быть остатком регулярного парка.

В этот период русские сады сохраняли планировку, оставшуюся от регулярных парков, остальное добавляла природа. Именно старый разросшийся регулярный парк лег в основу стиля русских усадебных садов. «В них постоянно просматривается и регулярная планировка, и выходы за пределы регулярности, создаваемые самой природой, ее вечными силами», — отмечал академик Д. С. Лихачев в своей книге «Поэзия садов».

В середине XIX — начале XX века широко применялась имитация регулярного парка, для чего использовали тесную посадку лип в узких аллеях. Кстати сказать, это было исключительно русское изобретение. В Западной Европе ничего подобного не наблюдалось.

Аллеи перемежались лужайками и «зелеными гостиными», где устанавливалась парковая мебель.

До отмены крепостного права при наличии дарового труда во всяком поместье разбивался плодовый сад, служивший как для украшения, так и для потребностей владельца усадьбы. Причем в урожайные годы избыток фруктов продавался в ближайшие города. Такой сад разбивался на квадраты или прямоугольники, обрамленные аллеями. Внутри они засаживались плодовыми деревьями, а по краю — ягодными кустарниками. К ним непосредственно мог примыкать регулярный или пейзажный парк из различных местных деревьев и кустарников в сочетании с иноземными растениями. Как декоративные, так и многие плодовые деревья, невзирая на расходы, часто выписывались из-за границы. В этих садах имелись оранжереи, где выращивались апельсины, лимоны, персики, абрикосы, миндаль и даже ананасы, как, например, в усадьбе Салтыкова-Щедрина Спас-Угол. Из таких оранжерей и питомников окрестные жители могли получать привитые плодовые деревья.

С уничтожением крепостного права большинство владельцев отказалось от этой роскоши. Одновременно с сокращением помещичьего садоводства оно стало угасать и у крестьян. Но уже к концу 70-х годов начинается его подъем, а с 80-х — расцвет. Из любительского садоводства оно становится торгово-промышленным, приносящим большие доходы. О серьезности размеров участия отечественного пловодства в общем обороте народного хозяйства России говорят, в частности, данные о перевозках по железным дорогам за 1894—1897 годы. Отечественные плоды и ягоды, оказывается, составляли 80 процентов всех перевозимых плодов.

В ряде усадеб возникают и другие промыслы и подсобные производства по переработке сельскохозяйственной продукции. В такой деятельности еще до отмены крепостного права уже используется и труд свободных крестьян, освобожденных по закону «О свободных хлебопашцах» 1803 года.

Как это могло происходить в поместье рачительного хозяина, показал Гоголь на примере помещика Костанжогло из «Мертвых душ», который «в десять лет возвел свое имение до (того), что вместо 30 теперь получает двести тысяч». «...накопилось шерсти, сбыть некуда — я и начал ткать сукна, да и сукна толстые, простые, — по дешевой цене их тут же на рынках у меня и разбирают, — мужику надобные, моему мужику. Рыбью шелуху сбрасывали на мой берег в продолжении шести лет сряду промышленники, — ну, куда ее девать? Я начал из нее варить клей, да срок тысяч и взял... Этаких фабрик у меня, брат, наберется много. Всякий год другая фабрика, смотря по тому, от чего накопилось остатков и выбросков».

Такой поворот в жизни дворянских усадеб подготавливался исподволь.

Уже в 30—40-х годах наметился повышенный интерес к успехам агрономии и новым земледельческим орудиям. За это время возникло около двадцати различных сельскохозяйственных обществ, стало издаваться свыше десятка газет и журналов по отдельным отраслям сельского хозяйства. Так, новинки садоводства освещались в «Вестнике Императорского русского общества садоводства», журналах «Плодоводство», «Промышленное садоводство и огородничество», «Сад и огород» и др.

На сельскохозяйственных выставках начали появляться многочисленные образцы не только зарубежных, но и отечественных усовершенствованных сельскохозяйственных орудий, часто создаваемых самими крестьянами. Возникли первые заводы сельскохозяйственного машиностроения.

Даже люди, до сих пор далекие от сельского хозяйства, увлекаются этим занятием. Так, поэт, переводчик и театральный деятель П. А. Катенин, выслан-

ный в свое имение Шаёво Костромской губернии, хотя и отрицал свою склонность заниматься хозяйством, просил друга привезти из Одессы «семян хороших, огородных, т. е. капусты разной, тыкв и душистых трав; хочется на нашем севере, где ровно ничего не знали и где я уже кое-что развел, развестъ еще лучше»*.

Множество «усадебных» предприятий занимаются переработкой сельскохозяйственной продукции. Строятся в имениях мельницы и маслобойки, крупорушки и лесопилки. Они снабжают продуктами и товарами население не только близлежащих городов, но выходят и далеко за их пределы. И чем ближе XX век, тем интенсивнее строятся в дворянских усадьбах винокуренные, кожевенные заводы. Находится работа и для крестьян. Все большее число свободных рабочих рук могут использовать помещики в усадебном мелкопромышленном производстве.

В дворянских имениях одной лишь Пензенской губернии в эти годы насчитывалось 11 винокуренных заводов и 12 мукомольных мельниц. А иногда помещики сооружали у себя и несколько предприятий.

Например, в имении Буртасы Виельгорских-Келлер действовали мельницы, винокуренный завод и сыроварня. В усадьбе Чернышёво Уваровых успешно работали винокуренный, маслобойный, смолокуренный и кирпичный заводы, мельница и даже мастерская по изготовлению сельскохозяйственных орудий. А в усадьбе Поим помещик Д. М. Шереметев построил синильные, поташные, кожевенные и маслобойные предприятия, а также кирпичный завод.

Предприятия, приносящие огромные доходы, строились и в Рязанской губернии — в имениях Полторацкого — Залипяжье, Салтыкова — Федотьево, Кожина — Исадах.

В усадьбе Мишино занимались переработкой фруктов. Дело началось с садоводства, вскоре после реформы, а через 50 лет это имение В. И. Гагарина уже превратилось в крупного поставщика перерабо-

* Письма П. А. Катенина Н. И. Бахтину (СПб., 1911).

таных фруктов. Там производили не только сырье для кондитерских фабрик — патоку, яблочное пюре, грушевое тесто, карамельную начинку, но и готовую продукцию — пастилу, фруктовые консервы. Территория, где продавался товар, изготовленный в дворянской усадьбе, была огромна: вплоть до Москвы и Петербурга.

В других усадьбах использовались навыки крестьян, занятых кустарным производством, ткачеством, плетением. Так возникли небольшие производства, не связанные напрямую с сельским хозяйством. Например, в пригороде Москвы, в имении Знаменское-Садки, в конце XIX века супруга владельца княжна М. В. Щербатова организовала производство, «успешно работавшее — отличные домашние сукна, напоминавшие кавказские или английские материи»*.

Народные промыслы с годами стали ориентироваться не только на село, но и на город, на горожан. Так стало популярно кружевоплетение «по столичной моде» в усадьбе Вазёрки княгини Шаховской в Псковской губернии. В деревне, что примыкала к усадьбе Средниково, принадлежавшей Столыпинам, появляются мастерские, где велось обучение будущих столяров высочайшей квалификации — краснодеревщиков.

Ну а те помещики, что устояли после реформы и не порвали с сельским хозяйством, создали усадьбы с крепкой экономикой. Они добились успеха путем рационального ведения хозяйства на посевных площадях. На полях помещиков уже появились конные грабли и сеялки, жатки и молотилки, а также самые современные технические новшества.

Разбогатевшие на промышленном производстве, еще вчера бедные помещики-однодворцы, сегодня они быстро реагировали и на новшества в архитектуре. Так, из 46 усадебных построек, сохранившихся в Пензенской, Саратовской, Тамбовской губерниях к 1917 году, 20 были видоизменены на рубеже веков.

* *Шереметев П. С.* Крепостная суконная фабрика в селе Остафьеве 1768–1811. М., 1928.

Однако все эти нововведения «обновленных русских помещиков» в усадебной архитектуре «по существу никогда не теряли связи с классической усадьбой»*. Перестраивая свои усадебные дома или возводя новые, русские помещики конца XIX века проводили очистные сооружения, водопровод, электричество, телефон. Все эти нововведения особо поражали гостей Сергея Дмитриевича Шереметева, приезжавших к нему в усадьбу Михайловское, что под Москвой на Старокалужском шоссе.

Интересно, что вновь разбогатевшие в конце XIX века представители дворянского сословия перестраивали свои старые усадьбы так, чтобы и ввести новшества, и одновременно восстановить в памяти «обряды былого», «усадебное детство», связь с которыми была нарушена. Они не желали вычеркивать из памяти того уюта старинных зал, когда дом ломился от гостей. А потому в конце XIX века, в 90-е годы возникает ностальгическое возрождение классической усадьбы в самом прямом смысле. Примером тому — Талашкино Смоленской губернии. Усадьба эта была куплена у разорившейся помещицы Е. К. Святополк-Четвертинской представителем другого старинного рода В. Н. Тенишевым, разбогатевшим после 1861 года, сотрудничая с акционерным обществом Брянского машиностроительного завода. Они и воссоздали вместе с супругой М. К. Тенишевой образ жизни дворянской усадьбы золотого века.

Однако все эти перемены не привели к резкому изменению характера усадебной жизни. Удивительно, что уклад ее оставался прежним.

Обустривая свою жизнь в самих усадьбах, такие помещики заботились и о крестьянах, работавших в этих усадьбах, и о крестьянах окрестных деревень, строя школы, больницы, богадельни, учебные мастерские. Побуждал их к этому вовсе не избыток денег (нередко строительство велось на заемные средства), а скорее понимание своей миссии в обществе.

* *Каждан Т. П.* Неоклассицизм в русской архитектуре начала XX века. М., 1992.

«В идеале, — писал историк В. О. Ключевский, — помещик считался... естественным покровителем и хозяйственным опекуном своих крестьян, и его присутствие рассматривалось как благодеяние для них».

После отмены крепостного права значительно расширилась сфера предпринимательской деятельности дворянства и в далеких от сельского хозяйства областях: страховании, строительстве, промышленности, банковском деле. Средства для такой предпринимательской работы оно частично получало от выкупных операций, то есть от выкупа крестьянами у помещиков земельных наделов. Часть дворянства получала на это средства от залога как земли, так и усадеб, а также от сдачи земли в аренду. Не только крупные землевладельцы, которым в начале XX века принадлежало две тысячи крупных промышленных предприятий и которые занимали около 1200 должностей в правлениях и советах акционерных компаний, стали владельцами ценных бумаг и недвижимости. Значительная часть и средних землевладельцев пополняла ряды собственников небольших торгово-промышленных заведений. Многие приобрели профессии врачей, юристов, стали писателями, художниками, артистами. Все это привело к тому, что значительная часть поместного дворянства утратила связь с землей. Если в 1861 году помещики составляли 88 процентов всего дворянского сословия, то в 1905-м — всего около 40 процентов. Они постепенно вытеснились крестьянами и купцами. Более половины из них принадлежали к мелкопоместному дворянству, которое к 1915 году при проведении Столыпинской аграрной реформы практически исчезло.

На рубеже веков в России было примерно 100 тысяч поместий и около 500 тысяч помещиков. И несмотря на то что дворянство в Российской империи в разные годы составляло от одного до двух процентов населения, а среднее дворянство — половину от этой цифры, его влияние на все стороны жизни страны и все слои населения было велико. В XIX — начале XX века это становилось во все большей степени

влиянием в области культуры и искусства, хотя и в рачительности ведения хозяйства многие из усадеб были примером для окружающих.

Дворянские усадьбы — будь то знаменитые поместья в пригородах Петербурга и Москвы или множество рядовых мелкопоместных имений — образовали целый архипелаг. Каждый его островок имел свою неповторимую историю, свои внутренние, присущие только ему, особенности развития и существования. Это был единственный в своем роде «архипелаг культуры», состоящий из тысяч усадеб, уничтожение которого грозило гибелью и всему государству.

И многие из образованных дворян-помещиков могли повторить о своих поместьях слова известного географа, статистика и общественного деятеля П. П. Семенова-Тян-Шанского, сказанные им о его имении Урусово в Рязанской губернии: «Усадьба наша была культурным центром для целой местности»*.

Яркими очагами отточенной веками культуры становились не только богатые, но и среднего достатка поместья, в огромной степени уже оскудевшие, стоявшие на грани экономического разорения усадьбы.

Культура отечественной усадьбы — это не только взаимодействие различных видов искусства, художественной, литературной и общественной жизни, но и повседневного быта, основанного на традициях российского общества.

В усадьбах, подобных Абрамцеву писателя С. Т. Аксакова, не было места праздности, все создавалось для творческой работы. Таковыми были и верхневолжские имения (Тригорское, Малинники и Берново Вульфова, Курово-Покровское Панафидиных), связанные с именем Пушкина и запечатленные им как в «Евгении Онегине», так и в «Дубровском», «Барышне-крестьянке». Именно в подобном имении Почеве в двух верстах от города Тарусы его владельцем — П. М. Голубицким был изобретен первый в мире ми-

* Русские мемуары. Избранные страницы. 1826—1856 гг. М., 1990. С. 424.

крофон с угольным порошком (1881 год). Университетское образование и богатая инженерная практика помогли ему организовать на собственные средства первую в России мастерскую по изготовлению телефонных аппаратов, которая могла бы вырасти в завод, если бы не противодействие правительства, отдавшего предпочтение американской компании «Блек-Белл»*.

В дворянских усадьбах на рубеже XIX и XX веков сформировались и огромные библиотеки, которые были непременным атрибутом культуры. Примечательно, что для хранения книг помещик отводил не только свой рабочий кабинет. Шкафы с книгами нередко располагались в гостиной и непременно в детской. Порой библиотеки занимали отдельное здание, как, например, в усадьбе рода Бакуниных в Премухине. Известна была в России и библиотека помещика В. П. Гурко в усадьбе Сахарово. Правда, построили ее уже в начале XX века. В усадьбе Степановское в Тверской губернии князя Куракина удалось собрать десять тысяч книг. Кроме того, в библиотеке были выделены большой раздел иностранных книг и словарей, а также 150 томов уникальной французской энциклопедии Дидро и д'Аламбера.

Некоторые из обширных книжных собраний усадеб, несмотря на все перипетии истории России, хотя и в усеченном виде, сохранились и до наших дней. Такова библиотека И. С. Тургенева в Спасском-Лутовинове, насчитывающая еще и сейчас 4,5 тысячи книг, большая библиотека Л. Н. Толстого в Ясной Поляне и некоторые другие.

Кроме книг в дворянских усадьбах существовали и разнообразные архивные материалы. И со второй половины XIX столетия, а особенно к концу его, владельцы усадеб приступили к изучению этой интереснейшей информации. Родовые, семейные и личные архивы содержали не только документы по истории рода и самого поместья, но и по способам ведения хозяйства, об участии членов дворянских фамилий в

* Путешествие по России. М., 1975. С. 58.

государственной, дипломатической, военной, научной и творческой жизни державы. Обнаружено и эпистолярное наследие — письма и дневники, фотографии, а также рисунки, наброски художественных произведений. Необычен по своей значимости архив А. П. и Ф. Н. Глинок в усадьбе Кузнецово в Бежецком уезде. Многообразны материалы в усадьбе Глебовых-Стрешневых Раёк в Новоторжском районе. А вот в усадьбе Голубово под Псковом, принадлежавшей Вревским, были обнаружены письма Пушкина к Осиповой, письма Тургенева.

Большой интерес, особенно в последнее время, вызывает не только сама русская усадьба как памятник культуры, но и личность «живого помещика» — владельца такого имения, а также его повседневный быт. И здесь заслуживающими внимания источниками, разворачивающими широкую панораму жизни в провинциальной усадьбе, являются многие литературные произведения писателей XIX века, воочью наблюдавших и непосредственно участвовавших в этой жизни. Здесь «Евгений Онегин» А. С. Пушкина и «Записки охотника» И. С. Тургенева, «Обломов» И. А. Гончарова и «Мертвые души» Н. В. Гоголя, «Семейная хроника» С. Т. Аксакова и «Пошехонская старина» М. И. Салтыкова-Щедрина.

Все они отличаются «дагеротипной» точностью воспроизведения картин усадебной жизни и особым вниманием к «вещной, бытовой детали».

Важнейшими свидетельствами эпохи являются также различные записки, воспоминания, заметки людей, посещавших в свое время русские усадьбы, живших в них, запечатлевших эти «жемчужины отечественной культуры» в своих рассказах, рисунках, живописных полотнах и мемуарах. В этом отношении необыкновенно интересны страницы шереметевских путевых очерков под названием «Проселки». Сергей Дмитриевич, отправившись в путешествие (в 60-х годах XIX века) по Подмоскovie, посетил около дюжины усадеб, сохранивших «живую историю» в лицах.

Так, в частности, в усадьбе Муравьевых, в Осташове, ему стало известно предание, что в одном из хол-

мов на берегу Рузы была тайно зарыта «Конституция» декабриста Никиты Муравьева. А в усадьбе собственной бабушки В. П. Шереметевой, в Алмазовке, он узнал много любопытных подробностей о своем прадеде, фельдмаршале Борисе Петровиче, ревностном и энергичном сподвижнике Петра Великого в его военных походах.

Все это богатство как литературно-художественного, так и мемуарного наследия позволяет более полно представить каждодневную жизнь дворянских помещичьих усадеб.

По словам П. А. Катенина, «нет жизни, более исполненной трудов, как жизнь русского деревенского помещика среднего состояния»*. Но одними только трудами жизнь не исчерпывалась. В нее органично вплетались и бесконечные «гостевания», малые и большие праздники по поводу и без повода с обильными угощениями и безудержным весельем, зимние и летние забавы на свежем воздухе, осенние и весенние охоты разных видов, тихие посиделки в холодное время года.

Если в одних усадьбах гости проводили время без особого расписания, то в других день был четко расписан.

«Гостить у Олениных, особенно на даче (в Приютине), было привольно: для каждого отводилась особая комната, давалось все необходимое и затем объявляли: в 9 часов утра пьют чай, в 12 — завтрак, в 4 часа — обед, в 6 часов полудничают, в 9 — вечерний чай; для этого все гости сзывались ударом в колокол»**.

И если в одних усадьбах приемы гостей ограничивались «праздниками живота», то в других более всего ценили «игру ума», деловое и творческое общение. Вспоминаются такие подмосковные усадьбы, как Демьяново философа и социолога В. И. Танеева, где бывали композиторы П. И. Чайковский и С. И. Танеев, ученый К. А. Тимирязев, художник А. М. Васне-

* Письма П. А. Катенина Н. И. Бахтину. СПб., 1911.

** *Лаврентьева Е. В.* Русское застолье. М., 1999. С. 10.

цов; Боблово, где у Д. И. Менделеева собирались самые разные ученые: профессор химии М. И. Младенцев, изобретатель радио А. С. Попов, а также дружившие с ним художники Н. А. Ярошенко, А. И. Куинджи, И. И. Шишкин. Сюда же в 1887 году приезжал И. Е. Репин, чтобы наблюдать за полетом владельца усадьбы на воздушном шаре. Часто гостил у Менделеева его сосед поэт А. А. Блок, который там познакомился с дочерью Дмитрия Ивановича, впоследствии ставшей его женой.

Невдалеке от Боблова в своем имении Мышецкое жил герой Отечественной войны 1812 года поэт Денис Давыдов, много времени отдававший и литературной работе. К нему приезжали его друзья, которые любили гулять по окрестностям и охотиться в этих местах. Денис Давыдов, в свою очередь, был близким знакомым Л. Н. Энгельгардта, участника Русско-турецкой войны 1787—1791 годов, в то время хозяина усадьбы Мураново. Именно Давыдов познакомил Энгельгардта с Баратынским, ставшим впоследствии мужем старшей дочери хозяина, а затем и владельцем Муранова. Мураново в разные годы посещали поэт Ф. М. Тютчев, писатель Н. В. Гоголь. Частым гостем здесь был С. Т. Аксаков, любивший посидеть с удочкой на берегу славившегося судаками пруда.

Это лишь те усадьбы, что в наше время у всех на слуху. А сколько их кануло в Лету по всей России!

Жаль, что век русской дворянской усадьбы оказался недолгим. После Октября 1917 года в соответствии с Декретом о земле дворянство было лишено собственности на землю, а по декрету ЦИК и СНК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» — и своего сословного статуса. История русской усадьбы в ее прежнем, первоизданном виде закончилась.

И все же небольшая часть из них продолжала жить в ином, преображенном виде. Еще с конца XIX века владельцы некоторых замечательных историко-художественных ансамблей превращали их в частные музеи. Каждый из них имел свое, особое направление. Так, например, еще до революции был

хорошо известен Порецкий музей графа А. С. Уварова в усадьбе Поречье Московской губернии. Здесь демонстрировались древние рукописи и старопечатные книги. Или музей графа С. Д. Шереметева в усадьбе Михайловское, где были сосредоточены экспонаты всей московской флоры и фауны. При усадьбе даже создается ботанический сад для научных целей. Здесь же строится книгохранилище и организуется картинная галерея.

Именно благодаря дворянству на всем протяжении русской истории вплоть до 1917 года было создано, а главное, сохранено наибольшее число самых значительных культурных очагов нашей страны. В форме музеев они продолжают хранить наше наследие, приобщая к этой культуре все большее число людей. Ибо, как считал А. С. Пушкин, только «Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим».

«ДУШЕ ВСЕ ГРЕЗИТСЯ УСАДЬБА ДАЛЬНЯЯ»

В небогатой русской усадьбе обитало в основном мелкопоместное дворянство. То были люди скромного достатка и по большей части высокого достоинства и самобытной культуры. Что тотчас же и подкупало путника, впервые переступившего порог такого дома.

Уют и добросердечие, покой и целесообразный достаток. Все вокруг говорило, что вам здесь рады. Ведь судьба ниспослала хозяевам усадьбы эту неожиданную встречу. И первым знаком тому — приглашение к столу и к последующей беседе.

Тихое, непоказное радушие можно было увидеть в участливо-сердечном взгляде многочисленной прислуги — дворни и лакеев. Они встречали гостей на ступеньках лестницы. А в конюшне сновали конюхи, норовисто постукивали копытом выездные лошади. Экипажный сарай должен был потесниться для гостя — старинного угловатого дормеза для дальних переездов.

«Сквозь растворенное окно»

Находясь здесь, в этих уютных комнатах небольшого, но предельно достойного господского дома, наверное, можно было поверить в таинственные рас-

сказы об оживающих портретах. О сошедших из плоских, тугих полотен, оправленных в тонкие, старинные рамы, живописных фигур почтенных прадедов... В темноте и тесноте ночи топорщился крахмальный белый бант над черным с еле заметной синевой костюмом одного из них — основателя рода. Лицо его, тогда совсем еще молодое. Лукавый задор во взгляде. Прекрасно прописанные длинные тонкие пальцы прадеда аккуратно придерживают темно-коричневую трубку, над которой вьется легкий, еле заметный сизоватый дымок от трубочного табака.

На холстах и рамах, еле заметных в темноте ночи, отблеск каминного огня.

«...Комнаты домика, в котором жили наши старички, были маленькие, низенькие, какие обыкновенно встречаются у старосветских людей. В каждой комнате была огромная печь, занимавшая почти третью часть ее. Комнатки эти были ужасно теплы, потому что и Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна очень любили теплоту. Топки их были все проведены в сени, всегда почти до самого потолка наполненные соломою, которую обыкновенно употребляют в Малороссии вместо дров. Треск этой горящей соломы и освещение делают сени чрезвычайно приятными в зимний вечер, когда пылкая молодежь, прозябнувши от преследования за какой-нибудь смуглянкой, вбегает в них, похлопывая в ладоши. Стены комнаты убраны были несколькими картинами и картинками в старинных узеньких рамах. Я уверен, что сами хозяйка давно позабыли их содержание, и если бы некоторые из них были унесены, то они бы, верно, этого не заметили. Два портрета было больших, писанных масляными красками. Один представлял какого-то архиерея, другой Петра III. Из узеньких рам глядела герцогиня Лавальер, запачканная мухами. Вокруг окон и над дверями находилось множество небольших картинок, которые как-то привыкаешь почитать за пятна на стене и потому их вовсе не рассматриваешь. Пол почти во всех комнатах был глиняный, но так чисто вымазанный и содержавшийся с такою опрятностью, с какою, верно, не содержится ни один

паркет в богатом доме, лениво подметаемый невыспавшимся господином в ливрее.

Комната Пульхерии Ивановны была вся уставлена сундуками, ящиками, ящичками и сундучочками. Множество узелков и мешков с семенами, цветочными, огородными, арбузными, висело по стенам. Множество клубков с разноцветною шерстью, лоскутков старинных платьев, шитых за полстолетие, были уложены по углам в сундучках и между сундучками. Пульхерия Ивановна была большая хозяйка и собирала всё, хотя иногда сама не знала, на что оно потом употребится.

Но самое замечательное в доме — были поющие двери. Как только наставало утро, пение дверей раздавалось по всему дому. Я не могу сказать, отчего они пели: перержавевшие ли петли были тому виною, или сам механик, делавший их, скрыл в них какой-нибудь секрет, — но замечательно то, что каждая дверь имела свой особенный голос: дверь, ведущая в спальню, пела самым тоненьким дискантом; дверь в столовую хрипела басом; но та, которая была в сенях, издавала какой-то странный дребезжащий и вместе стонущий звук, так что, вслушиваясь в него, очень ясно, наконец, слышалось: “батюшки, я зябну!” Я знаю, что очень многим не нравится этот звук; но я его очень люблю, и если мне случится иногда здесь услышать скрип дверей, тогда мне вдруг так и запахнет деревнею, низенькой комнаткой, озаренной свечкой в старинном подсвечнике, ужином, уже поставленным на столе, майскою темною ночью, глядящею из сада, сквозь растворенное окно, на стол, уставленный приборами, соловьем, обдающим сад, дом и дальнюю реку своими раскатами, страхом и шорохом ветвей... и, Боже, какая длинная навеивается мне тогда вереница воспоминаний!

Стулья в комнате были деревянные, массивные, какими обыкновенно отличается старина; они были все с высокими выточенными спинками, в натуральном виде, без всякого лака и краски; они не были даже обиты материею и были несколько похожи на те стулья, на которые и доньше садятся архиереи. Трех-

угольные столики по углам, четырехугольные перед диваном и зеркалом в тоненьких золотых рамах, выточенных листьями, которых мухи усеяли черными точками, ковер перед диваном с птицами, похожими на цветы, и цветами, похожими на птиц, — вот всё почти убранство невзыскательного домика, где жили мои старики.

Девичья была набита молодыми и немолодыми девушками в полосатых исподницах, которым иногда Пульхерия Ивановна давала шить какие-нибудь безделушки и заставляла чистить ягоды, но которые большею частью бегали на кухню и спали. Пульхерия Ивановна почитала необходимостью держать их в доме и строго смотрела за их нравственностью. Но, к чрезвычайному ее удивлению, не проходило нескольких месяцев, чтобы у которой-нибудь из ее девушек стан не делался гораздо полнее обыкновенного; тем более это казалось удивительно, что в доме почти никого не было из холостых людей, выключая разве только комнатного мальчику, который ходил в сером полуфраке, с босыми ногами, и если не ел, то уж, верно, спал. Пульхерия Ивановна обыкновенно бранила виновную и наказывала строго, чтобы вперед этого не было.

На стеклах окон звенело страшное множество мух, которых всех покрывал толстый бас шмеля, иногда сопровождаемый пронзительными визжаниями ос; но как только подавали свечи, вся эта ватага отправлялась на ночлег и покрывала черною тучею весь потолок» (*Югаль Н. В.* Старосветские помещики).

*«Смею ли просить, государь мой,
об одолжении?»*

Двор господской усадьбы... Каким он был у помещика? Чем отличался от других?

«...Прекрасный человек Иван Иванович! Какой у него дом в Миргороде! Вокруг него со всех сторон навес на дубовых столбах, под навесом везде скамейки. Иван Иванович, когда делается слишком жарко, ски-

нет с себя и бекешу, и исподнее, сам останется в одной рубашке и отдыхает под навесом, и глядит, что делается во дворе и на улице. Какие у него яблони и груши под самыми окнами! Отворите только окно — так ветви и врываются в комнату. Это все перед домом; а посмотрели бы, что у него в саду! Чего там нет! Сливы, вишни, черешни, огорожина всякая, подсолнечники, огурцы, дыни, стручья, даже гумно и кузница.

Прекрасный человек Иван Иванович! Он очень любит дыни. Это его любимое кушанье. Как только отобедает и выйдет в одной рубашке под навес, сейчас приказывает Гапке принести ему две дыни...

Покойный судья миргородский всегда любовался, глядя на дом Ивана Ивановича. Да, домишко очень недурен. Мне нравится, что к нему со всех сторон пристроены сени и сенички, так что если взглянуть на него издали, то видны одни только крыши, посаженные одна на другую, что весьма походит на тарелку, наполненную блинами, а еще лучше на губки, нарастающие на дереве. Впрочем, крыши все покрыты очеретом*; ива, дуб и две яблони облокотились на них своими раскидистыми ветвями. Промеж деревьев мелькают и выбегают даже на улицу небольшие окошки с резными выбеленными ставнями.

...Очень хороший также человек Иван Никифорович. Его двор возле двора Ивана Ивановича. Они такие между собою приятели, каких свет не производил. Антон Прокофьевич Пупопуз, который до сих пор еще ходит в коричневом сюртуке с голубыми рукавами и обедает по воскресным дням у судьи, обыкновенно говорил, что Ивана Никифоровича и Ивана Ивановича сам черт связал веревочкой. Куда один, туда и другой плетется.

...Иван Иванович несколько боязливого характера. У Ивана Никифоровича, напротив того, шаровары в таких широких складках, что если бы раздуть их, то в них можно бы поместить весь двор с амбарами и строением. У Ивана Ивановича большие выразительные глаза табачного цвета и рот несколько по-

* Очерет — камыш, тростник.

хож на букву *ижшу*; у Ивана Никифоровича глаза маленькие, желтоватые, совершенно пропадающие между густых бровей и пухлых щек, и нос в виде спелой сливы. Иван Иванович если попотчует вас табаком, то всегда наперед лизнет языком крышку табакерки, потом щелкнет по ней пальцем и, поднеся, скажет, если вы с ним знакомы: “Смею ли просить, государь мой, об одолжении?”; если же незнакомы, то: “Смею ли просить, государь мой, не имея чести знать чина, имени и отчества, об одолжении?” Иван же Никифорович дает вам прямо в руки рожок свой и прибавит только: “Одолжайтесь”» (*Гоголь Н. В. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем*).

«Я перед вами в натуре»

«Двор Ивана Никифоровича хотя был возле двора Ивана Ивановича и можно было перелезть из одного в другой через плетень, однако ж Иван Иванович пошел улицею. С этой улицы нужно было перейти в переулок, который был так узок, что если случалось встретиться в нем двум повозкам в одну лошадь, то они уже не могли разъехаться и оставались в таком положении до тех пор, покамест, схвативши за задние колеса, не вытаскивали их каждую в противную сторону на улицу. Пешеход же убирался, как цветами, репейниками, росшими с обеих сторон возле забора. На этот переулок выходили с одной стороны сарай Ивана Ивановича, с другой амбар, ворота и голубятня Ивана Никифоровича.

Иван Иванович подошел к воротам, загремел щеколдой: изнутри поднялся собачий лай; но разношерстная стая скоро побежала, помахивая хвостами, назад, увидевши, что это было знакомое лицо. Иван Иванович перешел двор, на котором пестрели индейские голуби, кормимые собственноручно Иваном Никифоровичем, корки арбузов и дынь, местами зелень, местами изломанное колесо, или обруч из бочки, или валявшийся мальчишка в запачканной

рубашке, — картина, которую любят живописцы! Тень от развешанных платьев покрывала почти весь двор и сообщала ему некоторую прохладу. Баба встретила его поклоном и, зазевавшись, стала на одном месте. Перед домом охорашивалось крылечко с навесом на двух дубовых столбах — надежная защита от солнца, которое в это время в Малороссии не любит шутить и обливает пешехода с ног до головы жарким потом. Из этого можно было видеть, как сильно было желание у Ивана Ивановича приобрести необходимую вещь, когда он решился выйти в такую пору, изменив даже своему всегдашнему обыкновению прогуливаться только вечером.

Комната, в которую вступил Иван Иванович, была совершенно темна, потому что ставни были закрыты, и солнечный луч, проходя в дыру, сделанную в ставне, принял радужный цвет и, ударяясь в противоположную стену, рисовал на ней пестрый ландшафт из очеретяных крыш, деревьев и развешанного на дворе платья, все только в обращенном виде. От этого всей комнате сообщался какой-то чудный полусвет.

— Помоги Бог! — сказал Иван Иванович.

— А, здравствуйте, Иван Иванович! — отвечал голос из угла комнаты. Тогда только Иван Иванович заметил Ивана Никифоровича, лежащего на разостланном на полу ковре. — Извините, что я перед вами в натуре.

Иван Никифорович лежал безо всего, даже без рубашки» (*Гоголь Н. В. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем*).

Этот несуществующий уже тип старого барина...

Более тридцати лет прошло после Великой реформы, но по-прежнему оставались на слуху те прежние выражения, обороты речи, присказки и церемонно-величественный тон приветствий при встречах. Особое внимание тогда, в конце XIX столетия, привлекали, конечно, сами люди той давней поры. Эда-

кие редующие островки совершенно иного мироощущения.

Так чем же они отличались от последующих поколений? Такой барин умел всегда прекрасно держаться, при любых жизненных ситуациях. Он был доброжелателен, стеснителен и добр.

Молодость таких людей пришлось на дореформенную пору. За эти десятилетия минуло множество событий, изменивших не только мир, но и самих людей, причем далеко не в лучшую сторону. А вот эта небольшая когорта, бережно и мудро выпестованная своими отцами и дедами, познавшими дымы Бородина и радость взятия Парижа, как-то легко и исподволь смогла донести и собственным детям этот «лучезарный восторг бытия».

«Дедушке, насколько я помню его, было уже за 60 лет, но как он был еще бодр и свеж тогда! Точно вижу его, неизменно веселого, игривого, смеющегося и готового шутить: он был высок ростом, плотный и прекрасно сложенный, и не имел ничего старческого во всей своей красивой особе; одет солидно, но почти щеголевато. Глядя на его прекрасное, открытое лицо, обрамленное серебристо-белыми волосами, — невольно залюбуешься на этот несуществующий уже тип старого барина.

Дедушку нельзя было назвать крепостником; он никого не теснил, не угнетал и не мучил; никто не страдал под его кровом; и он, помещик, среди барской своей обстановки, окруженный сонмом крепостных Лёвок, Фомок, Васек, бывало, и сам смеется и хочет, чтобы все кругом его смеялись: и старик Лёвка, и казачок Васька.

Только во время грозы не смеялся дедушка; унылый, подавленный тоскою, он не находил себе места в целом доме и был как-то по-детски беспомощен и жалок. Его уже не забавляли шутки, не тешили потехи и общество тяготило; но и в подобные минуты душевное настроение его не проявлялось наружу нервным раздражением, капризами или старческим брюзжанием: он только уединялся в свою комнату, где его слышали хохочущим взад и вперед тяжелыми

шагами; по временам он испускал тяжелые вздохи и громко молился. Но проходила гроза, и дедушка стряхивал с себя уныние и слабость и с первыми лучами солнца выходил из своей комнаты розовый, улыбающийся, здоровый, с шуткой на устах.

Весь дом деда был полон проживавшими тут бесприютными, бессемейными, обездоленными, праздными и ищущими дела или насущного хлеба. Всех их помещал у себя дедушка, кормил, поил и одевал их, дразнил и жаловал; он умел давать и творить добро, и его кусок хлеба не был горек, его благодеяния не тягостны. Все эти проживавшие у него: старушки, сиротки, голодные и беззащитные, сошлись под его кровом, потому что нужда, горе или неумение трудиться загнали их к его теплому очагу; их приняли без расспросов, накормили, напоили, одели, обули и поместили в теплый угол, на бессрочное жительство — и они сразу почувствовали себя здесь под крылышком или, как говорится, у Христа за пазухой.

Хорошо жилось им у дедушки, да и ему было любо среди всей этой братии, сошедшейся здесь с разных концов света и увеселявшей его своими разнообразными беседами. А сколько безродных старушек похоронил дедушка на свой счет, скольких сирот прирел и воспитал и пристроил, сколько дворянчиков определил к месту, всегда продолжая и впоследствии принимать их у себя в доме наравне с другими гостями и домочадцами, никогда не давая им чувствовать своих милостей и не переставая поддерживать их. За все это можно было повеселиться его веселием и порадоваться его потехе, извиняя и шутки его.

Вот образчик дедушкиных потех: в числе проживавших у него пансионеров из роду бедных дворян была, между прочим, одна заштатная повивальная бабушка. Однажды вечером она, ранее обыкновенного, ушла к себе в комнату, где она, поглядывая в окно, тревожно прислушивалась к малейшему шороху в ожидании посланца от одной соседки-помещицы, заранее пригласившей ее для своих родов. По соображению бабушки, роды предстояли труд-

ные. Дедушка, по обыкновению, был посвящен и в эти тревоги и задумал сыграть шутку для общего увеселения. Вечер был зимний, нескончаемый, гостей новых не прибыло, а свои понаскучить успели; а на дворе завывала вьюга, зги не видать было. Вдруг докладывают, что приехали за бабушкой-повитухой от родильницы. Старушка бережно сложила свой чулок, за вязанием которого ее застали, помолилась перед иконами и даже положила несколько земных поклонов; не спеша оделась, укуталась и вышла на подъезд садиться в сани. Не заметила она за вьюгой, слепившей ей глаза, что и сани, и люди, и лошади были дедушкины; крестясь и охая уселась, уткнула нос в ветхий салопишко и поехала, шепча молитву о благополучном исходе благого дела.

Не заметила она, как ее трижды обвезли вокруг дома и лихо подкатили к парадному, ярко освещенному подъезду, на котором ее встретил и сам помог ей выбраться из саней сияющий удовольствием дедушка, окруженный многочисленной прислугой, с фонарями и со свечами в руках, между тем как один из музыкантов наигрывал на скрипке известный в то время марш: “Ты возвратился благодатный, наш кроткий Ангел, друг сердец”, сочиненный в честь государя Александра I. Потеха кончилась тем, что и бабушка засмеялась, пригрозив дедушке пальцем, и обозвала его старым греховодником.

Впрочем, не одни бедные и бесприютные ютились около богатого и хлебосольного барина: дед был умен и чрезвычайно любил общество разумных людей. Сам того не замечая, он был истинным меценатом своего времени, чутьем отыскивая талантливых людей и давая им возможность выбиться на свет из мрака невежества и неизвестности. Он ценил поэзию и литературу, искусства и художества, сочувственно тепло относился к талантам, дорожа ими в своих гостях выше чинов и титулов. Много перебивало у него в доме писателей, музыкантов, поэтов, художников; все они подолгу гостили у дедушки, пользуясь его милым обществом и широким гостеприимством.

В числе многих выдающихся личностей, отдохавших от суеты мирской в доме моего деда, был известный малороссийский писатель Котляревский, сроднившийся не только с самим гостеприимным хозяином, но и со всем его штатом. Здесь написал он свою “Наталку-Полтавку”, как художник создавая все действующие лица по образцам окружавших его. Вся оперетта взята прямо с натуры; все лица, действующие в ней, — художественные портреты дедушкиной дворни и его домочадцев. Но ничто так не тешило дедушку, как по вечерам чтение самим Котляревским известной поэмы Энеиды, на малороссийском языке, написанной им здесь.

Так проводил время в своем родовом поместье Шадеев дед мой, выйдя в отставку после долговременной и полезной службы отечеству. Кроме приятных бесед и чтения, устраивались зимою и музыкальные вечера, очень часто оканчивавшиеся танцами, в которых принимали участие все, не исключая и самого хозяина; составлялись хоры, иногда разыгрывались драматические произведения на подмостках домашнего театра труппой доморощенных актеров; а в заключение — ужин, по обилию блюд не уступающий обеду, с возлиянием наливок, запеканок и всевозможных спотыкачей» (*Мельникова А. Воспоминания о давно минувшем и недавно былом. Из записной книжки 1893—1896. Полтава; М., 1898*)*.

*«Смеется звонко, позвякивает шпорами,
крутит усы»*

Однако помимо упомянутых господ — умных, приятных в общении и добрых в деле, существовали и самые ординарные персоны, достаточно бесцветные в своей собственной жизни. При этом одни из них, живя незатейливой жизнью, старались как-то украсить ее. К примеру, принимали частенько гос-

* Здесь и далее орфография и стиль автора полностью сохранены. (*Прим. авт.*)

тей. Но даже и при великом радушии и прекрасном угощении мало что могли предложить им, кроме карточных игр да рассказанных историй из давних времен, когда они были слишком молоды и слишком ветрены, в чем теперь уже можно было сомневаться.

Другие же при своей бесцветности отличались еще и скупостью. Дома у себя старались никого не принимать. В округе, среди помещиков и крестьян слыли скрягами и не вызывали никакого к себе уважения. Но если же оказывались по необходимости на людях, требовали к собственной персоне повышенных знаков внимания. Доходило и до курьезов: так, находясь в общественных местах, громко и неплохо поставленным голосом провозглашали (причем совершенно незнакомым людям) свои чины и звания.

Хозяйство этих помещиков, хотя и велось не лучшим образом, все-таки давало какой-то доход, но о нововведениях не было и речи. Не хватало ни ума, ни размаха, ни культуры.

Сравнительно много в России было помещиков мятущихся, хватающихся за новые идеи землепользования. Однако каждодневного упорства им явно недоставало: все пускалось на самотек. Если в предреформенные годы и существовало немало добротных, хорошо организованных помещичьих хозяйств средней руки, то уже к концу XIX столетия большинство усадеб влачило жалкое существование. Но, что удивительно, бесшабашность ведения дел, подводящая к однодворству, а затем и к бедности помещика, совсем не уменьшала его амбиций. И быстро разрушающаяся барская экономия не меняла его отношение к жизни. Он по-прежнему оставался ершистым, щеголеватым и высокомерно-задиристым.

«...Сперва опишу вам отставного генерал-майора Вячеслава Илларионовича Хвалынского. Представьте себе человека высокого и когда-то стройного, теперь же несколько обрюзглого, но вовсе не дряхлого, даже не устарелого, человека в зрелом возрасте, в самой, как говорится, поре. Правда, некогда правильные и теперь еще приятные черты лица его немало изменились, щеки повисли, частые морщины

лучеобразно расположились около глаз, иных зубов уже нет, как сказал Саади, по уверению Пушкина; русые волосы, по крайней мере все те, которые остались в целости, превратились в лиловые благодаря составу, купленному на Роменской конной ярмарке у жида, выдававшего себя за армянина; но Вячеслав Илларионович выступает бойко, смеется звонко, позвякивает шпорами, крутит усы, наконец называет себя старым кавалеристом, между тем как известно, что настоящие старики сами никогда не называют себя стариками. Носит он обыкновенно сюртук, застегнутый доверху, высокий галстук с накрахмаленными воротничками и панталоны серые с искрой, военного покроя; шляпу же надевает прямо на лоб, оставляя весь затылок наружи. Человек он очень добрый, но с понятиями и привычками довольно странными. Например: он никак не может обращаться с дворянами небогатыми или нечиновными, как с равными себе людьми. Разговаривая с ними, он обыкновенно глядит на них сбоку, сильно опираясь щекою в твердый и белый воротник, или вдруг возьмет да озарит их ясным и неподвижным взором, помолчит и двинет всею кожей под волосами на голове; даже слова иначе произносит и не говорит, например: “Благодарю, Павел Васильич”, или: “Пожалуйте сюда, Михайло Иваныч”, а: “Боллдарю, Палл Асилич”, или: “Па-ажалте сюда, Михал Ваныч”. С людьми же, стоящими на низших ступенях общества, он обходится еще страннее: вовсе на них не глядит, и прежде чем объяснит им свое желание, или отдаст приказ, несколько раз кряду, с озабоченным и мечтательным видом, повторит: “Как тебя зовут?.. как тебя зовут?”, ударяя необыкновенно резко на первом слове “как”, а остальные произнося очень быстро, что придает всей поговорке довольно близкое сходство с криком самца-перепела. Хлопотун он и жила страшный, а хозяин плохой: взял к себе в управители отставного вахмистра, малоросса, необыкновенно глупого человека... В карты играть он любит, но только с людьми звания низшего; они-то ему: «Ваше превосходительство», а он-то их пушит и

распекает, сколько душе его угодно. Когда ж ему случится играть с губернатором или с каким-нибудь чиновным лицом — удивительная происходит в нем перемена: и улыбается-то он, и головой кивает, и в глаза-то им глядит — медом так от него и несет... Даже проигрывает и не жалуется. Читает Вячеслав Илларионыч мало, при чтении беспрестанно поводит усами и бровями, сперва усами, потом бровями, словно волну снизу вверх по лицу пускает... На выборах играет он роль довольно значительную, но от почетного звания предводителя по скупости отказывается. “Господа, — говорит он обыкновенно приступающим к нему дворянам, и говорит голосом, исполненным покровительства и самостоятельности, — много благодарен за честь; но я решил посвятить свой досуг уединению”. И, сказавши эти слова, поведет головой несколько раз направо и налево, а потом с достоинством наляжет подбородком и щеками на галстух,.. и сам генерал Хвалынский о своем служебном поприще не любит говорить, что вообще довольно странно; на войне он тоже, кажется, не бывал. Живет генерал Хвалынский в небольшом домике, один; супружеского счастья он в своей жизни не испытал; и потому до сих пор еще считается женихом, и даже выгодным женихом... На разъездах, переправах и в других тому подобных местах люди Вячеслава Илларионыча не шумят и не кричат; напротив, раздвигая народ или вызывая карету, говорят приятным горловым баритоном: “Позвольте, позвольте, дайте генералу Хвалынскому пройти”, или: “Генерала Хвалынского экипаж...” Экипаж, правда, у Хвалынского формы довольно странной; на лакеях ливрея довольно потертая (о том, что она серая с красными выпушками, кажется, едва ли нужно упоминать); лошади тоже довольно пожилы и послужили на своем веку; но на щегольство Вячеслав Илларионыч притязаний не имеет и не считает даже званию своему приличным пускать пыль в глаза... Дома он у себя никого не принимает и живет, как слышно, скрягой...» (Тургенев И. С. Два помещика).

Да, претенциозность и бессмысленное скряжничество «хвалынских» совсем не украшало отечественных помещиков, но таких в русской глубинке было немного. Точнее, ничтожное меньшинство. Да и помещичье братство их не жаловало и, по возможности, сторонилось. Другие жили легко, как говорится, особо не задумываясь, жизнь плавно и неторопливо текла по накатанному руслу.

Быт, обстановку эти люди унаследовали от века предыдущего. И если в свое время их прадеды и построили усадебный дом, он и поныне продолжал служить им верой и правдой.

Помещики этой породы были нетребовательны в одежде, но знали толк в еде — славились необыкновенным хлебосольством.

Причем отказ от застолья был почти равносильным вызову на дуэль.

Впрочем, охота и карточная игра тоже не ограничивались никакими рамками.

«...Мардарий Аполлоныч Стегунов ни в чем не походил на Хвалынского; он едва ли где-нибудь служил и никогда красавцем не почитался. Мардарий Аполлоныч старичок низенький, пухленький, лысый, с двойным подбородком, мягкими ручками и порядочным брюшком. Он большой хлебосол и балагур; живет, как говорится, в свое удовольствие; зиму и лето ходит в полосатом шлафроке на вате. В одном он только сошелся с генералом Хвалынским: он тоже холостяк. У него пятьсот душ. Мардарий Аполлоныч занимается своим именем довольно поверхностно; купил, чтобы не отстать от века, лет десять тому назад, у Бутенопа в Москве молотильную машину, запер ее в сарай, да и успокоился. Разве в хороший летний день велит заложить беговые дрожки и съездить в поле на хлеба посмотреть да васильков нарвать. Живет Мардарий Аполлоныч совершенно на старый лад. И дом у него старинной постройки: в передней, как следует, пахнет квасом, сальными свечами и кожей; тут же направо буфет с трубками и

утиральниками; в столовой семейные портреты, мухи, большой горшок ерани и кислые фортотьяны; в гостиной три дивана, три стола, два зеркала и сиплые часы, с почерневшей эмалью и бронзовыми, резными стрелками; в кабинете стол с бумагами, ширмы синеватого цвета с наклеенными картинками, вырезанными из разных сочинений прошедшего столетия (то есть XVIII века. — С. О.), шкапы с воючими книгами, пауками и черной пылью, пухлое кресло, итальянское окно, да наглухо заколоченная дверь в сад... Словом, все, как водится... Хозяйством у него заведывает бурмистр из мужиков, с бородой во весь тулуп, домом — старуха, повязанная коричневым платком, сморщенная и скупая. На конюшне у Мардария Аполлоныча стоит тридцать разнокалиберных лошадей; выезжает он в домоделанной коляске в полтора пуда. Гостей принимает он очень радушно и угощает на славу, то есть: благодаря одуряющим свойствам русской кухни, лишает их вплоть до самого вечера всякой возможности заняться чем-нибудь, кроме преферанса. Сам же никогда ничем не занимается и даже “Сонник” перестал читать. Но таких помещиков у нас на Руси еще довольно много...

Приехал я к нему летом, часов в семь вечера. У него только что отошла всенощная, и священник, молодой человек, по-видимому, весьма робкий и недавно вышедший из семинарии, сидел в гостиной возле двери, на самом краюшке стула. Мардарий Аполлоныч, по обыкновению, чрезвычайно ласково меня принял: он непритворно радовался каждому гостю, да и человек он был вообще предобрый. Священник встал и взялся за шляпу.

— Погоди, погоди, батюшка, — заговорил Мардарий Аполлоныч, не выпуская моей руки, — не уходи... Я велел тебе водки принести.

— Я не пью-с, — с замешательством пробормотал священник и покраснел до ушей.

— Что за пустяки! Как в вашем званье не пить! — отвечал Мардарий Аполлоныч: — Мишка! Юшка! водки батюшке!

Юшка, высокий и худощавый старик лет восьмидесяти, вошел с рюмкой водки на темном крашеном подносе, испещренном пятнами телесного цвета.

Священник начал отказываться.

— Пей, батюшка, не ломайся, нехорошо, — заметил помещик с укоризной...» (*Тургенев И. С. Два помещика*).

«Словно ястреб на пашне»

Нередко охотничий азарт оказывался столь силен, что властно подавлял все черты характера, столь необходимые именно помещику на сельских работах. А ведь пращуров небогатых дворян, и коренные русаки, и крещеные татары, происходили, как правило, из военной среды. Так что боевые походы русской армии были для них более привычны, чем тягостное сидение на отведенных(либо купленных их предками) землях. Так вышло, что кочевая армейская жизнь для определенного числа русских дворян оставалась по-прежнему притягательной.

А вот каждодневные, однообразные подчас хлопоты по усадьбе, регулярное ведение расходов и поддержание сельских угодий в достойном виде было для них тягостной обязанностью и даже сущей пыткой.

И потому единственной отдушиной для этих людей конечно же была охота. Правда, уже не та, что век или два тому назад, состоявшая когда-то в отчаянной, безумно-опьяняющей гоньбе, оглашенная звуками охотничьих рогов и труб, украшенная пестротой охотничьих одежд, узорных конских сбруй, сёдел и чепраков.

В эти предреформенные годы редко кто из русских помещиков пускался за зверем по воле азарта, поскольку, как говорится, «пооскудели торока́», но боевая, потомственная прыть давала о себе знать по-прежнему.

Ну а сама подготовка к охоте — это ли не восторг? До дрожи в голосе и сбивчивом, учащенном дыхании... Еще и увлекательные ружейные хлопоты. Просмотр и подгонка упряжи. Выбор седел и стремян.

И неудивительно, что этому зову — наследственному, издревле рыцарскому, русское дворянство отдавалось полностью. Азарт погони грел душу. Веселил сердце. И давал пищу уму.

Ну а хозяйство, усадебные дела? Они по-прежнему оставались за пределами интересов немалого числа помещиков. А потому дворянство и катастрофически быстро беднело. Даже и те малые суммы, которые они выручали на продаже зерна, порой пускались на лошадей, собак и ружья. И конечно же на отменную охотничью одежду и экипировку собственных доезжачих, егерей и казачков. Играли, что называется, ва-банк. Часто вопреки здравому смыслу.

А усадьбы тем временем хирели, запускались на глазах. И слишком короткая эра (менее двух столетий) помещичьего землепользования подходила к концу, так и не успев по-настоящему развернуться и стабильно приносить ежегодные миллиардные доходы в русскую имперскую казну от отечественного аграрного экспорта.

«Несколько дней спустя после первой моей встречи с обоими приятелями отправился я в сельцо Бессоново к Пантелею Еремеичу. Издали виднелся небольшой его домик; он торчал на голом месте, в полуверсте от деревни, как говорится, “на-юру́”, словно ястреб на пашне. Вся усадьба Чертопханова состояла из четырех ветхих срубов разной величины, а именно: из флигеля, конюшни, сарая и бани. Каждый сруб сидел отдельно, сам по себе: ни забора кругом, ни ворот не замечалось. Кучер мой остановился в недоумении у полусгнившего и засоренного колодца. Возле сарая несколько худых и взъерошенных борзых щенков терзали дохлую лошадь, вероятно, Орбассана; один из них поднял было окровавленную морду, полаял торопливо и снова принялся глотать обнаженные ребра. Подле лошади стоял малый лет семнадцати, с пухлым и желтым лицом, одетый казачком и босоногий; он с важностью посматривал на собак, порученных его надзору, и изредка постегивал арапником самых алчных.

— Дома барин? — спросил я.

— А Господь его знает! — отвечал малый. — Постучитесь.

Я соскочил с дрожек и подошел к крыльцу флигеля.

Жилище господина Чертопханова являло вид весьма печальный: бревна почернели и высунулись вперед “брюхом”, труба обвалилась, углы подопрели и покачнулись, небольшие тускло-сизые окошечки невыразимо кисло поглядывали из-под косматой, нахлобученной крыши: у иных старух-потаскушек бывают такие глаза. Я постучал; никто не откликнулся. Однако мне за дверью слышались резко произносимые слова:

— Аз, буки, веди; да ну же, дурак, — говорил сиплый голос: — аз, буки, веди, глаголь... да нет! глаголь, добро, есть! есть!.. Ну же, дурак!

Я постучался в другой раз.

Тот же голос закричал:

— Войди, — кто там...

Я вошел в пустую маленькую переднюю и сквозь растворенную дверь увидел самого Чертопханова. В засаленном бухарском халате, широких шароварах и красной ермолке сидел он на стуле, одной рукой стискивал он молодому пуделю морду, а в другой держал кусок хлеба над самым его носом.

...Я посмотрел кругом. В комнате, кроме раздвижного покоробленного стола на тринадцати ножках неровной длины да четырех продавленных соломенных стульев, не было никакой мебели; давным-давно выбеленные стены, с синими пятнами в виде звезд, во многих местах облупились; между окнами висело разбитое и тусклое зеркальце в огромной раме под красное дерево. По углам стояли чубуки да ружья; с потолка спускались толстые и черные нити паутины.

...Мы пустились толковать об охоте.

— Хотите, я вам покажу свою свору? — спросил меня Чертопханов и, не дождавшись ответа, позвал Карпа.

Вошел дюжий парень в нанковом кафтане зеленого цвета с голубым воротником и ливрейными пуговицами.

— Прикажи Фомке, — отрывисто проговорил Чертопханов: — привести Амалата и Сайгу, да в порядке, понимаешь?

Карп улыбнулся во весь рот, издал неопределенный звук и вышел. ...Явился Фомка, причесанный, затянутый, в сапогах и с собаками. Я, ради приличия, полюбовался глупыми животными (борзые все чрезвычайно глупы). Мы опять принялись болтать. Чертопханов понемногу смягчился совершенно, перестал петушиться и фыркать; выражение лица его изменилось. Он глянул на меня и на Недопюскина...

— Э! — воскликнул он вдруг: — что ей там сидеть одной? Маша! а, Маша! поди-ка сюда!

Кто-то зашевелился в соседней комнате, но ответа не было.

— Ма-а-ша, — ласково повторил Чертопханов, — поди сюда. Ничего, не бойся.

— Вот, рекомендую, — промолвил Пантелей Еремеич, — жена не жена, а почитай что жена.

Маша слегка вспыхнула и с замешательством улыбнулась. Я поклонился ей пониже. Очень она мне нравилась. Тоненький орлиный нос с открытыми полупрозрачными ноздрями, смелый очерк высоких бровей, бледные, чуть-чуть впалые щеки — все черты ее лица выражали своенравную страсть и беззаботную удаль. Из-под закрученной косы вниз по широкой шее шли две прядки блестящих волосиков — признак крови и силы... Взор ее так и мелькал, словно змеиное жало...

— А что, Маша, — спросил Чертопханов: — надобно бы гостя чем-нибудь и попотчевать, а?

— У нас есть варенье, — отвечала она.

— Ну, подай сюда варенье, да уж и водку кстати. Да уж послушай, Маша, — закричал он ей вслед: — принеси тоже гитару.

— Для чего гитару? Я петь не стану.

...Маша вдруг приподнялась, разом отворила окно, высунула голову и с сердцем закричала проходившей бабе: “Аксинья!” Баба вздрогнула, хотела было повернуться, да поскользнулась и тяжело шлепнулась наземь. Маша опрокинулась назад и

звонко захохотала; Чертопханов тоже засмеялся... Гроза разразилась одной молнией... воздух очистился.

...Маша резвилась пуще всех... Лицо у ней побледнело, ноздри расширились, взор запылал и потемнел в одно и то же время... Маша выпорхнула в другую комнату, принесла гитару, сбросила шаль с плеч долой, проворно села, подняла голову и запела цыганскую песню. Ее голос звенел и дрожал, как надтреснутый стеклянный колокольчик, вспыхивал и замирал... Любо и жутко становилось на сердце. "Ай, жги, говори!" Чертопханов пустился в пляс. Машу всю поводило, как бересту на огне; тонкие пальцы резко бегали по гитаре, смуглое горло медленно приподнималось под двойным янтарным ожерельем. То вдруг она умолкала, опускалась в изнеможенье, словно неохотно щипала струны... то снова заливалась она как безумная, выпрямливала стан и выставляла грудь...» (Тургенев И. С. Чертопханов и Недопюскин).

«Их же крепостной... гнет их, куда хочет...»

Примечательно, что в России именно бедное дворянство составляло большинство — более девяти десятых всего сословия. Но существовали у нас и так называемые, однодворцы, то есть в материальном отношении близкие к бедному дворянству. Хотя их общее число было сравнительно невелико, но уже сам факт их появления и активного участия в жизни страны представляет большой интерес.

Среди однодворцев были люди самого различного уровня культуры. Будучи одновременно и мужиком и баринном, они хорошо ориентировались не только в специфике сельского труда, но и прекрасно разбирались уже в новых, пореформенных отношениях помещика и мужика. Вынужденные вести строгий расчет своим доходам и расходам, однодворцы видели, что в своем большинстве дворянство не смыслит ничего в экономике собственных усадеб, во всем полагаясь на своих управляющих и

приказчиков, нередко обиравших и мужиков, и самих господ.

И если помещика среднего достатка Сергея Львовича Пушкина, отца поэта, обкрадывали собственные же управляющие еще в начале XIX века, можно себе представить, как вели они себя, включая и дворню, ко времени Великой реформы. Когда Пушкин переехал в Петербург, дом их «всегда был наизнанку: в одной комнате богатая старинная мебель, в другой пустые стены или соломенный стул; многочисленная, но оборванная и пьяная дворня с баснословной неопрятностью; ветхие рыдваны с тощими клячами и вечный недостаток во всем, начиная от денег до последнего стакана».

«...К Овсяникову часто прибегали соседи с просьбой рассудить, помирить их и почти всегда покорялись его приговору, слушались его совета. Многие, по его милости, окончательно размежевались... Но после двух или трех сшибок с помещиками он объявил, что отказывается от всякого посредничества между особами женского пола. Терпеть он не мог поспешности, тревожной торопливости, бабьей болтовни и “суеты”. Раз как-то у него дом загорелся. Работник впопыхах вбежал к нему с криком: “Пожар! пожар!” — “Ну, чего же ты кричишь? — спокойно сказал Овсяников. — Поддай мне шапку и костыль” ...Он сам любил выезжать лошадей. Однажды рьяный битюк помчал его под гору, к оврагу. “Ну, полно, полно, жеребенок малолетний, убьешься”, — добродушно замечал ему Овсяников и через мгновенье полетел в овраг вместе с беговыми дрожками, мальчиком, сидевшим сзади, и лошадь. К счастью, на дне оврага грудами лежал песок. Никто не ушибся, один битюк вывихнул себе ногу. “Ну, вот видишь, — продолжал спокойным голосом Овсяников, поднимаясь с земли, — я тебе говорил”.

“— Да, — продолжал Овсяников со вздохом, — много воды утекло с тех пор, как я на свете живу: времена подошли другие. Особенно в дворянах вижу я перемену большую. Мелкопоместные — все либо на службе побывали, либо на месте сидят; а что покруп-

ней — тех и узнать нельзя. Насмотрелся я на них, на крупных-то, вот по случаю размежевания. И должен я вам сказать: сердце радуется, на них глядя: обходительны, вежливы. Только вот что мне удивительно: всем наукам они научились, говорят так складно, что душа умиляется, а дела-то настоящего не смыслят, даже собственной пользы не чувствуют: их же крепостной человек, приказчик, гнет их, куда хочет, словно дугу. Ведь вот вы, может, знаете Королева, Александра Владимировича, — чем не дворянин? Собою красавец, богат, в университетах обучался, кажись, и за границей побывал, говорит плавно, скромно, всем нам руки жмет. Знаете?.. Ну, так слушайте. На прошлой неделе съехались мы в Березовку по приглашению посредника, Никифора Ильича. И говорит нам посредник, Никифор Ильич: 'Надо, господа, размежеваться; это срам, наш участок ото всех других отстал; приступимте к делу'. Вот и приступили. Пошли толки, споры, как водится; поверенный наш ломаться стал. Но первый забуянил Овчинников Порфирий... И из чего буянит человек?.. У самого вершка земли нету: по поручению брата распоряжается. Кричит: 'Нет! Меня вам не провести! Нет, не на того наткнулись! Планы сюда! Землемера мне подайте, христопродавца подайте сюда!' — 'Да какое, наконец, ваше требование?' — 'Вот дурака нашли! эка! Вы думаете: я вам так-таки сейчас мое требование и объявлю?.. Нет, вы планы сюда подайте, вот что!' А сам рукой стучит по планам. Марфу Дмитриевну обидел кровно. Та кричит: 'Как вы смеете мою репутацию позорить?' — 'Я, говорит, вашей репутации моей бурой кобыле не желаю'. Насилу мадерой отпоили. Его успокоили, — другие забунтовали. Королев-то Александр Владимирович, сидит, мой голубчик, в углу, набалдашник на палке покусывает да только головой качает. Совестно мне стало, мочи нет, хоть вон бежать. Что, мол, об нас подумает человек? Глядь, поднялся мой Александр Владимирыч, показывает вид, что говорить желает. Посредник засуетился, говорит: 'Господа, господа, Александр Владимирыч говорить желает'. И нельзя не похвалить дворян: все тотчас за-

молчали. Вот и начал Александр Владимирыч, и говорит: что мы, дескать, кажется, забыли, для чего мы собрались; что хотя размежевание, бесспорно, выгодно для владельцев, но в сущности оно введено для чего? — для того, чтоб крестьянину было легче, чтоб ему работать сподручнее было, повинности справлять; а то теперь он сам своей земли не знает и нередко за пять верст пахать едет, — и взыскать с него нельзя. Потом сказал Александр Владимирыч, что помещику грешно не заботиться о благосостоянии крестьян, что, наконец, если здраво рассудить, их выгоды и наши выгоды — все едино: им хорошо — нам хорошо, им худо — нам худо... и что, следовательно, грешно и нерассудительно не соглашаться из пустяков... И пошел, и пошел... Да ведь как говорил! за душу так и забирает... Дворяне-то все носы повесили; я сам, ей-ей, чуть не прослезился. Право слово, в старинных книгах таких речей не бывает... А чем кончилось? Сам четырех десятин мохового болота не уступил и продать не захотел. Говорит: 'Я это болото своими людьми высушу и суконную фабрику на нем заведу, с усовершенствованиями. Я, говорит, уж это место выбрал: у меня на этот счет свои соображения...' И хоть бы это было справедливо: а то просто сосед Александра Владимирыча, Карасиков Антон, поспешил королёвскому приказчику сто рублей ассигнациями взнести. Так мы и разъехались, не сделавши дела. А Александр Владимирыч по сих пор себя правым считает и все о суконной фабрике толкует, только к осушке болота не приступает»» (*Тургенев И. С. Олонец Овсяников*).

«Лежёнъ, мой сосед и орловский помещик»

Интересно, что среди российских помещиков встречались и иностранцы — швейцарцы, немцы, англичане, но чаще всего французы. Одни из них достигли русских пределов с армией Бонапарта и быстро обрусели. Другие же, как правило роялисты, бежали от террора французской революции.

«...Дверь из передней отворилась. Вошел низенький, седенький человек в бархатном сюртучке.

— А, Франц Иваныч! — вскрикнул Овсяников: — Здравствуйте! как вас Бог милует?.. Франц Иваныч Лежён (Lejeune), мой сосед и орловский помещик, не совсем обыкновенным образом достиг почетного звания русского дворянина. Родился он в Орлеане от французских родителей, и вместе с Наполеоном отправился на завоевание России, в качестве барабанщика. Сначала все шло как по маслу, и наш француз вошел в Москву с поднятой головой. Но на обратном пути бедный m-r Lejeune, полузамерзший и без барабана, попался в руки смоленским мужичкам. Смоленские мужички заперли его на ночь в пустую сукновальню, а на другое утро привели к проруби, возле плотины, и начали просить барабанщика “de la grrrrgrande armée” уважить их, то есть нырнуть под лед. M-r Lejeune не мог согласиться на их предложение и в свою очередь начал убеждать смоленских мужичков, на французском диалекте, отпустить его в Орлеан. “Там, messieurs, — говорил он, — мать у меня живет, une tendre mere”. Но мужички, вероятно по незнанию географического положения города Орлеана, продолжали предлагать ему подводное путешествие вниз по течению извилистой речки Пнилотерки и уже стали поощрять его легкими толчками в шейные и спинные позвонки, как вдруг, к неописанной радости Лежёня, раздался звук колокольчика, и на плотину въехали огромные сани с пестрейшим ковром на преувеличенно-возвышенном задке, запряженные тройкой саврасых вяток. В санях сидел толстый и румяный помещик в волчьей шубе.

— Что вы там такое делаете? — спросил он мужичков.

— А французя топим, батюшка.

— А! — равнодушно возразил помещик и отвернулся.

— Monsieur! Monsieur! — закричал бедняк.

— А, а! — с укоризной заговорила волчья шуба, — с двенадцатью язык на Россию шел, Москву сжег, окаянный, крест с Ивана Великого стащил, а те-

перь — мусье, мусье! а теперь и хвост поджал! По делам вору и мука... Пошел, Филька-а!

Лошади тронулись.

— А, впрочем, стой! — прибавил помещик... — Эй, ты, мусье, умеешь ты музыке?

— *Sauvez moi, sauvez, mon bon monsieur!* — твердил Лежён.

— Ведь вишь, народец! и по-русски-то ни один из них не знает! Мюзик, мюзик, савэ мюзик ву? савэ? Ну, говори же! Компренэ? Савэ мюзик ву? на фортепьяно жуэ савэ?

Лежён понял, наконец, чего добивается помещик, и утвердительно закивал головой.

— *Oui, monsieur, oui, oui, je suis musicien; je joue de tous les instruments possibles! Oui, monsieur... Sauvez moi, monsieur!**

— Ну, счастлив твой Бог, — возразил помещик. — Ребята, отпустите его; вот вам двугривенный на водку.

— Спасибо, батюшка, спасибо. Извольте, возьмите его.

Лежён посадили в сани. Он задыхался от радости, плакал, дрожал, кланялся, благодарил помещика, кучера, мужиков. На нем была одна зеленая фуфайка с розовыми лентами, а мороз трещал на славу. Помещик молча глянул на его посиневшие и окоченелые члены, завернул несчастного в свою шубу и привез его домой. Дворня сбежалась. Француза наскоро отогрели, накормили и одели. Помещик повел его к своим дочерям.

— Вот, дети, — сказал он им, — учитель вам сыскан. Вы всё приставали ко мне: выучи-де нас музыке и французскому диалекту: вот вам и француз, и на фортопьянах играет... Ну, мусье, — продолжал он, указывая на дрянные фортепьянишки, купленные им за пять лет у жида, который, впрочем, торговал одеколоном: — покажи нам свое искусство: жуэ!

Лежён с замирающим сердцем сел на стул: он отроду и не касался фортепьян.

* Да, сударь, да, да, я музыкант; я играю на всевозможных инструментах. Да, сударь... Спасайте меня, сударь! (*фр.*)

— Жуэ же, жуэ же! — повторял помещик.

С отчаяньем ударил бедняк по клавишам, словно по барабану заиграл, как попало... “Я так и думал, — рассказывал он потом, — что мой спаситель схватит меня за ворот и выбросит вон из дому”. Но, к крайнему изумлению невольного импровизатора, помещик, погодя немного, одобрительно потрепал его по плечу. “Хорошо, хорошо, — промолвил он, — вижу, что знаешь; поди теперь, отдохни”.

Недели через две от этого помещика Лежёнъ переехал к другому, человеку богатому и образованному, полюбился ему за веселый и кроткий нрав, женился на его воспитаннице, поступил на службу, вышел в дворяне, выдал свою дочь за орловского помещика Лобызаньева, отставного драгуна и стихотворца, и переселился сам на жительство в Орел.

Вот этот-то самый Лежёнъ, или, как теперь его называют, Франц Иваныч, и вошел при мне в комнату Овсяникова, с которым он состоял в дружеских отношениях...» (*Тургенев И. С. Олдодворец Овсяников*).

БЫЛЫХ ПРИЧУД ЛУКАВЫЕ ЗАГАДКИ

Расцвет русской усадебной архитектуры пришелся на XIX столетие. Каких только стилей не довелось лицезреть среди помещичьих построек и конечно же уютной дворянской мебелировки! Всё испробовали в своих усадьбах их владельцы. Зодчие строили дома и в стиле «русской готики», и в «помпейском вкусе», что стало особенно модным и популярным в период раскопок в Геркулануме и Помпеях в первой трети XIX века.

Помпейский стиль получает второе рождение не только во внешнем облике усадебных зданий, но и во фрагментах и деталях внутреннего убранства. Причем под обаяние этого древнего искусства попадали не только заказчики — русские помещики, но и сами зодчие — А. Брюллов и А. Штакеншнейдер, А. Воронихин и Ж. Тома-де-Томон, И. Жилярди. Гостинные в их собственных домах были выдержаны в этом притягательно-древнем ключе.

А в 30-х годах XIX века Александр Брюллов создает уникальный проект помпейских интерьеров — Малую, или Помпейскую столовую в Зимнем дворце.

Вот как описывал свое впечатление от воплощенного проекта современник А. Брюллова, некто А. Ба-

щущий*: «Это небольшая, но прелестная комната... есть единственная в Европе по способу отделки... Брюллов перенес сюда помпейское искусство во всей его очаровательности, характер неизменно выдержан от главных частей до подробностей, до превосходной мебели чисто греческого стиля... В маленькой столовой нет золота. Но она от того не менее драгоценна и составляет один из прекраснейших цветков роскошного букета, связанного с А. П. Брюлловым».

Усадебных застройщиков в России увлек и такой стиль, как неоренессанс. У нас, на русской почве, он трактовался очень широко и свободно — от романтического и «декоративного» понимания до точного копирования конкретных памятников архитектуры. Этот новый стиль, вольготно прижившийся на русской почве, стали называть «a la Renaissance».

И, пожалуй, единственным зодчим, умело преподнесшим его отечественным заказчикам, оказался А. Монферран. Энергичный и талантливый** француз, прибывший в Россию в 1816 году, использует элементы Ренессанса при оформлении городской усадьбы П. Н. Демидова в Петербурге (1830) на Большой Морской. В частности, он включает в отделку фасада крупные русты, которые напоминают квадры каменной кладки древних палаццо времен итальянского Ренессанса.

С не меньшим воображением решает он и архитектуру дома в петербургской усадьбе княгини Гагариной. Так, на фасаде появились три горельефа великих художников итальянского Возрождения.

Занимаясь усадебной архитектурой, Монферран обставлял и помещения соответствующей ей мебелью.

Хотя стиль и оставался ренессансным, но истинно монферрановский почерк зодчего легко было узнать. Маэстро решительно включал в декор кушеток,

* Возобновление Зимнего дворца в Санкт-Петербурге. СПб., 1839.

** Получив задание на проектирование Исаакиевского собора, он умудряется разработать более 20 его вариантов: в индийском, китайском, византийском и иных стилях.

кресел и изысканных туалетных столиков сложнейшие орнаментальные и сюжетные мотивы.

Правда, провинциальному дворянству было не по карману заказывать подобные проекты мебели, поэтому приходилось обходиться работой собственных домашних умельцев-крепостных. Пусть элементы такой мебели и были много проще, но общий стиль, лихо подхваченный зорким глазом местного умельца, точно выражал желание дворянина.

В середине XIX века владельцев усадеб начинает захватывать новое увлечение. Архитекторы, художники и историки архитектуры и декоративного искусства награждают его термином, так называемым «вторым рококо».

Особенно заметно это веяние отразилось на убранстве интерьеров и мебели. Этот стиль явился своеобразным откликом, отзвуком на быстрое внедрение новых машин и механизмов в производство. Бурно развивается класс буржуазии, появляются новые господа с новой психологией — энергичные, деятельные, но без особых эмоций, приземленно-практичные и, как правило, не обладающие ни отменным вкусом, ни классической образованностью, ни наследственным воспитанием. Так что именно они-то, с умением используя промышленное производство, лихо штампуют «недорогую роскошь», эдакий «антиквариат для всех».

«Недорогая роскошь» или раритеты родовых гнезд?

Быстро обойдя доходами старинное русское дворянство, новые властители производства умело распространяют эту ультрамоду не только в Европе.

Интерес ко «второму рококо» проявился очень рано и в России. И конечно же первое отражение нового стиля появилось в мебели и интерьерах. Это течение было подхвачено в России фирмой братьев Гамбс, изделия которых для современников были символами красоты, комфорта и респектабельности.

Причем реклама, метко угождая вкусам новых властителей державы — русских буржуа, церемонно предлагала полтора века тому назад «...небольшой, но в полном смысле изящный будуар во вкусе обновления искусства...». Были, естественно, и совсем уж щедедушные зазывальни: «...господин Пети обобьет мебель во вкусе Людовика XIV и XV, недорого». О большом количестве заказов на новую обстановку и мебель для усадебного дворянства и набирающей силы буржуазии говорит нам и невероятное число мастерских, фабрик, а также и именных поставщиков. Наибольшее их число приходится на XIX век.

Интересно, что и сам стиль «второе рококо» в разных руках мастеров-декораторов, зодчих, лепщиков, резчиков и выгладел-то по-разному. То, что называлось «недорогой роскошью», хотя нередко и стоило немалых денег, было все-таки ширпотребом, предметами для нуворишей.

А вот старинное русское дворянство и обедневшая аристократия предпочитали пользоваться своей еще прадедовской мебелью и пребывать в фамильных интерьерах. Так что многие из них вступали в XIX век, надежно экипированные убранством прежних веков, устоявшим от новых веяний моды. Тем более что у многих и средств-то не было на переоснащение.

Те же из дворян, кто пожелал удачно вписаться в новый, промышленный уклад жизни, примеряли к своим апартаментам и «второе барокко». Но уж, по правде сказать, не полагался при этом на вкусы мастеров, а сам лично диктовал им свою и, как правило, высокохудожественную моду. И чем богаче было воображение у помещика, тем смелее он отходил от новых, пусть и устоявшихся канонов.

Но чем же все-таки увлекали заказчиков в течение четверти века эти стилевые причуды нового стиля? Одним оно создавало ощущение домашнего покоя и комфорта. Другим позволяло чувствовать себя более респектабельными, эдакими денди, петиметрами. Истинному же, столбовому дворянину, пусть и скромного достатка, «второе рококо» позволяло за-

глянуть не в сумеречное завтра, а в некое романтическое, прадедовское прошлое и еще больше замкнуться в уютных, пока еще сохраняющихся родовых гнездах.

Удивительное дело, но к 20—40-м годам XX века почти не оставалось в архивах, музейных запасниках, исторических библиотеках и краеведческих музеях эскизных проектов былых русских усадеб и их меблировки, разработанных еще в начале и конце XIX века архитекторами А. Брюлловым, А. Штакеншнейдером, К. Ухтомским, И. Монигетти, не говоря уже об эскизах интерьеров и мебели художников В. Васнецова, В. Поленова, С. Малютина, княгини М. Тенишевой.

Зато характер типовой меблировки дворянских поместий середины XIX столетия известен доподлинно. И все лишь потому, что интерьеры той поры, уже осуществленные и действующие, оказались интересны акварелистам. И так уж получилось, что одни зодчие интерьеры создавали, а перерисовывали их другие. Делали это с любовью и со знанием дела, как коллеги по профессии. Были и те, кто копировал интерьеры по заказу, чтобы оставить в памяти владельцев, на всякий случай. Так что благодаря такой предусмотрительности можно и сегодня увлеченно рассматривать педантично исполненные акварели интерьеров и экстерьеров городских и сельских поместий, искусно исполненных такими мастерами, как Э. Гау, В. Садовников, Л. Премацци, К. Ухтомский.

Все изображенное прописано настолько четко и подробно, что все предметы обстановки при необходимости нетрудно было бы и воссоздать.

В ту пору в дворянских гостиных можно было обнаружить так называемые оттоманки (мягкие диваны с подушками, иногда заменяющими спинку, и двумя боковыми валиками) и ночники, шезлонги (мягкие удлиненные кресла, в которых можно было полулежать), «дос-а-досы», пате (то есть сиденья по кругу), «лежанки-дюшес» (низкие глубокие кресла, снабженные специальными приставными элементами для ног).

Правда, пате (от *фр.* *pate* — пирог), изобретенные в середине XIX века и сразу же вошедшие в моду, все-таки широкого применения не нашли. Несмотря на отменность пропорций, удобный отвал спинки и уют пышных зеленых крон, широкими зонтиками, опахалами ниспадающими над головами сидящих, эти диковинные изобретения занимали много места. Ведь они могли располагаться только по центру залов, гостиных. Поэтому подобные изысканные предметы мебелировки редко применялись в дворянских, особенно сельских усадьбах, за исключением лишь особо пышных и знаменитых. И только в Аничковом дворце, в Парадной и Малиновой гостиных Александровского дворца, в помещениях Зимнего это изобретение «второго рококо» могло пленять взоры приглашенных.

Обрусевшие турецкие причуды — оттоманка, конфидант

Другое дело — оттоманка! Она была удобна, проста и уютна и как нельзя лучше соответствовала характеру именно русского дворянина. Какими только формами этот мягкий и низкий диван не обладал! Впервые явившись к нам из страны янычар еще в XVIII веке, эта турецкая софа со всей своей прытью перекочевала и в XIX столетие. А в 50-е годы стала особенно популярной. Зодчие и поставщики мебели были завалены заказами на круглые, прямоугольные и даже восьмиугольные оттоманки. Каркас такой мягкой мебели был надежно укрыт плотной суровой тканью, как правило, с орнаментально-геометрическим, изысканным, истинно-турецким рисунком. Покоились эти уютные безбрежные лежа на крепких изогнутых ножках либо зиждились на простецких основаниях-подиумах.

И конечно же непременной особенностью таких популярных изделий были тугие подушки и плотные цилиндрические валики, украшенные с торцов яркими, красочными кистями.

Оборотистые поставщики нередко предлагали вместе с мебелью дополнить заказ колоритной турецкой одеждой — шальварами и знаменитыми турецкими фесками изысканных, насыщенных тонов (малинового, пурпурного, зеленого), увенчанных темными шелковистыми кисточками из витых нитей.

Именно в те годы стали появляться акварели с изображенными на них владельцами поместий. Они возлежали в небрежно-задумчивых позах на оттоманках. То были изумительные портреты в обрамлении турецкого ореола — среди маленьких подушек с замысловатым рисунком, с чубуком в руке и в фесках. Правда, восточный головной убор надет был непременно по-русски, то бишь на затылок. Среди работ выделялись акварели кисти Григория Гагарина, сына знаменитого дипломата и приятеля Михаила Лермонтова.

Среди обрусевшей турецкой мебели были еще и так называемые «кутаные» оттоманки, у которых деревянные детали скрывались под обивкой. Часто их покрывали восточными коврами и украшали изысканной бахромой. Чаще всего при мебелировке помещений в усадьбе архитекторы резервировали для них пространства курительных комнат или совсем небольшое уютное место в рабочих кабинетах хозяйина. Тем более если кабинет решался в восточном духе, то, безусловно, без турецких предметов — оттоманок, пуфов, этажерок и особых шкафчиков — было просто не обойтись. Часто зодчие рекомендовали использовать в рабочих кабинетах стилизованную персидскую, ливанскую и даже японскую мебель, кстати, очень легкую и трансформируемую.

Увлечение оттоманками коснулось и обстановки дворцовых покоев. В конце 50-х годов XIX века оригинальную конструкцию этих изделий можно было обнаружить и в Царскосельском дворце, а именно — в Турецкой комнате царя-освободителя Александра II.

Если обрусевшие оттоманки (кстати, просуществовавшие в России вплоть до середины XX века) располагали к уютному отдыху, сну и курению, то кон-

фиданты использовались для долгих, увлекательных и замысловатых бесед. К примеру, многоместный конфидант являл собой диван либо даже сдвоенный диван с общей спинкой, она снабжена была небольшими экранчиками-перегородками, которые разделяли беседующих — одну пару от другой. У конфидантов были деревянные ножки и удобные спинки. Появившись еще в 30-е годы, уже к середине века этот вид усадебной мебели становится непременным атрибутом интерьеров дворянских усадеб.

Тет-а-тет и визави

В меблировке дворянских усадеб особое внимание уделяли подбору кресел и стульев. Причиной тому было большое число гостей, пребывавших в усадьбах. Ведь всех необходимо было удобно разместить. Для застолий использовали один тип стульев, для карточной игры — иной, для отдыха гостям нужны удобные кресла. Для бесед предпочитали канапе: «тет-а-тет» (tete-a-tete) или «визави» (vis-a-vis).

Уютно разместившись на них, можно было вести не столько деловой разговор, сколько светскую беседу.

Эти оригинальные канапе имели не только удобные сиденья, но и своеобразные спинки — в виде буквы «S». Ножки этих изделий дополнялись крохотными колесиками, что позволяло без труда перекачивать мебель в нужную часть зала или гостиной.

Подобные «тет-а-тет» можно увидеть, например, на акварелях П. Ф. Соколова. Это диковинное изделие изображено в Голубой гостиной барона А. Л. Штиглица.

Русские архитекторы и мастера мебельных производств умудрялись создавать даже трехместные «тет-а-тет». Кроме того, в меблировке усадебных гостиных начинают применять и быстро входящие в моду сдвоенные кресла. За компактность и небольшие размеры они получают среди проектировщиков и поставщиков название «сиамских близнецов».

Пудрѐз и столик-бобик

Особое, знаменательное место в усадьбах занимали столы. В гостиных размещали игорные, в кабинетах хозяев имений — рабочие. Здесь же при книжных шкафах использовались и специальные консольные доски. Они выдвигались из шкафов и служили для временного размещения снятой с полки книги.

В дамских будуарах располагались маленькие изящные столики с изогнутыми ножками, предназначенные для рукоделия. Под самой крышечкой столика (кто бы мог подумать, что она поднимается на скрытых петлях?!) искусными краснодеревщиками была предусмотрена глубокая емкость в виде перевернутой и усеченной деревянной пирамидки для хранения всех многочисленных мелочей и необходимых предметов для рукоделия. По периметру в подстолье поражал воображение целый сонм крохотных ящичков, лоточков и многообразного назначения емкостей для хранения необходимых мелких инструментов, иглолок, катушек, булавок и иных важных вещиц.

Непременным атрибутом дамской спальни был небольшой туалетный столик — *table de toilette*, который позднее получил название «пудрѐз» (*poudreuse*). А порой в этих же дамских покоях появлялся совсем маленький переносной (либо перекатной) «столик-бобик», терпеливо ожидавший, когда же понадобится он госпоже.

Свое название эта крошка получила благодаря очертанию крышки стола, напоминающей плод боба. Служил он для написания писем и записок. Иногда им пользовались для ведения дневников. А порой на нем подавали и завтрак.

Тайны секретера

В будуарах нелишним был и дамский письменный столик. Но, пожалуй, самым тайным в спальне дамы считался секретер либо изящное бюро. Секре-

тер представлял собой небольшой шкаф вертикальных пропорций с семью — девятью выдвижными ящиками, украшенными нередко инкрустацией, бронзовыми ручками, рельефными вставками по фасаду секретера. Верхнюю же горизонтальную плоскость шкафчика-секретера украшала белая мраморная доска.

Иногда мастера-краснодеревщики делали два-три верхних ящика ложными. Хотя их лицевая поверхность никак не отличалась ни формой, ни пропорциями от настоящих, выдвижных. Нажатием тайной пружины либо поворотом ключа у ложного ящика открывалась верхняя часть секретера. И в считанные секунды обратная сторона этих ложных (как правило, трех) ящиков превращалась в консольную горизонтальную плоскость — доску или пюпитр для письма. А прямо над ней, но уже внутри секретера, дама могла рассмотреть нужные ей в данный момент ящички различных размеров и назначения: для писчей бумаги, конвертов, марок, дамских ожерелий, кулонов, брошей, серег, колец.

Но если дама отдавала немало времени и литературным опусам, а тем более сочинительству, то она обзаводилась картоньеркой — шкафчиком для бумаг.

Существовали бюро и секретеры и в рабочем кабинете хозяина, но бóльших размеров и с бóльшим числом различных ящиков и полок. Их изготавливали из палисандрового или фиалкового дерева. Чаще их проектировали П-образной формы. Небольшая стенка психологически изолировала работающего и настраивала на деловой лад.

Кроме того, в усадебных гостиных и обеденных залах в середине XIX столетия устанавливали столы с прямоугольными или круглыми столешницами на S-образных ножках. Использовали также и вспомогательные столы небольших размеров, размещенные в этих же помещениях.

Для «второго рококо» характерны также и так называемые столы-консоли. Традиция их использования в XIX веке пришла из XVIII века. Эти дополнительные плоскости выполнялись из ореха, красного

дерева. Иногда применяли и крашеную или офанерованную березу с последующим нанесением декора. Для создания большей парадности зала консоли украшали мраморными столешницами. И на них устанавливали бронзовые с позолотой настольные часы, хрустальные либо фарфоровые вазы, серебряные канделябры и т. п.

Штакеншнейдер — оранжировка усадебного быта

К числу наиболее интересных решений в стиле «второго рококо» относятся проекты А. И. Штакеншнейдера, диапазон которых достаточно обширен. От скромных усадебных построек и их меблировки до усадьбы в Петергофе наследника престола цесаревича Александра Николаевича и его супруги.

Небольшому двухэтажному особняку с блистательно отделанными интерьерами зодчий посвящает семь лет жизни (1843—1850). И если кабинет представлял пред взором наследника престола в деловой строгости рабочего пространства, то гостиная, спальня, ванная комната буквально зачаровывали и настенными росписями, и тканями в богатом обрамлении рам, украшенных изысканной резьбой и лепниной.

Мастерство Штакеншнейдера выразилось и в решении ложа в спальне. Над ним возносился резной балдахин, украшенный деликатными складками драпировки. И даже крохотные тумбочки, значимость которых была столь же мала, как и их размеры, тоже поддерживали общий ансамбль — были затянуты аналогичной тканью. Цветовой отклик они находили и в тканевой декорировке стен.

В ванной комнате зодчий удачно разместил туалетный столик, задрапированный кружевами с рюшами и бантами; зеркало в фарфоровой раме, обрамленной цветочным орнаментом. Но что характерно — мебель туалетной комнаты, предложенная талантливым зодчим для супруги наследника престола, стала в се-

редине XIX века популярна и в среде дворянской России. Хотя в рядовых усадьбах помещики и не могли себе позволить затраты великой княгини, но вот сам принцип построения этих помещений и характер необходимых предметов туалетной мебели тотчас же был взят ими на вооружение.

В 70-х годах XX столетия мне довелось беседовать с тогда уже пожилым научным сотрудником Зимнего дворца. Он с особым трепетом упоминал о самых, пожалуй, необыкновенных находках маститого зодчего — его проектах корпусной мебели, фанерованной розовым деревом.

Штакеншнейдер стал своеобразным дирижером петербургских мастеров самых разнообразных специальностей. Под его оком творили и столяры-краснодеревщики, и литейщики, и ювелиры, и лекальщики, и, наконец, мастера и художники по фарфору.

В результате шкаф из гостиной Зимнего дворца, фанерованный розовым деревом и украшенный фарфоровыми плакетками и бронзой, можно было причислить, как они говорили, к одному из семи чудес света.

Отчаянные модники среди состоятельной части дворянства старались заказать себе нечто подобное. Правда, вместо розового дерева использовали орех, а фарфоровые плакетки выполнялись не с ювелирным изображением замысловатых светских сцен, а всего лишь с несложным орнаментальным или цветочным декором.

Примечательно, что во «втором рококо» архитекторы Красовский, Монигетти стараются все чаще вводить фарфор в оформление комнат, не говоря уже о включении в оформление интерьеров стеклянных и хрустальных ваз и статуэток. Становится модным и сочетание двух таких материалов, как фарфор и древесина. Так что плакетки с росписью по фарфору появляются на небольших шкафчиках, секретерах, на ножках столов, на каминах и каминных экранах, даже на замысловатых зеркальных рамах. Иной раз большие зеркальные рамы умудрялись сооружать только из одного фарфора. Однако ж при по-

добных габаритах это была непростая инженерная конструкция. А поскольку заказы на фарфоровые с горельефным цветочным орнаментом рамы пользовались популярностью в дворянской среде, в эти годы разрабатывается сложная инженерная идея. Суть ее заключалась в многократной повторяемости одной и той же детали — каждый последующий элемент являлся своеобразным «захватом» для предыдущего, эдаким «крючком». Так, деталь за деталью, подобно плетению каната, и выстраивалась необыкновенная фарфоровая рама. А так как сам захват и крепеж находились с тыльной стороны, создавалось полное впечатление парящих в воздухе цветочных гирлянд. Подобные рамы можно было видеть, в частности, в имении Петра Вяземского в Остафьеве.

«Буль» французский — «буль» российский!

В середине XIX века в дворянских особняках начинает появляться мебель, выполненная в технике «буль». Такая мебель изготавливается с применением черного дерева или же его имитации. А украшается она замысловатым орнаментальным декором из металла и черепаховых панцирей. В качестве же функциональных и знаковых акцентов используется и золоченая бронза (для ручек, фасадных наугольных элементов и т. п.).

И если с металлом и позолотой все решалось достаточно просто, то с черепаховыми панцирями были проблемы. А ведь именно они-то и придают особенную красоту этому изделию! Но русские мастера не были бы русскими, если б не нашли в качестве недорогой замены подкрашенный рог. А вместо черного дерева использовали окрашенный орех либо травленую грушу.

К середине XIX века предметы, выполненные в технике «буль», становятся необыкновенно популярны. Всего лишь одно-единственное небольшое мебельное изделие «буль» в общем строе всей меб-

лировки усадьбы придает ей какую-то особую праздничность и элегантность.

Одна из лучших московских мебельных мастерских середины XIX века, работавшая в стиле «буль» и «второго рококо», принадлежала московскому купцу Эрнесту Ивановичу Блехшмидту. Она выпускала всевозможные предметы мебели, используя орех, дуб, резное золоченое дерево, экзотические породы древесины, панцирь черепахи, бронзу, латунь. В мастерской, которая насчитывала около ста рабочих, были свои проектировщики мебели, резчики, столяры и обойщики, краснодеревщики и золотари. Применялись самые разные, в том числе сложные, техники декорирования мебели (резьба, золочение, инкрустация, наборное дерево, фанеровка). Известно, что мастерская Э. Блехшмидта поставила в только что построенный Большой Кремлевский дворец не менее двадцати гарнитуров мебели из резного золоченого дерева с оригинальным рельефным орнаментом. Мебель производилась как по индивидуальным заказам, так и для собственного магазина.

Меблировку усадебных помещений в технике «буль» могли позволить себе лишь очень состоятельные дворяне (общее число их составляло не более 5 процентов ко всему дворянскому сословию).

Основная масса помещиков к середине XIX века продолжала беднеть. Сокращались земли, когда-то принадлежавшие их дедам и прадедам. Хирели и зарастали парки, с когда-то блистательным мастерством спланированные архитекторами и мастерами по ландшафтной архитектуре еще XVIII столетия.

Так что в имениях, как правило, верой и правдой служила простая и надежная мебель времен Петра Великого. Случалось даже, что в глубоко запрятанных от широких трактов уездах были помещики, вполне обходившиеся мебелью собственного, домашнего производства или мастерством своих же деревенских столяров. А порой можно было обнаружить в усадьбах даже отдельные предметы мебели времен Иоанна Грозного.

«Ореховое рококо»

Но была когорта дворян-модников, для которой нарядная корпусная мебель из елки или сосны, фанерованная орехом, оказывалась вполне доступной. И тотчас же на языке и поставщиков, и заказчиков она получает веселое прозвище «орехового рококо».

Столы и стулья, кресла и диваны, шкафы и консоли... Здесь уже не полагалось таких декоративных изысков в решении ножек, сидений и спинок, что позволял себе архитектор И. А. Монигетти, дополняя искусную резьбу по дереву позолотой и шелком. Тем не менее ореховые ансамбли радовали глаз.

Вносятся определенные корректировки в обивку мебели. Хозяевам кажется, что одной лишь раз и навсегда сделанной обивки будет недостаточно. И для того чтобы цветовая гамма интерьера по разным сезонам и разным праздникам могла изменять свой цвет, стали использовать различные чехлы. Пуговицы на них обтягивали тканью того же цвета.

Именно стиль «второго рококо» создал целый мир разнообразных драпировок, цветочных орнаментов, живописных плафонов и вставок на стенах и мебели.

Кроме того, усадебные комнаты украшают лаковой мебелью. Для декора мебели характерны свободно расплзающиеся изящные узоры маркетри: цветы, расписанные по желтому, розовому, голубому или светло-зеленому фону. Распространенность моды на китайское искусство привела к появлению особого стиля шинуазри. Китайские мотивы наносились краской или золотом по черному лаку. Резьба по дереву заменяется золочеными бронзовыми накладками.

В 60-е годы XIX столетия «второе рококо» начинает вырождаться, утопая в многочисленных коврах и драпировках, скатертях и шторах, обилии мелких предметов на столах, этажерках и полках. В 90-е годы появляется и очередное стилевое решение интерьеров и мебели. Они стали украшаться причудливыми, изысканными орнаментами, состоящими из

рокайльных завитков, резными и лепными узорами. Такой стиль получил название «третьего рококо», на смену которому пришел модерн.

Усадьбы в «русском духе»

В архитектуре русских усадеб, их внутреннем убранстве, а также в декоративно-прикладном решении усадебной мебели в XIX веке все чаще начинают проявляться черты национального романтизма. Чем же отличалось это новое направление? В усадебных постройках, начиная с господского дома, хозяйственных служб и особенно решения церковных зданий, зодчие умудрялись искусно и органично соединять декор готической архитектуры с древнерусской. И результат оказался ошеломляющим — слились воедино допетровское искусство и искусство второй половины XVIII — начала XIX века.

Примерами тому — усадьба Знаменка Тамбовской губернии, дворцовая усадьба Царицыно под Москвой. Если интерес архитекторов к культурно-историческим истокам древнерусской архитектуры начал проявляться еще в середине XVIII столетия, то широкое распространение он получает только с 20-х годов XIX и продолжает успешно существовать и далее — вплоть до 20-х годов XX столетия. Но что самое удивительное, впав в летаргию в России, продолжает развиваться и позже, но уже за пределами империи — в эмиграции. Примерами тому: усадьба княгини Марии Тенишевой — Малое Талашкино под Парижем; усадьбы великих князей Александра Михайловича, Николая Николаевича с русской обстановкой во Франции; имение Голицыной в Италии; земли барона Эдуарда фон Фальц-Фейна в Лихтенштейне.

Развитию национального романтизма особенно способствовала победа России в Отечественной войне 1812 года. Уже в 1815 году архитектор Карл Иванович Росси получает заказ на проектирование построек для ветеранов войны. Увлеченный этим

модным стилем, он предлагает осуществить свой проект в традициях русского деревянного зодчества, разместив постройки в окрестностях Павловска (деревня Глазово).

К национальным архитектурным мотивам обращается и Огюст Монферран. Для «Увеселительного сада» в Екатерингофе он использует древнерусские мотивы.

Примечательно, что русский национальный романтизм к середине XIX века становится преобладающим. Русское дворянство увлечено проектами архитекторов В. А. Гартмана и И. А. Ропета.

Правда, порой это увлечение носит несколько курьезный характер. Так, к примеру, в интерьерах усадеб появляются письменные приборы в виде лошадиных копыт или саней-розвальней.

Но при этом растет настоящая увлеченность русскими древностями и многочисленными предметами художественных ремесел.

Гартман, Монигетти — возрождение русской старины

Архитектор Ф. Г. Солнцев в 1840—1850-е годы первым обратил внимание на роль древнерусского орнамента как важного элемента стилеобразования.

Впоследствии это направление получает дальнейшее развитие и название «русский стиль», в котором работает архитектор В. Гартман, считающийся одним из создателей этого стиля. Именно в этом ключе выполнена усадьба в подмосковном Абрамцево В. Гартманом и И. Ропетом.

Одновременно с архитектурой национального романтизма русский стиль проявляется и в мебели. Огромную популярность в среде дворянства получает архитектор И. Монигетти. С одинаковой увлеченностью проектирует он и здания, и интерьеры, и предметы мебели.

Так, зодчий создает необыкновенный кабинетный стол с русским орнаментом. Его филенки допол-

нены декором, который напоминает орнамент полотенца, вышитых знаменитым русским швом.

Проектируя мебель в национально-романтическом стиле, Монигетти резонно предполагал, что его уникальные образцы, сделанные в единственном экземпляре, смогут быть выпущены небольшими партиями в многочисленных творческих мастерских. Надо отдать ему должное: зодчий продумал даже и самую технологию изготовления этих наборов — достаточно простых в производстве и вместе с тем необычайно эффектных по внешнему виду.

Тогда же, в 60—70-е годы XIX столетия, эти новые мебельные формы вызвали огромный интерес у современников. Во многих губерниях России местное дворянство заказывало своим усадебным мебельщикам, а то и просто столярам, изготовить хотя бы нечто подобное мебели Монигетти.

Так что каждый находил в проектах Монигетти что-то свое. Для одних это были усадебные постройки, внешне напоминающие древние, допетровские терема со сказочными крыльцами и солнечными, радужными светлицами. Других интересовало богатое внутреннее убранство.

Немалая часть дворянства, захваченная поначалу чисто внешней атрибутикой древнерусской архитектуры и мебели, год от года стремилась постичь и ее корневые, глубинные особенности. Так, например, архитектор Н. В. Султанов, также увлекшийся русским стилем, предостерегал художников, зодчих и прикладников от поверхностного восприятия древнерусской изобразительной культуры. Ведь еще с 70-х годов XIX столетия можно было наблюдать и чисто рыночное направление, порой доходящее до абсурда. Подобное направление народ в России в шутку называл «петушиным стилем» или «ропетовщиной». Вдохновителем этого направления «искусства прилавка» (кстати, весьма доходного в ту пору) был архитектор И. Н. Петров, поменявший два слога своей фамилии местами. Ропет «прославился» тем, что возводил дома, проектировал мебель и создавал предметы убранства с неизменным присутствием в

орнаментах своих творений петухов, стилизованных птиц и иной крылатой живности.

Но, к счастью, подобное «рыночное искусство» рынком и ограничивалось. Что же касается работ Монигетти, то его архитектурные проекты воплощались, а мебель оказывалась настолько изысканной, что была представлена на Всероссийской мануфактурной выставке в Петербурге в 1870 году.

В «Иллюстрированном описании» этой экспозиции можно было прочесть: «На настоящей выставке деятелем русского стиля преимущественно перед другими оказывается профессор И. А. Монигетти, что и обязывает нас отнестись к его композициям серьезно, как требует того важность предмета и новизна его. Мы не хотим сказать этим, что уважаемый профессор измыслил что-нибудь оригинально-новое, кроме туалета из белого дерева, “в старинном роде”, тогда как в старину на Руси туалетов и не было, но тем не менее это произведение считаем мы лучшим из всего того, что носит его имя на выставке. Изящество формы — первая потребность в подобном произведении, и здесь профессор Монигетти вышел с честью из предстоящей ему борьбы вкуса со стилем».

*Серийность — городам,
уникальность — усадьбам*

«Национальный романтизм» в 70—80-е годы XIX столетия приобретает особый размах.

В одной лишь Московской губернии в конце 80-х годов XIX столетия действовало более двух тысяч кустарей, производивших предметы мебели. Но в эти же годы существовали и мебельные фабрики, производившие серийную мебель. Такая мебель преимущественно для городов, а кустарная — для дворянских усадеб и крестьянских хозяйств. В сельской местности отдавали предпочтение именно уникальности, единичности изделий.

Какими же предметами мебели и мебельного оборудования обустраивали дворяне собственные

усадебны в эти годы? И какие виды мебели были предпочтительны в условиях помещичьей жизни? Диапазон оказывался крайне широк. Столяры высшей квалификации брались даже за изготовление парадных дверей, украшенных не только растительным орнаментом, но и гербами. В одних случаях они размещались прямо на дверных полотнах, а чаще для них было уготовано место в вестибюле либо на фронтоне дома (пусть и достаточно небогатого владельца). Этим мастерством, в частности, владел и петербургский мастер середины XIX века Ф. Вунш. Им же были разработаны и буфеты, и даже непростое оснащение винных подвалов — особые шкафы из сосны с железными станками для размещения на них нескольких тысяч винных бутылок.

Насколько высоко было мастерство отечественных столяров (кстати, некоторые из них были одновременно и отменными скульпторами), говорит и заказ, предложенный Якову Дунаеву в 20-х годах XIX столетия — спроектировать и изготовить иконостас для церкви Всех Скорбящих в Петербурге. Им же несколько раньше была разработана и усадебная мебель для графа Николая Петровича Шереметева.

Нельзя не удивляться, насколько уважительно и даже трепетно подходили мастера и к хранению, выдерживанию древесины. Даже случайно появляющиеся материалы тоже шли в дело. Так, в частности, Петр Исаков, охтинский столяр, изготавливает мебель «из сломанных бурею в Летнем саду старых дерев».

Помимо несложной усадебной и изысканно-мудреной дворцовой мебели русские краснодеревщики нередко берутся за сооружение и очень сложных инженерных изделий. Так, например, Карл Егорович Керем мог сооружать не только секретеры самых разнообразных моделей и устанавливать их в усадебных кабинетах. Уже в последней четверти XIX века он удостоивается серебряной медали Министерства финансов «за очень хорошее исполнение... стола с ящиком, выдвигающимся на все четыре стороны».

Услугами торгового дома «Федор Мельцер и К^о» русское дворянство начало пользоваться еще с 60-х годов XIX столетия. Оно было одним из немногих, кому помещики заказывали не только отдельные предметы мебели, но порой и полную обстановку.

Помимо удивительного мастерства фирма Мельцеров притягивала и необыкновенной широтой предоставляемых клиентам услуг. Здесь были организованы с большой выдумкой и такие мастерские, как: скульптурная и рисовальная, столярная и токарная, слесарная и бронзовая, резная и лакировочная, швейная и обойная.

Архитектор Роман Федорович Мельцер, сын основателя компании, в конце XIX века получает заказ от императора. В 1894—1896 годах он проектирует для Зимнего дворца приемную министров, библиотеку и бильярдную. А следом (1896—1898) в Александровском дворце Царского Села создает знаменитую Палиандровую гостиную, Лиловый кабинет, приемную и рабочий кабинет Николая II.

Но при этом зодчий по-прежнему продолжает проектировать и меблировать городские и сельские усадьбы: Г. Г. Елисеева, М. Ф. Кшесинской, С. Ю. Витте, А. Ф. Кельха и Э. Л. Нобиля. В Москве на рубеже веков он отделяет особняк С. П. Рябушинского и даже успевает меблировать поместье А. Волконского в Риме, а также резиденцию болгарского царя Бориса.

Архитектурные элементы для русских дворянских усадеб делал и Ермолай Шрадер. Он создавал не только изысканных пропорций высокие парадные двери, но занимался и наборным паркетом, многопрофильными панелями, карнизами, а также деревянными элементами каминов.

Подобно Шрадеру архитектурные детали изготавливал и Николай Штанге. Интересно, что объем заказов значительно превышал физические возможности его рабочих (в 1860-е годы их было немногим более 70). Но чтобы не отказать клиенту и выполнить заказы в срок, он нанимает еще 100 рабочих и

20 мастеров, которые и работают за пределами его мастерских. Николай Штанге исполнял заказы не только на двери, шкафы, обивку стен и разнообразнейшие мебельные наборы, но поставлял и укладывал наборный паркет.

Самым загадочным среди мастеров по мебели был, пожалуй, Иван Щепетков, чья архитектура напоминала замковую.

Он умел не только создать обстановку помещений для представителей того или иного дворянского рода, но и угадать и, главное, умудриться выразить настроение заказчика. Порой, используя самые различные возможности декора, он делает потайные хранилища уникальных бумаг, фамильных и родовых реликвий, драгоценностей и антиквариата, а также ложные двери или раздвижные каминные, за которыми скрываются другие помещения.

В России XIX столетия сооружений замковой архитектуры существовало совсем немного: конный двор и ряд других построек в Марфине под Москвой; Михалково и Покровское-Стрешнево, отдельные строения которых сохранились и по сей день на окраинах столицы; Михайловский, а ныне Инженерный замок в Петербурге; Хлебный корпус в подмосковном Царицыне; башни знаменитого Знаменского-Губайлова в усадьбе рода Долгоруких; Васильевское, что принадлежало роду дворян Яковлевых; а также Молдавка, принадлежавшая потомкам древнеримского рода князей Кантакузен.

Кантакузен, Панина

Так уж получилось, что замковый, романтический характер усадеб во многом определял и неординарность, самобытность судеб обитателей этих поместий. Архитектура как бы задавала тон превратностям жизни людей, в ней пребывавших.

Молдавка — одно из имений князя Кантакузена.

Род Кантакузен происходит от византийского императора Иоанна VI. В свою же очередь, пращур

Иоанна VI Кантакузены — военачальники времен Древнего Рима.

Прошло много времени, и потомки Иоанна VI стали господами (царями) в Молдавии. При Екатерине II Николай Кантакузен приехал в Россию и поступил на службу. В бытность его атаманом бугских казаков ему были пожалованы земли, которые он должен был заселить. Часть этих земель составила тогдашняя усадьба Молдавка.

На протяжении полутора веков родовое имение постепенно, огромным трудом и заботами, посреди пустынной степи, лишенной воды и растительности, превратилось в красивейшую и богатейшую усадьбу. Его не продавали, не бросали на волю случая, а холили и лелеяли из года в год, из рода в род.

Что скрывалось за стенами этого загадочного замка? Его меблировка сохранилась, пожалуй, с екатерининских времен.

Низкий, широкий, короткий диван, необыкновенный стул с точеными ножками, огромное трюмо, старинные клавикорды... На стенах — сабли, золотое оружие, седла, осыпанные бирюзой...

В большой комнате замка на всех стенах шкафы с книгами. Один из них — потайная дверь, которая, беззвучно перемещаясь в сторону, обнаруживает за собой тайный ход.

Но, пожалуй, особая гордость усадьбы — ее парк. Тем более что здесь, в степной, безграничной полосе, таких ухоженных парков крайне мало. Они — как оазисы в пустыне. Усадебный дом в Молдавке будто купается в зелени, а порой кажется — тонет в ней. Белый, величественный в притягательной простоте прошлого двухэтажный замок с зубцами и башнями. Снизу от земли тянется, прильнув к вековым стенам, зеленый хмель. Кое-где он перетекает через зубцы башни и крепко держит слегка потемневшую от времени внутреннюю стену. Его гибкие стебли раскинуты по каменной террасе и верхнему балкону. И если тенистый сад укрывает здесь только от солнца, то резные листья хмеля заботливо оберегают и в дождь, соперничая с крышей.

Перед замком — старинный партер с изящными клумбами. А в самом центре — редкий для степной полосы фонтан. От усадебного дома тенистая прямая аллея столетних деревьев увлекает к пруду с журчащими и впадающими в него ручьями.

Озеро, окаймленное, будто картинной рамой, кронами деревьев, переходит в огромный парк с причудливыми аллеями тамариска, акаций и пирамидальных дубов. Узкие, уютные дорожки, обрамленные кустами сирени, которые, соединяясь верхними ветвями, замыкают пространство густым сводом. Удивительная для этих мест прохлада.

В траве по краям дорожек множество улиток — «escargos». То особые французские улитки. Один из князей Кантакузен любил французское блюдо, приготовленное из этих улиток. А потому вывез их из Франции и развел в своей усадьбе. Увлечение прошло, минули стародавние привычки, а улитки остались, уже не рискуя попасть в руки повара.

К числу русских усадеб, напоминающих замки, относится и старинная вотчина Марфино. Здесь, в усадьбе, и по сей день на склоне холма, горделиво поглядывая на окружающее пространство, стоит помещичий дом. К нему с левой стороны, окаймляя огромный пруд с небольшим островком, ведет широкая мощеная дорога.

В запущенном пейзажном парке — гrotты, руины, остатки оранжерей XVIII века. А в стороне, за прудом — живописная башня середины XIX столетия. На холме, правее господского дома — обширный конный двор. Его крутые высокие стены больше напоминают крепость, приготовившуюся к обороне. Историки архитектуры называют весь этот Марфинский ансамбль «псевдоготикой».

Вотчина Марфино, известная еще жившим здесь в конце XVI века дьяком Щелкаловым — знаменитым дипломатом, в последующие годы поменяла немало владельцев. С середины XVII века здесь пребывали князья Голицыны. Памятен России и род Салтыковых, обосновавшийся здесь с первой трети XVIII века. Именно при П. Салтыкове, талантливом военна-

чальнике, разбившем при Кунерсдорфе Фридриха II Прусского, усадьба расстраивается. Но от той поры до наших дней остались лишь круглый двухъярусный павильон, беседка да два корпуса псарен. Ну а что же было, как деликатно выражаются нынче, утрачено? Популярный русский бытописатель и мемуарист Ф. Вигель в своих «Записках» рассказывал о Марфинской усадьбе при Салтыковых. Ведь тогда еще сохранялся целостный усадебный ансамбль с двухъярусным на возвышении домом «кудрявой архитектуры Возрождения». Здесь же, поблизости, шумел листвой регулярный парк, возвышалась густая липовая роща, почти примыкая к господскому дому, облагораживая усадьбу и заполняя залы восхитительным запахом в пору цветения. Особым достоинством Марфинской обители были ее театральные изыски. Два театра: один — в помещении, другой — на воздухе. Мастерство играющих было столь велико, что собирались не только окрестные помещики, но загодя, с большим запасом во времени съезжались и дальние гости (да это и сейчас путь неблизкий — станция Катугар по Савеловской железной дороге*).

Имение, разграбленное и сожженное французскими солдатами в 1812 году, впоследствии переходит к Паниной, а к 30-м годам XIX века приобретает иной облик. Автор нового проекта — М. Быковский, даровитый ученик Жилярди, который в центре композиции располагает господский дом, выполненный в романтическом стиле «готики» эпохи Николая I. Особенно поражает поэтическая красота малых архитектурных форм. Здесь и ажур въездных ворот, и загадочные силуэты грифонов, и пластика малого, чуть ли не камерного фонтана (середины XIX века).

Частыми посетителями марфинских театров были их ближайшие соседи — семейство Прозоровских, а позже Трубецких и Суворовых, наезжавших из имения Василия Ивановича Суворова Рождественно-Суворово (Михайлово).

* Станция названа в память о графе де Катугар — французском эмигранте.

Постройки замковой архитектуры и «неоготические» сооружения появлялись в Никольском-Прозоровском — усадьбе, прекрасно спланированной и принадлежавшей уже упомянутым соседям Паниных — Прозоровским. Особенно поражала псевдоготическая башня — оконные наличники, карнизы, наугольные ажурные колонки... К тому же и располагалась она на склоне пологого холма, хорошо приметная даже на большом расстоянии. Один из владельцев Никольского-Прозоровского, А. А. Прозоровский, отличался особой любознательностью, и прежде всего в парковом искусстве. Прошли десятилетия, сменились владельцы старинной усадьбы, но по-прежнему продолжали восхищать взор, пусть и в запущенном пейзажном парке, замысловатые гроты и остатки прозоровских оранжерей XVIII века.

Национальный романтизм

Архитектура и меблировка второй половины XIX столетия отмечена огромным увлечением дворянской среды национальным романтизмом. Немало владельцев русских усадеб были увлечены этим самобытным, чисто русским стилем. И в конце концов в последней четверти XIX века в России образуются два центра национального романтизма. Один из них — Мамонтовская усадьба в Абрамцево, а чуть позже — имение Тенишевых в Смоленской губернии.

В доме хлебосольного Саввы Ивановича гостили и работали художники и зодчие, артисты и музыканты. И вскоре Абрамцево превращается в центр формирования декоративно-прикладного искусства национального романтизма. Организованный здесь Мамонтовский кружок становится в истории русской культуры первым «домашним объединением». Сюда приезжают В. Д. Поленов, В. М. Васнецов.

В 1876 году супруга Мамонтова Елизавета Григорьевна открывает столярную мастерскую. Цель проста и благородна — благотворительность. Но уж если что-либо и создавать, то истинно художественные из-

делия. И если для учебного заведения информация постигается в библиотеках, то в художественно-прикладных мастерских — в музее образцов.

Когда же руководителем мастерских становится Елена Дмитриевна Поленова, сестра художника Поленова, музей уже насчитывает самые разнообразные типы и виды художественных изделий. Здесь и домовая резьба Поволжья, и берестяная резьба Урала и Русского Севера, и особая городецкая резьба, дополненная росписью. Перечень изготавливаемых образцов, по которым и вырезались художественно-прикладные изделия, насчитывал десятки, а позже и сотни самобытных предметов: самые разнообразные варианты письменных, чайных и кухонных столов, подвесные шкафчики, полки и шкафы, комоды и этажерки, стулья, табуреты и кресла, а также настольные украшения — шкатулки, коробка, коробки, письменные приборы, разделочные доски, солонки и конечно же детские игрушки, среди которых раскрашенные солдатики.

Стилизованные художниками Васнецовым, Поленовым, Якунчиковой народные орнаменты были настолько красивы и органичны в предметах мебели, что лишний раз подчеркивали ее уникальность. Небольшая мастерская, в которой было занято два десятка талантливых мальчишек, с годами стала давать доход от реализованной продукции.

Интересно, что эти предметы, сотворенные в духе национального романтизма, отвечали вкусам самых различных слоев русского общества. В конце XIX века эти изделия можно было увидеть в залах, гостиных и кабинетах русского дворянства. Особенно поражает, что эти предметы художественного ремесленничества восходили ко временам допетровской, боярской Руси и поддерживали стойкий интерес к русской национальной культуре.

А в 90-е годы спрос на абрамцевскую мебель возрос настолько, что в 1893 году мастерская меняет хозяина. Теперь она принадлежит Московскому губернскому земству. Меблировка русской мебелью дворянских усадеб, а нередко и городских квартир

становится более доступной, поскольку в Москве, в самом центре Первопрестольной — на Поварской и Петровке — в конце XIX века открываются «Магазины русских работ».

Сказочный мир княгини

Стоило появиться в России в последней четверти XIX столетия крохотному центру русской культуры, как и в других губерниях империи художники и зодчие начинают увлекаться этим новым (хорошо забытым древним) направлением. А по мере того как получали образование ученики Елены Поленовой, появлялись и новые «народные» мастерские — как земские, так и частные.

Особенно известным в ту пору кружком, позже превратившимся в настоящую регулярную школу, стал центр княгини Тенишевой. История его возникновения сколь своеобразна, столь и романтична. Все начиналось с любви Марии Клавдиевны и Вячеслава Николаевича Тенишева. В 1892 году они вступают в брак. А год спустя княгиня покупает небольшое имение неподалеку от Смоленска.

Раньше оно принадлежало близкой подруге Марии Клавдиевны — княгине Екатерине Святополк-Четвертинской. Усадьба была слишком мала, чтобы приносить ощутимый доход, но вполне достаточна, чтобы стать «идейным имением», то есть просветительским. Но что интересно — бывшая владелица продолжает оставаться (по желанию Тенишевой) фактической хозяйкой под крышей проданного дома.

При школе Тенишева создает мастерские кустарных промыслов, где обучает и резьбе по дереву, а также керамике, вышивке. Открываются рисовальные классы, даются уроки церковного пения.

Мария Тенишева — создатель всемирно известного центра русской культуры рубежа XIX и XX веков. Но и сейчас он известен не меньше, чем мамонтовское Абрамцево.

Во Фленове Тенишева создает сельскохозяйственную школу, потом ремесленное училище под Брян-

ском, открывает и несколько начальных народных школ в Петербурге и Смоленске. Появляются и рисовальные школы, в чем помогает ей И. Е. Репин. В Смоленске организуется музей «Русская старина».

Княгиня жертвует предметы из своих собраний (в том числе и уникальные эмали) Музею Общества поощрения художеств, Музею Общества школы Штиглица, Музею Московского археологического общества. И более того, Мария Тенишева представляет русское искусство на Всемирной выставке в Париже.

Уже в наши дни, когда с огромным интересом люди рассматривают уникальные (выходившие еще перед войной 1914-го) журналы «Мир искусства», мало кто знает, что именно она, Мария Клавдиевна, субсидировала это издание.

Будучи увлеченным человеком, она сочетала собственные занятия живописью со скрупулезной научной работой. Написала диссертацию «Эмаль и инкрустация» и, совершив воистину титанический труд, воссоздала более 200 новых оттенков непрозрачных перегородчатых эмалей. Ее открытия были представлены в Париже и Лондоне, Риме и Брюсселе.

При такой энергии и трудоспособности эта женщина, быть может, воспринималась сухим ученым, своего рода синим чулком. Но в жизни все было совсем не так. Княгиня Тенишева — человек удивительной красоты, не говоря уже о необыкновенной доброте и участливости. Не потому ли ее лепили Антокольский и Трубецкой. Писали — Коровин, Врубель и Серов. Репин же сделал с нее десять портретов.

Она была слишком умна, талантлива и образованна, чтобы быть на роли «светской львицы». Быть может, именно в этой роли и хотел бы видеть княгиню ее супруг, но у такой необыкновенной женщины и судьба складывалась поразительно. Ей предстояло возрождать традиционную русскую культуру...

Князь Вячеслав Николаевич Тенишев* — фактиче-

* Если князь принадлежал к старинному дворянскому роду, то происхождение Марии Клавдиевны остается тайной и по сей день. Полагают, что ее отцом был Александр II, он погиб, когда девочке было восемь лет.

ский владелец усадьбы, крепко «стоял на ногах». Его с улыбкой называли «русским американцем» и «князем-капиталистом». В то же время был он и талантливым ученым. Большой популярностью в научном мире пользовались его книги — «Математическое образование и его значение», «Деятельность животных», «Деятельность человека». Кроме того, он отличался организаторским талантом. Так что недаром Николай II назначает Вячеслава Тенишева главным комиссаром русского отдела на Всемирной выставке в Париже в 1900 году. И наконец, мало кому известен его композиторский талант. Он окончил консерваторию по классу виолончели, написал немало собственных сочинений.

Хотя подобных усадеб и подобных помещиков в России было совсем немного, важно другое. Эти лучшие представители русской аристократической интеллигенции конца XIX столетия смогли создать в своих маленьких поместьях духовно-культурные центры России и возродить традиционную русскую культуру. И с их легкой руки это национально-романтическое искусство становится необычайно популярным в России и обнаруживает тысячи последователей.

Мария Клавдиевна позаботилась и о досуге крестьянских детей. При школе существовал так называемый «Затейный театр», которым занимался художник С. Малютин. Размышляя об этом талантливом живописце, Тенишева вспоминала: «...по его эскизам изготовлялось убранство интерьеров и экстерьеров, делалась мебель, сани-возки, расписные дуги и балалайки, создавались вышивки. Малютин руководил столярной и керамической мастерскими. Обучал сельских кустарей».

Кстати сказать, художественные мастерские непрерывно расширялись. И постепенно из учебного заведения они превратились в производство, в уникальный промысел. Так что сбыт не ограничивался Смоленском. Теперь он осуществлялся и в Москве (магазин «Родник»).

В усадьбе не умолкала и музыка. Особенно популярна была балалайка. Балалаечный оркестр органи-

зовал Василий Александрович Лидин (псевдоним Богданов). «Он был французом, родившимся в Петербурге. У его матери была очень известная мастерская дамских нарядов на Морской. Он был умен, хорошо воспитан, красив, скромен, тактичен и неутомимо деятелен. Доброты был беспредельной и необычайно талантлив. Сам про себя он говорил: «Я великий человек на малые дела...»»*

Трудно сказать, где же проводила больше времени чета Тенишевых — в Петербурге или в милом, только приобретенном имении Талашкино. Но посещая Северную столицу, Мария Клавдиевна столь же энергична бывала и здесь. Занимаясь переустройством интерьеров в собственной городской усадьбе на Английской набережной, в своих воспоминаниях она писала: «В Петербурге так много банального в смысле обстановки, так трудно найти что-нибудь оригинальное!»

Для каминов, по рекомендации Гоголинского, я обратилась к очень искусному резчику, Волковицкому, который пресерьезно предлагал мне сделать камин в стиле «вампир», а из магазина Коровина явился приказчик с заграничными образчиками мебельной материи, окрестивший все светло-зеленые тона — «виардо», что означало «vert d'eau»**. Трудно было в короткий срок согласить весь «вампир» с «виардо», и я, как могла, частью от старьевщиков, частью на аукционах, приобретала красивые вещи, устраивая дом, по возможности, уютно. Выручили меня акварели хороших мастеров из моей коллекции, которую я еще с незапамятных времен с любовью собирала. Развешанные в большом количестве по стенам, они очень украсили наши комнаты».

И где бы только она ни находилась, все вокруг преобразалось. Принимало веселую, радужную и, главное, творческую атмосферу.

* В. А. Лидин похоронен на кладбище Сен-Клу под Парижем в одной могиле с М. Тенишевой, ее бывшей прислугой и Е. Святополк-Четвертинской.

** Цвет морской волны.

Когда стали появляться предметы мебели в Талашкинской усадьбе, Abramцево было уже известно всей России. А потому и неудивительно, что именно абрамцевские экспонаты Международной выставки в Париже, организованной в последний год XIX века, вызвали огромный интерес.

Но если в Abramцево более всего заинтересовывал сам национальный декор и единичность, уникальность сотворенного предмета, то «талашкинский подход» оказался совсем иным. Хотя и был представлен тоже в «русском ключе», но восхитил не отдельными изделиями, а всей обстановкой в целом. Все предметы мебели рассматривались в тесной взаимосвязи с общим декором зала. Так, диван строгих пропорций с высокой спинкой и волнистыми барочными боковинами, завершающимися резкими, угловатыми подлокотниками, прекрасно гармонировал с реалистической живописью и природными композициями, искусно развешанными на стенах.

Здесь же находились и замысловатые резные креслица и шкафчики. А по периметру, под самым потолком располагался удивительно красивый фриз из старинных фантастических сказок. И резьба и роспись — плоды богатой фантазии Марии Клавдиевны.

Буфеты, горки для посуды, даже, казалось бы, простые стулья обладали столь выверенными пропорциями, что это была уже не обыкновенная мебель, а изысканная архитектура малых форм.

И если за границей изделия тенишевских мастерских принимались с огромным интересом, у нас же в России относились к этому направлению неоднозначно. Правда, скорее неприятие его отечественными историками искусства и некоторыми архитекторами чаще всего возникало от простого неведения. Сама же Мария Клавдиевна, прекрасно знавшая предмет спора, предлагала «построить все наши кресла, диваны, ширмы и трюмо в русском духе, не копируя старины, а только вдохновляясь ею». Знарок отечественной истории, знаменитый Монигетти не копировал былое, а создавал совершен-

но новые здания, вдохновляясь самим духом Древней Руси.

Прошло полтора столетия, но и проекты Монигетти (Политехнический музей в Москве и ряд иных построек), и уникальные работы Тенишевой не потеряли своей свежести и красоты. Столь же интересен и по сей день подобный подход к декоративно-прикладному искусству Николая Константиновича Рериха, также работавшего в Талашкинских мастерских. Правда, и в этом новом направлении случались небольшие промахи — художник Малютин, при всей сказочности его произведений, мало задумывался о их функциональности. Так что Тенишевой нередко приходилось направлять его творческий пыл в логическое русло.

Мария Клавдиевна писала в те годы: «Задачей моей было по возможности дать больше образцов, забросать рынок новыми формами, влить новую свежую струю, и потому чем больше было у меня сотрудников и больше инициативы, оригинальности, тем лучше выходили результаты. Мне не хотелось подражать другим мастерским, хотя бы Абрамцевской, которые дадут какой-нибудь один мотив и тысячу раз на все лады повторяют его. Все эти ящички, кубики, полочки, виденные нами на всех выставках и в складе Московского земства, давно уже приелись своим однообразием и недостатком фантазии».

Дом, который построил Львов

Николай Александрович Львов...

Талант архитектора он подкреплял мастерством рисовальщика и твердостью линий опытного гравера. А увлеченному собиранию и исследованию русских народных песен помогал поэтический дар этого самобытного зодчего. О мудрых львовских механических устройствах и вовсе ходили по России легенды.

И в любой из вышеупомянутых областей знаний он был профессионалом.

Можно себе представить, насколько популярен был он как архитектор, если уже с 30-летнего возраста Николая приглашают строить в самом Петербурге (Невские ворота Петропавловской крепости, Почтамт и т. д.). Получает он заказы и на строительство целых усадебных ансамблей: Митино-Василёво Львовых — дальних родственников Николая Александровича; Прямухино — родственников и друзей Бакуниных; Горницы — Беклемишевых; Арпачёво — имение дяди; собственная усадьба в Черенчицах-Никольском; помещичий дом в Знаменском-Райке недалеко от Торжка; а также Садовый домик на даче Безбородко.

Дом Львова в Черенчицах удивительно компактен. Как и во всех его постройках, здесь воплощается принцип классицизма: целесообразность, прочность и красота.

Совсем не примечательный земельный участок львовского владения к концу XVIII века превращается в живописный усадебный ансамбль. Прекрасно зная не только рельеф существующей местности, но и саму геопластику земли, учитывая, что местность имеет уклон с северо-запада на юго-восток и саму гидрологию грунтовых вод, Львов сооружает дренаж и строит добротные деревянные водоводы под землей. Итог ожидаем — пять прекрасно устроенных прудов да еще и осушенная болотистая низменность.

Николай Львов задумывает на территории усадьбы большое число сооружений самого разнообразного назначения. Центр ансамбля — конечно же усадебный дом с прилегающим к нему совсем, правда, небольшим парадным двором и садом. Причем возводящийся дом посматривает своим главным южным фасадом на просторы нижнего парка. На продолжении оси (она проходит через центр дома) находятся пруды. К востоку от дома при въезде в усадьбу был задуман мавзолей.

В самой высокой северо-западной части усадьбы, прилегающей к полям, он строит зернохранилище, ригу. Ближе к дому появляются фруктовые сады с оранжереей, конный двор. В низкой юго-восточной

части усадьбы, поблизости от лугов и вод, Львов располагает обширный скотный двор. На крутизне Петровой горы он размещает кузницу, чтобы воздушным мехам кузнеца помогал еще и ветер. С запада к усадебному дому примыкал и небольшой сад, соседствовавший со скромным сыроваренным заводиком.

Однако самыми оригинальными были так называемые малые архитектурные постройки: храмик и грот-купальня, павильон-ротонда и павильон на острове, ключевой погреб-павильон и летний домик.

И в каком бы помещении дома в Никольском ты ни оказался, везде находишь какое-нибудь своеобразное, причудливое решение. Но это вовсе не оригинальничанье, а сама логика, воплощенная в инженерных конструкциях. Так, чтобы хорошо осветить в дневное время центральное помещение первого этажа дома, Николай пользуется вторым светом, проникающим через остекленный проем пола в центре зала бельэтажа.

Прекрасные пропорции помещений (гостиной, столовой), не умаляют и их практичности. Большое внимание уделяется отоплению, вентиляции, водоснабжению. Так, задумывая сооружение камина, он использует систему «воздушного отопления», с тем чтобы наружный воздух, проходя через жаровую часть камина, поступал затем в комнату уже теплым, одновременно и согревая, и проветривая ее. Львов изобретает «паровую кухню» — пар варил еду, мыл посуду, вращал вертел. Отделка интерьера была также продумана до мелочей.

В юго-западной части усадьбы Львова находилась группа построек, объединенная общей композицией. Приятели, гости, а то и просто приживалы жили в усадьбах месяцами, а нередко и годами.

Само понятие «приживалы» не имело нынешнего негативного значения. Если человеку было хорошо у того или иного помещика, значит, считалось, что он прижился. Так что иметь в усадьбе таких людей считалось хорошим тоном. И наоборот, о тех помещиках, где не было приживалов, ходила дурная слава. К ним относились с оглядкой, их сторонились.

Эти люди обедали за одним столом с хозяином, и отношение к ним было достойное. Правда, бывали и такие случаи, когда хозяева могли с ними повздорить. И лишь в этом случае они являлись к обеду раньше или позже помещичьих семей. Но в столе им конечно же никто не отказывал.

Для своего приятеля Вельяминова Львов построил миниатюрную усадьбу. Прекрасно зная его вкусы, выполнил ее особо, предложил Петру Вельяминову двухэтажный дом с балконами, колодезный журавель, набережные постройки и парусные филоуги у берега.

Очевидно, эта театральнореальная «усадьба в усадьбе» была-таки возведена, поскольку остатки фундаментов находившихся здесь построек существуют и по сей день. Они совпадают с планами зданий, что на рисунках Львова.

Можно сказать, что на замысловатых экономических расчетах и ежедневном изнурительном труде самого Николая только, пожалуй, и держалось имение. Немногие средства, выручаемые за зерно, рыбу, тотчас же шли в дело. Усадьба небыстро, но основательно расстраивалась. Немало средств ушло и на такое сложное сооружение, как мавзолей. Но ведь это же память предков...

А между тем всевозможные новые постройки требовали, в свою очередь, и новых, особо надежных строительных материалов. И мало того, оригинальных конструктивных приемов. Именно от них, от хозяйственных служб, зависело все благополучие Никольского. И Львов создает недорогие, но прочные, удобные и простые в эксплуатации службы.

Жилые здания, их внешний вид, интерьеры, меблировка были им уже давно продуманы. Хозяйственные же службы оказались для него куда сложнее. Особенно овины, риги, ветряные мельницы. И хотя примеров тому была уйма, его ум, острый, изобретательский, отвергает все, существовавшее до него, как недостаточно совершенное.

Проблема сушки и хранения зерна оказалась настолько сложной, что зодчий с головой погружается

и в ее решение. Умудряется, не будучи профессиональным аграрием, не только продумать и возвести эти хозяйственные сооружения, но сделать их еще и более доходными.

Ледяной дом

В каждой усадьбе, вне зависимости от ее респектабельности, всегда существовали ледники. В Никольском же и вовсе находилось несколько таких погребов. Естественно, что первым делом подвал был предусмотрен в доме под кухонными помещениями. Но особенно интересен погреб-ледник, построенный при западном флигеле поместья. Это была постройка, похожая на равностороннюю пирамиду. Два круглых, перекрытых куполами помещения располагались друг над другом. То, что находилось под землей, предназначалось для хранения льда. Другое располагалось на уровне земли и было оснащено остроумно задуманной и удачно воплощенной осветительно-вентиляционной камерой. А четыре проема приносили в помещение не только свет, но и удачно решали сквозное проветривание.

Постоянная низкая температура холодильного помещения достигалась циркуляцией воздуха.

Здание было построено из кирпича, а там, где требовалась наибольшая прочность, использовался камень. Само углубление для хранения льда было выложено блоками известняка.

Погреб исправно хранил лед все лето. Пирамида-ледник действовала вплоть до середины XX века, настолько прочной и инженерно разумной была придумана.

Из огня, да в полымя...

Пруды в общем ансамбле усадьбы занимали особое место.

И хотя по генеральному плану имения здесь можно было насчитать всего три пруда — два

верхних, что находились у подножия склона, в парке, и один — в стороне, при скотном дворе, но казалось, что их очень много. В какой бы точке усадьбы посетитель ни находился, он не мог охватить взглядом все это водное зеркало целиком. Его извивы, перетекания одного в другой были столь хитроумны, что каждый последующий шаг тотчас же сотворял и последующий, совершенно иной вид.

Предусматривает Львов небольшой и удивительно уютный грот. Здесь, в прохладе близ воды, нет лучшего места для отдыха.

Самый длинный пруд, так называемый Рыбный, или Балхон, живописно изгибался, замыкая пологий склон холма, на котором стоял дом.

Западная часть Балхона хорошо просматривалась из окон самой усадьбы. Она украшена небольшим островком с беседкой, а также полуостровом с высоким насыпным холмом, увенчанным павильоном-ротондой. Рядом с Рыбным прудом Львов создает Купальный пруд. За счет разницы в перепаде местности сооружает живописный каскад из валунов, а чуть поодаль — грот-купальню. Близ купальни появляется канава, что отводит излишки воды в третий пруд, растянувшийся в низине, невдалеке от коровника.

Чтобы замкнуть, завершить все это пространство усадьбы, а также обеспечить службы водой, выполняются самые разнообразные земляные и каменотесные работы. Он выстилает дно прудов лещадью* и облицовывает откосы камнем. При этом используется множество гидротехнических устройств.

В определенных местах усадьбы существовали и природные источники. Один из самых мощных бил фонтаном при въезде в усадьбу. А питался он водоводом из ключевых колодцев. Это небольшое каменное сооружение было построено в виде старинной боевой башенки.

* Лещадь — каменная самородная плита.

Усадьба Раёк принадлежала генерал-аншефу Ф. И. Глебову-Стрешневу, который владел многочисленными имениями в разных губерниях, в том числе в Покровском-Стрешневе под Москвой. То была крупная, как тогда говорили, хозяйственная единица, которая и предназначалась быть базой для развития так называемого хозяйства. В ней сочеталось, казалось бы, несочетаемое — соответствовать новым экономическим требованиям и одновременно отвечать эстетическим вкусам русского дворянства этой необыкновенной поры.

В свое время глебовская усадьба быстро набирала обороты. Прогрессивным решением было то, что взамен трехполья генерал вводит травопольную систему с посевом клевера. В его хозяйстве также множество овощей, культивировавшихся в Знаменском, включая и картофель, причем некоторые производились на сбыт.

Немалый доход приносят и оранжереи. Среди оранжерейных растений он разводит фишашки, занимается акклиматизацией шелковицы. Со временем предполагает устроить в Знаменском ботанический сад.

Этот энергичный генерал в отставке не забывает и свою любовь армейских лет — лошадей. Он создает в усадьбе небольшой конный завод. И начинает работать на сбыт.

Однако и конюшни, и иные хозяйственные постройки требуют строительных материалов. И Глебов, имея скромные доходы, решает не покупать кирпичи на заводах Торжка, а строит собственное предприятие. Здесь же впоследствии возникает и черепичный завод.

Если поначалу производит он простую черепицу, то вскоре, уверенный в широком сбыте по всей близлежащей округе, переходит на черепицу поливную. Обозы по закупке тянулись к нему даже из Твери, так как материалы были качественными. Недаром и флигели дома, и оранжереи Райка покрываются этой же черепицей.

Усадьба Раёк окутана неким флером таинственности. Загадочность здесь несет буквально все, к чему прикоснулась рука зодчего и мысль владельца. Так, Н. Львов изобретает своеобразный акустический экран, который направлял звуки оркестра в танцевальный зал усадьбы, где собирались многочисленные гости. К тому же он еще и скрывал музыкантов от глаз приглашенных. В перерывах артисты могли перекусить и отдохнуть.

Когда спускаешься в зал, первое, что бросается в глаза, — огромные окна, расположенные невысоко от пола. Отсюда освещенность зала и его слияние с окружающим пространством парка.

Огромные парадные двустворчатые двери при всей их видимой массивности с легкостью уступают даже слабому нажатию руки. На них сложный рельефный рисунок, украшенный матовой позолотой. Интересно, что сам цвет дверей соответствует цвету того или иного помещения.

Добиваясь ощущения большой высоты потолков в комнатах дома, зодчий отделяет карнизы от потолка небольшим просветом. Получается, как будто потолок парит над головой, придавая помещению удивительную легкость.

Не забывает он и о стенах. Когда гости на пути к залу следуют широким коридором, они замечают портреты владельцев усадьбы, оправленные в замысловатые алебастровые рамы.

Но если присмотреться, то можно увидеть, что в стенах помещений архитектором сделаны ниши. Они и служат для размещения картин и портретов, а рамы выполнены прямо на стенах.

Во всех помещениях усадьбы не устаешь поражаться цветовым решениям зодчего. Точеная изящная балюстрада бельведера, сработанная из мореного дуба, была когда-то окрашена в темно-красный (пожалуй, даже пурпурный) цвет. А внизу под цвет верхней части зала — красные двери с зелеными рельефными углублениями и с позолоченными деталями. Рядом с этим красно-пламенным цветом дверей — камин из темного мрамора.

Но стоило растворить двери, и перед глазами возник строгий зал, на стенах которого были размещены 24 царских портрета по периметру, оправленных в алебастровые рамы, увенчанные парящими над ними двуглавыми орлами. А над ними — роспись плафона.

Интересно, что композиция плафона перекликалась с орнаментом паркета. В середине зала стоял огромный обеденный стол, место которого уже было заранее предусмотрено рисунком паркета.

Эта главная анфилада парадного этажа, что началась от императорской столовой, по другую сторону описанного танцевального зала завершалась спальней. То был характерный прием в планировке дворянского дома. С опочивальней соседствовали кабинет, туалет и девичья. Парадная спальня имела прямоугольную форму, ее окна выходили в парк. В глубине комнаты Львов сооружает колонны и только за ними, как за своеобразной «границей сна», он размещает альков.

Примечательно, что спальня — единственная комната дома, которая была отделана (так же как и колонны) искусственным мрамором. Потолок был украшен плафонной живописью, а дощатый пол укрывал дорогой ковер.

Прямухинский ангел-хранитель

«У меня есть ангел-хранитель, светлый ангел — это воспоминания о том рае, где я был недавно. Туда, туда буду я удаляться моею фантазией, чтобы жить высокою и таинственною жизнью, чтобы освежаться и очищаться от ночи жизни».

Кому же и, главное, где удавалось жить этой самой «выскою и таинственною жизнью»? Было это в семействе Бакуниных, в усадьбе которых и находился небезызвестный нам литератор.

«В Прямухине у меня была фантазия, которая часто занимала меня, когда я бродил по саду, по берегу реки и по Кутузовой горе. Вот она — я думал: если бы

я разбогател, то купил бы себе поместье с таким местоположением, которое было бы копией с Прямухина. Развел бы такой же сад, построил бы такую же мельницу, такую же фабрику, такую же кузницу, церковь, наконец, такой же дом. Внутренние покои, неизвестные мне, заколотил бы наглухо, чтобы никогда ни моя и ничья нога не вступала в это святилище, а остальные убрал бы так же, как в Прямухине, и жил бы один, и бродил бы по саду и по всем заветным местам, и, забывши, ожидал бы встречи с кем-нибудь. То вот не отворится ли дверь святилища и не выйдет ли кто-нибудь разливать чай, то вот не мелькнет ли за деревьями розовое платье с белым корсажем, то — не услышу ли мелодические голоса, которые кличут друг друга этими родственными именами, которые я не смею произвести самому себе, в тиши моего кабинета... То-то было бы роскошное упоение тоскою и грустью...» — писал В. Белинский в письме Бакунину 18—19 июля 1838 года.

Прямухинская усадьба и в самом деле была необычайно уютной. Правда, господский дом не имел перед собой двора, обрамленного строем колонн, но в этом-то и заключалось его очарование и полное отсутствие официоза... Здание как бы уравнивали два флигеля, будто две чаши весов. По одну сторону — кухонный, по другую — церковный. Рядом с последним располагалась колокольня.

И коровник, и ткацкая находились в стороне, на почтительном расстоянии от дома. А вот близко к нему подступала удивительная цветочная оранжерея, о которой впоследствии вспоминали и многие прямухинские гости. Да и зачем было располагать ее где-то поодаль, если ее гостеприимно распахнутые двери с радостью привечали каждого переступающего порог.

Особые очарование и трепет охватывали вас, когда вы погружались в зеленые волны парка и медленно прогулочным шагом спускались к реке. На пути к плотине перед вашими глазами проплывала еще одна колокольня.

В Прямухине, так же как и в других усадьбах, строительство начиналось с хозяйственных построек.

Потом появится господский дом, хотя и обширный, но построенный из дерева. И только лишь на рубеже веков, когда молодой хозяин усадьбы А. М. Бакунин оставляет службу в связи с болезнью отца, начинается достройка дома. Но интересное дело, обычно изначально каменный дом расширялся достройкой деревянного этажа. В Премухине было все наоборот — к деревянному пристраивались каменные флигели, приобретая по фасаду внушительную длину — более семидесяти метров.

Дом строился основательно, но с известной долей элегантности, что, впрочем, не было сопряжено с большими затратами. Архитектор сооружает колонны скромного дорического ордера и их верхнюю часть украшает каннелюрами. Здание вмиг преобразуется. Как сказал о работе зодчего А. М. Бакунин: «И с лица столбами принарядил кой-как фасад».

Жизнь Званская — по Державину

Усадьба Званка. Она запечатлена на гравюре с акварели Абрамова. На переднем плане по зеркалу реки скользит барка под парусом. На берегу проверяют снасти, готовятся на рыбачий промысел. На противоположном берегу деревьев мало, а на вершине холма — двухэтажный компактный, почти квадратного очертания господский дом с четырьмя колоннами.

За его спиной темнеют постройки. Перед ним пологая длинная лестница спускается к речному берегу. Вокруг усадьбы — низкая ограда, обсаженная изнутри молодыми деревцами. Это усадьба, принадлежавшая Гаврииле Романовичу Державину.

Абрамов был личным секретарем Гавриилы Романовича. Свою акварельную зарисовку создал в 1807 году в память посещения Званки Евгением Болховитиновым — добрым знакомцем Державина, в ту пору игуменом Хутынского монастыря. Свою жизнь в Званке Державин описал в своем послании «Евгению. Жизнь Званская».

Усадьба располагалась на высоком берегу Волхова. На реке была пристань, где стояла лодка «Гавриил» по имени хозяина усадьбы, и ботик «Тайка», названный в честь собаки Державина. Господский дом знаменитого российского стихотворца, отважного солдата и блистательного офицера русской армии был небольшой, двухэтажный с бельведером и четырьмя скромными комнатами по фасаду. Он близок к квадрату и, пожалуй, напоминает своим видом «кубические» купольные храмы, что дало повод Державину назвать его «храмовидным».

Дом удивительно уютен, начиная с библиотеки и до необыкновенной столовой, строгость и величие которой сторожили теснящиеся в глубине залы полуовальным строем колонны.

Кабинет хозяина располагался на втором этаже. Державин любил здесь отдыхать на массивном диване. На стенах покоились охотничьи принадлежности и ружья.

Но, пожалуй, самое главное, что отличает большинство усадебных построек в России, особенно выpestованных Львовым, это укутанные флером таинственности, скрытые от глаз, тайные помещения. Что же уготовано было стихотворцу на этот раз? Казалось бы, все просто, красиво и открыто всем, и даже прихотливым взглядам и намерениям, но и здесь есть свои секреты. Оказывается, кроме парадной лестницы существуют и две потайные. И уж никогда не догадаться — сделаны они в виде ложных печей.

Так увидел Званку Я. Грот, посетивший имение в 1863 году: «...видны только остатки крыльца, на месте же самого дома лежат разбросанные кирпичи и сложена груда камней... Влево от дома (если стоять перед ним лицом к реке) был сад, теперь совершенно заросший; только на стоящем отдельно крутом холме видны деревянные столбы находившейся здесь беседки, около которой еще и теперь особенно густо растет зелень с одичалыми цветами... уцелели только немногие строения: баня, где отводилось иногда помещение некоторым из гостей, съезжавшимся на Званку, каретный сарай и часовня. Стоявшая внизу,

вправо от усадьбы, ткацкая, где приготавливали сукна и полотна, совершенно исчезла. Но позади мѣста, где был господский дом, виден теперь навес, под которым сложены разобранные бревна и доски его».

Гавриил Романович Державин умер в своей усадьбе 9 июля 1816 года. Его вдова Дарья Алексеевна, отошедшая в мир иной в 1842 году, завещала устроить в имении женский монастырь. Но время шло, дом ветшал, а исполнение воли покойной владелицы затягивалось. Усадебный дом был разобран в 1858 году с целью использования строительного материала для создания женского монастыря.

В 1869 году здесь открывается женский Знаменский монастырь.

КАКИХ ЧУДЕС НЕ ВИДЕЛ ЗДЕСЬ Я?!

Много ли сохранилось, дошло до наших дней усадебных парков XIX века? А что же говорить о XVIII или о XVII? Причины разные. Перелицованная в начале XX столетия держава, войны, разруха и безвластие.

Так что, быть может, для наших архитекторов и дендрологов, агрономов да и просто людей, увлеченных русским парковым искусством, ценен случайно сохранившийся альбом Николая Львова с проектом сада Безбородко в Москве.

Одна из многочисленных загадок этого сада — подземный зал. Архитектор Львов украсил огромное пространство его пышными мраморными лестницами, колоннами и водяным многоступенчатым каскадом.

И совсем не важно то, что проект, заказанный Безбородко, не был осуществлен. Сам принцип такого подземелья послужил своеобразным эталоном для отечественных архитекторов XIX века. Сооружения, заказанные другими русскими помещиками, были и меньше, и скромнее, и много дешевле в воплощении, но все они оказались необыкновенно романтичны. Да одновременно и практичны, как, например, совсем небольшой грот, построенный в усадьбе Мусина-Пушкина Валуево под Москвой.

В каждом своем последующем проекте Николай Львов предлагает что-то совсем иное, необычное, но удивительно привлекательное. Прекрасно зная западные усадебные парки, он даже и не пытается их копировать. Это бессмысленно, а потому и не резон повторять.

Львов дополняет принципы живописного пейзажного парка, предлагаемые в теоретических решениях и проектах Чэмберса и Уэтли, Гиршфельда и Мореля.

Сад для прогулок

Львов — горячий и истовый сторонник сочетания приемов регулярных и чисто живописных. Именно это и является основой для планировки русских усадебных парков. Того же мнения придерживается и другой знаток паркового искусства, Андрей Болотов. Человек творческий, он не вполне справедливо считал французскую систему регулярных садов давно отжившей. Не был в восторге и от английских пейзажных парков.

Что же не устраивало его у англичан? Прежде всего «непомерность» и «излишность». Естественно, сопоставляя отечественные сады и парки с английскими, Андрей Николаевич видит больше достоинств именно в русских. Наши сады должны быть «ни английские, ни французские, а наши собственные и изобретенные самими нами».

Само понятие — «регулярность», «заданность» — несколько сковывает Львова. Если сад Безбородко в городе, то от принципа регулярности не уйти. По убеждению Львова, он «должен не токмо отвечать величию оного, но и служить еще богатою рамою великолепному дому... а потому и не может быть иначе, как Архитектурной или Симметрической».

Однако при всей парадности сада Львов, как блистательный декоратор, предусматривает и немалое пространство для уютных, скрытых от посторонних глаз уголков. Трепетно прорисовывает лукавые до-

рожки для интимных прогулок и бесед. Хорошо зная европейских парковых декораторов, он умудряется «согласить учение двух противоположных художников Кента и Ленотра». А иначе как же «поместить в одну картину сад пышности и сад утех»? И вот это соединение в одно целое двух противоположностей и становится особенно характерным для работ Львова. А следом — и для новых, чрезвычайно многообразных принципов русского садово-паркового искусства.

Львов так мастерски связывает эти две противоположности садов, что различие можно увидеть только на плане. От чего же отталкивается наш «гений вкуса», когда перелистывает альбомы европейских декораторов? И чем не намерен руководствоваться? Его поражает заумь, нарочитость непомерной симметрии французских садов.

Много ли стоит та симметрия, что, ножницами «изуродовав мирты, пальмы, даже самый кипарис, превращала деревья в медведей, в пирамиды, в дельфинов и наполняла сады наши зелеными неподвижными уродами, которые стали ни пень, ни дерево. По ее аршинному закону... половина сада представляет не что иное, как повторение другой половины, так что, увидев первую, другую никто и смотреть не желает».

Что же предлагает он взамен этой «ножничной архитектуры»? Если он и прорисовывает прямые аллеи в натуральном, без «вывихов» саду, то, чтобы устранить «единообразность прямой линии», вводит в общую композицию и естественно растущие деревья, а вот парковые сооружения он разбрасывает в чисто живописной манере.

Интересно, как же относится Львов к естественным природным условиям: к тому же рельефу, водным источникам или местной растительности? Они-то как раз и являются основными козырными картами в его «игре» с окружающим пространством. Оказывается, самые разнообразные рукотворные виды внутри сада Львов связывает с общим ландшафтом.

Хорошо, что эскизы, рисунки, рассуждения Львова случайно дошли до наших светлых дней. Но еще лучше увидеть собственными глазами остатки тех парков, что когда-то вырисовывал этот удивительный мастер.

Усадьба Введенское в Подмосковье была преподнесена императором Павлом I в подарок своей фаворитке Анне Лопухиной. Ее отец Петр Васильевич Лопухин пригласил для обустройства имения архитектора Н. А. Львова. Дом этот — своего рода «корона» на возвышенности. «Шлейф» парка спускается к Москве-реке, открывая широчайшую панораму. Сейчас, глядя на усадьбу с воды или, наоборот, — на воду с балкона усадебного дома, кажется, что и не составляло труда найти на берегу реки именно данное место, этой крутизны и поворота вод, настолько все органично.

Интересно, что динамике и придает Львов огромное значение. Парки, счастливо выпестованные его руками, не должны стоять на месте. Они обязаны как бы плыть вдоль речных вод, струиться вдоль или поперек ветра. На их пути должны встречаться суда, мельницы, водопады, клубы дыма, фривольные облачка и мрачные, сурово-свинцовые тучи.

Примечательно, что водные источники, как бы ординарно и незатейливо они ни выглядели, провоцируют на необыкновенные решения. Его изобретательство не знает границ. В саду уже упомянутой дачи Безбородко по склону горы тремя террасами ниспадают «текучие воды». Именно за счет водяных струй он связывает, соединяет и статуи, и гроты, и пейзажные сады.

Если архитектор был талантлив, он никогда не пытался подстраивать окружающее пространство усадьбы под те парковые ансамбли, которые где-то видел. Если парк разбивался у реки, пусть и самой невзрачной, уже можно было за что-то зацепиться. А коли существовал перепад высот, лучшего и желать нельзя. В таких случаях зодчему оставалось

только прикинуть, как будут проходить берега перекрытой плотиной речки и на каком возвышении будет поставлен господский дом. Согласовать будущий проект с хозяином и рядом инстанций — и вопрос решен.

В те далекие годы XIX века многие зодчие, подражая Львову, старались как можно меньше вторгаться в природные тайны. Просто пытались их обыгрывать. Выступали в роли эдаких скульпторов, снимая «резцом мысли» ненужные наслоения и обнажая суть предмета, как это делал древний Пигмалион.

Именно так и произошло с парком усадьбы Введенское, который как бы невзначай расположился вдоль дороги, уносящей нас к Звенигороду. Длинная прямая аллея открывала вид на сравнительно небольшой двухэтажный барский дом. Его следовало обойти, минуя широко распахнутые крылья флигелей.

Склон, опускавшийся перед домом, был настолько красив, что захватывало дух. Справа и слева возвышались массивные лиственные старинные деревья. Взгляд будто вели, направляли исподволь, увлекая к далекому горизонту. Поначалу под ногами были крутизна, ощущение большой высоты и дальности этого склона — у его основания деревца казались совсем кукольными. Дальше склон выпрямлялся, выправлялся в достаточно ровное плато и тянулся, как казалось, неизмеримо долго к реке, что искрящейся птицей временами посверкивала вдали.

Именно эта рукотворная водная гладь и убеждала нас в обширности пространства, казавшегося еще большим, чем было на самом деле. Однако вся эта «эквиглибристика» с обманными пропорциями не казалась искусственной. Все это было — естество. А вот тайна состояла в пропорциях и в чередовании планов.

Николай Львов писал владельцу этого имения П. В. Лопухину: «Милостивый Государь Петр Васильевич! Введенское ваше таково, что я замерз было на возвышении, где вы дом строить назначаете, от удовольствия, смотря на окрестность, и 24 градуса моро-

за насилие победили мое любопытство. Каково же должно быть лето? Приложив, как говорят, руки к делу, место сие выйдет, мало есть ли сказать, лучшее из подмосковных. Натура в нем все свое дело сделала, но оставила еще и для художества урок изрядный. От начала хорошего, от первого расположения зависеть будет успех оного...

Правда, что возвышение, под усадьбу назначенное, имеет прекрасные виды, с обеих сторон красивый лес, но кряж песчаный и жадный: воды ни капли, и все то, что на возвышении посажено, не будет расти медленно и хило, ежели не взять к отвращению неудобств нужных мер.

В новом фруктовом саду, по песчаной горе расположенном, тоже ни капли воды, как и на скотном дворе; на поливку и на поило должно по крайней мере определить три пары волов в лето, а без хозяина легко выйти может, вместо пользы, одно из двух необходимое зло: или коровы будут без поила, или во-лы без кожи.

Там, где вы назначили мне к конюшенному двору положить основание, т. е. по правую руку от перспективной дороги к роще, по теперешнему положению место не весьма выгодно, потому что весьма далеко от водопоя. Хорошего же колодца иметь на горе никак нельзя, и выкопанный в 12 сажен колодец держит в себе воды небольшое количество, которое скопляется из земли, а действительной ключевой жилы нет, да и быть не может, потому что горизонт обеих побочных речек, да и самой Москвы-реки лежит весьма низко...

Освидетельствовал обе побочные речки и берега их, и кажется мне, что есть возможность оживотворить живыми водами прекрасную, но по сию пору мертвую и безводную ситуацию вашей усадьбы, в саду и в скотном дворе вашем будут везде фонтаны, возле дома каскад великолепный, конюшенный двор при воде же текучей построен будет там, где вы его назначили.

Словом, прекрасное положение места будет право несравненное, все оживет и все будет в движении; по

сю пору я признаюсь, что виды романтические составляют без воды мертвую красоту, я говорю, без воды, потому что нижние воды, на которых хозяин имеет только право глядеть, а в деле употребить не может...

Все это поверял я на месте, нанес на план и теперь делаю расположение всей усадьбы вообще, которое по возвращении моем представляю на ваше одобрение...» (*Будылина М. В. Архитектор Львов. М., 1961*).

Большинство парков в русских усадьбах были красивы. Однако существовало совсем немного архитекторов, чей ландшафтный почерк можно было узнать, подобно живописной манере художника, не удостоившего свое полотно подписи.

Помимо удачно выбранного места для усадьбы в Введенском зодчий применяет и непривычную посадку деревьев кругами. И результат оказался восхитительным — сосны, быстро вырастая на склоне холма перед домом, на высоте соприкасались «зонтичными» кронами. И чем выше поднимались деревья, тем шире становился этот зеленый круг.

Мудрость подобной посадки состояла в том, что появлялся надежный зонтик от солнца, а его сфера находилась так высоко, что не мешая току воздуха и проветриванию пространства, не заслоняла обзор окрестностей. Да и воздушные возмущения, вихри, бури не были страшны деревьям, поскольку они держались кучно, замкнутым кругом.

Но вместе с тем зодчий не забывает уделить особое внимание и тем растениям, что подобно шорам направляют ваш взгляд, ограничивая рукотворную «просеку» и внося регулярность в этот чарующий пейзажный парк.

И если по одну сторону усадебного дома, с северо-востока карандаш зодчего прорисовывает на генеральном плане парка сухие, бесстрастные ленты продольно-поперечных аллей и дорожек, то на юго-западном участке парка таилось столько загадок и чарующих диковинных пространств, что просто дух захватывало от каждой последующей и, главное, неожиданной встречи.

В теплицах усадьбы все продумано до мелочей. И ступенчатые решетки для растений, и прогулочная скромных размеров галерея, украшенная по одну сторону колоннами, и даже ящики для навоза и емкости для песка.

Теплицы были достаточно простые по конструкции, небольшие по размерам, однако температура, освещение в них соответствовали среде обитания тех или иных растений.

Зодчий предусмотрел три вида теплиц. Одни он называл холодными, другие — умеренными, третьи — теплыми. Так, в холодных температура поддерживалась зимой от 1° до 8°C . Он предусматривал их для содержания апельсиновых и лимонных деревьев, требовавших лишь незначительной температуры выше 0° , но не боящихся даже и случайных, кратковременных понижений ниже 0° .

Его же умеренные теплицы имели температуру от 8° до 15°C . В них зодчий предполагал содержание растений подтропических поясов, ну и конечно же менее взыскательных из тропических стран, таких как пальмы и папоротники. В теплых теплицах температура должна была достигать 20° и выше.

Примечательно, что зодчий, имея в своем распоряжении все виды строительных материалов, тем не менее использовал только дерево. Но почему не использовать металл? Оказывается, металлические конструкции, быстро охлаждаясь, понижали и общую температуру самого помещения. Кроме этого, на металле осаждалась влага, которая, попадая на растения, причиняла им вред. Разрабатывает зодчий и дополнительные особые деревянные рамы, которыми в зимние месяцы на ночь для тепла и прикрывали теплицы.

Оберегаются растения и в расчете на жаркое лето. Тогда вместо ставен на стекла накладываются особые притеночные щиты, создающие тень. Они изготавливаются из тонких деревянных планок, тростника, рогож и парусины.

Люди, бывавшие во Введенском, вспоминали, насколько красивы были теплицы в зимние ночи и ве-

чера, так как они все светились изнутри. А делалось все это с одной простой целью — при недостатке дневного солнечного света электрический благотворно влиял на растения.

Под куполом конного двора

Стоило войти либо въехать в усадьбу, как вскоре по правую руку в стороне выросло длинное здание конюшен. Место было выбрано очень удачно — близко и от усадебного дома, и от аллеи, по которой подъезжали. И вместе с тем, как сооружение хозяйственное, было оно развернуто к усадебному дому торцовой частью.

Кроме конюшен здесь же располагались и каретные сараи и существовали жилые помещения для кучеров и конюхов, кузнецов и каретников, шорников и колесников...

При конюшнях предусматривался и ряд необходимых подсобных помещений: манеж, фуражная, небольшая инвентарная, сбруйная, комната для дежурных.

Одной из отличительных особенностей этого конного двора являлся круглый купол и световые проемы по всему его периметру. Потому помещения были не только уютны, но и залиты светом.

«Каскад» и воду подает

Если в пейзажном отношении водоемы имели естественный характер, то и в парадности им тоже нельзя было отказать. Их оформление отличалось особой изысканностью. Водные феерии Львова дополнялись группировкой деревьев и кустов с учетом своеобразия их естественных очертаний, а также и самим разнообразием окраски в зависимости от времен года.

А между тем воды искусственных каскадов, водяной завесы в подножии статуи перед домом и «во-

дяной горы» в гроте при выходе из пещеры совсем неожиданно для глаза превращались в размеренные, спокойные ручьи, лишь кое-где преграждавшиеся порогами, и спадали, в конце концов, в нижние пруды.

Внимательно всматриваясь в природу, Львов замечал в ней места веселые либо меланхолические. Он умел эти настроения дополнять и развивать.

Если театральный декоратор манипулирует всего лишь теми декорациями, что сам и сотворил, то «декоратор природы» Львов совершает удивительное — он творит сказку веселую либо сумрачную из того, что есть, — «вход в луг загромаждают деревья темной и печальной зелени, между ними прогалина довольно широкая дает место дороге, против которой выход засажен зеленью веселой и свет обращен на онаю с востока и с полудня».

Отображая плоскости и объемы парков, Львов придает большое значение распределению солнечного света. Он отмечает, что это «правило самое важное и самое трудное для начинающего сновa, но в готовом лесу легко и с пользою употребить можно».

Умело приспособливает даже «героический каскад» у храма Нептуна в саду Безбородко — вода приводит в движение и мельничное колесо, подающее воду для оранжерей. Кроме того, у Львова колонны павильона не только украшают главный въезд, в них и лавчонки, где «продаются галантерейные вещи, конфекты, фрукты и проч.».

Техническая изобретательность Львова приобретала порой и совершенно немислимыe, казалось бы, решения. В саду Безбородко Львов создает небольшой уютный птичник «в веселом, но и в тихом и спокойном вкусе, утреннему времени отвечающему».

Располагаясь в небольшом зале птичника, можно было слышать птичье пение, что раздавалось под куполом. В нишах этого зала, за карнизом были устроены отверстия с трубами, тянувшимися от вольеров. Служитель, открывая и закрывая отверстия, регулировал силу звучания этих удивительных птичьих рулад.

Каскад прудов у реки Логовеж

Территория, на которой привольно раскинулась усадьба Раёк, удачно выделяется более сложным, чем окружающее равнинное пространство, рельефом. Мало того что петли реки Логовеж и причудливый лучистый островок придают этим местам романтический характер, возвышенный участок, заметный еще издали, с Московского шоссе, просто не мог оставаться незамеченным. А потому именно здесь энергичный Ф. И. Глебов постепенно, шаг за шагом, и создает свое поместье-хозяйство. Эдакое подобие нэпа в XVIII веке.

Итак, приближаясь к Знаменскому, дорога пересекает территорию старой (еще до Глебова) усадьбы. За ней виден широкий овраг с серебром прудов. Затем путь следует частью парка, мимо церкви. И наконец, с северной стороны вырастает центральный усадебный комплекс. Перед домом, минуя широкий, идеально гладкий зеленый луг, пролегает широкая аллея. Она по-своему таинственно-загадочна. По правую руку где-то в глубине парка просматривается маленький архитектурный «бриллиант» — погреб-ротонда. Дорога всё продолжает уводить к реке, открывая удивительный обзор на верхушки деревьев, что заметны на речном острове.

И когда до реки остается уже совсем немного, меж деревьями справа вдалеке виден храм Цереры, а слева — так называемый «теплый павильон», где можно было укрыться на случай дурной погоды.

Была предусмотрена и другая аллея справа, параллельная первой и также приводящая к реке. А начиналась она на территории большого фруктового сада. Ее необыкновенную живописность оттеняли и подчеркивали три протяженных каскадных пруда. На берегу белели пристани и купальни. А вот сами запруды являлись одновременно и мостами, и даже затейливыми гротами, а также надежно защищали от солнца.

Побродив по аллеям парка, убеждались, что здесь был и другой каскад прудов, сооруженный на ручьях, питающих Логовеж. Но, как и все остальное, красота всех этих зеркальных ступеней, нисходящих к реке,

была и практична. А иначе зачем и заниматься трудоемкими земляными работами, перегораживая русла речушек и, главное, постоянно следя за чистотой вод и исправностью мостов? Здесь, в южной системе прудов, разводили рыбу. Тем же знамениты были и северные пруды. Так что просторы водной глади с лихвой окупали все затраты хозяйства.

Но если пруды северной части усадьбы, при всей своей живописности, имели более выраженное практическое назначение — они были и больших размеров, и находились на юру, облегчая и убыстряя торговые сделки, то пруды южные, также участвуя в экономике хозяйства, продолжали свою романтическую песнь. Да и местоположение их было совсем рядом с домом. А самый большой из всей этой южной системы был украшен еще и островом, на который был перекинут однопролетный арочный мост из дикого камня. На этом фантазия зодчего не заканчивалась — под арку моста вас увлекал затейливый, но инженерно совершенный спуск.

Покидали гости усадьбу, проезжая между северными прудами в сторону Московского шоссе. И последний знак, отмечавший ее границу, — грот, в котором с тихой грустью посматривала на вас сделанная из камня скульптура русалки. В середине XX столетия мне довелось увидеть остатки этого каменного изваяния прекрасной работы. Была ли то русалка или нечто иное, сказать трудно. Правда, некоторый свет на эту утрату проливает старинное, двухвековой давности письмо (от 19 апреля 1798 года) помещика Глебова архитектору Францу Руска: «Я весьма удивлен, что вы меня спрашиваете, куда статую ставить, поелику она будто прибыла с реки, то и должна глядеть сидящей в гроте, яко приплывшей к пристани» (*Будьлина М. В.* Архитектор Львов).

Поэзия русских садов

Предки Андрея Болотова упоминаются в русских летописях еще с XVI века. Родился он в родовом сельце Дворяниново Тульской губернии. Десятилетним

мальчишкой был зачислен в Архангелогородский полк, где его отец служил полковником. Науки постигает с отцовской подачи — немецкий, французский, географию, арифметику. Он рано теряет родителей, поэтому научные премудрости дальше одолевает сам. Изучает историю, географию, фортификацию, с превеликим удовольствием упражняется в рисовании. Дальше — военная служба.

Андрей Болотов — свидетель всех таинств правления Петра III и екатерининского переворота. Однако не участник, несмотря на все уговоры приятеля по службе — графа Орлова. Потом — добровольная отставка в чине капитана и деревенская жизнь.

Между тем молодая, энергичная императрица усердно ищет опытного селянина, кто бы мог управлять ее имениями в Киясовской волости, которую она решила приобрести. Князь С. В. Гагарин сбился с ног, подыскивая человека. Тогдашнее Вольное экономическое общество указывает на Болотова. Князь проверяет его в деле и только затем соглашается.

Позже Болотов управляет собственными имениями Екатерины II в Богородицкой волости. Итог его службы поражает воображение даже самых энергичных ученых той поры — в конце XVIII столетия появляется гигантская аграрная энциклопедия в 40 больших томов. Это ли не руководство для десятков тысяч мелкопоместных хозяев?!

В многословной, старорежимной манере это сочинение (которым, кстати, будут пользоваться весь XIX век) сообщало, что оно есть «собрание всяких экономических известий, опытов, открытий, примечаний, наставлений, записок и советов, относящихся до земледелия, скотоводства, до садов и огородов, до лугов, лесов, прудов, разных продуктов, до деревенских строений, домашних лекарств, врачебных трав и до других всяких нужных и неизбежных городским и деревенским жителям вещей».

И хотя после ухода Екатерины II Болотову предлагали продолжать управление имениями в Богородицкой волости, теперь уже принадлежавшими графу Бобринскому (внебрачному сыну императрицы),

Андрей Тимофеевич снова в собственной деревне, в аграрных заботах. И даже его пребывание по делам в Петербурге было кратковременным. Чуть долее того, чтобы получить из рук императора Александра I золотую медаль за заслуги, оказанные сельскому хозяйству.

Так уж получилось, что лучшего наставника парковой архитектуры у владельцев усадеб средней руки до той поры не было... Нет, конечно же существовали и до Андрея Тимофеевича крупнейшие архитекторы, коим доводилось заниматься и ландшафтами, к примеру, В. И. Баженов и М. Ф. Казаков, знаменитый натуралист П. С. Паллас и литератор Н. П. Осипов, ландшафтник-романтик Николай Львов. Однако для них парковая архитектура являлась лишь эпизодом. Болотов же, мало того что занимался строительством парков более 70 лет, славен и тем, что стремился придать садово-парковому искусству в России свои, национальные черты.

В чем же состояла эта специфика? Здесь напрочь отсутствовали какие-либо причуды и странности. Он просто строит усадебные парки исходя из особенностей русской природы, климата. Использует отечественные породы деревьев, кустарников и цветов. И он таки достиг цели — уравнил потребности с возможностями огромного числа владельцев русских усадеб средней руки. Их были многие тысячи — этих увлеченных последователей его подхода к русскому парку. Значимость Болотова и в том, что он фактически единственный из литераторов, кто подробно рассказал и о том, как же создавались парки, с каким трепетом относилось тогдашнее русское общество к садовому искусству.

С чего же начинает этот энергичный человек, кого, по его бедности, язык не поворачивается назвать «землевладельцем»? С перепланировки самой усадьбы. «Патриархальное строение» — дом был поставлен в глубине усадьбы. А с юго-запада перед ним находился сам собой выросший задний двор, «наибеспорядочнейший в свете». Он был буквально захламлен множеством мелких построек. Место же,

по праву принадлежавшее дому хозяина, на берегу пруда, рядом с большим садом занимала неказистая банька, топившаяся по-черному.

И хотя на территории усадьбы посадок было немало — две рощи, два сада, прекрасные старинные дубы, но из окон дома не было никакого обзора. Да и сам он был скрыт зеленой стеной деревьев. Так что прекрасные дали, что могли бы раскрыться с южной стороны, были напрочь перекрыты кудрявой зеленью деревьев.

Можно представить, как же все это случайное нагромождение служебных построек, садов и аллей раздражало Андрея Тимофеевича... Тем более что к тому времени он уже повидал множество садово-парковых ансамблей, в которых доминантой был сам дом. Он господствовал по размерам да и по месту — в центре либо на возвышении. Служебные постройки были меньших размеров, и их местоположение определялось исключительно удобством пользования. А вот сам парк, что окружал дом, должен был иметь и самую главную часть — «увеселительный сад». Находился он в непосредственной близости от дома. Его украшали статуи, клумбы,obelisks.

Если же хозяин обладал несколько большими средствами, чем обычные офицеры и чиновники, что толпой бросились в отставку вслед за манифестом («О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству»), то на их усадебных планах, заботливо расчерченных услужливыми архитекторами той поры, появлялась и геометрическая сеть аллей. Одни пересекались друг с другом под прямым углом, другие — по диагонали, третьи расходились от усадебного дома лучами. И наконец, существовали и такие аллеи, замысловатые изгибы которых более напоминали веселый лабиринт. Тогда эта теннистая череда парковых путей превращалась в удивительно сложный рисунок.

Нередко в совсем молодых парках, где юные деревца еще неспособны были защитить обитателей от солнца, где путь к соседним постройкам пролегал по солнечной лужайке, сооружали так называемые

огибные дороги. Такие дорожки в усадебных парках затенялись, представляя собой в жаркие дни приятные убежища от солнца.

Эти пространства образовывались сквозными деревянными решетками, покоящимися горизонтально на легких деревянных, чугунных, кирпичных, либо каменных столбах. У подножия столбов обычно высаживались вьющиеся растения. Быстро растая, они добирались по столбам до деревянной обрешетки и плотно устилали ее своими ветвями. Препятствуя солнечным лучам, эти ажурные зеленые покрывала не препятствовали току воздуха. Так что там всегда царила прохлада.

И если в XVIII и XIX веках термин «огибные дороги» понятен был любому строителю и садовнику, то уже в конце XIX столетия утвердилось новое понятие решетчатых навесов — «пергола», пришедшее из Италии, или «веранда», перекочевавшее к нам из Португалии. В свою же очередь, португальцы заимствовали его у индейцев.

Так что служилое дворянство, оседая в усадьбах, начинает с годами постигать и многие таинства паркового искусства. И если огибные дорожки не требовали особых усилий от владельца усадьбы, то стрижка деревьев, а тем более «малые формы» требовали услуг архитектора или хотя бы примерных рисунков, которыми молодые помещики делились друг с другом.

На гравюрах того времени можно рассмотреть прекрасно подстриженные ножницами садовников купы деревьев и кустарников. И чего только не достигали эти руки парковых мастеров! Начиная от скромных бордюров, живых изгородей и завершая стенками боскетов и высоченных шпалер.

Нередко в каких-нибудь дальних, глухих уездах у помещиков со скромным достатком, но безукоризненным вкусом можно было увидеть своеобразные сады, напоминающие архитектурные сооружения. Они были выстрижены из различных кустарников и деревьев. Перед взором представляли ниши, аркады, колонны, зеленыеobelisks. И если поначалу зеле-

ным насаждениям придавали формы шара, куба, полусферы, то потом стали превращать в очертание зверя или птицы.

В других же усадьбах на подобную «зеленую эквилибристику» смотрели с усмешкой, считая, что делать из естественного что-то искусственное и надуманное — дурной вкус. Творцы этих парков уже создавали изящные павильоны, самобытные беседки, затейливые мостики над крошечными ручьями. Строили лестницы и пандусы. Воздвигали колонны и обелиски. Украшали дорожки вазами с цветами, а на возвышенных местах оформляли обзорную площадку стройной балюстрадой.

Ко всем этим малым архитектурным формам вели дорожки, которые устигались битым кирпичом, гравием, разноцветным песком и мелкими ракушками. Иногда применяли толченый мрамор. В таком случае дорожки начинали искриться, создавая особый солнечный эффект.

Если же размеры усадьбы позволяли, зеленое пространство парка дополняла вода. Зеркало пруда не только украшало территорию, настраивало на романтический лад, но нередко и решало чисто практические задачи: там разводили рыбу.

Иногда владельцу доставалась слишком ровная земля, поэтому скуку пологого пространства необходимо было как-то разрушить. Вот тогда-то и брали на вооружение так называемый партер. Он состоял из нескольких «ковров», причем один из них был немного ниже остальных. Примерно 1/2 метра. И сразу все это пространство оживало.

Отбивали десятины под фруктовый сад...

Если до наших дней сохранились парки известнейших русских усадеб, то от небольших поместий, которых существовало в России великое множество, не осталось почти ничего. Лишь изредка, случайно оказавшись среди неухоженных полей, вдруг обнаружишь уцелевший четкий квадрат саженного леса,

остатки небольшого старинного парка, мастерски когда-то спланированного. Либо встретишь четкую, по линейке выверенную километровую лиственничную аллею (все, что осталось от усадебного парка обрусевшего швейцарского графа Келлера под Зарайском), а справа и слева от нее строгие квадраты одичавших фруктовых садов.

Так чем же были интересны эти малые культурные пространства, оживавшие, а иногда и появляющиеся на свет после знаменитого манифеста Петра III? Тем, что русский регулярный парк не являлся подобием западноевропейского. Он был накрепко связан с русской природой. В нем, как правило, росли деревья и кустарники отечественных пород. Владельцы усадеб любили, как и в допетровские времена, высаживать небольшие, светлые липовые, березовые и дубовые рощицы. И даже для стриженных шпалер (если и решали таковые завести) использовали веселый и задористый можжевельник.

И уж если и появлялся этот самый парк, то непременно с плодовым садом. Так что между аллеями прекрасно размещались разнообразные фруктовые деревья, ягодные кустарники, нередко огороды. А принимая во внимание, что эти фруктовые квадраты окружали со всех сторон аллеи, там было неветрено и тепло — оттого и урожаи радовали прекрасными плодами.

Отражением этих старинных, еще допетровских вкусов было также и само заполнение паркового пространства. Здесь, в небогатых скромных поместьях часто можно было встретить совсем прозаические, хотя и такие необходимые сооружения, как качели и горки, многочисленные павильоны с птичьими клетками. И если беседки, гроты, балюстрады еще издали привлекали своей сахарной белизной и редким изяществом, то все эти незатейливые сооружения соперничали своей яркостью, цветистостью даже со звучной парковой зеленью. Многие знатоки русских поместий отмечали, что русский парк, как мы видим, был милым, домашним и совсем не чопорным, как западноевропейский.

Так что к началу XIX столетия, когда служилое дворянство в течение полувека уже прочно укоренилось в деревенской жизни, продолжают бытовать в основном два типа парков. В провинции «тогда все еще с ума сходили на регулярных садах». И вместе с тем постепенно зарождалось и новое направление, чисто русское. Многочисленные парковые затеи начинают сочетаться с чисто лирическим, художественным подходом. Во главу угла ставят не французские или английские парки, выпестованные на небольших территориях, а широкооглядные, ландшафтные, привольно распластанные на многих сотнях метров.

Театр — с вешалки, усадьба — с парка

И неудивительно, что и Болотов тоже приступил к усадебной жизни, начиная с парка. Поначалу он расширяет территорию паркового пространства, уничтожает старый конопляник и разбивает фруктовый сад, где растут в основном яблони. Причем делает он это в довольно сжатые сроки — три недели. Разбитый по собственному плану сад замысловат, поскольку в нем большое число «длинных и поперечных, прямых и окружных аллей и дорог». Аллеи и дорожки обсажены липами. И все — в традициях русского садоводства — плодовые деревья окаймлены со всех сторон липовыми аллеями.

Заложив сад, Андрей Тимофеевич сооружает «садовый магазин», как раньше называли питомник. Год спустя чистит и поправляет старый пруд. Созывает окрестных крестьян и, наблюдая за их ловкой и спорной работой, с восторгом пишет: «...Не мог надивиться веселому характеру нашего народа, производящему и самые трудные и тяжелые дела с шутками и издевками, со смехами и игранием друг с другом!» В тяжелых и трудных делах постоянно и сам Болотов: «...Горел я уже нетерпеливостью и вожделением, чтоб скорей прошли гулящие дни и можно было приняться за вешние работы и не упустить сего нужного, но весьма краткого периода времени тщетно».

С годами дедовский сад превращается в регулярный. Ритмично посаженные насаждения появляются на прежде пустом и неприглядном склоне горы. Под горой, на месте ямы со стоячей водой поплескивает аккуратный четырехугольный пруд. Над ним раскидывается верхняя часть старого сада. Среди листвы просматривается новая восьмигранная беседка.

Причем экономическая сторона дела всегда во главе угла. Покупатели яблок болотовского сада — серпуховские мужики. Закупки растут, а потому Андрей Тимофеевич заводит еще один плодовый сад.

Мудрой оказалась и перепланировка парка. Теперь его новый скромный дом стоял на горе. Он как раз и стал своеобразным центром полукружия, которое голубой лентой отмечала река с непривычным для слуха названием Скнига. Прекрасен и обзор — вдали поля, пологие холмы, светлые, дрожащие листвою на ветру рощицы. Пространство же перед домом — ступени террас. Самая первая, верхняя — сплошной цветник. Неугомонный хозяин, он постоянно перестраивает сам парк, и если бы его спросили, что же в конечном итоге ты, Андрей Тимофеевич, намерен создать, в каком ключе и духе видишь свое замысловатое творение, он бы ответил: «Хочу увидеть его в пейзажном» и, как он еще любил говорить, — «в прекрасно-натуральном» стиле.

Увеселительные сады

Действенная, энергичная любознательность Андрея Тимофеевича увлекает, вовлекает его в изучение усадебных парков и садов, хотя и принадлежавших частным лицам, но... отдаваемых внаем городу либо владельцам трактиров. Бедность ли тому причиной или практичность, трудно сказать... но примеры такого частнокоммунального владения усадьбами в Германии (в Кенигсберге) Болотов наблюдал* собственными глазами.

* В России же подобные сады, превращая в городские увеселительные, бывшие владельцы дарили городу.

«...вместе с наступившею весною переменились во многом и наши веселости, забавы и упражнения... принуждены были и мы брать прибежище свое к гуляниям в садах и к препровождению в них с удовольствием тех часов, которые нам от дел оставались праздными.

По счастью, находилось тогда в Кенигсберге множество таких садов, в которые ходить и там с удовольствием время свое препровождать было нам невозбранно. Они разбросаны были по всему городу, принадлежали приватным лицам; были хотя и не слишком велики и не пышные, однако иные из них довольно изрядные и содержимые в порядке.

Хозяева оных для получения с них ежегодного некоторого дохода отдают их в наймы людям, питающимся содержанием трактиров, и сии, содержа таковые трактиры в домиках, посреди садов сих находящихся, приманивают ими людей для посещения оных, почему и бывают они в летнее время всегда наполнены множеством всякого рода людей. Ходят в них купцы, ходят хорошие мещане, ходят студенты, а иногда и мастеровые. Словом, вход в них, кроме самой подлости (“подлые люди” — холопы, крепостные), никому не возбранен, и всякий имеет свободу в них сидеть, или гулять или забавляться разными играми, как, например, в карты, в кегли, фортунку* и в прочем тому подобном. Единое только наблюдается строго, чтоб всегда господствовало тут благочиние, тишина и всякая благопристойность, почему и не услышишь тут никогда ни шума, ни крика и никаких других вздоров; но все посещающие сии сады, разделены по партиям, либо сидят где-нибудь в кучке, либо разгуливают себе по аллеям и дорожкам, либо забавляются какою-нибудь игрою и провождают время свое в удовольствии и в смехах. Никакая партия другой не мешает и никому нет ни до кого нужды, но все только стараются друг другу оказывать всякую вежливость и учтивость.

* Фортунка — азартная игра, представляющая собой упрощенную рулетку.

Приятно было поистине видеть и находить инде небольшую кучку пожилых людей, сидящих где-нибудь в беседке, тихо и смиренно и разыгрывающих себе свой ломбер; других же — инде на лавочках, под ветвями деревьев тенистых, пьющих принесенные им порции кофея, чая или шоколада, или сидящих с трубкою во рту и со стаканами хорошего пива пред собою и упражняющихся в важных и степенных разговорах. Пиво употребляли они для запивания своего табаку, а прекрасные сухари, испеченные из пеклеванного хлеба, для заедания оного.

Что касается до молодых, то сии занимаются более игрою в кегли или, так называемый, “лангебан” (ныне кегельбан. — С. О.), играя хоть в деньги, но без всякого шума, крика и в самые малые деньги, и отнюдь не для выигрыша, а для единственного препровождения времени. Инде же найдешь их упражняющихся в игрании в фортунку или в самом доме в бильярд; а если кому похочется чего-нибудь есть, то и тот может заказать себе что-нибудь сварить или изжарить из съестного, также подать себе рюмку водки, ликера или вина, какое есть тут в доме. Более сего ничего тут не продается, а что и есть, так и то все так хорошо, так дешево и так укомно (т. е. уединенно, уютно, с комфортом), что всякий выходит с удовольствием оттуда.

Мне долго незнакомы были сады и гульбища сего рода, и познакомил меня с ними не кто иной, как тот же товарищ мой немец, г. Пикарт... в которые дни было нам свободнее прочих, хаживали в такие сады пить после обеда свой чай или кофе и препровождать все остальное время либо в играх в кегли и фортуну, либо в гулянье, а нередко делали и они оба мне компанию и игравали со мною в ломбер. И могу сказать, что таковые гулянья мне никогда не наскучивали, но всякий раз возвращался я из них на квартиру с особенным удовольствием. В особенности же нравилось мне тихое, кроткое и безмятежное обхождение всех, бываемых в оных, и вежливость, оказываемая всеми» (*Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков.* СПб., 1871—1873).

Сад Головинский императорский...

Аналогичные тому, что существовали в Кенигсберге, — частные усадьбы и сады, становившиеся общедоступными на время, были и в России. С той лишь разницей, что, например, старинный Головинский сад с годами превратился из императорского Петровского в городской.

Этот величественный парк, который под названием Лефортовский существует и по сей день, появляется три столетия назад в Москве, на Яузе, в усадьбе сподвижника Петра Великого — адмирала Федора Головина. Позже эту усадьбу приобретает и сам царь, создает здесь собственную, императорскую резиденцию.

Он расширяется, подвергается переустройству поначалу под присмотром Петра, а позже и его преемников. Доводя его до уровня императорской резиденции, над садом работают и такие блистательные архитекторы, как Растрелли, Земцов и Бланк. А уже в екатерининскую пору этот московский «бриллиант» передается городу. С той поры в нем и начинают проводиться массовые гулянья.

И можно себе только представить, насколько интересно было побывать в этом городском саду именно профессионалу, творцу будущих многочисленных усадебных парков! Какие интересные находки по планировкам и озеленению он здесь мог обнаружить.

«...Сколько я дивился всему в саду, — писал А. Болотов, — но выехав, должен был удивляться еще больше; ибо хотя и без того было уже в саду превеликое множество народа, но во всю дорогу встречалось еще с нами бесчисленное множество карет, туда едущих. Казалось, что вся Москва поднялась тогда в Головинский сад, и я всего меньше надеялся найти тут такое великое множество благородных, какое я в сей день в сем столичном городе видел и какого я до того никогда не имел еще случая в одном месте видеть».

И если первые опыты Болотова касались лишь усадебных парков (будь то в Германии, где довелось

ему служить в елизаветинские времена, в России — Петербурге, Москве), то впоследствии, чего бы ни касалась его рука, имело глобальный характер. Если он, к примеру, забирал на хозяйственные нужды лес из Александровой рощи, то даже это делал с художественным вкусом.

Предварительно размечал на генеральном плане направления будущих просек-аллей. И забирая прорубленный на означенных просеках лес, умудрялся так формировать местность, чтобы даже со стороны, с дороги «открывались виды» на прямые сквозные просеки, что причудливо разбегались по лесу, вовлекая в ландшафтную игру все многоверстное пространство округи.

«Производить сады собственного своего вкуса»

Управлять имением в Богородицке Болотову довелось двадцать лет. Он вступает на эту суетную, непомерно тяжелую должность к моменту завершения усадебных построек. Так что пока его главная забота — парк.

Исходя из местности, планировка парка и логична, и удобна, и красива. Перед глазами городок за озером как на ладони. Этакое заозерье.

Болотов предлагает «производить сады собственного своего вкуса и такие, которые бы сколько можно сообразнее были с главнейшими чертами нашего нравственного характера». Те чертежи, планы, рисунки и гравюры с изображенными на них западноевропейскими парковыми «прелестями» не только неподъемны нашим дворянам среднего достатка, хлопотны в содержании, но попросту и не нужны.

Смущает нашего русского ландшафтника и какая-то оголтелая склонность к симметрии. Он полагает, что «...симметрия нужна только в таких частях сада, которые все либо из дома, либо при входе в сад видимы и вдруг глазом окинуты быть могут...». Пространство перед домом Болотов советует расчистить. Деревья не должны закрывать вид из дома.

На первом плане — партеры и цветники. Следом за ними — куртины, душистые цветы и травы. Однако для придания всем этим посадкам большей выразительности желательно куртины не только сделать фигурными, но и украсить небольшими деревцами и статуями, вазами и пирамидами. По сторонам же, как бы зрительно замыкая все это цветущее пространство, поставить несколько полубеседок.

По периметру все пространство перед домом Болотов рекомендует обсадить высокими шпалерами из лип либо других деревьев. Причем ряды этих деревьев могут быть высажены не только в строчную линию, но и затейливо изгибаться, с тем условием, чтобы в изгибах можно было установить вазы, колонны либо все те же полубеседки.

От пространства перед домом, видимое из окон усадьбы, должны были расходиться аллеи. Одна из них — главная, а потому — и более широкая. Такую аллею следовало сделать до конца парка. Она продолжалась за пределами парка, следовала через рощу или лес... И, быть может, даже тянулась сквозь этот лес, услужливо указывая очередным гостям самое начало пути в усадьбу. К тому же именно здесь, в начале этой залесной аллеи, желательно не позабыть поставить беседку либо галерею как знак местонахождения усадьбы.

Другие аллеи парка должны были направляться «во все стороны вкось» и заканчиваться там, где «поворот или что-нибудь такое, что могло бы остановить зрение».

А еще дорожки должны выводить к какому-нибудь «достопамятному и зрению достойному месту», а именно — к горкам и беседкам, боковым воротам и пруду и какому-то особенному месту, откуда и откроется необыкновенный, сказочный вид на неординарное окружающее пространство либо бескрайние, многоплановые виды.

А небольшие тропинки будут живописно извиваться между аллеями и подводить к площадке с цветниками, фигурными деревцами или садовыми скамейками.

Английский мастер Ланселот Браун, перед тем как построить парк, уничтожал все, что находилось на этом участке, и уже на пустом месте делал холмы, озера, рощи.

Андре Ленотр в своих замыслах всегда исходил из особенностей местности. Но учитывал лишь главное, которое старался еще больше подчеркнуть. «Мелочи» удалялись. Без колебаний уничтожался порой самый своеобразный уголок природы — «какая-нибудь живописная лощинка, бугорок, если они мешали общему плану».

Болотов стремится не к тому, чтобы, уничтожая одно, создавать другое. Его идея — находить простейшие способы, чтобы придать парку максимальную живописность и по возможности с наименьшим ущербом для природы.

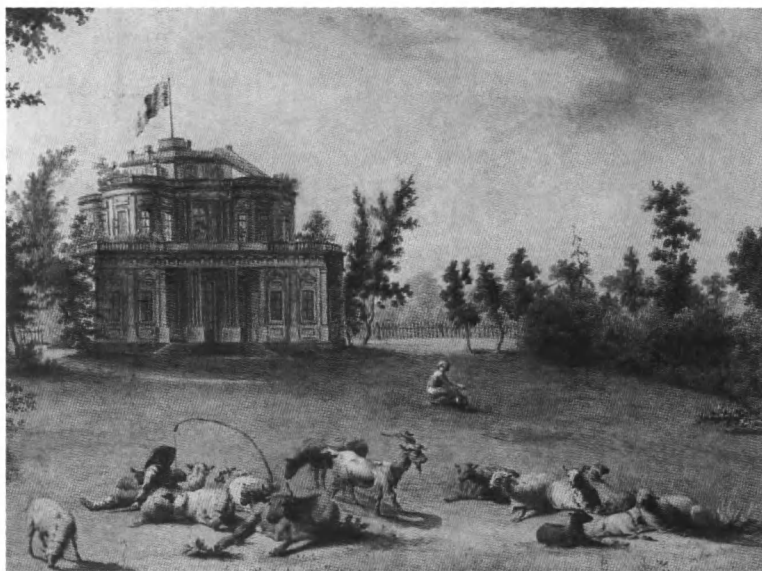
«...Все нынешнее садовое искусство наиглавнейше состоит в том, — считает Болотов, — чтоб готовые уже натуральные красоты мест увеличить колико можно еще более, а имеющие безобразие от зренья сколько можно прикрыть и дать им лучший и приятнейший вид; а притом в пределы сада поместить колико можно более натуральной красоты и приятнейших видов... при всем том крайнюю иметь осторожность, чтоб не назначить и не сделать чего-нибудь несогласного с натурою, состоянием и обстоятельствами каждого места».

Болотов, поступая таким образом, открывает для обозрения и дальние луга, и горы, и деревни, и живописные церквушки во главе сел. А поскольку вода оживляет пейзаж, он украшает парк перегороженным ручьем, превращенным в пруд. И уже на следующем этапе «прибирает» берега, подготавливая их под будущие дорожки для прогулок.

Не помехи ему лощины и овраги. Ведь это же будущие каскадные пруды! Здесь можно и разводить рыбу и превратить побережье в места отдыха, оснастив его гротами, беседками. Можно сотворить из лощины «глухомань», обсадив ее дикими деревьями, и вместо дорожек — прямых и ухоженных — сделать ведущую сюда извилистую, замысловатую тропинку.

Архангельское. Вид на усадьбу с юга.
С картины неизвестного художника. XIX в.

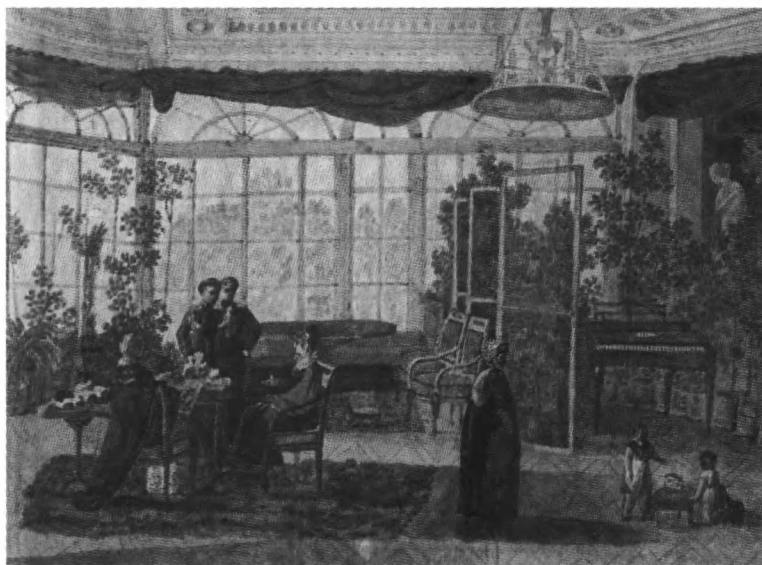

Дача А. С. Строганова.

Ж. Б. де ла Траверс. 1790 г. Акварель. Из альбома семьи Строгановых.

Гостиная в загородном доме графини Софьи Владимировны.

Е. Есаков. 1812 г. Акварель. Из альбома С. В. Строгановой.

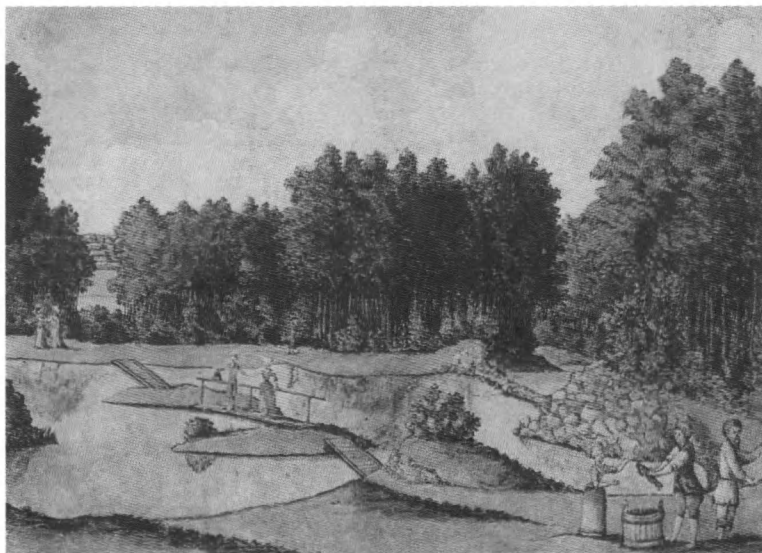

Братцево. Усадьбный дом. 1790-е гг.

А. Т. Болотов.

Богородицкий
парк.
Акварель
А. Т. Болотова.

Усадьба Ярополец Гончаровых.

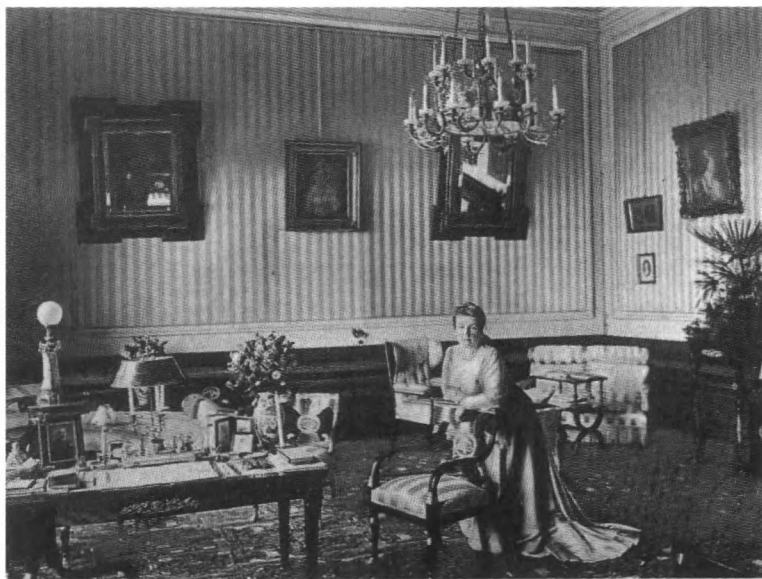
Центральная часть усадьбы Марфино. 1840 г. Литография.

Дворец в Марьине. С картины неизвестного художника. 1816 г.
Курский областной краеведческий музей.

Одна из гостиных в Марьине. Фото. Конец XIX в.

Мебель из усадьбы Фонвизиных-Пушиных в Марьине.
Первая четверть XIX в.

Предметы женского туалета и сумочка. *Первая половина XIX в.*

У туалета.
С картины
К. Е. Маковского.
1863 г.

Комодик «боб».
Россия. 1780-е гг.

Полдень. В окрестностях Москвы. С картины *И. И. Шишкина*. 1869 г.

Печатки для сургуча. *Первая половина XIX в.*

Утро помещицы. С картины А. Г. Венецианова. 1823 г.

М. К. Тенишева.

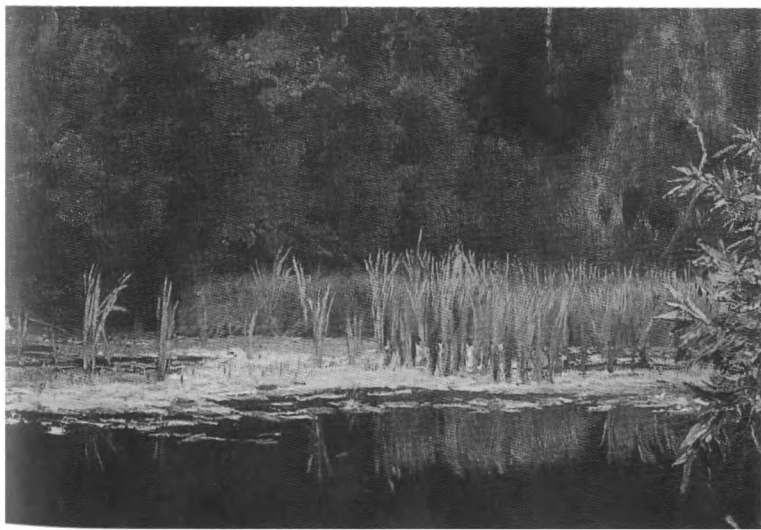
Церковь
Святого Духа
во Фленове.
Современное фото.
1988 г.

Церковь в усадьбе Абрамцево.

Пруд в Ахтырке. С картины В. М. Васнецова. 1880 г.
Государственная Третьяковская галерея.

Портрет Е. И. Новосильцевой с детьми. С картины К. И. Барду. 1830 г. (?).

Кукла «Любочка». Фарфор, роспись, лайка, волосы, батист, кружево, трикотаж. Ручная работа. 1850-е гг.

Девочка за уроком.
С картины
Э. Гаугера.

Кубики-азбука.
Москва.
Мастерская
учебных пособий
Д. Х. Померанцева.
1879—1880 гг.

Семейная картина (на балконе). С картины Ф. М. Славянского. 1851 г.

К хозяйственным же строениям отношение может быть двояким. Если это случайные, неказистые постройки, то от непрошеного взора они могут быть заслонены зелеными насаждениями. Однако существовало и иное решение — хозяйственные постройки разрабатывают в том же ключе, что и усадебный дом. В этом случае они могут быть дополнительным украшением усадебного парка, хотя и располагаться в стороне, автономно. Болотов озабочен и тем, чтобы и со стороны читался силуэт усадебных посадок.

Выстраивая парки, Болотов занимается не только разбивкой аллей, он выбирает и определенные породы деревьев. Так для аллей используются липы и вязы. А для тропинок и полускрытых дорожек следует высаживать клен, акацию, березу, рябину, сливу и орешник.

Для бóльшей красочности можно дополнить эти ленты дорожек низкой каймой ракитника, смородины и барбариса. И в итоге, стоит только нырнуть из широкой, респектабельной аллеи на тропинку либо дорожку, как прогулка тотчас же приобретает загадочно-романтический характер.

Здесь особая прохлада и полутьма. Над головой — многослойный зеленый шатер. Вы погружаетесь в мир запахов, тишины и завораживающего шороха отдельных листьев, вдруг поколебленных случайным порывом ветерка.

Частенько при разбивке парков владельцы не обращали ни малейшего внимания на случайно оставшиеся от предыдущих хозяев старинные одиночные деревья, а то и целые бесхозные рощи. Задумывая новую регулярную планировку, иногда пускали под топор древние, порой и вековые деревья. А ведь красота старинной кроны — это своего рода «парковый антиквариат». Разве следует забывать о благородстве «огромной высоты рощей и прекрасных дубрав, величественных и от старости, так сказать, поседевших уже дубов и других высоких деревьев... то, чего ныне ни за какие деньги купить не можно, ...потому что для произведения оных потребны целые веки годов».

Быть может, именно с болотовских времен владельцы русских поместий научились рассматривать собственную усадьбу и со стороны, с проезжих дорог. Постепенно приучались облагораживать и окружающее пространство, хотя именно к ним оно не имело ни малейшего отношения. А учил их этому ненароком, исподволь сам же Болотов. И вот каким образом.

В Богородицке, неподалеку от продовольственных складов, доживал последние годы небольшой запущенный донельзя лесок. Самовольные порубки, пустоты после них, бродящая среди жухлого кустарника скотина и клочковатая трава посреди вспоротой коровьими копытами земли настраивали на минорный лад. Однако местоположение леска оставалось завидным — на вершине холма и всего лишь в полутора верстах от усадьбы, управляющим которой и состоял в эти годы Андрей Тимофеевич.

«А не превратить ли это исчезающее полулесное пространство в увеселительный лесок?» — подумал он. Прогулки, встречи, игры детей, а со временем, быть может, и городской парк?! С чего же начинает неутомный преобразователь? Приказывает почистить лес, выкорчевав пни когда-то срубленных деревьев. И только затем разбивает «прошпекты и многие прямые и перекрестные косые аллеи, проводя оные так, чтобы в конце оных открывались вдали какие-нибудь знаменитые предметы, а особливо дворец с его башнею, также соборная наша церковь». Затем он огораживает этот лесок. Усердно занимается им и терпеливо ждет.

Проходит несколько лет. Болотовский первенец разрастается. Сквозь лесные кулиги* прокладываются прямые, неширокие дорожки-коридоры со смыкающейся кроной над головой.

Чем дальше путник удалялся в глубину леса, тем чаще встречал там рукотворные кулиги самых разнообразных форм и назначений. И когда посреди

* Кулиги — лесные прогалины, полянки.

густого леса вдруг возникал крошечный островок регулярного парка, срабатывал эффект неожиданности. На одной кулиге — совершенно круглой, циркульной формы, в самой ее середине примостилась крошечная дубовая рощица. Вокруг нее удачно разместились скамейки из дерна.

В центре другой, такой же циркульной кулиги грациозно трепетала под легким ветерком одна-единственная березка. Были кулиги, украшенные естественными природными воротами, составленными из двух дубов с переплетенной на вершинах кроной. С иных кулиг, если посмотреть внимательно в просвет аллеи, был виден силуэт Въездной башни.

Использовал здесь Болотов и своеобразные «лесные обманки» — человек, разгуливая по лесу, вдруг замечал манящий блеск воды в пространстве между деревьями и кустарником. Он направлялся туда. Однако ж подойти к воде напрямую не мог — кругом путь преграждали густые заросли. Тогда он устремлялся к цели по обходным тропинкам, что петляли среди зарослей. Путался, возвращался. Шел вновь, и, наконец, когда азарт поиска достигал апогея, его глазам неожиданно открывался сказочно красивый пруд, посреди которого крошечные островки с каменистыми замысловатыми берегами и подстриженными группками деревьев.

Старов или Болотов?!

История Богородицкого парка непростая. Архитектор — Старов, построивший усадебный дом, впоследствии присылает и план регулярного парка. Подобно дому, изумляющему простотой форм и изысканностью пропорций, парк на чертеже очень мал, но предельно изящен. Архитектор скован уже существующими размерами участка. Здесь и частично сохранившиеся валы старинной Богородицкой крепости, и прибрежная крутизна Большого пруда. Как же поступить в данном случае? И Старов умело

вписывает парк в границы участка неловкой трапециевидной формы.

Однако, как ни высоко было имя зодчего, местные власти решают от такого парка отказаться. В итоге дело перепоручают Болотову, в ту пору управляющему Богородицким имением. Единственное условие, которое ему ставят, — парк должен быть нерегулярным.

«Мое первое дело было обегать все обнажившиеся от снега высокие и беспорядочнейшие берега и горы, — писал А. Болотов, — прикосновенные с нашей стороны к большому пред дворцом находящемуся пруду. И на всяком месте останавливался смотреть и соображаться с мыслями о том, к чему бы которое место было способнее и где бы произвести мне водяные, где лесные, где луговые украшения, где обделать, сообразно с новым видом, бугры и горы, где произвести каменные осыпи, где проложить широкие, удобные для езды, и где узкие, назначаемые для одного только хода, дороги и дорожки, где смастерить разных родов мосточки и потом где б со временем произвести и разные садовые здания и отдыхальницы и прочее тому подобное.

Все сие, бегая и ходя несколько дней сряду по всем сим неровным местам, не только я придумывал, но в мыслях своих изображал их уже в том виде, какой должны они получить по отделке и разросшись.

И не успевала какая отменная мысль родиться в моем воображении, как спешил уже я изображать ее на бумаге не планами и не обыкновенными садовыми чертежами, а ландшафтами и теми разнообразными садовыми сценами, какие должны были впредь иметь в самой натуре свое существование...» (Болотов А. Т. Жизнь и приключения А. Болотова, описанные им самим для своих потомков).

При разбивке парка он проявляет особый подход. «...Тут советоваться надобно с самим натуральным положением места и не то делать, что бы хотелось, а то, что самое местоположение надоумит и к чему удобнее и способнее быть месту».

С северной стороны парка взору открывалась прямо-таки театральная, рассчитанная на многочисленные декорации долина. Ее необыкновенно украшало ожерелье маленьких, аккуратных прудиков.

Часть парка, которая ограничивала дом с севера, получила название Эхонической долины или «жилища Эха». Здесь же А. Болотов устраивает каскад прудов и строит павильон, предназначенный для купания, отдыха и дружеских бесед. Имел он несколько входов истинных и ложных. А главное, удачно декорированный под старину, с кое-где обвалившейся штукатуркой, покривившимися слегка окнами производил впечатление древнего сооружения.

Андрей Тимофеевич называет павильон «жилищем Эха». Благодаря созданному Болотовым акустическому эффекту в павильоне слышались слова, произносимые с определенного места, на расстоянии 80 шагов от сооружения.

Интересно, что молва о таинственном отзвуке распространилась моментально. Восторгаясь красотою парка и пользуясь необыкновенным радушием управляющего, сюда частенько наведывались жители окрестных поместий. Поначалу мало кто верил в акустические эффекты, случайно возникшие при постройке павильона. И конечно же предполагали самое простое — спрятанного человека. Но как ни исхитрялись обнаружить подвох — растягивали фразу, кричали, пели, — эхо, как бумеранг, услужливо возвращалось к произносящему.

Наконец кто-то из приглашенных заговорил на иностранном, в полной уверенности, что слуги, скрывающиеся за стенами павильона, языкам не обучены и в ответ он услышит лишь тишину. И что же? Эхо оказалось тоже иностранным.

А открыли впоследствии эту тайну музыканты. Им, оказывается, всегда были известны акустические свойства некоторых музыкальных инструментов, из-

готовленных из древесины. Эту закономерность как раз и подтвердил гладкий сухой тес, использованный в обшивке сооружения.

Эффект «улитки», подземелье грота

До XIX века частенько доносились отзвуки того искристого, порой грубоватого веселья и причуд, что были так широко распространены в XVIII веке. И если городская усадебная жизнь шагала в ногу с веком, то провинциальная, глубинная запаздывала, а иногда и просто не хотела бежать вприпрыжку за нуворишами. Сохраняла достоинство и степенность в делах, а беззаботное, простоватое веселье — в отдыхе.

В Богородицкой усадьбе и в XIX веке развлечения продолжают оставаться совсем не чопорными, а все такими же — простодушными. Причем веселятся не только всем обществом, коллективно, но и каждый персонально.

Здесь, в Богородицке, в летние месяцы бывало множество пышных красочных праздников с театрализованными представлениями на лоне природы. Сверкали фейерверки, будоражили воображение маскарадные выдумки. И над ночными водами прудов, отражаясь в их зеркальном стекле, радовало глаз многоцветье салютов. А жаркими солнечными днями нарядные гости растекались по затейливым прохладным аллеям, наслаждаясь заблаговременно продуманными «пейзажными картинками» Болотова, запахом цветов и ароматических трав, звуками усадебных оркестров.

Однако самое большое удовольствие доставляли так называемые затеи, например, «улитка». Гости, разгуливая по парку, вдруг обнаруживают среди аллей небольшую горку, сооруженную в виде улитки. И конечно же по узкой тропинке поднимаются к ее изголовью. И вот тогда-то, по условному знаку хозяйна, вода, бурля и взвихряясь, неутомным потоком несется к «улитке», мгновенно заполняет все прост-

ранство вокруг гостей. Они в своеобразной западне. Удивление, крики, смех. Тогда-то и появляются любезно приготовленные мостики, по которым гуляющие осторожно перебираются на сухое место. Вот такое неожиданное, чисто болотовское приключение и запомнилось надолго.

Им же был придуман и необыкновенный подземный грот. И здесь каждого нового гостя ожидал веселый розыгрыш. Стоило переступить порог сооружения, и вы обнаруживали в отдаленной полутьме направлявшегося к вам человека. Как вежливый гость, вы приподымали шляпу. То же совершал и он. Поигрывали тростью. Не прекращал подобных манипуляций и незнакомец. Так что неизвестно, сколь долго вы бы находились в немом недоумении, если б не гомерический хохот за спиной. И только тогда становилось ясно — над вами подшучивало зеркало, удачно вмонтированное в противоположную стену грота, а полутьма и сказочная красота помещения первые минуты не давали вам возможности сориентироваться и обнаружить подвох.

Ахтырка — поклонники усадебного парка

В верховьях реки Вори на холмистом берегу расположилась усадьба Ахтырка... Д. С. Ганешин, побывавший в имении в 1921 году, делился своими впечатлениями в сборнике «Панорама искусств»: «...по дороге, делавшей поворот направо вдоль границы усадьбы, дошли до главных въездных ворот в виде двух рустованных кирпичных столбов, увенчанных белыми каменными шарами, и, пройдя налево между ними, очутились в начале длинной прямой аллеи, обсаженной вековыми липами. Мы медленно пошли по ней мимо парников и протяженного здания оранжереи с левой стороны и ряда служебных построек, домиков и дач — с правой и, выйдя на просторный парадный двор, в плане почти квадратной формы, с фонтаном посредине, остановились. Справа мы увидели красавицу церковь с белыми колоннами порти-

ков и белым же декором на темно-вишневом фоне основных стен здания, а слева — большой, широкий, раскинувший свои крылья главный усадебный дом с торжественным фасадом и куполом над его центральной частью. С боков двор завершали с одной стороны кухня — здание с колоннами, с другой — большая дача. Все постройки в стиле ампир.

Вид через пруд с правого берега реки на величественный усадебный дом-дворец с замечательной «жилярдиевской» верандой-полуротондой, на садовые портики флигелей, на изящную пристань и прекрасно разделанный парк был запоминающе красив».

Красоту и дух этого царственного уголка бывлой России передал в своих этюдах «Усадьба в Ахтырке» и «Красная церковь» художник Василий Кандинский.

Раньше Ахтырка именовалась Денисово, потом Дудкино. Первое упоминание об этом месте встречаем в грамоте великого князя Ивана III в 1504 году. В 1694 году Дудкино принадлежало И. А. Панину, позже ею владеет В. Н. Татищев, основавший Екатеринбург. В 1743 году поместье приобретает князь И. Ю. Трубецкой. До 1879 года имение оставалось во владении Трубецких.

Свое последнее название усадьба получила после строительства в 1772 году здесь церкви во имя Ахтырской Богоматери.

И если нынче, в наши дни, от ансамбля, некогда славного, редкого по своей красоте, слишком мало что осталось, но есть возможность рассмотреть старую литографию с надписью: «Вид села Ахтырки, принадлежащего князю Ивану Николаевичу Трубецкому», старые планировки усадебного парка, которые дают нам представление, какой была усадьба в XIX веке.

Перед нами большой пруд с искусно, плавно очерченными берегами, ажурный мостик, широкая каменная пристань со ступенями, спускающимися прямо в воду. А по сторонам пристани — балюстрада, облокотившись на которую можно было рассматривать плывущие лодки и необычайно красивый,

особенно поздней осенью, ступенчатый парк по ту сторону водной глади.

На высоком берегу пруда господский дом — с центральной высокой частью, увенчанной куполом, над которым обычно развевался трехцветный русский флаг. Присутствие владельца усадьбы легко можно было определить по наличию этого флага.

Историк русской усадебной архитектуры и талантливый литератор Валерий Турчин писал: «Когда “старый” князь П. И. Трубецкой, следовавший неукоснительно своим барским привычкам, приезжал в свои владения, то специально назначенные “парни” следили за тем, когда его экипаж пересекал эту границу, и поднимали на высоком, установленном специально над зеленым куполом главного дома флагштоке трехцветное полотнище».

Находясь на круговой смотровой площадке, можно было видеть окружающее пространство, что раздольно простиралось далеко за границами владения Трубецкого, ведь недаром именно в этих местах Виктор Васнецов писал этюды к «Аленушке». До сих пор существует пруд, который запечатлел художник на своей картине. Здесь, в Ахтырке, написал он этюды «Пруд в затишье», «Осока», «У омута», «Затишье». По аллеям парка гуляли и М. Нестеров, и С. Аксаков, и П. Чайковский, и Н. Рубинштейн.

Главные постройки усадьбы создаются в 1820-х годах архитектором А. С. Кутеповым в духе ампира. Вокруг дома большой липовый парк, в глубине которого стояла двухэтажная беседка, получившая название «Эрмитаж». Стройные колонны-полуротонды завершались строгими валютами капителей. Над ними лентой тянулся фриз, а сверху располагалась большая площадка, с которой открывался не только вид на усадебный дом (место ей Кутепов определил как раз напротив усадебного дома, через пруд), утопающий в зелени, но и на зеленые кроны деревьев, мерно покачивающиеся под порывами ветра. Беседка была увенчана эоловой арфой, которая при порывах ветра издавала мелодичные звуки.

Аллеи старинного парка выводили к оригинальным небольшим мостикам через ручьи с грациозными перилами в березовой коре или к круглой беседке, или княжеской скамейке, на которой любил отдыхать Иван Петрович Трубецкой.

И если в таких усадьбах, как Архангельское, Кусково, обелиски, памятные колонны, павильоны владельцы усадеб сооружали в честь пребывания в этих местах великих князей и императоров, то здесь, среди скромных аллей парка, на небольшом холмике, возвышающемся над берегом спокойно-задумчивой и нежно-гладкоструйной речки Вори, вдруг возникает силуэт совсем небольшой, скромной колонны*. Это памятник, посвященный одним представителем рода другому. На нем трогательное стихотворное послание.

Оно далеко от пиитических изысков XIX столетия да и не претендует на отточенность форм, но по своему доброе и милое. Чисто семейного, альбомного склада. Поставлен знак Петром Ивановичем Трубецким в память о своей матери (это был всего лишь кенотаф**, поскольку сама княгиня Наталия Сергеевна Мещерская, по мужу Трубецкая, похоронена в лавре).

Тебе, мать нежная, драгая,
Я памятник воздвигнул сей,
Чтоб ум твой, доблесть вспомяная,
Излить здесь глас души моей.
Ты местность эту сотворила,
Храм Божий, воды, дом и сад,
Сама природу победила,
Всему дав стройный, дивный лад.
Вся жизнь твоя была сплетенье
Забот семейных и трудов,
А здесь нашла ты развлеченье
У милых Вори берегов...
Да будет в век же вспоминая
Сей памятник делам твоим,
А мне то сладостно сознание,
Что сын воздал достойно им.

* Ныне восстановлена и стоит на пьедестале у церкви.

** Кенотаф (подобие памятника) — погребальный памятник, возводившийся с древнейших времен многими народами мира, так называемая пустая могила.

Совсем недолго оставались Трубецкие владельцами Ахтырки, и в пору, когда пришлось продавать это таинственно-музыкальное имение, они, сохраняя память об одном из представителей рода — Наталии Сергеевне Трубецкой, переносят колонну к церковной ограде. В 1917 году рушится усадьба. Падает и колонна, но, к счастью, остается цела.

Шли годы. Многие вокруг усадьбы менялось, отнюдь не в лучшую сторону. По окрестным землям прошла Московско-Ярославская железная дорога. А довершила разрушение, казалось бы, прочного, сложившегося многими десятилетиями уклада реформа 1861 года. Хозяйство, в основном усилиями управляющих, приводится в расстройство. Помещичьи земли в округе приходят в упадок.

В 1920-х годах усадебный дом был уничтожен пожаром.

А. Н. Греч писал в «Венке усадьбы»: «Недавнее пепелище заросло травой, крапивой и бурьяном. Одиноко и оголенно стоит церковь, больше не ведет никуда дорога, охваченная пилонами въездных ворот... Над пепелищем склонили свои ветви плакучие березы, точно на кладбище».

ОБИТАТЕЛИ УСАДЕБ

С той же уверенностью, с какой Россию называли крестьянской (если иметь в виду только численность класса), страну нашу следовало бы величать и дворянской. Причем касается это не только качественного уровня отечественной культуры (на протяжении многих веков выпестованной, построенной и доведенной до гениального совершенства именно русским дворянством), но и количественного. Оказывается, общее число поместий в империи составляло в середине XIX столетия несколько сотен тысяч. И дело не в том, что 90 процентов этих усадеб принадлежали помещикам бедным либо однодворцам*. Важна та потенциальная культура многих из этих мелкопоместных родов, которая постоянно подпитывала не только живущих в округе крестьян, но даже и власть имущих, государственных служащих (при них они были секретарями министров, офицерами в армии, управляющими в имениях, на заводах и фабриках, лесничими в государственных и частных угодьях).

* Однодворцы — мелкие землевладельцы, обладавшие правом владеть крепостными, но облагавшиеся подушной податью наравне с крестьянами.

Эти люди, носившие в обществе и народе шутиво-насмешливое прозвище «мелкотравчатых», прекрасно знали свое дело, как правило, были честны и работоспособны до самозабвения.

Среди этих скромных помещиков встречались и женщины, пользовавшиеся не только уважением собственного класса, но и теплым отношением к ним местных крестьян.

«...Татьяна Борисовна — женщина лет пятидесяти, с большими серыми глазами навывкате, несколько тупым носом, румяными щеками и двойным подбородком. Лицо ее дышит приветом и лаской. Она когда-то была замужем, но скоро овдовела. Татьяна Борисовна весьма замечательная женщина. Живет она безвыездно в своем маленьком поместье, с соседями мало знает, принимает и любит одних молодых людей. Родилась она от весьма бедных помещиков и не получила никакого воспитания, то есть не говорит по-французски; в Москве даже никогда не бывала — и, несмотря на все эти недостатки, так просто и хорошо себя держит, так свободно чувствует и мыслит, так мало заражена обыкновенными недугами мелкопоместной барыни, что поистине невозможно ей не удивляться... И в самом деле: женщина круглый год живет в деревне, в глуши — и не сплетничает, не пищит, не приседает, не волнуется, не давится, не дрожит от любопытства... чудеса! Ходит она обыкновенно в сером тафтяном платье и белом чепце с висячими лиловыми лентами; любит покушать, но без излишества; варенье, сушеные и соленые предоставляет ключнице. Чем же она занимается целый день? — спросите вы... Читает? — Нет, не читает; да и, правду сказать, книги не для нее печатаются... Если нет у ней гостя, сидит себе моя Татьяна Борисовна под окном и чулок вяжет — зимой; летом в сад ходит, цветы сажает и поливает, с котятками играет по целым часам, голубей кормит... Хозяйством она мало занимается. Но если заедет к ней гость, молодой какой-нибудь сосед, которого она жалуется, — Татьяна

Борисовна вся оживится; усадит его, напоит чаем, слушает его рассказы, смеется, изредка его по щеке потреплет, но сама говорит мало: в беде, в горе утешит, добрый совет подаст. Сколько людей поверяли ей свои домашние, задушевные тайны, плакали у ней на руках! Особенно любит она глядеть на игры и шалости молодежи; сложит руки под грудь, закинет голову, прищурит глаза и сидит, улыбаясь, да вдруг вздохнет и скажет: “Ах вы, детки мои, детки!..” Так бывало, и хочется подойти к ней, взять ее за руку и сказать: “Послушайте, Татьяна Борисовна, вы себе цены не знаете, ведь вы, при всей вашей простоте и неучености, — необыкновенное существо!” Одно имя ее звучит чем-то знакомым, приветным, охотно произносится, возбуждает дружелюбную улыбку. Сколько раз мне, например, случалось спросить у встречного мужика: как, братец, проехать, положим, в Грачовку? “А вы, батюшка, ступайте сперва на Вязовое, а оттоле на Татьяну Борисовну, а от Татьяны Борисовны всяк вам укажет”. И при имени Татьяны Борисовны мужик как-то особенно головой тряхнет» (Тургенев И. С. Татьяна Борисовна и ее племянник).

Управляющий — фон-дер-Кок

Остзейский немец и человек совершенно посторонний в этих местах, но представитель нации, отличающейся бережливостью и к тому же — будущий управитель имения, был опечален и удручен при виде погибших дубов и ясеней. В то же время как местный мужичок оставался абсолютно безразличным к судьбе погибающего русского леса.

Так что можно понять и разделить беспокойство императрицы Екатерины II, когда она вынуждена была заселять многие районы империи иноплеменниками, а в качестве управителей имениями жаловала прежде всего немцев.

«У меня есть сосед, молодой хозяин и молодой охотник. В одно прекрасное июльское утро заехал я к нему верхом, с предложением отправиться вместе

на тетеревов. Он согласился. “Только, — говорит, поедemте по моим мелочам, к Зуше; я кстати посмотрю Чаплыгино; вы знаете мой дубовый лес? у меня его рубят”. — “Поедемте”. Он велел оседлать лошадь, надел зеленый сюртучок с бронзовыми пуговицами, изображавшими кабаньи головы, вышитый гарусом ягдташ, серебряную флягу, накинул на плечо новенькое французское ружье, не без удовольствия повертелся перед зеркалом и кликнул свою собаку Эсперанс, подаренную ему кузиной, старой девицей с отличным сердцем, но без волос. Мы отправились. Мой сосед взял с собою десятского Архипа, толстого и приземистого мужика с четвероугольным лицом и допотопно развитыми скулами, да недавно нанятого управителя из остзейских губерний, юношу лет девятнадцати, худого, белокурого, подслеповатого, со свислыми плечами и длинной шеей, г. Готлиба фон-дер-Кока... Мы въехали в “мелочá”. “Вы меня здесь подождите на полянке”, — промолвил Ардалион Михайлыч (мой сосед), обратившись к своим спутникам. Немец поклонился, слез с лошади, достал из кармана книжку, кажется, роман Иоганны Шопенгауэр, и присел под кустик; Архип остался на солнце и в течение часа не шевельнулся. Мы покружили по кустам и не нашли ни одного выводка... Мы вернулись на полянку. Немец заметил страницу, встал, положил книгу в карман и сел, не без труда, на свою куцую, бракованную кобылу, которая визжала и подбрыкивала от малейшего прикосновения; Архип встрепенулся, задергал разом обоими поводьями, заболтал ногами и сдвинул наконец с места свою ошеломленную и придавленную лошаденку. Мы поехали.

...А что́ в лесу за тень была! В самый жар, в полдень — ночь настоящая; тишина, запах, свежесть... Губительная, бесснежная зима 40-го года не пощадила старых моих друзей — дубов и ясеней; засохшие, обнаженные, кое-где покрытые чахоточной зеленью, печально высились они над молодой рощей, которая “сменила их, не заменив”...

— Mein Gott! Mein Gott! — восклицал на каждом шагу фон-дер-Кок. — Што са шалость! што са шалость!

— Какая шалость? — с улыбкой заметил мой сосед.

— То ист как шалко, я скасать хотелл. (Известно, что все немцы, одолевшие, наконец, нашу букву “люди”, удивительно на нее напирают.)

Особенно возбуждали его сожаление лежавшие на земле дубы — и действительно: иной бы мельник дорого за них заплатил. Зато десятский Архип сохранял спокойствие невозмутимое и не горевал ни сколько; напротив, он даже не без удовольствия через них перескакивал и кнутиком по ним постегивал» (*Тургенев И. С. Смерть*).

И если выражение глубокого сожаления фон-дер-Коком — иноплеменником, немцем вполне понятно, то совсем уж неведомо чувство полнейшего безразличия к лесной трагедии отечественного русского мужика, да к тому же еще и десятского Архипа. И невольно возникает вопрос: а много ли проку было от подобных крестьян, формально находившихся в крепостной зависимости? И не являлись ли такие землепашцы лишней обузой для помещика?..

Замысловатые профили былой дворни

Слишком много было сломано копий по поводу порядков во времена крепостной зависимости крестьян. Но подневольные-то бывали самые разные, как и их господа. Немало попадалось и заведомых оболтусов и лоботрясов, от которых и сами господа хотели бы поскорее избавиться, да не всегда это им удавалось.

Но поскольку никакую работу они не исполняли, то и жалованья были лишены. Так что, пожалуйста, будь свободен! Отправляйся на все четыре стороны. Интересно, что от таких вот обалдуев в крепостную зависимость «попадали» сами господа.

В иных случаях «барское всепрощение» плодило таких укореняющихся в России субъектов, как моргачи.

«...Настоящее имя этого человека было Евграф Иванов; но никто во всем околотке не звал его иначе как Обалдуем, и он сам величал себя тем же прозвищем: так хорошо оно к нему пристало. И действительно, оно как нельзя лучше шло к его незначительным, вечно встревоженным чертам. Это был загулявший, холостой дворовый человек, от которого собственные господа давным-давно отступились и который, не имея никакой должности, не получая ни гроша жалованья, находил, однако, средство каждый день покутить на чужой счет. У него было множество знакомых, которые поили его вином и чаем, сами не зная зачем, потому что он не только не был в обществе забавен, но даже, напротив, надоел всем своей бессмысленной болтовней, несносной навязчивостью, лихорадочными телодвижениями и беспрестанным неестественным хохотом. Он не умел ни петь, ни плясать; отроду не сказал не только умного, даже путного слова: все “лотошил” да врал что ни попало — прямой Обалдуй! И между тем ни одной попойки на сорок верст кругом не обходилось без того, чтобы его долговязая фигура не вертелась тут же между гостями, — так уж к нему привыкли и переносили его присутствие как неизбежное зло. Правда, обходились с ним презрительно, но укрощать его нелепые порывы умел один Дикий-Барин...

Маргач нисколько не походил на Обалдуя. К нему тоже шло название Моргача, хотя он глазами не моргал более других людей; известное дело: русский народ на прозвища мастер. Несмотря на мое старанье выведать пообстоятельнее прошедшее этого человека, в жизни его остались для меня — и, вероятно, для многих других — темные пятна, места, как выражаются книжники, покрытые глубоким мраком неизвестности. Я узнал только, что он некогда был кучером у старой бездетной барыни, бежал со вверенной ему тройкой лошадей, пропадал целый год и, должно быть, убедившись на деле в невыгодах и бедствиях бродячей жизни, вернулся сам, но уже хромой, бросился в ноги своей госпоже и, в течение нескольких

лет примерным поведением загладив свое преступление, понемногу вошел к ней в милость, заслужил наконец ее полную доверенность, попал в приказчики, а по смерти барыни, неизвестно каким образом, оказался отпущенным на волю, приписался в мещане, начал снимать у соседей бакши, разбогател и живет теперь припеваючи. Это человек опытный, себе на уме, не злой и не добрый, а более расчетливый; это тертый калач, который знает людей и умеет ими пользоваться. Он осторожен и в то же время предприимчив, как лисица; болтлив, как старая женщина, и никогда не проговаривается, а всякого другого заставит высказаться; впрочем, не прикидывается протачком, как это делают иные хитрецы того же десятка, да ему и трудно было бы притворяться: я никогда не видывал более проницательных и умных глаз, как его крошечные, лукавые “гляделки”. Они никогда не смотрят просто — все высматривают да подсматривают. Моргач иногда по целым неделям обдумывает какое-нибудь, по-видимому, простое предприятие; а то вдруг решится на отчаянно-смелое дело; кажется, тут ему и голову сломить... смотришь — все удалось, все как по маслу пошло. Он счастлив и верит в свое счастье, верит приметам. Он вообще очень суеверен. Его не любят, потому что ему самому ни до кого дела нет, но уважают...

Первое впечатление, которое производил на вас вид этого человека, было чувство какой-то грубой, тяжелой, но неотразимой силы. Сложен он был неуклюже, “сбитнем”, как говорят у нас, но от него так и несло несокрушимым здоровьем, и — странное дело — его медвежеватая фигура не была лишена какой-то своеобразной грации, происходившей, может быть, от совершенно спокойной уверенности в собственном могуществе. Трудно было решить с первого разу, к какому сословию принадлежал этот Геркулес; он не походил ни на дворового, ни на мещанина, ни на обедневшего подьячего в отставке, ни на мелкопоместного разорившегося дворянина — псаря и драчуна: он был уж точно сам по себе...» (*Тургенев И. С. Певцы*).

Неведомый однодворец

В российских городах, а более всего в сельской местности, существовало немало людей, которых было трудно отнести к тому или иному классу. Кем назвать? К кому причислить? К обедневшим ли дворянам, к однодворцам?..

«Никто не знал, откуда он свалился к нам в уезд; поговаривали, что происходил он от однодворцев и состоял будто где-то прежде на службе; но ничего положительного об этом не знали; да и от кого было и узнавать, — не от него же самого: не было человека более молчаливого и угрюмого. Также никто не мог положительно сказать, чем он живет; он никаким ремеслом не занимался, ни к кому не ездил, не знался почти ни с кем, а деньги у него водились; правда, небольшие, но водились. Вел он себя не то что скромно, — в нем вообще не было ничего скромного, — но тихо; он жил, словно никого вокруг себя не замечал и решительно ни в ком не нуждался. Дикий-Барин (так его прозвали; настоящее же его имя было Перевлесов) пользовался огромным влиянием во всем округе; ему повиновались тотчас и с охотой, хотя он не только не имел никакого права приказывать кому бы то ни было, но даже сам не изъявлял малейшего притязания на послушание людей, с которыми случайно сталкивался. Он говорил — ему покорялись; сила всегда свое возьмет. Он почти не пил вина, не знался с женщинами и страстно любил пение. В этом человеке было много загадочного; казалось, какие-то громадные силы угрюмо покоились в нем, как бы зная, что раз поднявшись, что сорвавшись раз на волю, они должны разрушить и себя и все, до чего ни коснутся; и я жестоко ошибаюсь, если в жизни этого человека не случилось уже подобного взрыва, если он, наученный опытом и едва спасшись от гибели, умолимо не держал теперь самого себя в ежовых рукавицах. Особенно поражала меня в нем смесь какой-то врожденной, природной свирепости и такого же врожденного благородства, — смесь, которой я не встречал ни в ком другом» (*Тургенев И. С. Певцы*).

В России с давних пор все сводилось к тому, чтобы сделать дворянство зависимым от монархии. Она не позволяла своему служилому классу пускать корни в деревне, поскольку хотела, чтобы дворяне вечно перемещались по территории империи: были бы постоянно готовы перебраться на новую должность и соответственно новое место жительства. Для России казалось немыслимым то, что предлагал Прусский *Indigenatsrecht*, то есть чтобы управители проживали и владели землями именно в тех провинциях, где они и несли службу. Не было у нас и наследственных должностей.

Еще московское правительство было заинтересовано в том, чтобы рассредоточить земельные владения служилого дворянства. Не принималось во внимание ни их место рождения, ни местоположение других их владений. К чему же это приводило? Помещик, намеревавшийся получить добавочную землю для себя или для своих сыновей, вынужден был брать имение там, где ему давали. Нередко и за сотни верст от родового, фамильного гнезда. Открывались новые пограничные области для колонизации, и дворяне вынуждены были перебираться на новое место. Причем за ними тянулись и весь их двор, и крепостные.

Примечательно, что рассредоточение поместий и частый переход в новые руки продолжались на протяжении всего периода империи, ведь пожалованные земли давались в самых разных частях страны. Так что в России не было слитых вместе владений, выгодных не только с экономической, но и с политической точки зрения. И если даже состояние Петра Шереметева, крупнейшее в стране, располагалось в 17 губерниях, что же говорить о беднейших русских помещиках, составлявших абсолютное большинство! Наделы их пахотной земли размещались в одной или нескольких деревнях. И порой владели они ими совместно с другими помещиками. Нередко небольшое село принадлежало одновременно нескольким

помещикам. И разве это могло привести к модернизации сельского хозяйства?

К сожалению, русское дворянство не создало майората и права первородства. Что же было делать молодому отпрыску, обделенному наследством? А потому русские помещики всегда выступали за раздел своих имений между всеми сыновьями. И придерживались правила оставлять каждому равную долю.

Необыкновенно интересные выводы были сделаны в свое время академиком А. Н. Веселовским. Дробление состояний известных боярских фамилий привело к тому, что некоторые их отпрыски уже в третьем и четвертом поколениях превращались в однопорцев, а затем и в холопов.

В Европе, а тем более в Англии ситуация оказалась прямо противоположной. Еще в XVII веке в Британии вводится так называемый *Strick Settlement*. Это был особый правовой порядок, по которому собственник земельного владения рассматривался как его пожизненный владелец. К чему же это привело? Достаточно большая территория страны продолжала сохраняться в одних и тех же руках дворянских родов и не попадала в руки нуворишей. Так что поместья, даже и вполне скромные, позволяли дворянину обладать экономической независимостью.

В России класс дворянства был невелик. Так, к середине XIX столетия он составлял примерно миллион. Но если исключить из него личное дворянство (закон запрещал ему владеть крепостными) и польских шляхтичей (оказавшихся в составе империи после раздела Польши), то общее число потомственных дворян, что проживали в 37 губерниях*, составляло всего лишь 274 тысячи человек.

* Архангельская, Астраханская, Владимирская, Вологодская, Воронежская, Вятская, Область войска Донского, Екатеринославская, Казанская, Калужская, Костромская, Курская, Московская, Нижегородская, Новгородская, Олонецкая, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Пермская, Петербургская, Полтавская, Псковская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Смоленская, Таврическая, Тамбовская, Тверская, Тульская, Уфимская, Харьковская, Херсонская, Черниговская, Ярославская.

Однако из этого числа лишь одна треть владела крепостными. А если припомнить, что претендовать на положение своего рода джентльмена мог лишь русский дворянин, владевший более чем сотней крепостных (чтобы иметь полное право голоса в дворянских собраниях), то общее число таких «джентльменов» составляло 18 с половиной тысяч. И это-то на всю территорию Российской империи! Обедневших же дворян было около 70 тысяч. И у них не было никакой возможности жить с имений.

Конечно, были в стране и очень богатые дворяне, объединенные в закрытый клуб, насчитывавший 1 тысячу 400 «джентльменов». Но разве это цифра для России, где на знатность рода претендовал миллион человек?!

Примечательно то, что упоминание о культуре XIX века прежде всего во главу угла ставит именно дворянство. Причем людей среднего достатка. Именно эта когорта более всего интересовалась культурой — литературой, музыкой, живописью. Но самое удивительное, что именно после 1861 года творческое начало в русском дворянстве начинает затухать. В новых условиях необходимо было тщательно вести хозяйство. Однако этому следовало учиться, не полагаясь на управляющих имениями. Причем чем меньше были земельные наделы, тем интенсивнее приходилось входить в курс дела. Но служилое дворянство привыкло служить. А вот просто жить, ежедневно заглядывая в бухгалтерские гроссбухи, как в зеркало усадебной жизни, было не для них.

Если самые богатые землевладельцы России, быстро сориентировавшись, перевели свои поместья на промышленные рельсы, что же было делать среднему и бедному дворянству? И хотя в эти годы произошел необыкновенный скачок цен на землю, последние все глубже утопали в долгах, закладывали и перезаклачивали землю, затем и сами усадьбы, а то и вовсе продавали их, оставляя себе лишь господские постройки и некоторые службы (конюшни, каретные сараи).

Однако в XIX веке существовали и усадьбы среднего достатка, которые приносили отменный и, главное, стабильный доход и после реформы. За счет продуманного, рентабельного ведения хозяйства.

А умение вести хозяйство совместно с мужиком? Кажется, и таких примеров в России было немало. Нередко помещик являлся и своеобразным дирижером, режиссером той совместной, многоступенчатой работы, что была крайне необходима и тем и другим. Но только человек с высокой общей культурой, дополненной агрономическими и экономическими знаниями, а главное, увлеченный самими сельскими работами, мог быть необходим мужику и рассчитывать на его же, мужика, обоюдную помощь.

«В три года он, не продавая именья жены, уплатил оставшиеся долги и, получив небольшое наследство после умершей кузины, заплатил и долг Пьеру.

Еще через три года, к 1820 году, Николай так устроил свои денежные дела, что прикупил небольшое имение подле Лысых Гор и вел переговоры о выкупе отцовского Отрадного, что составляло его любимую мечту.

Начав хозяйствовать по необходимости, он скоро так пристрастился к хозяйству, что оно сделалось для него любимым и почти исключительным занятием. Николай был хозяин простой, не любил нововведений, в особенности английских, которые входили тогда в моду, смеялся над теоретическими сочинениями о хозяйстве, не любил заводов, дорогих производств, посевов дорогих хлебов и вообще не занимался отдельно ни одною частью хозяйства.

У него перед глазами всегда было только одно имение, а не какая-нибудь отдельная часть его. В имение же главным предметом был не азот и не кислород, находящиеся в почве и в воздухе, не особенный плуг и назем*, а то главное орудие, чрез посредство которого действует и азот, и кислород, и назем, и плуг — то есть работник-мужик. Когда Николай взялся за хозяйство и стал вникать в различные его части,

* Назем — навоз.

мужик особенно привлек к себе его внимание; мужик представлялся ему не только орудием, но и целью и судьей.

Он сначала всматривался в мужика, стараясь понять, что ему нужно, что он считает дурным и хорошим, и только притворялся, что распоряжается и приказывает, в сущности же только учился у мужиков и приемам, и речам, и суждениям о том, что хорошо и что дурно. И только тогда, когда понял вкусы и стремления мужика, научился говорить его речью и понимать тайный смысл его речи, когда почувствовал себя сроднившимся с ним, только тогда стал он смело управлять им, то есть исполнять по отношению к мужикам ту самую должность, исполнение которой от него требовалось. И хозяйство Николая приносило самые блестящие результаты.

Принимая в управление имение, Николай сразу, без ошибки, по какому-то дару прозрения, назначал бурмистром, старостой, выборным тех самых людей, которые были бы выбраны самими мужиками...

Прежде чем исследовать химические свойства навоза, прежде чем вдаваться в “дэбет и крэдит” (как он любил насмешливо говорить), он узнавал количество скота у крестьян и увеличивал это количество всеми возможными средствами...

При посевах и уборке сена и хлебов он совершенно одинаково следил за своими и мужицкими полями. И у редких хозяев были так рано и хорошо посеяны и убраны поля и так много дохода, как у Николая.

С дворовыми он не любил иметь никакого дела, называл их дармоедами... когда возможно было отдать в солдаты вместо мужика дворового, он делал это без малейшего колебания.... Состояние его быстро увеличивалось; соседние мужики приходили просить его, чтоб он купил их, и долго после его смерти в народе хранилась набожная память об его управлении. “Хозяин был... наперед мужицкое, а потом свое. Ну и потачки не давал! Одно слово — хозяин!”» (*Талстой Л. Н. Война и мир*).

Купец не то что барин

Купец (если он в первом поколении) — это полумужик. Естественно, что общаться с ним много проще. С баринном же следует держаться настороже. Быть застегнутым на все пуговицы. Барин, даже и видом своим, требует субординации, церемонного обхождения.

«...и добрался, наконец, до большого села с каменной церковью в новом вкусе, то есть с колоннами, и обширным господским домом, тоже с колоннами. Еще издали, сквозь частую сетку дождя, заметил я избу с тесовой крышей и двумя трубами, повыше других, по всей вероятности жилище старосты, куда я и направил шаги свои, в надежде найти у него самовар, чай, сахар и не совершенно кислые сливки. В сопровождении моей продрогшей собаки взошел я на крылечко, в сени, отворил дверь, но, вместо обыкновенных принадлежностей избы, увидел несколько столов, заваленных бумагами, два красных шкафа, забрызганные чернильницы, оловянные песочницы в пуд весу, длиннейшие перья и прочее...

— Здесь приказчик живет... или...

— Здесь главная господская контора, — перебил он меня. — Я вот дежурным сижу... Разве вы вывеску не видали? На то вывеска прибита.

...Я оглянулся. Вдоль перегородки, отделявшей мою комнату от конторы, стоял огромный кожаный диван; два стула, тоже кожаных, с высочайшими спинками, торчали по обеим сторонам единственного окна, выходявшего на улицу. На стенах, оклеенных зелеными обоями с розовыми разводами, висели три огромные картины, писанные масляными красками. На одной изображена была легавая собака с голубым ошейником и надписью: “Вот моя отрада”; у ног собаки текла река, а на противоположном берегу реки под сосною сидел заяц непомерной величины, с приподнятым ухом. На другой картине два старика ели арбуз; из-за арбуза виднелся в отдалении греческий портик с надписью: “Храм Удовлетворенья”. На третьей картине представлена была полунагая женщина в лежа-

чем положении en rassoirci, с красными коленями и очень толстыми пятками... Я подошел к окну. Через улицу от господского дома до конторы, в косвенном направлении, лежали доски: предосторожность весьма полезная, потому что кругом, благодаря нашей черноземной почве и продолжительному дождю, грязь была страшная. Около господской усадьбы, стоявшей к улице задом, происходило, что обыкновенно происходит около господских усадеб: девки в полинялых ситцевых платьях шныряли взад и вперед; дворовые люди брели по грязи, останавливались и задумчиво чесали свои спины; привязанная лошадь десятского лениво махала хвостом и, высоко задравши морду, глодала забор; курицы кудахтали; чахоточные индейки беспрепятственно перекликивались. На крылечке темного и гнилого строения, вероятно бани, сидел дюжий парень с гитарой и не без удали напевал известный романс:

Э — я фа пасатыню удаляюсь
Ата прекарасаных седешенеха мест <...>

— Кто ж у вас распоряжается?

— Сама барыня.

...Я посмотрел: на четвертушке сероватой бумаги красивым и крупным почерком был написан следующий:

ПРИКАЗ

ОТ ГЛАВНОЙ ГОСПОДСКОЙ ДОМОВОЙ АНАНЬЕВСКОЙ КОНТОРЫ БУРМИСТРУ МИХАЙЛЕ ВИКУЛОВУ № 209.

“Приказывается тебе немедленно по получении сего разыскать: кто в прошлую ночь, в пьяном виде и с неприличными песнями, прошел по Аглицкому саду и гувернантку мадам Энжени француженку разбудил и обеспокоил? И чего сторожа глядели, и кто сторожем в саду сидел и таковые беспорядки допустил? О всем вышепрописанном приказывается тебе в подробности разведать и немедленно конторе донести.

Главный конторщик *Николай Хвостов*”.

К приказу была приложена огромная гербовая печать с надписью: “Печать главной господской ананьевской конторы”; а внизу стояла приписка: “В точности исполнить. Елена Лоснякова”.

— Это сама барыня приписала, что ли? — спросил я.

— Как же-с, сами: они всегда сами. А то и приказ действовать не может <...>

— А сколько ты жалованья получаешь? — спросил я.

— Тридцать пять рублей и пять рублей на сапоги.

— И ты доволен?

— Известно, доволен. В контору-то у нас не всякий попадает. Мне-то, признаться, сам Бог велел: у меня дядюшка дворецким служит.

— И хорошо тебе?

— Хорошо-с. Правду сказать, — продолжал он со вздохом, — у купцов, например, то есть, нашему брату лучше. У купцов нашему брату очень хорошо. Вот, к нам ввечер приехал купец из Венёва, — так мне его работник сказывал... Хорошо, неча сказать, хорошо.

— А что, разве купцы жалованья больше назначают?

— Сохрани Бог! Да он тебя в шею прогонит, коли ты у него жалованья запросишь. Нет, ты у купца живи на веру да на страх. Он тебя и кормит, и поит, и одевает, и все. Угодишь ему, — еще больше даст... Что твое жалованье! не надо его совсем... И живет-то купец по простоте, по-русскому, по-нашенскому: поедешь с ним в дорогум, — он пьет чай, и ты пей чай, что он кушает, то и ты кушай. Купец... как можно: купец не то, что барин. Купец не блажит; ну, осерчает — побьет, да и дело с концом. Не мозжит, не шпыняет... А с барином беда! Все не по нем: и то не хорошо, и тем не угодил. Подашь ему стакан с водой или кушанье — “Ах, вода воняет! Ах, кушанье воняет!” Вынесешь, за дверью постоишь да принесешь опять — “Ну вот, теперь хорошо, ну вот, теперь не воняет”. А уже барыни, скажу вам, а уж барыни что!.. или вот еще барышни!..

— Федюшка! — раздался голос толстяка в конторе.

Дежурный проворно вышел...» (*Тургенев И. С. Контора*).

Дробление земель — бич, который постоянно преследовал русское дворянство. Русские помещики всегда стояли за равный раздел между всеми сыновьями. С одной стороны, так поступали по справедливости. А вот с другой... мало кто задумывался, что станется с внуками и правнуками такого помещика. Ведь молодому человеку, получившему крошечный земельный надел или и вовсе обделенному наследством, некуда было направить свои стопы. Так что доброта дедов в итоге приводила к ниществу внуков. Именно поэтому Петр Великий еще в 1714 году издает указ, по которому помещикам полагалось завещать недвижимое имущество только одному из наследников. Притом совсем не обязательно старшему. Однако его постоянно нарушали, поскольку он противоречил старинной русской традиции. И к 30-му году он был отменен. А дробление тем временем начинало приобретать угрожающие формы.

Помимо всех этих злополучных дроблений поместья в России переходили из рук в руки. Что это, ветренность владельцев? Неумение вести хозяйство? Ведь даже и десятилетия спустя после Великой реформы те немногие остававшиеся в наследство имения азартные дворяне продолжали проигрывать в карты. И сколько было тому примеров, когда внук либо внучка степенного состоятельного барина, взрослая, наблюдали быстрое угасание некогда пышного фамильного гнезда. И наконец, закладывая и перезакладывая имение, сами становились гувернерами и гувернантками у других помещиков, у нуворишей либо у более удачливых или оборотистых господ, у набирающих силу купцов и воспринявших былую культуру фабрикантов.

Примером такого превращения госпожи в гувернантку и оказалась нелегкая судьба Александры Мельниковой. Дед ее — генерал, участник Отечественной войны 1812 года. Отец — человек талантливый, но рано ослепший, так и не смог сделать карье-

ру. Госпожа Мельникова, оказавшаяся в достаточно трудных жизненных обстоятельствах, из владелицы поместья превращается в домашнюю воспитательницу в семье Марии Башкирцевой, впоследствии ставшей знаменитой русской художницей. При этом она застала самые знаменательные периоды истории Русского государства: и дореформенные, и те, что произошли в усадебной жизни в связи с отменой крепостного права, и, главное, изменение судеб и психологии самих крестьян, ставших независимыми от их вчерашних господ.

А поскольку крепостное право и его отголоски Саша застала еще маленькой девочкой, то могла наблюдать и все перемены, проявившиеся в отношении мужика к помещику и помещика к мужику. В конце XIX века (1898 год) в печати появляются необыкновенно увлекательные и правдивые «Воспоминания о давно минувшем и недавно былом», написанные этой умной и талантливой женщиной.

Сметь свое суждение иметь

«Среди барской обстановки, под теплым крылышком дедушки и неусыпным надзором двух старых дев, сестер его — росла моя мать, его единственная дочь Любочка. Всего у нее было вволю, все ее баловали и холили (матери она лишилась рано); но, как дочери богатого и знатного барина, ей не предоставлялось ни малейшей воли, не только поступать, но даже и думать, как поступали и думали дочери мелких дворян. А о чувствах и толковать нечего было: 17-летняя Любочка должна была чувствовать в унисон со своими старыми тетками — девами, не допуская никаких порывов, и признавать лишь волю отца, правда доброго, любящего, но твердо убежденного, что девушкам в особенности, как женщинам вообще, воли давать не следует, равно как и суждения своего не дозволялось иметь: все это было дело мужчины.

Дедушка, как и теперь многие отцы, был глубоко убежден, что никто не сумеет лучше его распоря-

даться судьбою дочери. Руководствуясь этим взглядом, он бесцеремонно отказывал всем женихам, просившим у него руки дочери, даже и ей не сообщая об этом. Когда же дед напал на подходящего жениха, он немедленно довел это до сведения дочки, как о деле решенном, предварительно погладив ее по головке и поцеловав: «Вот тебе, Любочка, настоящий жених; я хорошо знаю его отца и всю семью его: ничем не хуже нашей. Да и сам жених — молодец собой!» Этим было все сказано и решено; рассуждать и противоречить было немыслимо. Любочка молча приложила к отцовской руке и пошла на свою половину. Никаких волнений, порывов или протестов не последовало, хотя Любочке нравился cousin ее, красавец Белуха-Кохановский. Но не такое было тогда время, чтобы сметь свое суждение иметь.

Затем были заздравные тосты, пиры, угощения; партия была вполне подходящая, обе семьи равно довольны; дедушка шутил и веселился более обыкновенного. Оркестр гремел по целым дням, песенники пели, актеры играли, все пили, ели, веселились; домочадцы щедро оделены, нищим много денег роздано. Избранный дедушкою зять — был мой отец» (*Мельникова А. Воспоминания о давно минувшем и недавно былом*).

Вкусы, взгляды, барские привычки

«...в усадьбу привез отец мой, после свадьбы, молодую жену свою, дедушкину дочь; в этом доме прожила до самой смерти своей эта чистая душа, никому не сделав зла, всепрощающая, безропотная и снисходительная к человеческим слабостям. Через два года после свадьбы отец мой лишился зрения; она с ангельским терпением несла крест свой до конца, ухаживая за мужем... Пуще всего мать моя боялась стеснить или обидеть кого бы то ни было. Ее детски невинную натуру глубоко коробило всякое бесцеремонное разоблачение человеческих язв, всякое проявление порока смущало ее; она, крайне брезглива,

чуждалась всяких скандалов, как-то стыдясь их, и гадливо сторонилась от всякой грязи. Но, при случае, моя строго нравственная мать первой протянула бы руку падшей женщине и помогла бы ей, не стесняясь того “что скажут”...

На иной почве вырос отец мой, иная среда его воспитывала и обуял его иной дух, не дух кротости и смирения, каким была преисполнена мать моя, а дух властолюбия, единодержавия и нетерпимости. Его отец Прокопий Андреевич Устимович, тайный советник, был старый русский барин и вельможа; человек очень умный, сердечный, но чрезвычайно гордый и властолюбивый, не терпевший противоречия, с твердой волей, а подчас суровый, непреклонный, неумолимый.

Его уважали и боялись. Однажды, вследствие крупной сцены между ним и старшим сыном Адрианом, моим дядей, дед мой вскипел необузданным гневом и лишил сына своего наследства, и умер, не простив ему. По смерти деда все осталось меньшему сыну его Николаю, моему отцу. Но отец мой не захотел воспользоваться своими правами и по смерти главы семейства возвратил Адриану сполна следующее ему по закону домоотцовское наследие. Об этом поступке моего отца знали все, не только в околотке, но и в губернии, сам он ни разу не упомянул об нем во всю свою жизнь.

Бабушка моя, Александра Андреевна, была большая барыня, под стать своему мужу, но совершенно расходившаяся с ним во вкусах и по характеру; серьезность и строгость мужа угнетающим образом действовали на нее.

Красавица, умница и прекрасно образованная, она была вполне светская женщина, веселая, милая, остроумная, и не могла мириться с деревенской жизнью, обстановкой и соседями. Ее тянуло к свету, к блеску, к удовольствиям, и она нашла полное удовлетворение своим вкусам в столице, где и провела с дедушкой несколько лет...

Отец служил в гвардии, жил весело, шумно, много взял от жизни, баловавшей его; поэтому и потеряв-

ши все, с утратою зрения он не переставал быть по-прежнему требовательным...

А между тем оба они, и отец, и мать, с виду столь несходные и даже разногласные, имели в сущности много общего между собою и никогда не ссорились серьезно; а главное, оба были дети своего века, века роскоши, баловства и приживалок, паразитов, прихлебателей, века пиров, банкетов и общего пускания пыли в глаза. Много денег ушло на это милое препровождение времени! Характеры родителей были различные (оттого, вероятно, и жили они дружно?), но вкусы, взгляды на главное в жизни и привычки барства — были те же.

Жизнь веселого дедушки, Андрея Федоровича, продолжалась и у нас, только несколько пожиже. Домашнего театра с доморощенными талантами у нас уже не было, но был свой оркестр, правда, не такой грандиозный, как в Шадеевке, а все же недурной; и “первая скрипка” отличалась талантом. Бывали и у нас гости, да помельче, бывало и у нас веселье, да не то: затей прежних не было, а хотя бы и были — то злодей денежный вопрос восставал, о котором у дедушки и помину не было» (*Мельникова А. Воспоминания о давно минувшем и недавно былом*).

Бонны и русская гувернантка

Предоставив нам краткое, но вполне объемное, живое описание своих родителей и дедов, Саша Мельникова подробно останавливается и на особенностях собственного воспитания. Неукоснительная твердость в соблюдении раз и навсегда заведенного в доме распорядка. Всё — по часам и минутам. Ритм дня — почти армейский. Однако понять этот размеренный быт дворянской семьи среднего достатка совсем несложно. Семеро детей, глава семейства наполовину выключен из игры, и фактически основная доля забот на плечах супруги. К тому же юным отпрыскам необходимо дать и образование. Причем это желание дать детям образование было в культур-

ных дворянских семьях настолько твердым, что даже и в годы эмиграции (те, кого постигла эта ужасная участь) родители из последних сил и средств пытались сделать собственных детей образованными людьми.

И конечно же родителям нужно было хорошенько подумать и о начальном образовании их чад — умело выбрать достойных гувернеров или гувернанток.

«Нас, детей, было семеро: пять сестер и два брата. Несмотря на крепостное право и вполне помещичью обстановку со всеми угодьями и привольями, у нас не допускалось деревенской распущенности и воспитывали нас строго, серьезно и разумно. В доме царила общая дисциплина, не позволявшая нарушения раз заведенных порядков и требовавшая безусловно-го повиновения воле старших, без всяких мудрствований.

Нас приучили к правильным, систематически распределенным занятиям, не лишая, однако, необходимой детям свободы, но всегда на глазах у старших. Вставали в 7 часов утра, пили чай, потом занимались; ровно в час пополудни обедали, опять занимались до четырех; ровно в 6 чай пили и ровно в 10 ужинали. С последним ударом 11 отец подавал сигнал к отходу ко сну: мы подходили к руке отца и матери, которые благословляли нас на сон грядущий.

Непосредственно из рук кормилицы переходили мы на руки бонн, сначала немки, а потом француженки, или прямо француженки, обходясь без немки.

Главный же надзор над нами и окружающими нас был поручаем русской гувернантке.

Первая гувернантка пробыла у нас недолго; затем явилась вторая и последняя, поступившая к нам в дом, когда мне едва минуло 6 лет. Звали ее Авдотья Сергеевна. При ней родились меньшие сестры и брат, при ней мы все выходили замуж; при ней и умерли многие из наших.

Несмотря на это, ни ее никто не любил, ни она никого особенно не любила: связывала же ее со всеми и всех с нею одна общая привычка. Не помню я проявления сердечности в Авдотье Сергеевне; бывала она

подчас добра — и только; но никогда не пыталась она проникнуть в наш внутренний мир и ознакомиться с ним; да и вообще вряд ли она допускала, чтобы у детей мог быть какой-нибудь собственный мир, а не тот, который создают для них их воспитатели и наставники.

Помнится мне живо ее подозрительность, воображавшая существование в нас враждебности к ее личности; чего и не бывало, в большинстве случаев; а между тем я чувствовала себя глубоко оскорбленной незаслуженным подозрением или недоверием ко мне, никогда не желавшей обманывать.

С другой стороны, я должна отдать полную справедливость Авдотье Сергеевне, хотя она в те времена и допекала нас своим педантизмом и взыскательностью, но зато она чрезвычайно добросовестно относилась к возложенным на нее обязанностям и не слишком злоупотребляла своею властью, совершенно бесконтрольно.

С прислугой, вообще, Авдотья Сергеевна была резка, требовательна до мелочности и крайне нетерпелива; с некоторыми же личностями, находившимися под началом ее, как, например, няня, кормилицы и старшие горничные, она была фамильярна до интимности.

Многие деревенские бабы, почему-нибудь вхожие в дом и издавна знакомые с нравом властолюбивой гувернантки нашей, побаивались ее не менее всей прислуги в доме; но ценя ее снисходительную простоту в обращении с ними — носили ей в дар яйца, кур, нитки и пр. (до всего этого Авдотья Сергеевна была великая охотница), а взамен бывали одеяемы цветными лоскутьями, старым платьем, кусочками сахару и дружеской беседой.

Но если Авдотью Сергеевну нельзя было назвать другом человечества в широком смысле слова, зато она приобрела неотъемлемое право называться благодетельницей и покровительницей всяких собак, в особенности приبلудных, сиротствующих, отверженных хозяевами, искалеченных и т. д. В особенности к последним, равно как и к голодным и лишен-

ным права, чувствовала она неодолимое влечение и нежнейшую симпатию, так что, чем более собака была обижена судьбою или людьми, тем более прав имела она на расположение и покровительство Авдотьи Сергеевны.

Собачьи невзгоды были для нее ближе и понятнее других; человека, обидевшего собаку, она считала своим врагом и не переставала преследовать его упорно, как своего обидчика. Мы удивлялись, откуда могла она добывать диковинные экземпляры безобразнейших собак, толпившихся у окна ее комнаты после обеда: были тут собаки бесхвостые и собаки с хвостом, разделяющимся на две или на три космы, одноухие и безухие, с зияющими ранами и т. д.

Авдотья Сергеевна, для которой они были источником радости и горя, нередко плакала над ними, кормила и поила их, заботливо пряча от глаз врагов и старательно оберегая их покой. Замечательно, сколько надо было иметь терпения, чтобы ладить со всеми этими воющими, визгливыми, вечно голодными и избитыми, искусанными любимцами и сколько энергии для неустанной борьбы с их гонителями!

Видно человек так уж создан, что в глубине его сердца (даже у самого черствого) есть тайный уголок, где кроется тепло и свет, неведомые людям» (Мельникова А. Воспоминания о давно минувшем и недавно былом).

«Мать не мешалась в дело нашего воспитания»

«Мы занимали в доме отдельное от родителей помещение, весь нижний этаж, отданный в полное распоряжение, со всеми его обитателями, одной Авдотье Сергеевне.

В сопровождении ее мы являлись наверх только в известные часы, так сказать, pour les heures de repas, и оставались там ровно столько времени, сколько полагалось для чаепития, обеда и ужина; или же, в экстренных случаях, вроде приезда родственников — по приглашению явиться для приветствия.

Мать не мешалась в дело нашего воспитания, вполне доверяя Авдотье Сергеевне; да у нее и времени не было: она была всецело поглощена, если не уходом за отцом, который редко болел, то постоянной заботой быть ему полезной и отнюдь не оставлять его одного; то читала она ему вслух его любимые французские романы, непременно исторические, особенно из времен Наполеона I-го, то писала письма под его диктовку или деловые бумаги, или рукодельем занималась, между тем как отец ходил по комнате большими шагами, разбирая прочитанное или о делах толкуя. В этой правильной жизни, полной занятий и внутреннего содержания, росли мы все, не ведая скуки и безделья и никуда не стремясь за пределы родительского дома» (*Мельникова А. Воспоминания о давно минувшем и недавно былом*).

Сестры, братья — верь чувств и увлечений

«Каждая из сестер имела свое любимое занятие, которому она предавалась по окончании срочных занятий с гувернанткой, а в особенности по окончании курса наук с нею, когда свободного времени было больше, а детские забавы уже не тешили. Тогда, распrostившись с “классной” и с учебниками, переходили к другому делу, а именно: помогали матери в занятиях ее: поочередно читали мы отцу газету (любимую его “Северную Пчелу”^{*}), сводили счета под его руководством, писали письма к разным лицам, или просто сидели с ним, чтобы он не томился одиночеством, пользуясь этим временем для занятия любимым рукодельем; у каждой из нас, кроме Нади, было свое. Которая-нибудь ходила гулять с отцом или в поле с ним ездила, подробно описывая ему состояние вспаханной земли, посевов, всходов и т. д. Все это внимательно выслушивал и твердо запоминал отец, что он и доказывал вечером, в разговоре с

* «Северная пчела» — периодическое издание в дореволюционной России, чрезвычайно популярное в среде дворянства и интеллигенции.

управителем. Вне этих, так сказать, официальных занятий, каждая из сестер отдавалась своему личному, излюбленному делу.

Я любила в особенности музыку и рисование, с увлечением занимаясь ими во все свободные часы; но слабостью моей, страстишкой ранней молодости (едва 16-летняя) было писание, т. е. слагание стихотворений.

Этим я положительно увлекалась, запершись у себя в комнате по вечерам или засиживаясь в павильоне над сажалкой. Часто доставалось мне от отца за эту слабость, доставалось и намеками и прямыми укорами за эту “дурь”, которую следовало выкинуть из головы и заняться хозяйством. Впрочем, других наказаний не бывало у нас. А мне было вовсе не по душе хозяйство, и как мне ни горько приходилось от косвенных и прямых упреков отца, которого я ужасно боялась, а все же я никогда не могла принудить себя заняться хозяйством.

И для того, чтобы избавиться от ненавистного мне дела, я придумала себе новое: я выпросила у отца разрешение заняться обучением меньшего брата моего Коли и крестной сестры Анюты Паромоновой, жившей у нас с детства. Как только мне минуло 16 лет и я освобождена была от занятий с Авдотьей Сергеевной, я принялась за работу: и как охотно исполняла я ее, сначала неумело, ощупью, но чем далее, тем более втягиваясь в свое дело и привыкая к нему и любя его. А по вечерам — писала стихи.

Сестра Лиза, много болевшая в детстве, вследствие этого слабенькая, тихая, кроткая и характером слабая, с удовольствием посещала кухню и даже сама пробовала готовить. Изящная и нежная, она и рукоделья любила такие, которые известны у нас под названием *ouvrages de fantaisie*.

Люба особенно охотно занималась музыкой и чистыми рукодельями, вроде вязания крючком. Характер у нее был твердый; но иногда она бывала резка до грубости. Она, как и все мы, любила читать. Она отличалась от нас гордостью.

Надя предпочитала всякому другому делу — хо-

дять по избам крестьян и возиться с детишками; точно рожденная в крестьянской среде, она только и жила интересами села и двора, страдая за меньших своих братьев, т. е. мужиков и дворовых, и, радуясь с ними. Надо было видеть, как сильно влияли на нее все деревенские события, все мелочи крестьянской жизни! Она все переживала вместе с бабами, мужиками и их ребятами, и не только душу свою клала за них, но и отдавала им все свое, до последней копейки и тряпки, снабжая новорожденных, больных, умерших и т. д.

Вера, четвертая сестра, менее всех других оставила во мне воспоминаний: я не помню ни одного живого слова ее, ни искреннего горячего порыва, ни даже вспышки какой-нибудь. Тщеславие было ее слабостью, и только оно было стимулом всех ее поступков с самого детства. Бывала она добра и мила, но огонька в ней не было, что-то было холодное, неосязаемое.

Старшего брата, Константина, прекрасно подготовленного Авдотьей Сергеевной, отвезли с 12 лет в Москву и отдали в один из лучших пансионеров, откуда он поступил в университет на медицинский факультет.

Меньшой брат, Коля, общий баловень и любимец, чрезвычайно добрый, милый и любящий мальчик, долго оставался дома, воспитываемый как девочка, пока, по настоянию Константина, его не отдали в тот же московский пансион, где и старший брат учился до поступления в университет. Но Коля попал не в университет, а прямо в гусарский полк, куда влекла его страсть к лошадям» (*Мельникова А.* Воспоминания о давно минувшем и недавно былом).

«Дворецкий Иван Павлов»

Слуги русских помещиков... Их характер, особенности их жизни, привычки, причуды, отношения с баринном, взаиморасположение и несовместимость. О них писали, и как будто бы немало. И Фирс, и За-

хар, и Осип... Они мастерски нарисованы Гоголем, Гончаровым и Чеховым. Порой между баринном и его дворецким, поваром, доезжачим устанавливались и товарищеские отношения. Эти отменные специалисты — каждый в своей области — превращались в членов расширенной помещицкой семьи.

Бывали случаи, когда своих будущих слуг помещики находили и во время военной службы, пребывая с ними в одном полку. В этих неординарных напряженных условиях много проще было узнать характер однополчанина, проверить в деле и затем пригласить на собственную службу в усадьбу.

«...Незабвенно оно, это далекое прошлое, милое, светлое, улыбающееся и радостное, как весна, в нашем Вознесенском.

Великий пост уже перевалил за половину: в среду, на четвертой неделе совершился “перелом” его, т. е. поста. Солнце быстро уничтожает сугробы снега в саду и осушает лужи во дворе. Уже началась деятельная работа около оранжереи; с некоторых деревьев сняты тростниковые чехлы, путавшие их зимою; из парников выходит свежий пар, теплый, почти душистый. Приближается Вербная неделя; на этой неделе любит говеть моя мать, это вошло в привычку, изменить которую было бы ей неприятно. К тому же и погода тогда сноснее становится, совсем весенняя; грязи почти нет, а снегу остается, как говорилось у нас, только на лекарство.

Во время говенья всеобщая служба всегда у нас в доме, и приготовлением к службе распоряжается дворецкий Иван Павлов, находившийся при отце еще во время службы его в гвардейском полку; в этом старинном слуге нашем сохранился лоск, приобретенный долговременным пребыванием в Петербурге и службою в богатом барском доме. Вследствие чего фраза: “как бывало у нас в Петербурге” не сходит у Ивана с языка. Он заботливо охраняет и соблюдает обычаи и предания старины, никогда не упуская случая щегольнуть изяществом и изысканностью выражений.

Чистенько одетый и гладко выбритый, круглень-

кий, приятно улыбающийся или степенно важный при исполнении обязанностей, Иван старается проявить во всем тонкую деликатность и столичную образованность, с подобающей округленностью манер: входя в комнату, одну ногу выдвинет вперед и, чуть-чуть склонив голову набок, он мягко произносит: “Я уже изволил докладывать вам, что батюшка пожаловали; прикажете приступать?” и, получив утвердительный ответ, он отступает одной ногой назад и осторожно, чуть касаясь пола, задом выходит из комнаты.

Только выйдя за дверь, он позволяет себе принять более непринужденную позу. В продолжение всей службы Иван стоит впереди прочих слуг, столпившихся в дверях, и по временам бросает по сторонам беспокойные взгляды, как бы желая удостовериться, все ли обстоит в надлежащем порядке. Затем он учащенно кивает головой, крестясь по-господски маленькими крестиками и не теряя из виду священника, чтобы подметить, когда ему понадобится кадило подать или что другое потребуется» (*Мельникова А. Воспоминания о давно минувшем и недавно былом*).

Повар Фома — еще от «коренных господ»...

«В субботу мать приобщается Святых Тайн, и только по совершении этого великого таинства чувствует себя вправе заняться исключительно домашними делами и вернуться к обычному строю жизни. Первая на очереди забота об оранжерее, теплице, парниках, словом, обо всем этом милом ей уголке сада; надо потолковать с садовником о цветах и растениях для убранства пасхального стола: оттуда — влечет ее в кухню, побеседовать с главным поваром Фомою Антоновым о существенных приготовлениях к празднику.

Фома — уроженец Полтавской губернии из Санжар служил у дедушки Андрея Федоровича, потом достался в приданое моей матери, с которой, в числе многих других, приехал из Малороссии; он очень

гордился своими “коренными господами”, т. е. де-душкой и бабушкой. Вид у него угрюмый и недоволь-ный, улыбка редко появляется на жирном, смуглом лице его, но мрачность эта напускная, для того боль-ше, чтобы не уронить своего достоинства. На самом же деле он великий балагур и шутник, а в сумерки, “за воротами” любит пустить пыль в глаза дворне или серьезно потолковать “о политике” с Иваном Павло-вым, которого он уважает и считает не ниже себя.

Но перед Пасхой, как и в других важных случаях, Фома не увлекается никакими беседами и весь по-гружается в свое дело, вспоминая при этом о дедуш-киных пирах. “Что ж, Фома, как ты думаешь?” — об-ращается к нему мать моя, входя в кухню. Фома угрюмо молчит. “Довольно ли будет четырех окоро-ков?” — не смущаясь продолжает мать допрашивать своего старого любимца, нрав которого ей издавна знаком. “Мне что думать? Что прикажете, то и сде-лаю”, — отвечает Фома мрачно, глядя куда-то в сто-рону. “Да ты говори толком, ведь гостей много бу-дет!” — слегка волнуется мать.

Фома презрительно улыбается, продолжая глядеть куда-то вдаль: “У папеньки вашего и не такие гости бывали, а справлялись же!” — “То было дело при па-пеньке, а ты про наше говори: сколько чего надо...”

И таким способом удастся матери мало-помалу за-ставить Фому высказаться, а на самом-то деле Фома никогда не простил бы барыне, если бы она не зашла с ним посоветоваться насчет такого важного дела, как приготовления к Пасхе. По заведенному исстари порядку или, как в шутку выражалась мать моя, “по закону Моисея”, Фоме следовало специально зани-маться приготовлением к Пасхе.

С понедельника Страстной недели начинается по-стоянное движение между черным крыльцом гос-подского дома и кухней: булочница Анисья подолгу дежурит около кладовой, в ожидании экономки или очереди своей; забравши, наконец, провизию, она еще несколько раз откомандирует из дома девчонку, данную в подмогу ей, чтобы взять еще что-нибудь, упущенное из виду.

Помощник повара, в числе прочих, томится у входа в кладовую и, выхватив свой кулечек из рук захлопотавшейся экономки, стремглав убегает в кухню, к Фоме, который, ничем не смущаясь и не суетясь, готовит все, что следует, и очень важно распоряжается в своих владениях, где не признает никого выше себя, и ни для кого не отрывается от дела» (*Мельникова А. Воспоминания о давно минувшем и недавно былом*).

Паромов — бывший учитель и нынешний гость

В России, как правило, в небольших губернских, уездных городах, а также и в близлежащих, окружающих их усадьбах роль школьного, гимназического педагога на всем протяжении XIX века и вплоть до Первой мировой войны была крайне важной. Проходили годы, а несколько постаревшие учителя так и продолжали обучать юных отпрысков — детей своих бывших учеников. Подобная преемственность иногда достигала и трех, и даже четырех поколений. Но чем же объяснялся подобный наследственный выбор педагога? Молодой помещик, пройдя курс наук, хорошенько узнавал и самого учителя. И если тот отвечал его требованиям, то иного наставника нельзя было и пожелать. Вот так и появлялся, подобно семейным врачам, и семейный учитель.

Часто вчерашний педагог сегодня становился другом, своим человеком в господском имении. Мог жить там на правах почетного гостя неделями и месяцами. Причем он так и оставался на всю жизнь духовным наставником.

Если же учитель обладал даром красноречия или попросту был веселым и азартным рассказчиком, то цены ему не было. А потому учителя фактически и не могли быть в отставке, оставаясь на всю жизнь востребованными и желанными гостями.

Высокий статус учителя сопровождался и любовью к книгам. Сколько прекраснейших журналов и книг выписывали тогдашние провинциальные по-

мещики: «Старые годы», «Ниву», «Аполлон», «Столицу и усадьбу». Что же касается собраний сочинений Го-голя и Пушкина, Лермонтова и Аксакова, Достоевского и Алексея Толстого — это были те издания, которые чуть ли не каждый вечер снимали с полки и предавались сладостным часам уютного домашнего чтения вслух.

«Во вторник, опять-таки по заведенному издавна обыкновению, отдается приказ в контору, чтобы распорядились отправкою тарантаса, с дежурным кучером и лошадьми в “губернию” за неким Паромовым, без которого у нас немыслима Пасха. Паромов был когда-то учителем в уездном училище; известны о нем следующие подробности: был хорошим учителем, исправен по службе и добр для детей; главными его качествами были смирение и почтительность к старшим, которые благоволили к нему; дети же очень любили его.

Выйдя в отставку и похоронив любимую жену, он большую часть года проводил в гостях, то у одного, то у другого богатого помещика, из которых многие были его учениками; и везде Паромов был желанным гостем, любимым собеседником. Его присутствие в доме никого не стесняло; в случае интимной беседы он незаметно стушевывался. Уменье хранить тайну, постоянное старание быть полезным и неподкупная честность делали Паромова необходимым человеком в каждой семье. Его страсть к охоте (он был замечательный стрелок) сблизила его со многими барями, псарями и охотниками, которые скоро сходились с ним и чрезвычайно дорожили Василием Матвеевичем.

Как опытный охотник и неутомимый рассказчик, знающий кучу анекдотов из охотничьей жизни и умеющий передавать их остроумно, он бывал принят с распростертыми объятиями во всех домах, где водились охотники.

Наружность Паромова была совсем неказистая; чужому человеку было бы затруднительно определить его лета, хотя бы приблизительно; с самых давних пор помню я Василия Матвеевича старым и не-

красивым; но и товарищи его молодости помнят его таким же. Цвет кожи на лице его и на руках — темно-коричневый; невозможно было бы с точностью определить очертания его лица и цвета глаз: что-то насквозь прокопченное дымом дешевого табаку, в облаках которого вечно скрывалась его старческая фигура, точно окутанная пеленою. В его костюме не замечалось никаких признаков белья; никто и никогда не видел его купающимся в реке; да и вообще мытья и мыла всякого рода он не жаловал.

Но несмотря на свою некрасивую и неизящную наружность, Паромов был женат, и даже на молоденькой и хорошенькой девушке, совершенно бедной, но обладавшей прекрасным характером и верным куском хлеба: она была акушерка. Несколько лет прожили они вполне счастливо и дружно; но с рождением пятого ребенка жена умерла, оставив на руках несчастного мужа четырех мальчиков и одну девочку, Анюту, крестницу моего отца, который взял ее к нам в дом после смерти ее матери, а мальчики остались при отце.

В “губернии” был у Паромова собственный дом, очень порядочный и дававший доход; при доме — небольшой сад, в котором по целым дням копошился бедный вдовец со своими мальчуганами. Половина дома, занимаемая хозяином с семьей, давала некоторое понятие о Ноевом ковчеге: в угловой комнате спала вся семья и все собаки, иные с потомством; кроме того, кошки с котятками, белки, кролики и т. д.

В гостиной были развешаны клетки с разными птицами, преимущественно соловьями, до которых Паромов был большой охотник, так что даже для питания их он специально разводил в кухне тараканов, расползавшихся затем по всему дому. Была в доме и небольшая зала, уставленная стульями и увешанная клетками; на обычном месте стоял инструмент, фортепьяно красного дерева, замечательный тем, что был фабрикован собственноручно Василием Матвеевичем с помощью лишь перочинного ножа; кажется это невероятным, но было несомнен-

но, и мне самой не раз случалось бренчать на этом милом фортепьяно.

Около, на стене, висела гитара, на которой, как и на фортепьяно, любил подбирать знакомые мотивы в минуты тоски сам хозяин дома.

Да, этот невзрачный человечек имел поэтическую душу и мягкое, любящее сердце, любил чтение и много читал; он многого добился своим умом, жаждою знания и большим терпением; любознательный и наблюдательный, он ничего не упускал из виду, а многое ловил на лету; музыку же любил страстно и понимал ее» (*Мельникова А.* Воспоминания о давно минувшем и недавно былом).

Конечно, среди дисциплин, преподносимых юным отпрыскам домашними учителями, были и уроки музыки, пения, танцев. Нередко в дом приглашали и художников. Дети занимались лепкой, рисованием, вырезали по дереву. А в знании русских народных орнаментов не уступали и крестьянским детям. Причем родители и не ставили целью сделать из своих детей музыканта или художника. Важнее было другое — привить ребенку хороший вкус, чувство формы, основы музыкальной грамоты.

«У нас в городе еще прибавляются занятия с учителями рисования и танцев.

Учитель рисования был почтенный Иван Андреевич, добрый, смирный человек, в жилетном кармане которого торчали серебряные часы луковицей, таких огромных размеров, что каждый раз, как он наклонялся над нашими рисунками, в ушах у нас отдавалось такое оглушительное тик-так, что мы невольно переглядывались между собой и тихонько посмеивались.

Два раза в неделю, вечером, приходил учитель танцев Фома Антонович, маленькая, подпрыгивающая, точно гуттаперчевая фигурка, со скрипочкой в руках; он выделявал мудреные па, наигрывая какой-нибудь веселый мотив и пискливо командуя: *chassez en avant!* etc. Но нас он не пугал, и урок проходил весело» (*Мельникова А.* Воспоминания о давно минувшем и недавно былом).

В конторе наряд* начинается в восемь часов, и безынтересно посмотреть на всю эту обстановку, в которой управитель, согнувшись над конторскими книгами и сурово сдвинув брови, является если не Юпитером громовержцем, то по меньшей мере министром внутренних дел.

«Эй, ты, Иван! Сколько за тобой недоимки числится?» Подходит маленький мужичок и в пояс кланяется: «Вам лучше знать, батюшка; только уж потерпите маленько, все как есть отдам... справлюсь... года какие были!» — «Ладно, знаем мы вас...» Мужичонка отходит к стороне. «А тебе что надо?» Выдвигается вперед рослый молодой парень: «К вашей милости, жениться желаю». — «А это нам кстати!» — и управитель шепчет что-то приказчику, который уходит в соседнюю комнату, так называемую сборную избу, где ожидают просители, и возвращается снова в контору в сопровождении нескольких крестьянских парней и молодых девок из дворни, которых ставят группую у двери.

«А, девицы ткачихи!» — приветствует их управитель, обращаясь преимущественно к одной, отличающейся маленьким ростом и хорошеньким личиком, почти детским. Взоры ее не опустили перед взорами владыки, и смеющиеся глазки вызывающе устремлены на управителя, который приступает к делу: «Вот для чего я пригласил вас сюда: как вам известно, барин, по дошедшим до него слухам, давно доволен вашим поведением; вместо того, чтобы заниматься своим делом у ткацкого станка, вы по целым дням балуетесь с садовниками и с другими ребятами в саду; и сами ничего не делаете и других от дела отвлекаете. Я получил приказ выдать вас всех замуж за крестьянских ребят. Вас тут четверо, вот и жениха четыре».

В кучке девушек послышался сдержанный смех: ни тени негодования или досады, ни малейшего про-

* На ряд — ежедневная утренняя раздача заданий на сельскохозяйственные работы, выслушивание просьб, жалоб, пожеланий.

теста. Зато парни громко возроптали: какие, мол, они работницы для нашего брата мужика, не нужно нам их и т. д. Но ловкий приказчик уговаривает недовольных и с видимым удовольствием расставляет де-вушек с парнями.

Тогда маленькая ткачиха, взглянув на назначавшегося ей в супруги рослого и здорового парня, смело обратилась к управителю: «Лучше бы вы мне того маленького паренька дали, он бы мне и по росту подошел, а этот уж велик очень». Все расхохотались, и маленький, такой же как она, хорошенький мальчик лет девятнадцати стал в паре с нею.

«Вот теперь ладно будет: он на дудке играет, а я на кувичках^{*}, весело заживем». Управитель написал несколько слов на клочке бумаги и подал приказчику: «Отнеси к священнику и проси, чтобы завтра же повенчали всех». Затем все четыре пары удалились, и издали слышался звонкий смех и веселые песни. Странно было сватовство, но еще страннее то, что все четыре пары прожили в ладу до преклонных лет. Вот и разбирай как знаешь...» (*Мельникова А.* Воспоминания о давно минувшем и недавно былом).

Буфетчик и цирюльник Николай Павлов

Среди помещичьей дворни встречались и люди, обладавшие немалыми талантами, которые замечались барином и всячески развивались. И с годами человек становился профессионалом. Так, например, случалось с крепостными художниками, зодчими, актерами. Их умение было всегда в ходу. И уж конечно, в сельской местности было немало людей, знавших лечебные травы. Так что при соответствующих навыках, наблюдательности и смекалке из них выходили неплохие специалисты. И если эти крестьяне не получали никакого образования, они, благодаря природному усердию, трудолюбию все же добива-

* Кувички — русский и украинский духовой музыкальный инструмент.

лись известного мастерства. А люди, вылеченные ими, оказывались лучшей тому рекламой.

«...Между тем в контору входит новое лицо: буфетчик Николай Павлов, родной брат дворецкого Ивана. Это чрезвычайно благообразная фигура, с серьезным, даже строгим лицом, по которому временами как бы скользит ироническая улыбка. В ранней молодости он был отведен в Петербург и отдан в обучение парикмахеру; он скоро выучился своему мастерству, вернулся домой прекрасным парикмахером и искусным цирюльником. Никто лучше его не дергал зубов и не пускал кровь и не обладал при этом таким серьезным хладнокровием.

При исполнении своих цирюльничьих обязанностей, в деревне и в городе, Николай нередко сталкивался с докторами и фельдшерами, от которых набрался кое-каких знаний, и затем начал лечить сперва членов собственной семьи, потом соседей из двора, потом крестьян и хуторян наших, и, наконец, к нему начали приходить из других сел и деревень люди, горячо веровавшие в его медицинские познания.

Он вовсе не был шарлатаном и лечил крайне осторожно; главную же роль в его медикаментах играли травы, которые он собирал сам и несколько таинственно, никому не поверяя своих научных открытий. Каждому, обращавшемуся к нему, он сумел внушить доверие и глубокое уважение к своей серьезной личности и многосторонним знаниям, а также и к добросовестному отношению к делу. Словом, он был в целом околodge авторитетной личностью, а если подчас, среди своих людей, он рассказывал эпизоды из своей жизни в Петербурге, — он был уверен, что его слушают с почтительным вниманием и слепо верят ему.

Николай был умен и любознателен и многого добился сам; одно не давалось ему, и это мучило его: увидеть цвет папоротника и сорвать его для своей аптеки. Легенда гласит, что цветок этот можно видеть только раз в год, а именно в полночь на Ивана Купала, и что если кому удастся овладеть этим редким цветком — то ему дается власть, посредством

цвета папоротника, прозревать в недра земли, видеть все скрывающиеся там клады и беспрепятственно завладевать ими.

Ничем не смущаясь и не унывая, Николай ходил неизменно каждый год, в ночь под Ивана Купала, в ближайшую рощу подстергать расцветание папоротника; разумеется, никогда ничего не видел, но очень спокойно возвращался домой, с полной уверенностью увидеть драгоценный цветок в следующем году. Таким образом продолжал он добиваться своей цели, совершая таинственные ночные прогулки до самой старости, и по всей вероятности, будет совершать их до смерти. Он так привык верить в свое всезнание, что на всякий, предлагаемый ему сомнительный вопрос, отвечал, не колеблясь: “Отчего же? Можно”.

Так что, когда однажды брат Константин, будучи еще студентом, спросил его с самой серьезной миной: “Ты можешь ли Левиафона* на уде вытащить на берег?” — Николай отвечал, не задумываясь: “Отчего же? Можно”. Только взрыв смеха кругом дал ему понять, что он промахнулся, но он и тогда не рассердился, не оконфузился, а только спокойно смеющимися глазами взглянул на брата, решив про себя, что он добьется: что такое Левиафон?» (*Мельникова А. Воспоминания о давно минувшем и недавно былом*).

Дворня — на тургеневский взгляд

«...Я человек простой, — по-старому поступаю. По-моему: коли барин — так барин, а коли мужик — так мужик... Вот что.

На такой ясный и убедительный довод отвечать, разумеется, было нечего.

— Да притом, — продолжал он, — и мужики-то плохие, опальные. Особенно там две семьи; еще батюшка покойный, дай Бог ему царство небесное, их не жаловал, больно не жаловал. А у меня, скажу вам,

* Левиафон (Левиафан) — по библейскому преданию — огромное хищное животное (морское чудовище или небесный дракон); в переносном смысле — нечто огромное и чудовищное.

такая примета: коли отец вор, то и сын вор; уж там как хотите... О, кровь, кровь — великое дело!

Между тем воздух затих совершенно. Лишь изредка ветер набегал струями и, в последний раз замирая около дома, донес до нашего слуха звук мерных и частых ударов, раздававшихся в направлении конюшни. Мардарий Аполлоныч только что донес к губам налитое блюдечко и уже расширил было ноздри, без чего, как известно, ни один коренной русак не втягивает в себя чая, — но остановился, прислушался, кивнул головой, хлебнул и, ставя блюдечко на стол, произнес с добрейшей улыбкой и как бы невольно вторя ударам: “Чюки-чюки-чюк! Чюки-чюк! Чюки-чюк!”

— Это что такое? — спросил я с изумлением.

— А там, по моему приказу, шалунишку наказывают... Васю буфетчика изволите знать?

— Какого Васю?

— Да вот, что намедни за обедом нам служил. Еще с такими большими бакенбардами ходит.

Самое лютое негодование не устояло бы против ясного и кроткого взора Мардария Аполлоныча.

— Что вы, молодой человек, что вы? — заговорил он, качая головой. — Что я, злодей, что ли, что вы на меня так уставились? Любая да наказует: вы сами знаете.

Через четверть часа я простился с Мардарием Аполлонычем. Проезжая через деревню, увидел я буфетчика Васю. Он шел по улице и грыз орехи. Я велел кучеру остановить лошадь и позвать его.

— Что, брат, тебя сегодня наказали? — спросил я его.

— А вы почему знаете? — отвечал Вася.

— Мне твой барин сказывал.

— Сам барин?

— За что ж он тебя велел наказать?

— А поделом, батюшка, поделом. У нас по пустякам не наказывают; такого заведенья у нас нету — ни, ни. У нас барин не такой; у нас барин... такого барина в целой губернии не сыщешь.

— Пошел! — сказал я кучеру. “Вот она, старая-то Русь!” — думал я на возвратном пути» (Тургенев И. С. Два помещика).

Александре Мельниковой, детские и отроческие годы которой совпали с пореформенной жизнью усадьбы, довелось наблюдать немало нелицеприятных картин в поведении крестьян. И злорадство богатых мужиков в пасхальные дни, когда они отказали в мелкой просьбе ее отцу, слепому доброжелательному человеку, и низкую культуру вчерашних музыкантов «домашнего оркестра», фактически выпестованных и обученных помещиком.

«И вот я снова в Вознесенском. Казалось бы, так недавно была я здесь; а какие огромные перемены произошли у нас с тех пор! Словно и воздух не тот стал, чем я дышала прежде. Да, вот именно воздух не тот, не прежний наш, давно знакомый, повеяло волей, и взошла новая заря. Для многих эта новая заря обновившейся России была темной грозовой тучей, пугавшей помещиков, у которых новые порядки отняли старую власть и привычные доходы.

У нас же в имении не произошло ничего особенного, и когда отец мой стал объяснять крестьянам их новые права — некоторые загалдели в ответ: зачем нам, батюшка, изменять старые порядки? Вы наши отцы, мы ваши дети и т. п.

...Ввели Уставную Граммату и затем порешили между собой полюбовно, отец с бывшими крепостными своими, что — “...все прочее останется по-старому: коли ежели что кому понадобится, пусть в контору придет и заявит о нужде своей, леску ли на постройку, хворосту ли на топливо, или чего другого. Чем могу — пособлю!” Дружески закончил отец свою речь, и мужички, повопив неоднократно “благодарим покорно, батюшка Николай Прокофьевич”, — весело разошлись по домам.

Но на первую же Пасху вышел разлад, ужасно огорчивший отца и возбудивший в нем сильное негодование против “меньшого брата”. Во время Великого Поста какая-то эпидемия опустошила весь господский птичник, так что к святой приходилось покупать яйца, чего старики не запомнят. И решили

у нас отец с матерью, затаив эту первую, горькую обиду, послать на село к богатым мужикам, попросить у них яиц к празднику! Но вновь освобожденные, временно обязанные крестьяне, вероятно, попросту желая покуражиться перед господами своими новыми правами, или по наущению, отвечали посланному, что теперь, мол, не те времена, чтобы господам “уважать”, — и яиц не дали. Когда этот ответ передали отцу, он чуть не заплакал от досады и от боли, но за яйцами к празднику послали в город, на базар, и эта обида была горше первой.

В первый день Пасхи по исстари заведенному порядку, вошедшему в обычай, — в середине двора, перед домом накрывались длинные столы для угощения крестьян, приходивших христосоваться, и вся прислуга из господского дома должна была прислуживать обедающим.

Отец знал всех мужиков по голосу (он ослеп) и любил в такие дни балагурить с некоторыми из наиболее известных ему. Ничто не было изменено и на этот раз; столы, покрытые чистыми скатертями, ожидали обычных гостей. Наконец отошла поздняя обедня, пришел священник, поздоровался с хозяевами и благословил яства и питья. Затем стали подходить христосоваться, с одной стороны, мужики к отцу, а с другой — некоторые бабы к матери, отец по-старому христосовался со всеми, называя некоторых по именам и на степенное: “Христос воскрес!” — радушно отвечал каждому, подставляя щеку. — “Воистину воскрес”.

Но когда первый из подошедших к нему мужичков, также по-старому, полез было за пазуху со словами: с праздником, батюшка! — отец не выдержал и отвечал громко, чтобы все слышали: “Нет уж, братцы, спасибо! Не нужно мне ваших яичек теперь, коли в нужде отказались дать. Приберегите их для себя, а я ни от кого не возьму”. Вследствие этого первого недоразумения, отец отдал приказ конторе, чтобы по всем лесам были поставлены лесничие и чтобы без ведома конторы или особого ярлыка никому из леса ничего не отпустить.

Так что заслуживают ли уважения эти вчерашние крепостные мужички, что уже сегодня (сразу после отмены крепостного права) отказывают барину в доброй, скрепленной веками взаимовыручке? А тем более печально, что это всего лишь кураж, желание досадить вчерашнему барину, отплатить злом за добро...» (*Мельникова А. Воспоминания о давно минувшем и недавно былом*).

Об оркестрах господских — ни слуха ни духа

«В числе разных перемен, произошедших у нас после 19 февраля, важнейшей для нас, молодых, была следующая: наш оркестр был распущен; отец не захотел возиться с вольнонаемными музыкантами, как он возился с крепостными своими. Капельмейстера рассчитали, музыкантам подарили инструменты, на которых они играли, и оставили их на разных должностях в доме, но уже с назначением им жалованья. Одного произвели в камердинеры, другого сделали истопником, третьего помощником буфетчика и т. д.

Но недолго оставались по местам бывшие музыканты: контрабас, человек пожилой и вовсе бесталанный, пожелал заниматься на стороне коммерцией. С этой целью он перебрался в Обоянь, сделался кабатчиком, скупал разный хлам и даже ворованные вещи; под конец он спился и промотался. Первая скрипка, еще молодой и очень талантливый, ходил вначале играть по вечеринкам и свадьбам богатых крестьян, которые, не скупясь, подносили ему вина за хорошую игру. Это повело к тому, что и скрипач запил и даже продал скрипку свою.

Так, или почти так, покончили свою карьеру все артисты нашего оркестра. В господском доме стало тише; поубыло паразитов, прибыло забот. На всех отразилось веяние новой эпохи, даже дети почувляли, что времена переменились. Один семилетний мальчуган из дворовых, набедокурив, видно, через край, подвергся было обычному наказанию: мать схватила

его за ухо, чтобы потрепать маленько. Но мальчуган совершенно неожиданно вознегодовал, вырвался из материнских рук и с сознанием собственного достоинства заметил: “Не, матушка, ноне не те времена уж, чтобы драть...” При такой чудной выходке своего птенца мать только руками развела и с благоразумной философией сказала на это: “Щенок еще совсем, а какое сказал! Видно, и взаправду времена теперь не такие настали...”» (Мельникова А. Воспоминания о давно минувшем и недавно былом).

Средь шумного бала, случайно...

Балы официальные и домашние, детские праздники, вечера в лицеях и пансионах благородных девиц — на них и доводилось встречаться русскому дворянству. И это было интересно и полезно как для пожилых и людей преклонного возраста, так и для яркой, шумной и искрящейся весельем молодежи. На этих многоцветных встречах можно было заметить и людей скромного достатка, и помещиков средней руки, и весьма состоятельных персон. И все это соцветие рангов, званий и положений равнозначно кружилось в танцах, веселилось, а иногда решало или поправляло свои семейные и даже финансовые дела. Но все-таки основное, что освещало это сообщество разнообразных людей одного сословия, — это ничем не ограниченное веселье и всеохватный восторг души.

Однако если мы решим, что это радужное веселье было известно Петербургу, Москве и дюжине других городов Российской империи, то будем не правы. Во-первых, невеликость того или другого губернского или уездного городка совсем не мешала ему устраивать широкие искрометные балы в родных пенатах. А во-вторых, в русской глубинке существовали и уникальные гнезда дворянской культуры, которые ничем не уступали столичным — ни культурой, ни умением повеселиться, ни даже пространством, на котором происходили все эти представления.

«Охота к перемене мест» одолевала русского человека всегда. А потому к декабрю в Москву и другие большие города начинали прибывать дальние помещики и служивые дворяне с семьями. Хотелось хлебнуть светской (именно столичной) жизни, балов, театров, зрелищ и развлечений. Постараться израсходовать накопленные на сельхозпоставках деньги, прежде всего на всяческие «женские наряды и капризы». И конечно же исполнить самое сложное — умудриться обтесать провинциальных сельских красавиц дочерей и сыскать им благопристойных женихов.

А поскольку «съезд невест» происходил из многих городов и сельских усадеб, начинал ощущаться дефицит кавалеров — потенциальных женихов. Предпочтение оказывалось офицерам, а тем более — гвардейским. В этом отношении петербургские балы представляли для девиц на выданье больше шансов. Даже сам город был пронизан армейским настроением. От вида мундиров, эполет и аксельбантов и до звуков флейт, труб, раскатистой дробы барабанов и торжественной мощи военных духовых оркестров кружились девичьи головки. Именно таким, с большим вкраплением военной молодежи, и изобразил бал у князей Барятинских на своей акварели (начало 1830-х годов) Г. Г. Гагарин. Торжество было домашним, а потому присутствующие офицеры представляли не в кюлотах, чулках и башмаках, а в длинных брюках и кое-кто в вицмундирах (судя по темно-зеленому их цвету, серебряным эполетам и пуговицам, то были обер-офицеры Кавалергардского полка). И где-где, как не на балу следовало непременно шикануть некоторым отступлением от армейских канонов — излишняя затянутость («в рюмочку») мундиров, чрезмерно большие эполеты и эдакое возвышенно-щегольское состояние молодых омундиренных дворян, явившихся на первый, возможно, бал.

Но каким же внимательным к правилам ношения военной формы следовало быть, отправляясь на бал, если даже на улице молодого офицера мог ожидать нежданный камуфлет! Так, в частности в «Записках

декабриста» А. Розен вспоминает: «Педантом не был никогда; хотя в одном случае можно было почитать меня таковым: всегда, во всякое время, даже в ночное, когда за полночь возвращался домой по пустынным отдаленным линиям Васильевского острова, соблюдал я строжайшую форму в одежде; шляпу треугольную носил всегда по форме поперек, хотя это часто и летом и зимой вредило глазам моим... У меня была на то другая причина: в первые годы моей службы еще в 1818 году, когда Н. М. Сипягин был начальником штаба, то он сам... и вообще генералы-щеголи или франты, а за ними и офицеры носили зеленые перчатки и шляпу с полями. Летом, в теплую погоду, отправился чрез Исаакиевский мост для прогулки; под расстегнутым мундиром виден был белый жилет, шляпа надета была с полями, а на руках зеленые перчатки, одним словом, все было против формы, по образцу тогдашнего щеголя. С Невского проспекта повернув в Малую Морскую, встретил императора Александра; я остановился, смешался, потерялся, успел только повернуть поперек шляпу. Государь заметил мое смущение, улыбнулся и, погрозив мне пальцем, прошел и не сказал ни слова. Я нанял извозчика, поскакал на квартиру и был в нерешительности, сказать ли о случившемся полковому командиру или выждать, когда сделают запрос по начальству. Я молчал, но долго с беспокойством ожидал последствий этой встречи; за такую вину переводили в армейские полки или целый месяц держали на гауптвахте под строгим арестом. Запросов в полк не было по этому случаю, и с тех пор я дал себе слово свято соблюдать форму, что и сдержал до последнего часа моей службы».

Нередко балы проводились не только в просторных залах, но и на воздухе — в парках, садах и даже на специально отведенных к тому лесных полянах. Такие балы, специально проводившиеся на природе, завершались представлениями домашних театров и, наконец, шумными веселыми гуляньями. Эта яркая праздничность хотя и связана была прежде всего еще с елизаветинскими временами, продолжала существовать и в XIX столетии.

Примечательно, что дух таких «поднебесных баблов» был удивительно демократичным. Так, например, у въезда в Кусково местного жителя или путешественника встречали две пирамиды с веселыми и дружественными надписями-напутствиями:

«...веселиться как кому угодно, в доме и в саду, как для благородных, кому сие угодно, так для чужестранных и купечества и прочих всякого звания людей благопристойно одетых... Гуляния продолжаются в положенные дни, то есть по воскресеньям и четвергам, а также 28 и 29 июня и 1 августа».

Что же ожидало людей в этом «кусковском раю»? Триста десятин (то есть 327 гектаров) болотистой земли было превращено в уникальное плато. Здесь появилось 15 искусственных прудов, благодаря которым здешний воздух был особенно свеж. По вечерам наплывал легкий туман. И окружающее пространство, и без того напоминавшее необыкновенные декорации, превращалось в фантастическое видение.

Многочасовые балы продолжались и ночью. Ко дворцу от пруда устремлялся прямой канал. В его устье возвышались две колонны. По вечерам на их вершинах зажигали огни, которые своим светом заливали вокруг все пространство. Бал заканчивался лишь тогда, когда последний посетитель покидал это загадочное пространство.

Тон святочного веселья

Многое поменялось в России за каких-нибудь полтора столетия. А уж о мире развлечений и говорить не приходится. Но никогда уже тот ночной радужный мир на Святках не станет лично твоим, принадлежащим именно тебе и окружающей тебя веселой и беззаботной компании, слитой воедино, — будь то господина или дворянина, когда вся эта ватага с весельем неслась на тройках, наэлектризованная буйной энергией восторга.

И та лихость движения, ощущая которую ты не порывал с окружающим тебя пространством. И еще

вполне мог ухватить цепким взглядом кисею снежной пыли, ломкие льдинки наста, с веселым хрустом бьющиеся под искристым напором подрези. Ощущал сам дух конского пота, поекивание селезенки, ритмично убыстряющийся постук конских копыт.

Радостно колотилось сердце от сознания, что все вокруг и именно нынче, в хрустально-светлую, серебристо-лунную ночь, — твое, святочное, русское...

«Николай, которому хотелось по отличной дороге прокатить всех на своей тройке, предложил, взяв с собой из дворовых человек десять наряженных, ехать к дядюшке.

— Нет, ну что вы его, старика, расстроите! — сказала графиня. — Да и негде повернуться у него. Уж ехать, так к Мелюковым...

Наряд Сони был лучше всех. Ее усы и брови необыкновенно шли к ней. Все говорили ей, что она очень хороша, и она находилась в несвойственном ей оживленно-энергическом настроении. Какой-то внутренний голос говорил ей, что нынче или никогда решится ее судьба, и она в своем мужском платье казалась совсем другим человеком. Луиза Ивановна согласилась, и через полчаса четыре тройки с колокольчиками и бубенчиками, визжа и свистя подрезами по морозному снегу, подъехали к крыльцу.

Наташа первая дала тон святочного веселья, и это веселье, отряжаясь от одного к другому, все более и более усиливалось и дошло до высшей степени в то время, когда все вышли на мороз и, переговариваясь, перекликаясь, смеясь и крича, расселись в сани.

Две тройки были разгонные, третья тройка старого графа, с орловским рысаком в корню; четвертая — собственная Николая, с его низеньким вороним косматым коренником. Николай в своем старушечьем наряде, на который он надел гусарский подпоясанный плащ, стоял в середине своих саней, подобрав вожжи.

Было так светло, что он видел отблескивающие на месячном свете бляхи и глаза лошадей, испуганно оглядывавшихся на седоков, шумевших под темным навесом подъезда.

В сани Николая сели Наташа, Соня, m-me Schoss и две девушки. В сани старого графа сели Диммлер с женой и Петя; в остальные расселись наряженные дворовые.

— Пошел вперед, Захар! — крикнул Николай кучеру отца, чтобы иметь случай перегнать его на дороге.

Тройка старого графа, в которую сел Диммлер и другие ряженные, визжа полозьями, как будто примерзая к снегу, и побрякивая густым колокольцом, тронулась вперед. Пристяжные жались на оглобли и увязали, выворачивая, как сахар крепкий и блестящий снег.

Николай тронулся за первой тройкой; сзади зашумели и завизжали остальные. Сначала ехали маленькой рысью по узкой дороге. Пока ехали мимо сада, тени от оголенных деревьев ложились часто поперек дороги и скрывали яркий свет луны, но как только выехали за ограду, алмазно-блестящая с сизым отблеском, снежная равнина, вся облитая месячным сиянием и неподвижная, открылась со всех сторон. Раз, раз толкнул ухаб в передних санях; точно так же толкнуло следующие сани и следующие, и, дерзко нарушая закованную тишину, одни за другими стали растягиваться сани.

— След заячий, много следов! — прозвучал в морозном скованном воздухе голос Наташи.

— Как видно, Nicolas! — сказал голос Сони.

Николай оглянулся на Соню и пригнулся, чтобы ближе рассмотреть ее лицо. Какое-то совсем новое, милое лицо, с черными бровями и усами, в лунном свете близко и далеко, выглядывало из соболей.

“Это прежде была Соня”, — подумал Николай. Он ближе взгляделся в нее и улыбнулся.

— Вы что, Nicolas?

— Ничего, — сказал он и повернулся опять к лошадям.

Выехав на торную большую дорогу, примасленную полозьями и всю иссеченную следами шипов, видными в свете месяца, лошади сами собой стали натягивать вожжи и прибавлять ходу. Левая пристяжная, загнув голову, прыжками подергивала свои по-

стромки. Коренной раскачивался, поводя ушами, как будто спрашивая: “Начинать или рано еще?” Впереди, уже далеко отделившись и звеня удаляющимся густым колокольцом, ясно виднелась на белом снегу черная тройка Захара. Слышны были из его саней покрякивание, и хохот, и голоса наяранных.

— Ну ли вы, разлюбезные! — крикнул Николай, с одной стороны подергивая вожжу и отводя с кнутом руку. И только по усилившемуся как будто навстречу ветру и по подергиванию натягивающих и все прибавляющих скоку пристяжных заметно было, как шибко полетела тройка. Николай оглянулся назад. С криком и визгом, махая кнутами и заставляя скакать коренных, попевали другие тройки. Коренной стойко поколыхивался под дугой, не думая сбивать и обещая еще и еще наддать, когда понадобится.

Николай догнал первую тройку. Они съехали с какой-то горы, въехали на широко разъезженную дорогу по лугу около реки.

“Где это мы едем?” — подумал Николай. “По Косому лугу, должно быть. Но нет, это что-то новое, чего я никогда не видал. Это не Косой луг и не Дёмкина гора, а это бог знает что такое! Это что-то новое и волшебное. Ну, что бы там ни было!” И он, крикнув на лошадей, стал объезжать первую тройку.

Захар сдержал лошадей и обернул свое уже обывшее до бровей лицо.

Николай пустил своих лошадей; Захар, вытянув вперед руки, чмокнул и пустил своих.

— Ну, держись, барин, — проговорил он. Еще быстрее рядом полетели тройки, и быстро переменялись ноги скачущих лошадей. Николай стал забирать вперед. Захар, не переменяя положения вытянутых рук, приподнял одну руку с вожжами.

— Врешь, барин, — прокричал он Николаю. Николай в скок пустил всех лошадей и перегнал Захара. Лошади засыпали мелким, сухим снегом лица седоков, рядом с ними звучали частые переборы и путались быстро движущиеся ноги и тени перегоняемой тройки. Свист полозьев по снегу и женские взвизги слышались с разных сторон.

Опять остановив лошадей, Николай оглянулся кругом себя. Кругом была все та же пропитанная насквозь лунным светом волшебная равнина с рассыпанными по ней звездами.

“Захар кричит, чтобы я взял налево; а зачем налево? — думал Николай. — Разве мы к Мелюковым едем, разве это Мелюковка? Мы бог знает где едем, и бог знает что с нами делается, — и очень странно и хорошо то, что с нами делается”. — Он оглянулся в сани.

— Посмотри, у него и усы и ресницы — все белое, — сказал один из сидевших странных, хорошеньких и чужих людей с тонкими усами и бровями.

“Этот, кажется, была Наташа, — подумал Николай, — а это m-me Schoss: а может быть, и нет; а этот черкес с усами — не знаю кто, но я люблю ее”.

— Не холодно ли вам? — спросил он. Они не отвечали и засмеялись. Диммлер из задних саней что-то кричал, вероятно смешное, но нельзя было слышать, что он кричал.

— Да, да, — смеясь, отвечали голоса.

Однако вот какой-то волшебный лес с переливающимися черными тенями и блестками алмазов и с какой-то анфиладой мраморных ступеней, и какие-то серебряные крыши волшебных зданий, и пронзительный визг каких-то зверей. “А ежели и в самом деле это Мелюковка, то еще страннее то, что мы ехали бог знает где и приехали в Мелюковку”, — думал Николай.

Действительно, это была Мелюковка, и на подъезд выбежали девки и лакеи со свечами и радостными лицами.

— Кто такой? — спрашивали с подъезда.

— Графские наряженные, по лошадям вижу, — отвечали голоса...

Пелагея Даниловна Мелюкова, широкая, энергичная женщина, в очках и распашном капоте, сидела в гостиной, окруженная дочерьми, которым она старалась не дать скучать. Они тихо лили воск и смотрели на тени выходивших фигур, когда зашумели в передней шаги и голоса приезжих.

Гусары, барыни, ведьмы, паяцы, медведи, прокашливаясь и обтирая заиндевшие от мороза лица в

передней, вошли в залу, где поспешно зажигали свечи. Паяц Диммлер с барыней Николаем открыли пляску. Окруженные кричавшими детьми, ряженые, закрывая лица и меняя голоса, раскланивались перед хозяйкой и расстанавливались по комнате...

Пелагея Даниловна, распорядившись очисткой места для гостей и угощениями для господ и дворовых, не снимая очков, с сдерживаемой улыбкой ходила между ряжеными, близко глядя им в лица и никого не узнавая. Она не узнавала не только Ростовых и Димйлера, но и никак не могла узнать ни своих дочерей, ни тех мужниных халатов и мундиров, которые были на них.

— А это чья такая? — говорила она, обращаясь к своей гувернантке и глядя в лицо своей дочери, представлявшей казанского татарина. — Кажется, из Ростовых кто-то. Ну, а вы, господин гусар, в каком полку служите? — спрашивала она Наташу. — Турке-то, турке пастилы подай, — говорила она обносившему буфетчику, — это их законом не запрещено...

После русских плясок и хороводов Пелагея Даниловна соединила всех дворовых и господ вместе, в один большой круг; принесли кольцо, веревочку и рублик, и устроили общие игры.

Через час все костюмы измялись и расстроились... Гости позвали ужинать в гостиную, а в зале распорядились угощением дворовых» (Толстой Л. Н. Война и мир).

«Гул голосов, шагов, приветствий»

«В сыром, холодном воздухе, в тесноте и неполной темноте колыхающей кареты она в первый раз живо представила себе то, что ожидает ее там, на бале, в освещенных залах... То, что ее ожидало, было так прекрасно, что она не верила даже тому, что это будет, — так это было несообразно с впечатлением холода, тесноты и темноты кареты. Она поняла все то, что ее ожидает, только тогда, когда, пройдя по красному сукну подъезда, она вошла в сени, сняла

шубу и пошла рядом с Соней впереди матери между цветами по освещенной лестнице. Только тогда она вспомнила, как ей надо было себя держать на бале, и постаралась принять ту величественную манеру, которую она считала необходимой для девушки на бале. Но к счастью ее она почувствовала, что глаза ее разбегаются: она ничего не видала ясно, пульс ее забил сто раз в минуту, и кровь стала стучать у ее сердца. Она не могла принять той манеры, которая бы сделала ее смешною, и шла, замирая от волнения и стараясь всеми силами только скрыть его. И эта-то была та самая манера, которая более всего шла к ней. Впереди и сзади их, так же тихо переговариваясь и также в бальных платьях, входили гости. Зеркала по лестнице отражали дам в белых, голубых, розовых платьях с бриллиантами и жемчугами на открытых руках и шеях.

Наташа смотрела в зеркала и в отражении не могла отличить себя от других. Все смешивалось в одну блестящую процессию. При входе в первую залу равномерный гул голосов, шагов, приветствий оглушил Наташу; свет и блеск еще более ослепили ее. Хозяин и хозяйка, уже полчаса стоявшие у входной двери и говорившие одни и те же слова входившим: “*Charmé de vous voir*”^{*} так же встретили и Ростовых с Перонской.

Две девочки в белых платьях, с одинаковыми розами в черных волосах, одинаково присели, но невольно хозяйка остановила дольше свой взгляд на тоненькой Наташе. Она посмотрела на нее, и ей одной особенно улыбнулась в придачу к своей хозяйской улыбке. Глядя на нее, хозяйка вспомнила, может быть, и свое золотое, невозвратное девичье время, и свой первый бал. Хозяин тоже проводил Наташу и спросил у графа, которая его дочь?

— *Charmante!*^{**} — сказал он, поцеловав кончики своих пальцев.

В зале стояли гости, теснясь перед входной дверью... Наташа слышала и чувствовала, что несколько

* Очень, очень рады вас видеть (*фр.*).

** Прелесть! (*фр.*).

голосов спросили про нее и смотрели на нее. Она поняла, что она понравилась тем, которые обратили на нее внимание, и это наблюдение несколько успокоило ее.

“Есть такие же, как и мы, есть и хуже нас”, — подумала она...

Подходя к Наташе и заносая руку, чтобы обнять ее талию еще прежде, чем он <Болконский> ей договорил приглашение на танец. Он предложил ей турвальса. То замирающее выражение лица Наташи, готовое на отчаяние и на восторг, вдруг осветилось счастливой, благодарной, детской улыбкой...

Они были вторая пара, вошедшая в круг. Князь Андрей был одним из лучших танцоров своего времени. Наташа танцевала превосходно. Ножки ее в бальных атласных башмачках быстро, легко и независимо от нее делали свое дело, а лицо ее сияло восторгом счастья» (*Толстой Л. Н. Война и мир*).

Хрустальным звоном детских вечеров

«У нас в городе было свое детское общество, свои друзья; во-первых, семья дяди, наши кузены и кузины, с которыми мы жили чрезвычайно дружно от самого дня рождения. Старшего кузена звали Николаем. Когда бы я ни обращалась мысленно к моему прошлому, и в раннем детстве, и в первой молодости, и в позднейшие годы жизни моей, я всегда видела перед собою, ясно и живо, этот прекрасный образ милого кузена, щедро одаренного природой и красотой, и добротой, и аристократическою деликатностью и тактом. Хотя старейший между нами (я помню его офицером), безумно любимый женщинами, желанный и почетный гость в лучшем обществе, он охотно проводил большую часть своего свободного времени в семье, с родными, с нами, детьми; болтал, шутил, учил танцевать и подчас журил за французский язык, который знал в совершенстве.

Nicolas избегал офицерских пирушек, с какой-то гадливостью относясь к ним, и если по необходимо-

сти не был в гостях, на бале или в театре, то уже в 9 часов был непременно дома с матерью, или у нас, в кабинете отца, или в классной. Он представляется мне прекрасным типом мыслителя, поэта и представителя какого-нибудь идейного кружка; я его помню всегда серьезным, задумчивым, иногда остроумно шутливым и улыбающимся; никогда не слыхала, чтобы он хохотал.

Второй кузен — Базиль, был высокий, красивый блондин, почти настолько, насколько Nicolas был красивый брюнет. Я его помню хорошеньким мальчиком и позднее красивым молодым человеком в кавалергардской форме, жестикулирующим и горячо спорящим. Он держался от всех нас довольно далеко, и мы его побаивались.

Меньшие братья, Гриша и Проша, не раз проводившие в Вознесенском летние вакации, были любимыми товарищами нашими; я дружила с Гришей, а сестра Лиза — с Прошей; и это была такая святая, хорошая, бескорыстная дружба, что об ней и теперь от радно вспоминать. Нынешние наши барышни непременно перевели бы эту дружбу на любовь, а нам и в голову не приходили тогда какие-нибудь “глупости”. И Гриша и Проша были порядочные мальчики, *enfants de bonne maison*, а потом и молодые люди; никаких пошлостей мы от них не слыхали, и я с Лизой были идеалистки.

О кузине Любе можно только сказать, что она была хорошенькая и добрая девочка и любимая подруга моего детства. Вообще же с целою семьею дяди мы составляли как бы одну большую, нераздельную семью...

У нас по субботам бывали так называемые детские вечера, приглашенные девочки и мальчики, расфранченные, приедут, бывало, к 8-ми часам, в сопровождении маменек, тетенок, взрослых сестриц и братьев, сделают обычные реверансы или шаркнут ножкой, пройдутся группами по ярко освещенной зале и после нескольких туров вальса и одной кадрили как-то незаметно стушевываются и затем, наглухо укутанные, отсылаются обратно домой, с прилич-

ным запасом конфет и крымских яблок, вместо же них на паркетe выступают взрослые сестрицы и братцы, молодые маменьки и тетеньки; скромный детский вечер принимает размеры бала и оканчивается ужином, которого, однако же, нам никогда не приходилось дожидаться. Такие же “детские” вечера бывали у дяди по пятницам» (*Мельникова А. Воспоминания о давно минувшем и недавно былом*).

Весь этот странный антураж и толстощекий экипаж

Невозможно представить себе дворянский быт без экипажей. И каких только типов этих колесных диковин не существовало в России, особенно в XIX веке! Бричка и брика, тарантас и линейка, коляска и карета, двуколка и шарабан, догкарт и ландо, ландолет и качалка и еще великое множество самых разных колесных и санных зимних экипажей. Причем каждый из этих типов имел еще и свои особенности — форму корпуса, дверцы, подножки, разновидности сидений, кучерский облучок, особенности колесных осей, ступицы колес, рессорную подвеску, запятки, поворотные устройства и многое, многое другое, что выгодно отличало один экипаж от другого.

Да и двигались-то они каждый по-своему. У одних была продольная качка, у других — поперечная, третьи умудрялись гроыхать даже на грунтовой дороге, а четвертые неутомимо повизгивали, как молодые девки от щекотки. Вкус хозяина распространялся и на внутренний вид конной повозки. Одни не выносили продолжительной езды и делали в коляске легкие креслица. Любители дальних путешествий, предпочитавшие передвигаться «на долгих», оснащали интерьеры собственных экипажей уютными диванчиками с уймой всевозможных валиков, турецких подушек и подушечек-«думок».

«...Именно в отдаленных улицах и закоулках города дребезжал весьма странный экипаж, наводивший

недоумение насчет своего названия. Он не был похож ни на тарантас, ни на коляску, ни на бричку, а был скорее похож на толстощекий, выпуклый арбуз, поставленный на колеса. Щеки этого арбуза; то есть дверцы, носившие следы желтой краски, затворялись очень плохо, по причине плохого состояния ручек и замков, кое-как связанных веревками. Арбуз был наполнен ситцевыми подушками в виде кисетов, валиков и просто подушек, напичкан мешками с хлебами, калачами, кокурками, скородумками и кренделями из заварного теста. Пирог-курник и пирог-рас-сольник выглядели даже наверх.

Запятки были заняты лицом лакейского происхождения, в куртке из домашней пеструшки с небритой бородой, подернутой легкой проседью, — лицо, известное под именем “малого”. Шум и визг от железных скобок и ржавых винтов разбудили на другом конце города будочника, который, подняв свою алебарду, закричал спросонья, что стало мочи: “Кто идет?!” Но, увидев, что никто не шел, а слышалось только издали дребезжанье, поймал у себя на воротнике какого-то зверя и, подошедши к фонарю, казнил его тут же у себя на ноге. После чего, оставивши алебарду, опять заснул, по уставам своего рыцарства.

Лошади то и дело падали на передние коленки, потому что не были подкованы, и притом, как видно, покойная городская мостовая была им мало знакома. Колымага, сделавши несколько поворотов из улицы в улицу, наконец, поворотила в темный переулок мимо небольшой приходской церкви, Николы на Недотычках, и остановилась пред воротами дома протопопши. Из брички вылезла девка с платком на голове в телогрейке, и хватила обоими кулаками в ворота так сильно, хоть бы и мужчине (малый в куртке из пеструшки был уже потом стащен за ноги, ибо спал мертвецки). Собаки залаяли, и ворота, разинувшись, наконец проглотили, хотя с большим трудом, это неуклюжее дорожное произведение.

Экипаж въехал в тесный двор, заваленный дровами, курятниками и всякими клетухами; из экипажа

вылезла барыня: эта барыня была помещица, коллежская секретарша Коробочка» (Гоголь Н. В. Мертвые души).

«Он... не любил рессорных экипажей»

«...Овсяников придерживался старинных обычаев не из суеверия (душа в нем была довольно свободная), а по привычке. Он, например, не любил рессорных экипажей, потому что не находил их покойными, и разъезжал либо в беговых дрожках, либо в небольшой красивой тележке с кожаной подушкой, и сам правил своим добрым гнедым рысаком. (Он держал одних гнедых лошадей.) Кучер, молодой краснощекий парень, остриженный в скобку, в синеватом армяке и низкой бараньей шапке, подпоясанный ремнем, почтительно сидел с ним рядом. <...>

— Как времена-то изменились! — заметил я.

— Да, да, — подтвердил Овсяников... — Ну, и то сказать: в старые-то годы дворяне живали пышнее. Уж нечего и говорить про вельмож: я в Москве на них насмотрелся. Говорят, они и там перевелись теперь.

— Вы были в Москве?

— Был, давно, очень давно. Мне вот теперь семьдесят третий год пошел, а в Москву я ездил на шестнадцатом году.

Овсяников вздохнул.

— Кого ж вы там видали?

— А многих вельмож видел — и всяк их видел; жили открыто, на славу и удивление. Только до покойного графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского не доходил ни один. Алексея-то Григорьевича я видал часто: дядя мой у него дворецким служил. Изволил граф жить у Калужских ворот, на Шаболовке. Вот был вельможа! Такой осанки, такого привета милостивого вообразить невозможно и рассказать нельзя. Рост один чего стоил, сила, взгляд! Пока не знаешь его, не войдешь к нему — боишься точно, робеешь; а войдешь — словно солнышко тебя пригрет, и весь повеселеешь. Каждого человека до своей

особы допускать и до всего охотник был. На бегу сам правил и со всяким гонялся; и никогда не обгонит сразу, не обидит, не оборвет, а разве под самый конец переедет; и такой ласковый — противника утешит, коня его похвалит» (*Тургенев И. С. Олновдворец Овсяников*).

«...Прежде ездил кучером»

«...И Владимир и Ермолай, оба решили, что без лодки охотиться было невозможно.

— У Сучка есть дощаник*, — заметил Владимир, — да я не знаю, куда он его спрятал. Надобно сбежать к нему.

— К кому? — спросил я.

— А здесь человек живет, прозвище ему Сучок.

Владимир отправился к Сучку с Ермолаем. Я сказал ему, что буду ждать их у церкви. Рассматривая могилы на кладбище, наткнулся я на почерневшую, четырехугольную урну с следующими надписями: на одной стороне французскими буквами: “*Ci — gît Théophile Henri vicomte de Blandy*”; на другой: “Под сим камнем погребено тело французского подданного, графа Бланжия; родился 1737, умер 1799 года, всего жития его было 62 года”, на третьей: “Мир его праху”, а на четвертой:

“Под камнем сим лежит французский эмигрант:
Породу знатную имел он и талант,
Супругу и семью оплакав избиянну,
Покинул родину, тиранами погранну;
Российския страны достигнув берегов,
Обрел на старости гостеприимный кров;
Учил детей, родителей покоил...
Всевышний судия его здесь успокоил”.

Приход Ермолая, Владимира и человека со странным прозвищем Сучок прервал мои размышления.

Босоногий, оборванный и взъерошенный Сучок казался с виду отставным дворовым, лет шестидесяти.

* Дощаник — плоская лодка, сколоченная из старых барочных досок.

— Есть у вас лодка? — спросил я.

— Лодка есть, — отвечал он глухим и разбитым голосом, — да больно плоха.

— А что?

— Расклеилась; да из дырьев клепки повывалились.

— Велика беда! — подхватил Ермолай. — Паклей заткнуть можно.

— Известно, можно, — подтвердил Сучок.

— Да ты кто?

— Господский рыболов.

— Как же это ты рыболов, а лодка у тебя в такой неисправности?

— Да в нашей реке и рыбы-то нету.

— Рыба не любит ржавчины болотной, — с важностью заметил мой охотник.

— Ну, — сказал я Ермолаю, — поди достань пакли и справь нам лодку, да поскорей.

Ермолай ушел.

— А ведь этак мы, пожалуй, и ко дну пойдем? — сказал я Владимиру.

— Бог милостив, — отвечал он. — Во всяком случае должно предполагать, что пруд не глубок.

— Да, он не глубок, — заметил Сучок, который говорил как-то странно, словно спросонья: — да на дне тина и трава, и весь он травой зарос. Впрочем, есть тоже и колдобины.

— Однако же, если трава так сильна, — заметил Владимир, — так и грести нельзя будет.

— Да кто ж на дощаниках гребет? Надо пихаться. Я с вами поеду: у меня там есть шестик, — а то и лопатой можно.

— Лопатой неловко, до дна в ином месте, пожалуй, не достанешь, — сказал Владимир.

— Оно правда, что неловко.

Я присел на могилу в ожидании Ермолая. Владимир отошел, для приличия, несколько в сторону и тоже сел. Сучок продолжал стоять на месте, повесив голову и сложив, по старой привычке, руки за спиной.

— Скажи, пожалуйста, — начал я, — давно ты здесь рыбаком?

— Седьмой год пошел, — отвечал он, встрепенувшись.

— А прежде чем ты занимался?

— Прежде ездил кучером.

— Кто ж тебя из кучеров разжаловал?

— А новая барыня.

— Какая барыня?

— А что нас-то купила. Вы не изволите знать: Алена Тимофевна, толстая такая... немолодая.

— С чего ж она вздумала тебя в рыболова произвести?

— А Бог ее знает. Приехала к нам из своей вотчины, из Тамбова, велела всю дворню собрать, да и вышла к нам. Мы сперва к ручке, и она ничего: не сердает... А потом и стала по порядку нас расспрашивать: чем занимался, в какой должности состоял? Дошла очередь до меня; вот и спрашивает: “Ты чем был?” Говорю: “Кучером!” — “Кучером? Ну какой ты кучер, посмотри на себя: какой ты кучер? Не след тебе быть кучером, а будь у меня рыболовом и бороду сбрей. На случай моего приезда к господскому столу рыбу поставляй, слышишь?..” С тех пор вот я в рыболовах и числюсь. “Да пруд у меня, смотри, содержать в порядке...” А как его содержать в порядке?

— Чьи же вы прежде были?

— А Сергея Сергеича Пехтерева. По наследствию ему достались. Да и он нами недолго владел, всего шесть годов. У него-то вот я кучером и ездил... да не в городе — там у него другие были, а в деревне.

— И ты смолоду все был кучером?

— Какое все кучером! В кучера-то я попал при Сергее Сергеиче, а прежде поваром был, но не городским поваром, а так, в деревне.

— У кого ж ты был поваром?

— А у прежнего барина, у Афанасия Нефедыча, у Сергея Сергеича дяди. Льгов-то он купил, Афанасий Нефедыч купил, а Сергею Сергеичу именье-то по наследствию досталось.

— У кого купил?

— А у Татьяны Васильевны.

— У какой Татьяны Васильевны?

— А вот, что в запрошлом году умерла, под Болховым... то бишь под Карачевым, в девках... И замужем не бывала. Не изволите знать? Мы к ней поступили от ее батюшки, от Василья Семеныча. Она таки долгонько нами владела... годиков двадцать.

— Что ж, ты и у ней был поваром?

— Сперва точно был поваром, а то и в кофешенки* попал.

— Во что?

— В кофешенки.

— Это что за должность такая?

— А не знаю, батюшка. При буфете состоял и Антоном назывался, а не Кузьмой. Так барыня приказать изволила.

— Твое настоящее имя Кузьма?

— Кузьма.

— И ты все время был кофешенком?

— Нет, не все время: был и ахтером.

— Неужели?

— Как же, был... на кеятре играл. Барыня наша кеятр у себя завела.

— Какие же ты роли занимал?

— Чего изволите-с?

— Что ты делал на театре?

— А вы не знаете? Вот меня возьмут и нарядят; я так и хожу наряженный, или стою, или сижу, как там придется. Говорят: вот что говори, — я и говорю. Раз слепого представлял... Под каждую веку мне по горошине положили... Как же!

— А потом чем был?

— А потом опять в повара поступил.

— За что же тебя опять в повара разжаловали?

— А брат у меня сбежал.

— Ну, а у отца твоей первой барыни чем ты был?

— А в разных должностях состоял: сперва в казачках находился, фалетором был, садовником, а то и доезжачим.

— Доезжачим?.. И с собаками ездил?

* Кофешенк — должность смотрителя за приготовлением кофе, чая, шоколада в помещицьем доме.

— Ездил и с собаками, да убился: с лошадьё упал и лошадьё зашиб. Старый-то барин у нас был престрогий; велел меня выпороть да в ученёе отдать в Москву, к сапожнику.

— Как в ученёе? Да ты, чай, не ребенком в доезжачие попал?

— Да лет, этак, мне было двадцать с лишком.

— Какое ж тут ученёе в двадцать лет?

— Стало быть, ничего, можно, коли барин приказал. Да он, благо, скоро умер, — меня в деревню и вернули.

— Когда ж ты поварскому-то мастерству обучился?

Сучок приподнял свое худенькое и желтенькое лицо и усмехнулся.

— Да разве этому учатся?.. Стряпают же бабы!

— Ну, — промолвил я, — видал ты, Кузьма, виды на своем веку! Что ж ты теперь в рыболовах делаешь, коль у вас рыбы нету?

— А я, батюшка, не жалуюсь. И слава Богу, что в рыболовы произвели. А то вот другого, такого же, как я, старика — Андрея Пупыря — в бумажную фабрику, в черпальную, барыня приказала поставить. Грешно, говорит, даром хлеб есть...» (Тургенев И. С. Льгов).

«Кучер мой не удостоил меня ответом»

«...но мы еще не отъехали и ста шагов, как вдруг нашу телегу сильно толкнуло, она накренилась, чуть не завалилась. Кучер остановил разбежавшихся лошадей, нагнулся с облучка, посмотрел; махнул рукой и плюнул.

— Что там такое? — спросил я.

Кучер мой слез молча и не торопясь.

— Да что такое?

— Ось сломалась... перегорела, — мрачно отвечал он, и с таким негодованием поправил вдруг шлею на пристяжной, что та совсем покачнулася было набок, однако устояла, фыркнула, встряхнулася и преспойно начала чесать себе зубом ниже колена передней ноги.

Я слез и постоял некоторое время на дороге, смутно предаваясь чувству неприятного недоумения. Правое колесо совершенно подвернулось под телегу и, казалось, с немым отчаянием поднимало кверху свою ступицу...

И он <кучер> нагнулся, пролез под поводом пристяжной и ухватился обеими руками за дугу.

— Однако, — заметил я, — что ж нам делать?

Кучер мой сперва уперся коленом в плечо коренной, тряхнул раза два дугой, поправил седелку, потом опять пролез под поводом пристяжной и, толкнув ее мимоходом в морду, подошел к колесу — подошел и, не спуская с него взора, медленно достал из-под полы кафтана тавлинку, медленно вытащил за ремешок крышку, медленно всунул в тавлинку своих два толстых пальца (и два-то едва в ней уместились), помял-помял табак, перекосил заранее нос, понюхал с расстановкой, сопровождая каждый прием продолжительным кряхтением и, болезненно щурясь и моргая прослезившимися глазами, погрузился в глубокое раздумье.

— Ну, что? — проговорил я наконец.

Кучер мой бережно вложил тавлинку в карман, нагнул шляпу себе на брови, без помощи рук, одним движением головы, и задумчиво полез на облучок.

— Куда же ты? — спросил я его не без изумления.

— Извольте садиться, — спокойно отвечал он и подобрал вожжи.

— Да как же мы поедем?

— Уж поедем-с.

— Да ось...

— Извольте садиться.

— Да ось сломалась...

— Сломалась-то она сломалась; ну, а до выселок доберемся... шагом, то есть. Тут вот за рощей направо есть выселки, Юдиными прозываются.

— И ты думаешь, мы доедем?

Кучер мой не удостоил меня ответом.

— Я лучше пешком пойду, — сказал я.

— Как угодно-с...

...доехали до ссечек*, а там добрались и до конторы, высокой избы, одиноко стоявшей над небольшим оврагом, на скорую руку перехваченным плотной и превращенным в пруд. Я нашел в этой конторе двух молодых купеческих приказчиков, с белыми, как снег, зубами, сладкими глазами, сладкой и бойкой речью и сладко-плутоватой улыбочкой, сторговал у них ось и отправился на ссечки.

...Я, как только вернулся, успел заметить, что Ерофей мой снова находился в сумрачном расположении духа... И в самом деле, ничего съестного он в деревне не нашел, водопой для лошадей был плохой. Мы выехали. С неудовольствием, выразившимся даже на его затылке, сидел он на козлах и страх желал заговорить со мной, но, в ожидании первого моего вопроса, ограничивался легким ворчаньем вполголоса и поучительными, а иногда язвительными речами, обращенными к лошадям. “Деревня! — бормотал он, — а еще деревня! Спросил хошь квасу — и квасу нет... Ах, ты Господи! А вода — просто тьфу!”

...Э-э-э! — вдруг прервал самого себя мой кучер и, остановив лошадей, нагнулся набок и принялся нюхать воздух. — Никак гарью пахнет? Так и есть! Уж эти мне новые оси... А, кажется, на что мазал... Пойти, водицы добыть: вот, кстати, и прудик.

И Ерофей медлительно слез с облучка, отвязал ведёрку, пошел к пруду и, вернувшись, не без удовольствия слушал, как шипела втулка колеса, внезапно охваченная водою... Раз шесть приходилось ему на каких-нибудь десяти верстах обливать разгоряченную ось, и уже совсем за вечерело, когда мы возвратились домой» (Тургенев И. С. Касьян с Красивой Мечи).

Сани с подрезом, кони с пбсвистом!

И каких только зимних экипажей не мчалось санным путем по дорогам и бездорожью, по руслам рек, скованных ледяным хрусталем, и многоверстным

* Ссечка — срубленное место в лесу.

трактам, плотно обсаженным деревьями, накатанным до паркетного блеска и утрамбованным до такой степени, что порой и в мае держали снежную колею!

Под буркой я лежал в санях,
И, снег копытами взвевая,
Неслася тройка удалая...

И. Козлов

В метель ли, стужу ли иль туман бодро и даже с эдаким ухарством выцокивали дорожный ритм серебряные копыта лошадей, запряженных в возки и розвальни, гитары и санки, кибитки и кибиточки. Бранчливый бубенец и веселый колокольчатый вздох под расписной дугой коренника еще за пару верст упреждали о появлении неизвестного, но всегда желанного на тракте путника.

И если одни ездоки, будь то барин или мужик, впрыгивали в сани чуть ли не на ходу, легкомысленно, даже не запахнувшись, и мгновенно вбирая в легкие воздух заснеженной степи, других же долго и упорно собирали, превращая сам их отъезд чуть ли не в театральное действие со многими сценическими персонажами на «подмостках» господского двора.

И с неменьшим почтением, чем барина, отправляли управляющего именем, если он укатывал в город по делам, а тем более с письмом к губернатору.

«На середине дороги Николай дал подержать лошадей кучеру, на минуту подбежал к саням Наташи и стал на отвод.

...Получив все приказания, Алпатыч, провожаемый домашними, в белой пуховой шляпе (княжеский подарок), с палкой, так же, как князь, вышел садиться в кожаную кибиточку, заложенную тройкой сытых саврасых.

Колокольчик был подвязан, и бубенчики заложены бумажками. Князь никому не позволял в Лысых Горах ездить с колокольчиком. Но Алпатыч любил колокольчики и бубенчики в дальней дороге. Придворные Алпатыча, земский конторщик, кухарка — черная, белая, две старухи, мальчик-казачок, кучера и разные дворовые провожали его.

Дочь укладывала за спину и под него ситцевые и пуховые подушки. Свояченица-старушка тайком сунула узелок. Один из кучеров подсадил его под руку...» (Толстой Л. Н. Война и мир).

«Свои господа» и Балага — ямщик от Бога

«...Балага был известный троечный ямщик, уже лет шесть знавший Долохова и Анатоля и служивший им своими тройками. Не раз он, когда полк Анатоля стоял в Твери, с вечера увозил его из Твери, к рассвету доставлял в Москву и увозил на другой день ночью. Не раз он увозил Долохова от погони, не раз он по городу катал их с цыганами и дамочками, как называл Балага. Не раз он с их работой давил по Москве народ и извозчиков, и всегда его выручали его господа, как он называл их. Не одну лошадь он загнал под ними. Не раз он был бит ими, не раз напаяван ими шампанским и мадерой, которую он любил, и не одну штуку он знал за каждым из них, которая обыкновенному человеку давно бы заслужила Сибирь. В кутежах своих они часто зазывали Балагу, заставляли его пить и плясать у цыган, и не одна тысяча их денег перешла через его руки. Служа им, он двадцать раз в году рисковал и своею жизнью и своею шкурой и на их работе переморил больше лошадей, чем они ему переплатили денег. Но он любил их, любил эту безумную езду, по восемнадцати верст в час, любил перекувырнуть извозчика, и раздавить пешехода по Москве, и во весь скок пролететь по московским улицам. Он любил слышать за собой этот дикий крик пьяных голосов: “Пошел! Пошел!” тогда как уж и так нельзя было ехать шибче; любил вытянуть больно по шее мужика, который и так, ни жив ни мертв, сторонился от него. “Настоящие господа!” — думал он.

Анатолий и Долохов тоже любили Балагу за его мастерство езды и за то, что он любил то же, что и они. С другими Балага рядился, брал по двадцати пяти рублей за двухчасовое катание, и с другими только изредка ездил сам, а больше посылал своих молод-

цов. Но с своими господами, как он называл их, он всегда ехал сам и никогда ничего не требовал за свою работу» (Толстой Л. Н. Война и мир).

Извольте ждать, нет лошадей

«В Торжке на станции не было лошадей, или не хотел их давать смотритель. Пьер должен был ждать. Он, не раздеваясь, лег на кожаный диван перед круглым столом, положил на этот стол свои большие ноги в теплых сапогах и задумался.

— Прикажете чемоданы внести? Постель постелить, чаю прикажете? — спрашивал камердинер.

Пьер не отвечал, потому что ничего не слышал и не видел. Он задумался еще на прошлой станции и все продолжал думать о том же — о столь важном, что он не обращал никакого внимания на то, что происходило вокруг него. Его не только не интересовало то, что он позже или раньше приедет в Петербург, или то, что будет или не будет ему места отдохнуть на этой станции, но ему все равно было в сравнении с теми мыслями, которые его занимали теперь, пробудет ли он несколько часов или всю жизнь на этой станции.

Смотритель, смотрительша, камердинер, баба с торжковским шитьем заходили в комнату, предлагая свои услуги. Пьер, не переменяя своего положения задранных ног, смотрел на них через очки и не понимал, что им может быть нужно и каким образом все они могли жить, не разрешив тех вопросов, которые занимали его.

...Вошел смотритель и униженно стал просить его сиятельство подождать только два часика, после которых он для его сиятельства (что будет, то будет) даст курьерских. Смотритель, очевидно врал и хотел только получить с проезжего лишние деньги.

...Торжковская торговка визгливым голосом предлагала свой товар и в особенности козловые туфли. «У меня сотни рублей, которых мне некуда деть, а она в прорванной шубе стоит и робко смотрит на ме-

ня, — думал Пьер. — И зачем нужны ей эти деньги? Точно на один волос могут прибавить ей счастья, спокойствия души эти деньги?..”

...Слуга его подал ему разрезанную до половины книгу романа в письмах m-me Suza. Он стал читать о страданиях и добродетельной борьбе какой-то Amélie de Mansfeld. “И зачем она боролась против своего соблазнителя, — думал он, — когда она любила его? Не мог Бог вложить в ее душу стремления, противного Его воле. Моя бывшая жена не боролась и, может быть, она была права”» (Толстой Л. Н. Война и мир).

Красного дерева ларчик и чемодан из белой кожи

Итак, что же брал в дорогу наш русский дворянин, степенный, средних лет и среднего достатка? Первым делом он загружал весьма объемный чемодан из коричневой либо белой кожи. Добротные поскрипывающие ремни с надежными медными пряжками ограничивали, при необходимости, его излишнюю пухлость.

Однако сердцем багажа обычно бывала шкатулка — небольшая, но вместительная. Несколько раз провернув ключом во встроенном музыкальном запоре, открывали крышку. И перед взором возникал, уже в который раз, но все по-прежнему манящий бесконечный лабиринт ящичков и ящичков, лотков и пеналов. Целый каскад уходящих в нутро шкатулки квадратных, на манер шахматных клеток, перегородок для каких-то крошечных коробочек.

Но тайное-тайных в шкатулке — ее денежный ящик, правильнее сказать, ящичек, полуплоский, толщиной с портмоне.

«...внесены были его пожитки: прежде всего чемодан из белой кожи, несколько поистасканный, показывавший, что был не в первый раз в дороге. Чемодан внесли кучер Селифан, низенький человек в тулупчике и лакей Петрушка, малый лет тридцати, в просторном подержанном сюртуке, как видно, с бар-

ского плеча, малый немного суровый на взгляд, с очень крупными губами и носом.

Вслед за чемоданом внесен был небольшой ларчик, красного дерева, с штучными выкладками из карельской березы, сапожные колодки и завернутая в синюю бумагу жареная курица...

Чичиков вышел в гостиную, где провел ночь, с тем, чтобы вынуть нужные бумаги из своей шкатулки... Автор уверен, что есть читатели такие любопытные, которые пожелают даже узнать план и внутреннее расположение шкатулки. Пожалуй, почему же не удовлетворить! Вот оно, внутреннее расположение: в самой середине мыльница, за мыльницей шесть-семь узеньких перегородок для бритв; потом квадратные закоулки для песочницы и чернильницы с выдолбленной между ними лодочкою для перьев, сургучей и всего, что подлиннее; потом всякие перегородки с крышечками и без крышечек для того, что покороче, наполненные билетами визитными, похоронными, театральными и другими, которые складывались на память. Весь верхний ящик со всеми перегородками вынимался, и под ним находилось пространство, занятое кипами бумаг в лист, потом следовал маленький потаенный ящик для денег, выдвигавшийся незаметно сбоку шкатулки. Он всегда так поспешно выдвигался и задвигался в ту же минуту хозяином, что наверно нельзя сказать, сколько было там денег. Чичиков тут же занялся и, очинив перо, начал писать. В это время вошла хозяйка.

— Хорош у тебя ящик, отец мой, — сказала она, подсевши к нему. — Чай в Москве купил его?

— В Москве, — отвечал Чичиков, продолжая писать» (*Гоголь Н. В. Мертвые души*).

Шкатулка, погребец и пара пистолетов

«Князь Андрей уезжал на другой день вечером. Старый князь, не отступая от своего порядка, после обеда ушел к себе. Маленькая княгиня была у золовки. Князь Андрей, одевшись в дорожный сюртук без

эполет, в отведенных ему покоех укладывался с своим камердинером. Сам осмотрев коляску и укладку чемоданов, он велел закладывать. В комнате оставались только те вещи, которые князь Андрей всегда брал с собой: шкатулка, большой серебряный погребец, два турецких пистолета и шашка, подарок отца, привезенный из-под Очакова. Все эти дорожные принадлежности были в большом порядке у князя Андрея: все было ново, чисто, в суконных чехлах, старательно завязано тесемочками.

...Коляска шестериком стояла у подъезда. На дворе была темная осенняя ночь. Кучер не видел дышла коляски. На крыльце суетились люди с фонарями. Огромный дом горел огнями сквозь свои большие окна. В передней толпились дворовые, желавшие проститься с молодым князем; в зале стояли все домашние...» (*Толстой Л. Н. Война и мир*).

Переезд из усадьбы, или Train de maison

«Первый снег, напудривший деревья сада и пересыпавший белым пушком крыши флигелей и других надворных строений, бывал первым сигналом к переезду в город, из просторного удобного деревенского дома в еще более просторный, удобный и парадный собственный дом в Курске, в 75 верстах от нашей деревни. Но первый снег подает только первый повод к разговорам о сборах; да и сборы бы еще ничто: каретный сарай полон всяких экипажей, летних и зимних, начиная с так называемых Ноевых ковчегов и до самых новейших; так что если и санного пути не будет в скорости, то можно всячески и на колесах ехать; конный завод у нас есть свой, лошадей достаточно; кучеров — сколько угодно; за чем же дело стало?

За тем, чтобы все обдуманно сделать и приготовить, сообразить и устроить так, чтобы и в эту зиму, по примеру прошлых лет, достойно поддержать известный *train de maison*, к которому так привыкли все наши курские знакомые; не ударить лицом в грязь и по возможности оправдать всеобщие ожида-

ния. Вот около чего вертятся все думы отца, самолюбивого и тщеславного до крайности...

С первым снегом начинается необычайная суетливая деятельность в доме и в управительском флигеле, между которыми устанавливается усиленное сообщение, посредством разных посыльных; отдается приказание послать за тем или другим из нужных лиц; делается распоряжение о скорейшей продаже хлеба. Приезжают покупатели, сначала в управительское помещение, где идут предварительные переговоры; а затем с управителем шествуют в дом, для окончательного решения дела. О чтении исторических романов нечего и думать. Наконец ударили по рукам; задаток получен, дело кончено, тогда только наступает момент серьезных сборов к переезду в город.

Прежде всего в длинном послании к Паромову излагаются по пунктам всевозможные поручения: приказать дворнику отапливать городской дом, осмотреть все и сделать необходимый ремонт, закупить того-то и пр. По прошествии нескольких дней отдаются приказания осмотреть, в порядке ли дорожные экипажи, отправить вперед кухню с Фомою во главе, музыкантов с капельмейстером и кое-кого из женской прислуги; лучшие лошади, упряжные и рысистые, также отправляются вперед с надежными кучерами.

Наконец, назначен день выезда; за неделю до того начинается в доме суетливая работа: укладывают оставляемое и увозимое; укладывают все, кто что может, благо людей довольно в доме и в дворне, а все-таки на подмогу являются еще некоторые привилегированные личности вроде Анфисы, бывшей горничной моей матери, вышедшей замуж за дворецкого Ивана и теперь находящейся на покое, впредь до какого-нибудь экстренного случая вроде переезда в город, когда она призывается, как доверенная женщина, для переборки и перекладки разного хлама из одного сундука в другой; или Матрены, бывшей няньки, давно отставленной, по причине собственной многочисленной семьи, от должности господ-

ской нянюшки; ее обязанность заключается теперь в том, что она ежедневно является в дом, чтобы варить кофе и разливать чай утром и вечером.

И вот вошла, наконец, желанная заря: в шесть часов утра горничная приходит будить Авдотью Сергеевну и нас; но мы уже давно не спим и ждем с нетерпением, чтобы к нам вошли со свечой. Авдотья Сергеевна, уже заранее уложившая свои пожитки и приготовившая вещи, забираемые с собою, одевается во все теплое, начиная с теплых чулок, сверх которых, кроме башмаков, она наденет высокие бархатные сапоги, и кончая смешным, совсем детским белым чепчиком, поверх которого наденется потом объемистый атласный капор с крыльями.

Мы одеваемся также потеплее, молимся Богу и, забыв дисциплину, бежим наверх, в столовую, где отец давно уже расхаживает, разговаривая с управителем и со смотрителем конного завода, по временам отпивая из большой чашки глоток крепкого, как кофе, чаю. Скоро приходит и мать в дорожном костюме, садится пить кофе и затем выходит в переднюю отдать последние приказания ожидающим ее садовнику и коровнице.

Наконец, входит буфетчик Николай, в длинной шубе с рукавами, покрытой синим сукном, с красным гарусным шарфом, повязанным около шеи, скрещивающимся на груди и плотно опоясывающим его, и обычным глухим голосом докладывает: лошади готовы!

Общая суета... все спешат в залу. “Ну, теперь все доброе да садится!” — серьезно возглашает отец, садясь; за ним садятся все. Несколько секунд длится глубокое молчание; затем встают, крестясь на образ, и идут вниз, в переднюю, окончательно укутываться и размещаться по экипажам. Это целый поезд: в первых больших санях с откинутым верхом садятся отец и мать; на козлах, рядом с кучером, усаживается Николай-буфетчик, предварительно разместив, куда следует, дорожный погребец и коробки с провизией; затем в двухместном возке садится с коробками своими Авдотья Сергеевна, герметически укутан-

ная; предлагают кому-нибудь из нас поместиться около нее; но мы смело и решительно отказываемся, потому что в возке ее тесно, душно и скучно; зато как весело в большом рогожном возке, куда сажают нас с няней!

Такого поместительного и удобного экипажа, домашнего изделия, мне не пришлось уже видеть с тех пор: все мы там размещались свободно, и никому не было неловко; самые маленькие могли даже прохаживаться от одного окна к другому и очень покойно спать. На козлах у нас, с кучером, сидел дворецкий Иван, в серой нанковой шубе, с поднятым воротником, также перепоясанный красным гарусным шарфом. За нашим возком следуют еще сани, большие, открытые, в них сидят старшие горничные, девчонка и отцовский повар Николай.

На крыльце и около экипажей теснится дворня, провожающая родных и друзей.

— С Богом! — крикнул буфетчик Николай, касаясь рукой теплой шапки с наушниками, в знак прощального приветия, и поезд тронулся» (*Мельникова А. Воспоминания о давно минувшем и недавно былом*).

ШЛАФРОК, БРЕГЕТ, КАРТУЗ ДВОРЯНСКИЙ

Одежда — зеркало времени

Историки, этнографы, модельеры и десятки лет спустя после исчезновения того или иного одеяния узнавали по его особенностям очень много для себя интересного, поучительного и загадочного. А вот художники, прежде всего театральные, режиссеры, литераторы, рассматривая старинные костюмы, могли воссоздавать внешние черты былой эпохи.

Причем интересны не только сами предметы одежды, но и аксессуары.

Интересная особенность была характерна для одежды в Российской империи. Если русский городской костюм стал полностью западным со времен Петра, то вот сельский костюм — крестьянский и церковный — оставался исконно русским. Таким образом, в империи костюм разделился на два типа: модный городской западноевропейского покроя и традиционный русский (по большей части в сельской местности).

Однако строгого различия между городской и сельской одеждой не существовало. Модное городское платье хотя и шилось с оглядкой на Европу, но яркие краски, пестрая расцветка и множество отделок выдавали русский стиль. К тому же одежда дополнялась русскими шалями, платками и накидками.

Примечательно также и то, что в дворянских усадьбах на праздничных гуляньях, на ярмарках в городах и в усадебной жизни в сельской местности происходило постоянное общение крестьян с русским дворянством. И естественно, существовало взаимопроникновение деталей, элементов городской дворянской одежды в сельскую и наоборот. Использовались в городском костюме дворян (в качестве декоративной отделки) и изделия народных мастеров (кружево, шитье и т. п.).

Традиционный русский наряд нередко приходил на смену западному. Так, в частности, еще при Николае I издается указ о ношении при дворе фрейлинами платьев русского кроя. Да и позже, вплоть до начала XX века, считалось модным носить именно русский крой. Платья эти создавались из бархата насыщенных тонов и дополнялись золотым шитьем. На голову водружали нечто наподобие старинного кокошника. Именно с легкой руки императрицы Екатерины II на балах стали облачаться в русские платья.

А в военной форме классической русской одежде настоятельно следовал Александр III. Для воинских чинов император вводит русифицированную форму. А именно: на голове — кубанка, сапоги «бутылками» и заправленные в них брюки.

Последние годы XVIII столетия... Что предпочитают носить женщины? Во Франции, тогдашней законодательнице моды, продолжают бушевать революционные страсти. Стало быть, и мода, проникающая оттуда, той же, казалось бы, окраски, проста и органична? Это платья с высокой талией, большим декольте с обилием складок на спине, переходящих в шлейф. Под грудью перехват тонким пояском.

Под платьем из легких льняных или хлопчатобумажных тканей струились волны белых рубашек, а самые рискованные дамы игнорировали их и поддевали одно лишь тонкое белье, к тому же и телесного цвета. «Не можете представить себе, что это за прелестные сорочки: как наденешь на себя да осмотришься, так-таки все насквозь и виднехонько!» — встречаем упомина-

ние о такой «просвечивающей» моде в «Записках» у современника Пушкина, некоего С. П. Жихарева.

В России, лицезрея эту простоту, именно так ее и воспринимают — как революционную. Тем более что этот самый модный силуэт так и назывался — «шемиз» («chemi'se»), то есть «рубашка».

Как же одевался молодой русский дворянин в начале XIX века? Романтики в одежде поубавилось. В России появляются сюртук и редингот. Носят панталоны. А фрак с его взлетающими крыльями становится и вовсе повседневной одеждой. Носить его молодежь умела с некоторым шиком, но достойно. Его фалды диктовали и сам характер ходьбы. Особенно же часто приходилось вспоминать о них, когда доводилось садиться в коляску, бричку, тарантас или линейку.

Заказывая фраки, предпочитали цветные шерстяные ткани. Носили их со светлыми панталонами, на штрипках. Сшить фрак было великое искусство, носить — не меньшее! Элегантности в силуэте придавала чуть-чуть завышенная талия. Воротник полустойки плавно переходил в отвороты, вырезанные края которых походили на ласточкин хвост. Узкие рукава с манжетом должны были доходить до середины ладони. Но, пожалуй, самое сложное было — «построить» грудь. Ее подбивали слоем ваты с большим мастерством. Так что хорошо сидящий фрак был редким и дорогим приобретением.

О пластичности форм, линий и силуэтов этого костюма упоминали многие писатели — Н. В. Гоголь, А. С. Пушкин, В. А. Соллогуб.

«...Он был одет прекрасно. Темный коричневый фрак с таким же бархатным воротником придавал довольно неуклюжему телу какую-то особенную щеголеватость. Шею обвязывал длинный черный шарф с пестрыми узорами, небрежно приколотый двумя булавками, с висячими камешками от Стора и Мортимера*. Жилет темный, вышитый шелком и с гранатовыми пуговицами.

* «Стор и Мортиер» — фешенебельная лондонская ювелирная фирма.

На жилетке цепочка, перехваченная жемчугом. Сапоги, как зеркало. Шляпа, как сапоги. Наконец, завитые виски и желтые перчатки довершали его очаровательность» (*Саллогуб В. А.* Беллетристические сочинения).

Фрак и все сопряженное с ним — цилиндр, перчатки, трости и цветные жилетки — были своеобразным эталоном гражданской одежды XIX века, как мундир — одежды военной.

Если в XVIII веке силуэты одежды русских дворян определяла роялистская Франция, то начало XIX ознаменовалось английским дуновением. Исключение, пожалуй, составляли уже упомянутые платья покроя «шемиз».

Практичные и расчетливые англичане преуспели в пропаганде своей моды достаточно оригинальным образом. Что чаще всего читают люди? Газеты. Что из прочитанного более запоминается? Имена. Вот они и произвели названия имен модных одежд от известных имен английских актеров, политиков и т. д.

Так появились «спенсер», «боливар» и «каррик».

Итак, «дендизм» надолго очаровал русское дворянство, оказавшись достаточно демократичной модой. Подобный облик мог приобрести и крез с деньгами, и юноша со скромным достатком, и даже помещик-однодворец.

А как выглядел русский денди? Он был одет в белую рубашку со стоячим крахмальным воротником, причем воротник предпочитал, особенно щеголеватый молодой человек, высокий и не в меру тугой, даже получивший шутовское название «*vatermorder*», то есть «отцеубийца». Поверх рубашки надевался короткий пестрый жилет. Кстати, люди несколько гротескового склада характера умудрялись эпатировать, надевая одновременно несколько разнообразных жилетов.

Из чего только не шили жилеты, чтобы они становились броскими! Например, носили и двухцветные жилеты. Или сплетенные из узких шелковых лент синего и желтого цвета. Из узорного шелка и бархата, атласа и даже парчи.

К жилету подбирался и галстук. Имел он вид шарфа и обвязывался вокруг шеи. Соответственно и назывался *halstuch*, то есть шейный платок. Щеголи имели обыкновение упражняться в самых разнообразных способах его завязывания.

Носили длинные до сапог панталоны, которые поддерживались подтяжками, а снизу штрипками. И наконец, казалось бы, такая мелочь, как пуговицы, подбиралась самым тщательным образом. Они могли быть медными, латунными, фарфоровыми и даже из драгоценного камня или металла.

В более прохладную погоду надевался так называемый редингот (от *англ.* «riding» и «coat», то есть «одежда для верховой езды»). С годами этот редингот, своего рода пальто, в несколько измененном виде превращается в каждодневную одежду — сюртук.

Шили сюртуки в талию, а полы доходили до коленей. Единственное, что роднило это степенное одеяние с легким крылатым фраком, это рукава — точно такие же, как у последнего.

Непременным атрибутом русского денди была высокая английская шляпа с узкими полями.

В 40-е годы XIX века стал как-то особенно заметен тот слой дворян, которые в свое время, в эпоху Наполеоновских войн, Отечественной войны, были совсем юными существами. Добровольцами вступив в ряды русской армии, они, пройдя «армейские университеты», достойно завершили свой путь в поверженном Париже. Теперь это были зрелые люди средних лет, познавшие жизнь во всех ее проявлениях и умеющие ценить ее достоинства. Как же предпочитали одеваться эти «светские львы»?

Вот как описывает популярный в те годы крой русского сюртука прекрасный знаток отечественной моды, историк городского костюма Татьяна Степановна Алешина: «Сюртук из темно-оливкового, почти черного кастора, приталенного двубортного покроя, с отложным воротником и узкими рукавами. В 1840-х годах модны были приталенные двубортные сюртуки, сшитые из тонкого сукна. Раскрой спинки сюртука был такой же, как у фрака.

Длина фалд сюртука доходит до колена, линия талии чуть занижена, на этой линии в центре спинки пришиты две обтяжные пуговицы. «Юбка» сюртука расклешенная, со шлицей и складками по центру внизу спины: внутри складок скрыты карманы, по одному в каждой фалде. Грудь и спинка сюртука подбиты для тепла тонким слоем ваты или шерстяных очесов.

Подкладка из черной тафты с внутренними нагрудными и боковыми карманами. С сюртуками в 1840—1850-е годы носили черные, темно-синие и клетчатые, телесного цвета панталоны с лампасами и штрипками, светлые жилеты, черный вечерний галстук, который завязывали узлом с острыми концами; дневной же галстук был из цветного или клетчатого шелка. Сюртук носили дворяне, но могли себе позволить иметь и просвещенные купцы».

Но то был всего лишь внешний вид «светского» человека. А дальше дело оставалось за малым — за истинной воспитанностью. Одни решали этот вопрос состоятельностью (смена обуви — еженедельно, фрака — каждые три недели, шляпы — каждый месяц), другие — врожденным вкусом в одежде и поведении. Так что в одних случаях все диктовалось толщиной кошелька, в других — умением себя подать. Очевидно, именно из Англии к нам пришло в середине века представление об эlegantности. Ее можно было увидеть в крое костюма и самом качестве ткани, в белизне белья и некоторой небрежности в манере, с какой русские щеголи носили дорогие вещи и совсем недорогие, но подобранные со вкусом.

Эдакая «романтическая отстраненность», что проявлялась в особой манере носить костюм, была особенно модна среди 20—25-летней молодежи. Полу-расстегнутый воротник рубашки и небрежно завязанный галстук, прическа, будто бы не доведенная до конца, и недозастёгнутый жилет. Подражание лорду Байрону было, пожалуй, самым продолжительным в XIX веке.

Итак, что же добавилось в мужском туалете в 40-х и 50-х годах XIX столетия? Совсем немного — так на-

зывается бурнус-пальто со шнурами, каррик-пальто с несколькими воротниками и, пожалуй, различные жилеты.

Голову по-прежнему украшал цилиндр. Иногда надевали «гарибальдийку» — мягкую шляпу из фетра либо широкополый «боливар». Довершали экипировку перчатки, трость и зонтик, а если приходилось ехать верхом, то еще брали стек.

Что же касается дамской моды, то одежда, созданная в стиле «ампир», по-прежнему в моде. Талия оставалась очень высокой, а декольте, если платья предназначались для бала, были глубокие. После 1810 года юбка приобретает форму, напоминающую колокол. Подол украшается орнаментами. На легкие летние платья шел светлый шелк, батист или кисея. Парадные платья шили из бархата, тафты и атласа. А платья для нанесения визитов заказывали из легкой шерсти.

В качестве верхних одежд дамы из дворянских семей носили либо коротенькие курточки-спенсеры, либо рединготы. А вот шали, накидки были в России в большом ходу. Они прекрасно согревали и одновременно служили декоративным дополнением к одежде.

Именно в России, где перепады температур особенно велики, шали и шарфы, палантины и накидки являлись неотъемлемой частью женского туалета не только на протяжении XIX столетия, но и смело перешагнули в XX век.

Эти дивные дополнения дамского туалета не снимали с плеч ни летом, ни зимой. Их носили не только дома, но и в театре, гостях, на балах. Даже скромные дамские платья приобретали совсем иной радужный акцент, если дополнялись узорной шалью.

Шали могли использоваться и как дополнение к танцу. Существовал даже так называемый «па де шаль» — танец с шалью. И если первые шали привозили из Западной Европы и с Востока, то вскоре, благодаря бешеному спросу, налаживают производство и в самой России, в помещичьих усадьбах. Особую популярность приобретают сказочные ша-

ли, изготавливаемые из пуха диких коз в усадьбе помещицы Надежды Мерлиной на ручных ткацких станках.

К концу 20-х годов линия талии постепенно опускается и наконец уверенно занимает свое собственное место. В 30-е годы изменяется и фасон рукавов. Они сильно расширяются у плеча, становясь слишком пышными. Правда, появляются более элегантные формы рукавов — «фонарики» и «крылышки».

В эти же годы Россию захватывает новое увлечение — начинают использовать в отделке платья шелковые кружева, так называемые блонды. Эти тончайшие кружева плетут на коклюшках из особого шелка, привезенного из Китая. К 40-м годам становятся особенно модны блонды белые, серебристые либо слегка золотистого оттенка. Однако непомерная стоимость таких кружев оказывается не по карману служилому русскому дворянству. И вот тогда, подобно отечественным шалям, русские усадебные мастерские быстро осваивают новое производство.

В пяти верстах от Орла, в Малоархангельском уезде появляется кружевная мануфактура Алексея Куракина. Здесь мастерицы плели уникальные блонды — на тончайшей тюлевой сетке выполнялся плотный цветочный орнамент из шелка. Причем и сетка, и узор выплетались одновременно. Мастерство местных крестьянок оказалось настолько изысканным, что их изделия начали продавать уже в модных лавках обеих столиц.

И каких только неожиданных нововведений не сулили России 40-х годов грядущие моды! Страна наслаждалась спокойствием, пусть и временным. О пороховых дымах Бородина и восторгах парижских толп, приветствовавших русскую армию на улицах города, участники былых походов начинали забывать. Что уж говорить о их домочадцах!

Но мода легким росчерком пера всего лишь вспорхнула бабочкой на ватманских листах художника. Глядишь, идея уже подхвачена русскими в полете, в развитии. И то, что в марте 40-го года только выплывает в мыслях художника француза ли,

англичанина или немца, в мае обретает плоть и кровь, новый динамичный, стремительный силуэт, сотворенный по лекалам петербургских модельеров.

Юбка и рукава расширяются, а платье стягивают широкой лентой пояса. И чем ниже, миллиметр за миллиметром спадает линия плеча, тем впечатление узкой, тонкой, осиной талии все более завораживает. Из тканей предпочтение отдается муару и репсу, тафте и кашемиру. Преобладают утонченные гаммы русских цветочных ситцев старинной, еще ручной, набивки. Романтические настроения юных дворянок подчеркивал не только выбор моделей и их цвета. В те годы просто нельзя было представить юную хрупкую особу без маленькой книжки в цветастом ситцевом переплете. Причем закройщики для этой цели не забывали предусмотреть в юбке и маленький потайной карманчик.

Однако на смену всем этим «неземным, воздушным созданиям» приходит и новая, совершенно иная когорта. Подобно «светским львам» все чаще можно встретить и «светскую львицу» с энергичным и, как правило, нервическим характером. Экстравагантность наблюдалась не только в рассуждениях и манерах, но и в одежде. Теперь в почете и платье-амазонка — длинная суконная юбка и узкая кофточка, а также перчатки, легкая шляпка с вуалеткой, в руках стек либо хлыстик. Мало того что женщины умудрялись скакать не хуже казаков, но еще, бравируя своей раскованностью, фехтовали на шпагах и стреляли из пистолета, курили сигары и пили жженку. А журналы по коннозаводству занимали их внимание ничуть не меньше «Курьера дамских мод».

А стоило такой «верхоконной» львице спрыгнуть с седла, как вновь она превращалась в церемонную даму. Надевала в холодное время года теплую круглую ротонду, а также с удовольствием набрасывала на плечи боа.

Во второй половине XIX века дамская мода приобретает надуманный, непривычно-экстравагантный характер. Линия, которую проводит Париж, называют «модой Второй империи». Заметно и какое-то

особое повсеместное увлечение не только театром на сцене, но и театральностью собственного поведения в жизни.

Внедряется и новый вид развлечений: казино, игорные дома, кабаре, рестораны. Постройка железных дорог приводит к увлечению путешествиями, что незамедлительно сказывается и на моде. Если путешествующих мужчин мало что отличало от непутешествующих, то для странствий дам предусматривают удобные дорожные костюмы и изготавливают массу всяческих сопутствующих дорожных аксессуаров.

Какие же еще сюрпризы вынашивают короли дамских мод в 60—70-е годы XIX века? На улицах европейских городов, в театрах, концертных залах появляются дамы, будто сошедшие с театральных подмостков былых веков... эдакая фантазмагория. Оказывается, в эти годы во Франции и с некоторым интервалом в России возникает не то чтобы стиль или направление, а легкий отзвук, отголосок «рококо». И это-то во второй половине XIX столетия?! Старинные облачения маркизы де Помпадур ложатся в основу образцов для одежд (пусть даже в крошечном количестве) дам XIX века...

Возвращается несколько осовремененный кринолин. Юбка из конского волоса либо конструкция из металлических обручей, вставленных под верхнюю юбку, как под колпак, прекрасно зарекомендовала себя в былые времена. Теперь же, используя принцип старинного крепления, прорисовывают новую форму — овальную и слегка оттянутую назад. Если платье было рассчитано на званый обед, его лиф делался глухим, бальный вариант предусматривал декольте.

Верхняя одежда русских дворянок отличалась разнообразием. Это и жилеты, и изысканные шали, и накидки, и мантильи. Дамские портные делали оригинальные выкройки фигаро, пелерин и циркульно круглых, подбитых мехом ротонд. А вот для дальних прогулок облачались в удобный и уютный жакет — казакин.

Примечательно, что расхожее в России мнение о первенстве Европы в дамских модах той поры далеко не всегда соответствовало действительности. К примеру, тот же казакин. Его графический силуэт, пластика линий и тугая наполненность форм, разгуливая, в частности, и в виде выкроек между Западом и нами, свою тропинку протоптал из России, точнее, из казачьих земель. Эта же стезя была и у русских сапожек, шапочек и других элементов женского туалета.

Интересно, что чем пышнее был возрожденный кринолин, тем скромнее подбиралась шляпка. Маленькая и деликатная. Сооружалась она из шелка или соломки — русской либо флорентийской. Украшалась цветами и лентами. Носили и кружевные чепчики.

Существенным дополнением к дамскому туалету были в ту пору кошельки, сшитые из бархата и украшенные золотой нитью, вышивкой или гравировкой. Эта модная деталь туалета, что называлась французами «шателен», подвешивалась к поясу платья. Там же находили свое место часы и даже лорнет.

Однако все названное — лишь мелкие акценты дамской экипировки. Зонтики, и прежде всего солнечные, имели для формируемого облика дамы куда большее значение. Они не только надежно оберегали от солнца, их просто приятно было держать в руках. Купола зонтиков выполняли из серой тафты или ручного кружева, ручки — из белой кости либо из темного дерева, украшенные изысканной резьбой и инкрустацией.

Производство зонтов во второй половине XIX столетия уже было широко налажено. Русские мастера умело используют игру светотени и наносят на ткань легкие тисненные рисунки. Создавая из этого предмета произведение искусства, всю кинематику, шарниры и спицы умело скрывают за легкой белой шелковой подкладкой, края которой искусно камуфлируют либо под лепестки цветов, либо под ажурные крылья бабочек.

В последней четверти XIX века в России получает широкое распространение изготовление женских

сапожек из атласа. Спереди — застежка из матовых пуговиц с фестонированными краями. К голенищу была пришита кокетливая голубая кисточка. Производились такие элегантные сапожки в Варшаве*.

Непременным аксессуаром дамской половины русского дворянства были веера. Постоянные спутники дам, они благополучно продержались на протяжении всего XIX века, с некоторым удивлением взглянули на XX век и закончили свою роль не с 17-м годом, а с завершением жизни тех дворян, что не расставались со старыми привычками и в новые времена.

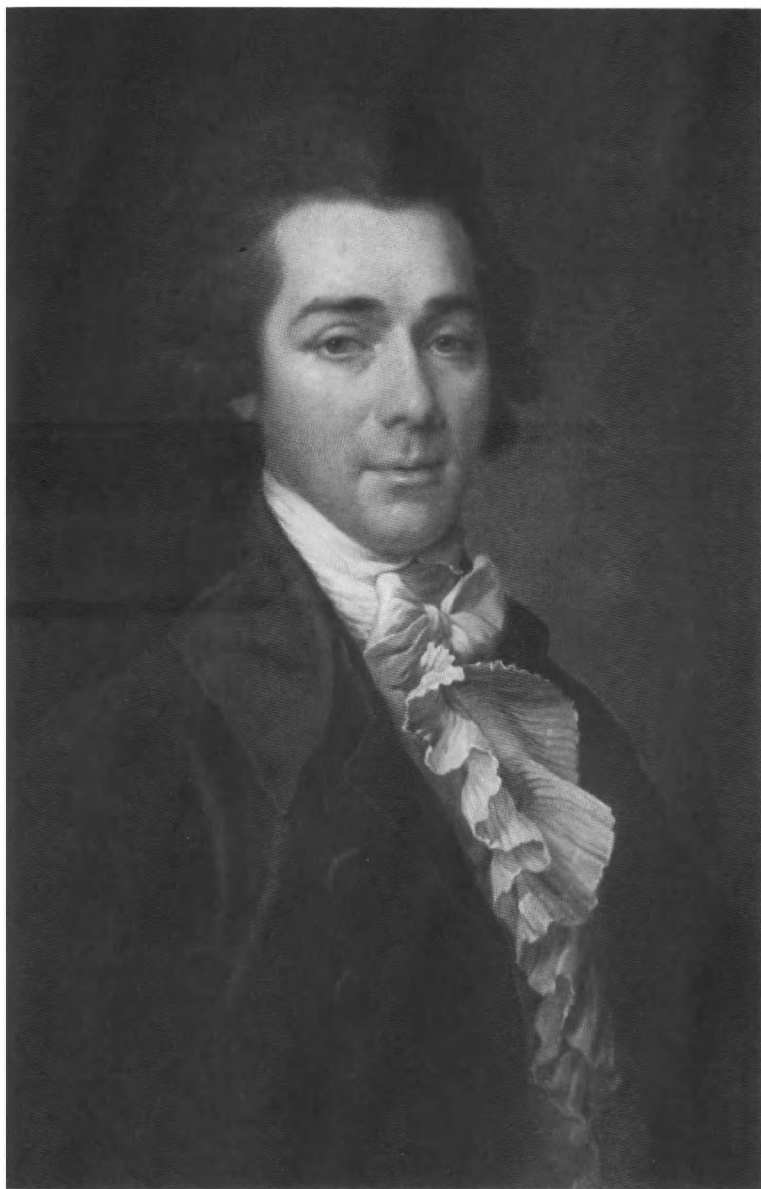
Какие же они были, эти скользящие, порхающие «крылья ангелов»? Веера, которыми обмахивались на балах еще в начале XIX столетия, были совсем маленькие, карманные, 10—15 сантиметров. Изготавливали их из светлых прозрачных тканей — кисеи, дымки, шифона и тюля. Станки набирались из слоновой кости, прозрачного плющеного рога, дерева. Для большего эффекта ткань вееров расшивали битью, золотыми, серебряными нитями, блестками. Можно было увидеть и веера, пластины которых украшались пышными прозрачными орнаментами. В оформлении использовалось и накладное золото, и стальные плашки, сквозной орнамент которых изобиловал стилизованными цветами или растениями.

Все эти крошечные веера могли дополняться ажурной шелковой ленточкой, шнурком. Надетые на кисть руки, веера не выскальзывали из ладони.

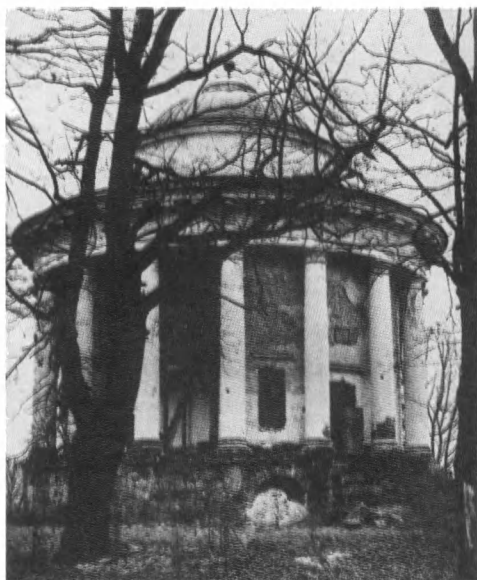
А к середине XIX столетия художники расписывают бумажные и шелковые веера гуашью, иногда их украшают печатными сюжетами.

Станки по-прежнему сооружаются из слоновой кости, панциря черепахи, перламутра. Каждая из пластин воссоздает орнамент былых времен, в нем просматривается давно исчезнувшее рококо, точнее его отдаленное подобие, снова входящее в силу после своего второго рождения.

* Польша в то время входила в состав Российской империи.

Портрет Николая Александровича Львова. С картины Д. Г. Левицкого.
1789 г. Москва. Государственная Третьяковская галерея.

Беседка в парке
Знаменское-Раёк.

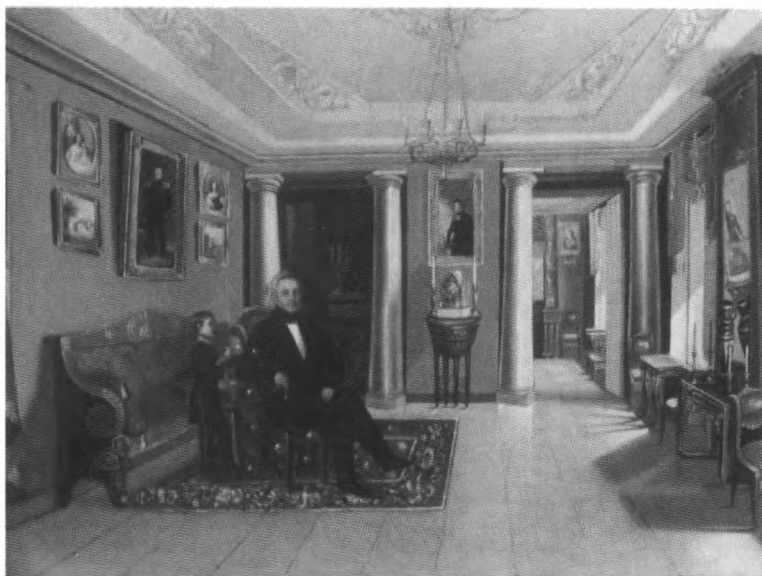
Колокольня
в усадьбе Арпачево.

Будуар А. С. Бахрушиной в стиле рококо. *К. А. Фишер. 1898 г.*

В комнатах. Гостиная на антресолях.

С картины неизвестного художника середины XIX в. 1850-е гг.

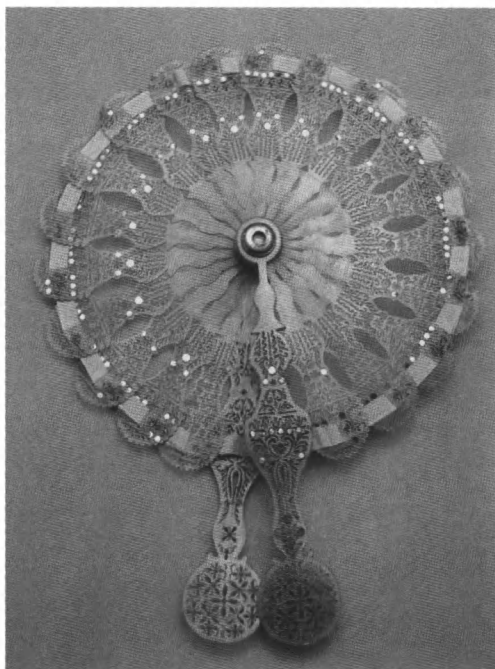
Первый бал Наташи Ростовой.

Рисунок Л. О. Пастернака к роману «Война и мир». 1893 г.

Несессер и перчатки.
1870—1880-е гг.

Веер роговой ажурный,
со стальными
блестками и моноклем.
1810-е гг.

Мужские и женские
платья. 1840-е гг.

Цилиндр и трость —
непременные атрибуты
мужчин в XIX веке.

Жена-модница.
С картины Ф. Журавлева.
1872 г.

Преферанс. С картины В. М. Васнецова. 1879 г.

Музыкальный вечер. Рисунок. Середина XIX в.

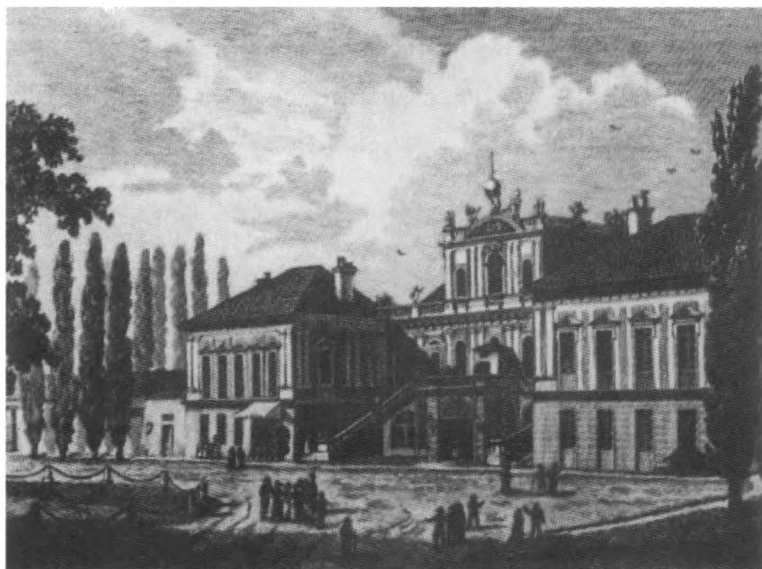
Разъезд гостей. С картины К. Трутовского.

Экипаж помещика.

Летний пейзаж (Вера Алексеевна Репина на мостике в Абрамцеве).
С картины И. Е. Репина. 1879 г.

Дворец Чарторыйских в Пулавах.

Литография А. Кассаня по рисунку Черновой. 1830—1840-е гг.

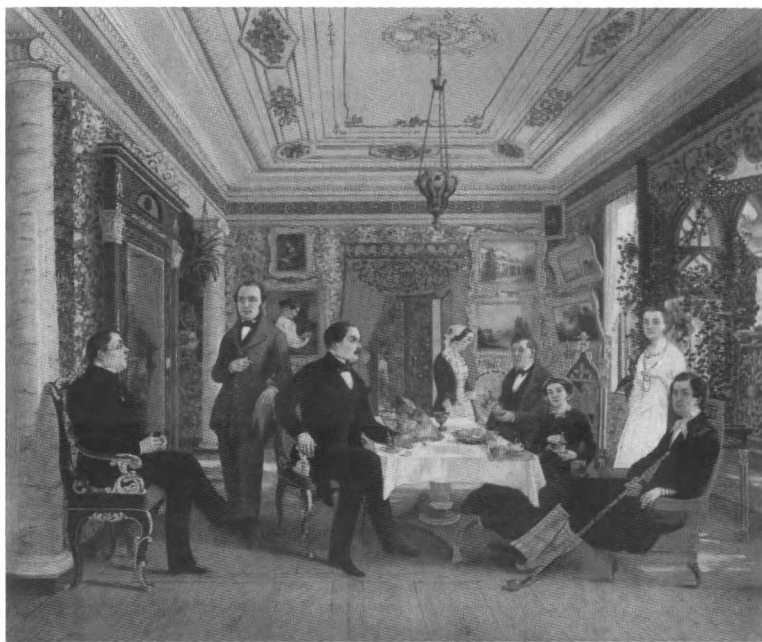
Имение Чарторыйских Пулавы. Английский проход. Аркады.

Литография А. Кассаня по рисунку Черновой. 1830—1840-е гг.

— Разинь, душенька, свой ротик, я тебе положу этот кусочек.
Рисунок А. Агина к поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души». 1892 г.

За чайным столом. А. Волосков. 1851 г.

«Этрусский» сервиз. Императорский фарфоровый завод. Начало 1830-х гг.

И. С. Тургенев. С картины Н. Д. Дмитриева-Оренбургского.

На охоту. С картины Н. С. Самокиша. 1884 г.

Спускают свору. С картины А. Д. Кившенко. 1894 г.

Спасское-Лутовиново. Дуб, посаженный И. С. Тургеневым.

Когда XIX век подступает к завершению, начинают входить в моду новые типы вееров. Верхушки пластин теперь делаются совсем уж ажурными. Стоит веер сложить, в руках остается элегантная дачная безделушка. В раскрытом виде все пластины веера напоминают веточку дерева с причудливой формы листиками.

Но если в начале XIX века веера носили помимо дополнения к туалету еще и чисто функциональную роль, столетие спустя этот предмет остался лишь изысканно-красивым аксессуаром.

Неменьшее значение в конце XIX века продолжают придавать и таким атрибутам дамского туалета, как несессерам и женским сумочкам из бисера. Причем производство несессеров уже серийное. Они изготавливаются из кожи светлых тонов. Граненая стеклянная крышка закрывает небольшую прямоугольную емкость, складывающуюся гармошкой с многочисленными отделениями для «мелкостей» дамского туалета. А вот сумочки, производимые в виде плоских кошельков прямоугольной или овальной формы, продолжали вязаться вручную и искусно вышиваться мелким бисером. Они оправлялись затем в ажурные рамки из меди, латуни, серебра и дополнялись декоративными вставками из эмали, цветного стекла или искусственных камней. Мастерство изготовления этих женских сумочек было столь высоким, что они напоминали своими орнаментами крошечные гобелены. Так же, как и другие изделия из бисера (чехольчики, портмоне), производимые в небольших мастерских, они пользовались широкой популярностью не только в России, но продавались и за границей.

В конце XIX века претерпевает изменения дамский дворянский костюм. Уже в 90-х годах он становится более строгим и деловым. Появляется новая юбка — узкая, облегающая у бедра и расширенная книзу.

А вот у вечерних туалетов продолжает использоваться длинный шлейф, остается модным и глубокий вырез, который иногда дополняют элегантным шей-

ным украшением. Это, как правило, бусы из жемчуга, струящиеся в несколько рядов и скрепленные в единый орнамент общей застежкой. Не выходят из моды пышные, расширяющиеся кверху рукава, по силуэту напоминающие крылья птиц.

Одежда дополнялась и прической. Чтобы удержать копну волос высокой прически, использовали гребни, шпильки, заколки из ажурного плющеного рога и перламутра, черепашьего панциря или обычного целлулоида, имитирующего рог или дорожную кость.

Костюм слабой половины русского дворянства на всем протяжении XIX века претерпел множество самых разнообразных трансформаций в силуэте и в деталях, в пропорциях и отделке, в перече и характере аксессуаров, что нельзя сказать о костюме русского дворянина.

Не претерпев крупных изменений в первой половине XIX века, во второй мужской гардероб пополнился лишь небольшим рядом новых одежд. Пожалуй, он стал несколько строже делиться по назначению. Визитный отличался от каждодневного, ну а бальный — естественно, от домашнего. Особняком продолжали стоять ведомственные мундиры. И если сюртуки и пиджаки надевали каждый день, то фрак сделался теперь парадной одеждой. Иногда для большего эффекта, праздничности самого момента встречи фрак дополнялся коротким плащом черного цвета на поблескивающей шелковой белой подкладке. Такой плащ так и назывался «фрачным».

Пожалуй, несколько расширило гардероб русского мелкопоместного дворянина появление «визитки» — достаточно элегантного уличного костюма, который надевали для нанесения визитов и на время небольших празднеств. К черной визитке полагалось надевать черные брюки в серую полосу либо серые — в полосу черную.

Из туманного Альбиона в самом конце XIX столетия в Европу прибывает смокинг. Он занимает место

малого парадного туалета. В нем дворянин являлся в свой мужской клуб. А позже появлялся в смокинге уже и в театре, и ресторане. Покрой смокинга был рассчитан на хорошую спортивную фигуру. И его, как правило, носили молодые люди.

Воротнички к белым рубашкам были и стоячие, и отложные. Наш старый знакомый — фрак — как появился на свет красивым и элегантным, так и продолжал существовать весь XIX век, меняясь лишь в форме выреза. Брюки же с каждым десятилетием слегка меняли свой силуэт. То были на штрипках, то — без них. В 80-е годы брюки расширяются книзу и приобретают лампасы. Вдобавок на них спереди прорезаются еще и горизонтальные карманы. Но почему-то в 90-е годы Россию заполняют брюки странного, так называемого «французского» покроя — суженные книзу. Они тотчас же придают фигуре мешковатость. Фигуры русские, славянские вряд ли от этого выиграли.

И если в 50—60-е годы галстук имел вид банта, то в 70-е он стал ленточным. А вот к фракку по-прежнему носили белый галстук, завязанный бантом.

Цилиндр продолжал оставаться самым элегантным головным убором на протяжении века. Русские дворяне носили и жесткую фетровую шляпу — мелону. Летом в усадьбах их укрывали от солнца панамы с широкими полями, а в городах мягкие фетровые шляпы, а также знаменитые канотье — невысокие шляпы с узкими твердыми полями и черной лентой по кругу.

Стоило завершиться XIX веку, как исчез и классический подход к традиционной одежде русского мелкопоместного дворянина.

Русский модерн, очаровавший и увлекший императорскую Россию в ее последние два десятка лет, явился завершающим отзвуком былой дворянской элегантности как в самой одежде, так и в особом непринужденном умении ее носить — будь то простая рубашка-косоворотка или полная достоинства высокая дворянская фуражка.

«Сюртук, застегнутый доверху...»

«...Носил он просторный синий сюртук с длинными рукавами, застегнутый доверху, шелковый лиловый платок на шее, ярко вычищенные сапоги с кистями и вообще с виду походил на зажиточного купца. Руки у него были прекрасные, мягкие и белые, он часто в течение разговора брался за пуговицы своего сюртука. Овсяников своею важностью и неподвижностью, смышленостью и ленью, своим прямотушием и упорством напоминал мне русских бояр допетровских времен. ...Ферязь бы к нему пристала. Это был один из последних людей старого века. Все соседи его чрезвычайно уважали и почитали за честь знаться с ним. Его братья, однодворцы, только что не молились на него, шапки перед ним издали ломали, гордились им. Говоря вообще, у нас до сих пор однодворца трудно отличить от мужика: хозяйство у него едва ли не хуже мужицкого, телята не выходят из гречихи, лошади чуть живы, упряжь веревочная. Овсяников был исключением из общего правила, хотя и не слыл за богача. Жил он один с своей женой в уютном, опрятном домике, прислугу держал небольшую, одевал людей своих по-русски и называл работниками. Они же у него и землю пахали. Он и себя не выдавал за дворянина, не прикидывался помещиком, никогда, как говорится, «не забывался», не по первому приглашению садился и при входе нового гостя непременно поднимался с места, но с таким достоинством, с такой величавой приветливостью, что гость невольно ему кланялся пониже...

...Он оглянулся, придвинулся ко мне поближе и продолжал вполголоса:

— А слышали про Василия Николаича Любозвонова?

— Нет, не слышал.

— Растолкуйте мне, пожалуйста, что за чудеса такие? Ума не приложу. Его же мужики рассказывали, да я их речей в толк не возьму. Человек он, вы знаете, молодой, недавно после матери наследство получил. Вот приезжает к себе в вотчину. Собрались мужики поглазеть на своего барина. Вышел к ним Василий

Николаич. Смотрят мужики — что за диво! — ходит барин в плисовых панталонах, словно кучер, а сапожки обул с оторочкой; рубаху красную надел и кафтан тоже кучерской; бороду отпустил, а на голове така шапонька мудреная, и лицо такое мудренное, — пьян, не пьян, а и не в своем уме. “Здорово, говорит, ребята! Бог вам в помощь”. Мужики ему в пояс, — только молча: заробели, знаете. И он словно сам робеет. Стал он им речь держать: “Я-де русский, говорит, и вы русские; я русское все люблю... русская, дескать, у меня душа, и кровь тоже русская...” Да вдруг как скомандует: “А ну, детки, спойте-ка русскую народственную песню!” У мужиков поджилки затряслись; вовсе одурели. Один было смельчак запел, да и присел тотчас к земле, за других спрятался... И вот чему удивляться надо: бывали у нас и такие помещики, отчаянные господа, гуляки записные, точно; одевались, почитай что кучерами и сами плясали, на гитаре играли, пели и пили с дворовыми людишками, с крестьянами пировали; а ведь этот-то, Василий-то Николаич, словно красная девушка: все книги читает али пишет, а не то вслух канты* произносит, — ни с кем не разговаривает, дичится, знай себе по саду гуляет, словно сучает или грустит...» (Тургенев И. С. *Однодворец Овсяников*).

Вольноотпущенный, или человек в панталонах блё-д-амур

«...Не успели мы ступить несколько шагов, как нам навстречу из-за густой ракиты выбежала довольно дрянная легавая собака, и вслед за ней появился человек среднего роста, в синем, сильно потертом сюртуке, желтоватом жилете, панталонах цвета гриде-лень** или блё-д-амур***, наскоро засунутых в дырявые сапоги, с красным платком на шее и одноствольным ружьем за плечами. Пока наши собаки, с

* К а н т ы — похвальные, хвалебные песни.

** Gris de lin (фр.) — розовато-серый.

*** Bleu d'amour (фр.) — голубовато-серый.

обычным, их породе свойственным, китайским церемониалом, снюхивались с новой для них личностью, которая, видимо, трусила, поджимала хвост, закидывала уши и быстро перевертывалась всем телом, не сгибая коленей и скаля зубы, незнакомец подошел к нам и чрезвычайно вежливо поклонился. Ему на вид было лет двадцать пять; его длинные русые волосы, сильно пропитанные квасом, торчали неподвижными косицами, небольшие карие глазки приветливо моргали, все лицо, повязанное черным платком, словно от зубной боли, сладостно улыбалось.

— Позвольте себя рекомендовать, — начал он мягким и вкрадчивым голосом, — я здешний охотник Владимир... Услышав о вашем прибытии и узнав, что вы изволили отправиться на берега нашего пруда, решился, если вам не будет противно, предложить вам свои услуги.

Охотник Владимир говорил, ни дать ни взять, как провинциальный молодой актер, занимающий роли первых любовников. Я согласился на его предложение и, не дойдя еще до Льгова, уже успел узнать его историю. Он был вольноотпущенный дворовый человек; в нежной юности обучался музыке, потом служил камердинером, знал грамоте, почитывал, сколько я мог заметить, кое-какие книжонки и, живя теперь, как многие живут на Руси, без гроша наличного, без постоянного занятия, питался только что не манной небесной. Выразался он необыкновенно изящно и, видимо, щеголял своими манерами; волокита тоже, должно быть, был страшный и, по всем вероятностям, успевал: русские девушки любят красноречие. Между прочим, он мне дал заметить, что посещает иногда соседних помещиков, и в город ездит в гости, и в преферанс играет, и с столичными людьми знается. Улыбался он мастерски и чрезвычайно разнообразно; особенно шла к нему скромная, сдержанная улыбка, которая играла на его губах, когда он внимал чужим речам. Он вас выслушивал, он соглашался с вами совершенно, но все-таки не терял чувства собственного достоинства и как будто хотел вам дать знать, что и он может, при случае, изъяснить свое

мнение. Ермолай, как человек не слишком образованный и уже вовсе не “субтильный”, начал было его “тыкать”. Надо было видеть, с какой усмешкой Владимир говорил ему: “Вы-с”.

— Зачем вы повязаны платком? — спросил я его. — Зубы болят?

— Нет-с, — возразил он, — это более пагубное следствие неосторожности. Был у меня приятель, хороший человек-с, но вовсе не охотник, как это бывает-с. Вот-с в один день говорит он мне: “Любезный друг мой, возьми меня на охоту: я любопытствую узнать — в чем состоит эта забава”. Я, разумеется, не захотел отказать товарищу; достал ему, с своей стороны, ружье-с и взял его на охоту-с. Вот-с мы как следует поохотились; наконец вздумалось нам отдохнуть-с. Я сел под деревом; он же, напротив того, с своей стороны, начал выкидывать ружьем артикул-с, причем целился в меня. Я попросил его перестать, но, по неопытности своей, он не послушался-с. Выстрел грянул, и я лишился подбородка и указательного перста правой руки...» (Тургенев И. С. Льгов).

Новый армячок, надетый внакидку

«...Одни огоньки тихонько потрескивали.

Мальчики сидели вокруг их; тут же сидели и те две собаки, которым так было захотелось меня съесть. Они еще долго не могли примириться с моим присутствием и, сонливо щурясь и косясь на огонь, изредка рычали с необыкновенным чувством собственного достоинства...

Всех мальчиков было пять: Федя, Павлуша, Ильюша, Костя и Ваня...

Первому, старшему из всех, Феде, вы бы дали лет четырнадцать. Это был стройный мальчик, с красивыми и тонкими, немного мелкими чертами лица, кудрявыми белокурыми волосами, светлыми глазами и постоянной, полувеселой, полурассеянной улыбкой. Он принадлежал, по всем приметам, к богатой семье и выехал-то в поле не по нужде, а так, для

забавы. На нем была пестрая ситцевая рубаша с желтой каемкой; небольшой новый армячок, надетый внакидку, чуть держался на его узеньких плечиках; на голубеньком поясе висел гребешок. Сапоги его с низкими голенищами были точно его сапоги — не отцовские. У второго мальчика, Павлуши, волосы были всклоченные, черные, глаза серые, скулы широкие, лицо бледное, рябое, рот большой, но правильный, вся голова огромная, как говорится, с пивной котел, тело приземистое, неуклюжее. Малый был неказистый — что и говорить! — а все-таки он мне понравился: глядел он очень умно и прямо, да и в голосе у него звучала сила. Одеждой своей он щеголять не мог: вся она состояла из простой замашной рубахи да из заплатанных портов. Лицо третьего, Ильюши, было довольно незначительно: горбоносое, вытянутое, подслеповатое, оно выражало какую-то тупую, болезненную заботливость; сжатые губы его не шевелились, сдвинутые брови не расходились — он словно все щурился от огня. Его желтые, почти белые волосы торчали острыми косицами из-под низенькой войлочной шапочки, которую он обеими руками то и дело надвигал себе на уши. На нем были новые лапти и онучи; толстая веревка, три раза перевитая вокруг стана, тщательно стягивала его опрятную черную свитку. И ему и Павлуше на вид было не более двенадцати лет. Четвертый, Костя, мальчик лет десяти, возбуждал мое любопытство своим задумчивым и печальным взором. Все лицо его было невелико, худо, в веснушках, книзу заострено, как у белки; губы едва было можно различить; но странное впечатление производили его большие, черные, жидким блеском блестящие глаза: они, казалось, хотели что-то высказать, для чего на языке, — на его языке по крайней мере, — не было слов. Он был маленького роста, сложения тщедушного и одет довольно бедно. Последнего, Ваню, я сперва было и не заметил: он лежал на земле, смиренхонько прикурнув под угловатую рогожу, и только изредка выставлял из-под нее свою русую кудрявую голову. Этому мальчику было всего лет семь...» (Тургенев И. С. Бежин луг).

«Завитой камердинер в голубой ливрее»

«Верстах в пятнадцать от моего имения живет один мне знакомый человек, молодой помещик, гвардейский офицер в отставке, Аркадий Павлыч Печочкин. Дичи у него в поместье водится много, дом построен по плану французского архитектора, люди одеты по-английски, обеды задает он отличные, принимает гостей ласково, а все-таки неохотно к нему едешь. Он человек рассудительный и положительный, воспитанье получил, как водится, отличное, служил, в высшем обществе потерся, а теперь хозяйством занимается с большим успехом. Аркадий Павлыч, говоря собственными его словами, строг, но справедлив... Сам же, в случае так называемой печальной необходимости, резких и порывистых движений избегает и голоса возвышать не любит, но более тычет рукою прямо, спокойно приговаривая: “Ведь я тебя просил, любезный мой”, или: “Что с тобою, друг мой, опомнись”; — причем только слегка стискивает зубы и кривит рот. Роста он небольшого, сложен щеголевато, собою весьма недурен, руки и ногти в большой опрятности содержит; с его румяных губ и щек так и пышет здоровьем. Смеется он звучно и беззаботно, приветливо щурит светлые, карие глаза. Одевается он отлично и со вкусом; выписывает французские книги, рисунки и газеты, но до чтения небольшой охотник: “Вечного жида” едва осилил. В карты играет мастерски. Вообще Аркадий Павлыч считается одним из образованнейших дворян и завиднейших женихов нашей губернии; дамы от него без ума и в особенности хвалят его манеры. Он удивительно хорошо себя держит, осторожен, как кошка, и ни в какую историю замешан отроду не бывал, хотя при случае дать себя знать и робкого человека озадачить и срезать любит... Музыку он тоже любит; за картами поет сквозь зубы, но с чувством; из Лючии и Сомнамбулы тоже иное помнит, но что-то все высоко забирает. По зимам он ездит в Петербург. Дом у него в порядке необыкновенном; даже кучера подчинились его влиянию и каждый день не только

вытирают хомуты и армяки чистят, но и самим себе лицо моют. Дворовые люди Аркадия Павлыча посматривают, правда, что-то исподлобья, но у нас на Руси утрюмого от заспанного не отличишь. Аркадий Павлыч говорит голосом мягким и приятным, с расстановкой и как бы с удовольствием пропуская каждое слово сквозь свои прекрасные, раздушенные усы; также употребляет много французских выражений, как-то: “Mais c’est impayable!”, “Mais comment donc” и пр. Со всем тем, я, по крайней мере, не слишком охотно его посещаю, и если бы не тетерева и не куропатки, вероятно, совершенно бы с ним раззнакомился. Странное какое-то беспокойство овладевает вами в его доме; даже комфорт вас не радует, и всякий раз, вечером, когда появится перед вами завитой камердинер в голубой ливрее с гербовыми пуговицами и начнет подобострастно стягивать с вас сапоги, вы чувствуете, что если бы вместо его бледной и сухопарой фигуры внезапно предстали перед вами изумительно широкие скулы и невероятно тупой нос молодого дюжего парня, только что взятого барином от сохи, но уже успевшего в десяти местах распороть по швам недавно пожалованный нанковый кафтан, — вы бы обрадовались несказанно и охотно бы подверглись опасности лишиться вместе с сапогом и собственной вашей ноги вплоть до самого вертлюга...

...На другой день я рано поутру велел заложить свою коляску, но он не хотел меня отпустить без завтрака на английский манер и повел к себе в кабинет. Вместе с чаем подали нам котлеты, яйца всмятку, масло, мед, сыр и пр. Два камердинера, в чистых белых перчатках, быстро и молча предупреждали наши малейшие желания. Мы сидели на персидском диване. На Аркадии Павлыче были широкие шелковые шаровары, черная бархатная куртка, красивый фес с синей кистью и китайские желтые туфли без задков. Он пил чай, смеялся, рассматривал свои ногти, курил, подкладывал себе подушки под бок, и вообще чувствовал себя в отличном расположении духа. Позавтракавши плотно и с видимым удовольст-

* Бесподобно!, Как же (*фр.*).

вием, Аркадий Павлыч налил себе рюмку красного вина, поднес ее к губам и вдруг нахмурился.

— Отчего вино не нагрето? — спросил он довольно резким голосом одного из камердинеров*.

Камердинер смешался, остановился как вкопанный и побледнел.

— Ведь я тебя спрашиваю, любезный мой? — спокойно продолжал Аркадий Павлыч, не спуская с него глаз.

Несчастный камердинер помялся на месте, pokrutil салфеткой и не сказал ни слова. Аркадий Павлыч потупил голову и задумчиво посмотрел на него исподлобья.

— Pardon, mon cher**, — промолвил он с приятной улыбкой, дружески коснувшись рукой до моего колена, и снова устался на камердинера. — Ну, ступай, — прибавил он после небольшого молчания, поднял брови и позвонил.

Вошел человек, толстый, смуглый, черноволосый, с низким лбом и совершенно заплывшими глазами.

— Насчет Федора... распорядиться, — проговорил Аркадий Павлыч вполголоса и с совершенным самообладанием.

— Слушаю-с, — отвечал толстый и вышел.

— Voilà, mon cher, les désagrémentс de la campagne***, — весело заметил Аркадий Павлыч. — Да куда же вы? Оставайтесь, посидите еще немного.

— Нет, — отвечал я, — мне пора» (Тургенев И. С. Бурмистр).

«Сюртук цвета аделаида»

«Вдруг крики: “Купря, Купря! Купрю не сшибешь!” — раздались на улице и на крыльце, и немного спустя вошел в контору человек низенького роста,

* Камердинер — в XIX столетии, как правило, и писали, и произносили, напирая на двойное «м», комнатный или приближенный служитель, «уборный или окольный слуга», как определил камердинера В. Даль.

** Извините, дорогой мой (фр.).

*** Вот, дорогой мой, неприятности деревенской жизни (фр.).

чахоточный на вид, с необыкновенно длинным носом, большими неподвижными глазами и весьма горделивой осанкой. Одет он был в старенький, изорванный сюртук цвета аделаида, или, как у нас говорится, оделлоида, с плисовым воротником и крошечными пуговками. Он нес связку дров за плечами. Около него толпилось человек пять дворовых людей и все кричали: «Купря! Купрю не сшибешь! В истопники Купрю произвели, в истопники!» Но человек в сюртуке с плисовым воротником не обращал ни малейшего внимания на буйство своих товарищей и нисколько не изменялся в лице. Мерными шагами дошел он до печки, сбросил свою ношу, приподнялся, достал из заднего кармана табакерку, вытаращил глаза и начал набивать себе в нос тертый донник, смешанный с золой.

...Меня отпусти на волю — я с голоду не умру, я не пропаду, дай мне пашпорт — я оброк хороший взнесу и господ удоблетворю. А вы что? Пропадете, пропадете, словно мухи, вот и все!

— Вот и соврал, — перебил его парень, рябой и белобрысый, с красным галстухом и разорванными локтями, — ты и по пашпорту ходил, да от тебя копейки оброку господу не видали, и себе гроша не заработал: насилу ноги домой приволок, да с тех пор все в одном кафтанишке живешь.

...И все расхохотались, иные запрыгали. Громче всех заливался один мальчишка лет пятнадцати, вероятно, сын аристократа между дворней: он носил жилет с бронзовыми пуговицами, галстух лилового цвета и брюшко уже успел отрастить.

...Главный кассир начал ходить по комнате. Впрочем, он более крался, чем ходил, и таки вообще смахивал на кошку. На плечах его болтался старый черный фрак, с очень узкими фалдами; одну руку он держал на груди, а другой беспрестанно брался за свой высокий и тесный галстух из конского волоса и с напряжением вертел головой. Сапоги носил он козловые, без скрыпу, и выступал очень мягко» (*Тургенев И. С. Контора*).

«Я ехал с охоты вечером один, на беговых дрожках. До дому еще было верст восемь; моя добрая рысистая кобыла бодро бежала по пыльной дороге, изредка похрапывая и шевеля ушами; усталая собака, словно привязанная, ни на шаг не отставала от задних колес. Гроза надвигалась. Впереди огромная лиловая туча медленно поднималась из-за леса... Дрожки прыгали по твердым корням столетних дубов и лип, беспрестанно пересекавшим глубокие продольные рытвины — следы тележных колес; лошадь моя начала спотыкаться... Сгорбившись и закутавши лицо, ожидал я терпеливо конца ненастья, как вдруг, при блеске молнии, на дороге почудилась мне высокая фигура. Я стал пристально глядеть в ту сторону, — та же фигура словно выросла из земли подле моих дрожек.

— Кто это? — спросил звучный голос.

— А ты кто сам?

— Я здешний лесник.

Я назвал себя.

— А, знаю! Вы домой едете?

— Домой. Да видишь, какая гроза...

— Я вас, пожалуй, в свою избу приведу, — отрывисто проговорил он.

— Сделай одолжение.

— Извольте сидеть.

Он подошел к голове лошади, взял ее за узду и сдернул с места... Я поднял голову и при свете молнии увидел небольшую избушку посреди обширного двора, обнесенного плетнем. Из одного окошечка тускло светил огонек. Лесник довел лошадь до крыльца и застучал в дверь. «Сичас, сичас!» — раздался тоненький голосок, послышался топот босых ног, заков заскрипел, и девочка, лет двенадцати, в рубашонке, подпоясанная покрывкой, с фонарем в руке, показалась на пороге.

— Посвети барину, — сказал он ей, — а я ваши дрожки под навес поставлю...

Изба лесника состояла из одной комнаты, закоп-

телой, низкой и пустой, без полатей и перегородок. Изорванный тулуп висел на стене. На лавке лежало одноствольное ружье, в углу валялась груда тряпок; два больших горшка стояли возле печки. Лучина горела на столе, печально вспыхивая и погасая. На самой середине избы висела люлька, привязанная к концу длинного шеста. Девочка погасила фонарь, присела на крошечную скамейку и начала правой рукой качать люльку, левой поправлять лучину. Я посмотрел кругом, — сердце во мне заныло: не весело войти ночью в мужицкую избу. Ребенок в люльке дышал тяжело и скоро...

Дверь заскрипела, и лесник шагнул, нагнув голову, через порог. Он поднял фонарь с полу, подошел к столу и зажег светильню.

— Чай, не привыкли к лучине? — проговорил он и потряхнул кудрями.

Я посмотрел на него. Редко мне случалось видеть такого молодца. Он был высокого роста, плечист и сложен на славу. Из-под мокрой замашной рубашки выпукло выставлялись его могучие мышцы. Черная курчавая борода закрывала до половины его суровое и мужественное лицо; из-под сросшихся широких бровей смело глядели небольшие карие глаза. Он слегка уперся руками в бока и остановился передо мною.

Я поблагодарил его и спросил его имя.

— Меня зовут Фомой, — отвечал он, — а по прозвищу Бирюк*.

— А, ты Бирюк?

Я с удвоенным любопытством посмотрел на него. От моего Ермолая и от других я часто слышал рассказы о леснике Бирюке, которого все окрестные мужики боялись, как огня. По их словам, не бывало еще на свете такого мастера своего дела: «Вязанки хворосту не даст утащить; в какую бы ни было пору, хоть в самую полночь, нагрянет, как снег на голову, и ты не думай сопротивляться, — силен, дескать, и ло-

* Бирюком называется в Орловской губернии человек одинокий и угрюмый.

вок, как бес... И ничем его взять нельзя: ни вином, ни деньгами; ни на какую приманку не идет. Уж не раз добрые люди его сжить со свету собирались, да нет — не дается”.

Вот как отзывались соседние мужики о Бирюке.

— Так ты Бирюк, — повторил я, — я, брат, слышал про тебя. Говорят, ты никому спуска не даешь.

— Должность свою справляю, — отвечал он угрюмо, — даром господский хлеб есть не приходится...

“...Подождите здесь”, — шепнул мне лесник, нагнулся и, подняв ружье кверху, исчез между кустами. Я стал прислушиваться с напряжением. Сквозь постоянный шум ветра чудились мне невдалеке слабые звуки: топор осторожно стучал по сучьям, колеса скрипели, лошадь фыркала... “Куда? стой!” — загремел вдруг железный голос Бирюка. Другой голос закричал жалобно, по-заячьи... Началась борьба. “Врешь, врешь, — твердил, задыхаясь, Бирюк, — не уйдешь...” Я бросился в направлении шума и прибежал, спотыкаясь на каждом шагу, на место битвы. У срубленного дерева, на земле, копошился лесник; он держал под собою вора и закручивал ему кушаком руки за спину...

Бирюк молча взял лошадь за холку левой рукой: правой он держал вора за пояс. “Ну, поворачивайся, ворона!” — промолвил он сурово» (*Тургенев И. С. Бирюк*).

«С несколькими воротниками и золотым галуном»

В России для наносимых визитов существовала особая одежда. Соответствующим образом был одет по-дорожному и сопровождающий помещика или помещицу лакей, которого так и называли «выездным». В его обязанности входило помочь господину сесть в экипаж и по приезде помочь высадить, а также сопровождать в дороге, стоя на запятках.

«Поутру, ранее даже того времени, которое назначено в городе N. для визитов, из дверей оранжевого

деревянного дома с мезонином и голубыми колоннами выпорхнула дама в клетчатом щегольском клоке*, сопровождаемая лакеем в шинели с несколькими воротниками и золотым галуном на круглой лощеной шляпе. Дама вспорхнула в тот же час с необыкновенной поспешностью по откинутым ступенькам в стоявшую у подъезда коляску. Лакей тут же захлопнул даму дверцами, закидал ступеньками и, ухватясь за ремни сзади коляски, закричал кучеру: «Пошел!» Дама везла только что услышанную новость и чувствовала побуждение непреодолимое скорее сообщить ее. Всякую минуту выглядывала она из окна и видела, к несказанной досаде, что все еще остается полдороги. Всякий дом казался ей длиннее обыкновенного; белая каменная богадельня с узенькими окнами тянулась нестерпимо долго, так что она наконец не вытерпела сказать: «Проклятое строение, и конца нет!» Кучер уже два раза получил приказание: «Поскорее, поскорее, Андрюшка! ты сегодня несносно долго едешь!» Наконец цель была достигнута. Коляска остановилась перед деревянным же одноэтажным домом темно-серого цвета, с белыми барельефчиками над окнами, с высокой деревянной решеткой перед самыми окнами и узеньким палисадником, за решеткой которого находившиеся тоненькие деревца побелели от никогда не сходявшей с них городской пыли. В окнах мелькали горшки с цветами, попугай, качавшийся в клетке, уцепясь носом за кольцо, и две собачонки, спавшие перед солнцем» (*Гоголь Н. В. Мертвые души*).

«Обступили его блистающею гирляндю»

«Герой наш отвечал всем и каждому и чувствовал какую-то ловкость необыкновенную: раскланивался направо и налево, по обыкновению своему несколько набок, но совершенно свободно, так что очаровал всех. Дамы тут же обступили его блистающею гир-

* К л о к — широкое пальто.

ляндюю и нанесли с собой целые облака всякого рода благоуханий: одна дышала розами, от другой несло весной и фиалками, третья вся насквозь была продушена резедой; Чичиков подымал только нос кверху да нюхал. В нарядах их вкусу было пропасть: муслины, атласы, кисеи были таких бледных модных цветов, каким даже и названья нельзя было прибрать (до такой степени дошла тонкость вкуса). Ленточные банты и цветочные букеты порхали там и там по платьям в самом картинном беспорядке, хотя над этим беспорядком трудилась много порядочная голова. Легкий головной убор держался только на одних ушах и, казалось, говорил: “Эй, улечу, жаль только, что не подыму с собой красавицу!” Талии были обтянуты и имели самые крепкие и приятные для глаз формы (нужно заметить, что вообще все дамы города N. были несколько полны, но шнуровались так искусно и имели такое приятное обращение, что толщины никак нельзя было приметить). Все было у них продумано и предусмотрено с необыкновенной осмотрительностью: шея, плечи были открыты именно настолько, насколько нужно, и никак не дальше; каждая обнажила свои владения до тех пор, пока чувствовала по собственному убеждению, что они способны погубить человека; остальное все было припрятано с необыкновенным вкусом: или какой-нибудь легонький галстучек из ленты, или шарф легче пирожного, известного под именем “поцелуя”, эфирно обнимал шею, или выпущены были из-за плеч, из-под платья, маленькие зубчатые стенки из тонкого батиста, известные под именем “скромностей”. Эти “скромности” скрывали наперед и сзади то, что уже не могло нанести гибели человеку, а между тем заставляли подозревать, что там-то именно и была самая погибель. Длинные перчатки были надеты не вплоть до рукавов, но обдуманно оставляли обнаженными возбудительные части рук повыше локтя, которые у многих дышали завидною полнотою; у иных даже лопнули лайковые перчатки, побужденные надвинуться далее, — словом, кажется, как будто на всем было написано: нет, это не губерния, это сто-

лица, это сам Париж! Только местами вдруг высовывался какой-нибудь не виданный землею чепец или даже какое-то чуть не павлиное перо в противность всем модам, по собственному вкусу. Но уж без этого нельзя, таково свойство губернского города: где-нибудь уж он непременно оборвется.

...по самому носу дернул его целый ряд локтей, обшлагов, рукавов, концов лент, душистых шемизеток и платьев. Галопад летел во всю пропалую: почтмейстерша, капитан-исправник, дама с голубым пером, дама с белым пером, грузинский князь Чипхайхидзев, чиновник из Петербурга, чиновник из Москвы, француз Куку, Перхуновский, Беребендовский — все поднялось и понеслось...

...он видел только вдали блондинку, надевавшую длинную перчатку и, без сомнения, сгоравшую желанием пуститься летать по паркету. А уже там в стороне четыре пары откалывали мазурку; каблуки ломали пол, и армейский штабс-капитан работал и душою и телом, и руками и ногами, отвергывая такие па, каких и во сне никому не случалось отвергивать...» (*Голь Н. В. Мертвые души*).

«С розанами в корсаже»

«31-го декабря, накануне нового 1810 года, le réveillon*, был бал у екатерининского вельможи...

На Английской набережной светился бесчисленными огнями иллюминации известный дом вельможи. У освещенного подъезда с красным сукном стояла полиция, и не одни жандармы, но полицеймейстер на подъезде и десятки офицеров полиции. Экипажи отъезжали, и все подъезжали новые с красными лакеями и с лакеями в перьях на шляпах. Из карет выходили мужчины в мундирах, звездах и лентах; дамы в атласе и горностаях осторожно сходили по шумно откладываемым подножкам и торопливо проходили по сукну подъезда.

* Сочельник (*фр.*).

Почти всякий раз, как подъезжал новый экипаж, в толпе пробежал шепот и снимались шапки...

Уже одна треть гостей приехала на этот бал, а у Ростовых, долженствующих быть на этом бале, еще шли торопливые приготовления одеваний.

Много было толков и приготовлений для этого бала в семействе Ростовых, много страхов, что приглашение не будет получено, платье не будет готово, и не устроится все так, как было нужно.

Вместе с Ростовыми ехала на бал Марья Игнатьевна Перонская, приятельница и родственница графини, худая и желтая фрейлина старого двора, руководящая провинциальных Ростовых в высшем петербургском свете.

В десять часов вечера Ростовы должны были захватить за фрейлиной к Таврическому саду; а между тем было уже без пяти минут десять, а еще барышни не были одеты.

Наташа ехала на первый большой бал в своей жизни. Она в этот день встала в восемь часов утра и целый день находилась в лихорадочной тревоге и деятельности. Все силы ее с самого утра были устремлены на то, чтобы они все — она, мама, Соня — были одеты как нельзя лучше. Соня и графиня поручились вполне ей. На графине должно было быть масака́ бархатное платье, на них двух белые дымковые платья на розовых шелковых чехлах, с розанами в корсаже. Волоса должны были быть причесаны *à lagresque*.

Все существенное уже было сделано: ноги, руки, шея, уши были уже особенно тщательно, по-бальному, вымыты, надушены и напудрены; обуты уже были шелковые ажурные чулки и белые атласные башмаки с бантиками, прически были почти окончены. Соня кончала одеваться, графиня тоже; но Наташа, хлопотавшая за всех, отстала. Она еще сидела перед зеркалом в накинутом на худенькие плечи пеньюаре. Соня, уже одетая, стояла посреди комнаты и, нажимая до боли маленьким пальцем, прикалывала последнюю визжавшую под булавкой ленту.

— Не так, не так, Соня, — сказала Наташа, повора-

чивая голову от прически и хватаясь руками за волосы, которые не поспела отпустить державшая их горничная. — Не так бант, поди сюда. — Соня присела. Наташа переколола ленту иначе.

— Позвольте, барышня, нельзя так, — говорила горничная, державшая волоса Наташи.

— Ах, боже мой, ну после! Вот так, Соня.

— Скоро ли вы? — слышался голос графини. — Уже десять сейчас.

— Сейчас, сейчас. А вы готовы, мама?

— Только току приколоть.

— Не делайте без меня, — крикнула Наташа, — вы не сумеете!

— Да уж десять.

На бале решено было быть в половине одиннадцатого, а надо было еще Наташе одеться и заехать к Таврическому саду.

Окончив прическу, Наташа в коротенькой юбке, из-под которой виднелись бальные башмачки, и в материнской кофточке, подбежала к Соне, осмотрела ее и потом побежала к матери. Поворачивая ей голову, она приколола току и, едва успев поцеловать ее седые волосы, опять побежала к девушкам, подшивавшим ее юбку.

Дело стояло за Наташиной юбкой, которая была слишком длинна; ее подшивали две девушки, обкусывая торопливо нитки. Третья, с булавками в губах и зубах, бегала от графини к Соне; четвертая держала на высоко поднятой руке все дымковое платье.

— Мавруша, скорее, голубушка!

— Дайте наперсток оттуда, барышня.

— Скоро ли, наконец? — сказал граф, входя из-за двери. — Вот вам духи. Перонская уже заждалась.

— Готово, барышня, — говорила горничная, двумя пальцами поднимая подшитое дымковое платье и что-то обдувая и потряхивая, высказывая этим жестом сознание воздушности и чистоты того, что она держала.

Наташа стала надевать платье.

— Сейчас, сейчас, не ходи, папа, — крикнула она отцу, отворившему дверь, еще из-под дымки юбки,

закрывавшей все ее лицо. Соня захлопнула дверь. Через минуту графа впустили. Он был в синем фраке, чулках и башмаках, надушенный и припомаженный.

— Папа, ты как хорош, прелесть! — сказала Наташа, стоя посреди комнаты и расправляя складки дымки.

— Позвольте, барышня, позвольте, — говорила девушка, стоя на коленях, обдергивая платье и с одной стороны рта на другую переворачивая языком булавки.

— Воля твоя, — с отчаянием воскликнула Соня, оглядев платье Наташи, — воля твоя, опять длинно!

Наташа отошла подальше, чтоб осмотреться в трюмо. Платье было длинно.

— Ей-богу, сударыня, ничего не длинно, — сказала Мавруша, ползавшая по полу за барышней.

...В четверть одиннадцатого, наконец, сели в кареты и поехали. Но еще нужно было заехать к Таврическому саду.

Перонская была уже готова. Несмотря на ее старость и некрасивость, у нее происходило точно то же, что у Ростовых, хотя не с такою торопливостью (для нее это было дело привычное), но так же было надушено, вымыто, напудрено старое, некрасивое тело, так же старательно промыто за ушами, и даже так же, как у Ростовых, старая горничная восторженно любовалась нарядом своей госпожи, когда она в желтом платье с шифром вышла в гостиную. Перонская похвалила туалеты Ростовых.

Ростовы похвалили ее вкус и туалет и, бережа прически и платья, в одиннадцать часов разместились по каретам и поехали» (*Толстой Л. Н. Война и мир*).

«В отставном морском мундире»

«Залы были полны. В первой были дворяне в мундирах; во второй — купцы, с медалями, в бородах и синих кафтанах. По зале Дворянского собрания шел гул и движение. У одного большого стола, под портретом государя сидели на стульях с высокими спин-

ками важнейшие вельможи; но большинство дворян ходило по зале.

Все дворяне, те самые, которых каждый день видал Пьер то в клубе, то в их домах, — все были в мундирах, кто в екатерининских, кто в павловских, кто в новых александровских, кто в общем дворянском, и этот общий характер мундира придавал что-то странное и фантастическое этим старым и молодым, самым разнообразным и знакомым лицам...

Пьер, с раннего утра уже стянутый в неловком, сделавшемся ему узким, дворянском мундире, был в залах...

Один мужчина средних лет, мужественный, красивый, в отставном морском мундире, говорил в одной из зал, и около него столпились. Пьер подошел к образовавшемуся кружку около говоруна и стал прислушиваться. Граф Илья Андреевич в своем екатерининском воеводском кафтане, ходивший с приятной улыбкой между толпой, со всеми знакомый, подошел тоже к этой группе и стал слушать с своей доброй улыбкой, как он всегда слушал, в знак согласия с говорившим одобрительно кивая головой...» (*Толстой Л. Н. Война и мир*).

«Одет он был забубенным помещиком»

«...С холодным и безнадежным отчаянием глядел я на приподнятые оглобли своего тарантаса, как вдруг зазвенел колокольчик, и небольшая телега, запряженная тройкой измученных лошадей, остановилась перед крыльцом. Приезжий соскочил с телеги и с криком: “Живее лошадей!” — вошел в комнату. Пока он, с обычным странным изумлением, выслушивал ответ зрителя, что лошадей-де нету, я успел, со всем жадным любопытством скучающего человека, окинуть взором с ног до головы моего нового товарища. На вид ему было лет под тридцать. Оспа оставила неизгладимые следы на его лице, сухом и желтоватом, с неприятным медным отблеском, иссиня-черные длинные волосы лежали сзади кольцами

на воротнике, спереди закручивались в ухарские виски; небольшие опухшие глазки глядели — и только; на верхней губе торчало несколько волосков. Одет он был забубенным помещиком, посетителем конных ярмарок, в пестрый, довольно засаленный архалук, полинявший шелковый галстук лилового цвета, жилет с медными пуговками и серые панталоны с огромными раструбами, из-под которых едва выглядывали кончики нечищенных сапог. От него сильно несло табаком и водкой; на красных и толстых его пальцах, почти закрытых рукавами архалука, виднелись серебряные и тульские кольца. Такие фигуры встречаются на Руси не дюжинами, а сотнями; знакомство с ними, надобно правду сказать, не доставляет никакого удовольствия; но, несмотря на предубеждение, с которым я глядел на приезжего, я не мог не заметить беспечно доброго и страстного выраженья его лица» (*Тургенев И. С. Петр Петрович Каратаев*).

Белокурые волосы из-под алой повязки

«...полюбовавшись окрестным видом, заснул тем безмятежным и кротким сном, который знаком одним охотникам.

Не могу сказать, сколько я времени проспал, но когда я открыл глаза — вся внутренность леса была наполнена солнцем и во все направленья, сквозь радостно шумевшую листву, сквозило и как бы искрилось ярко-голубое небо... Я собрался было встать и снова попытать счастья, как вдруг глаза мои остановились на неподвижном человеческом образе. Я взгляделся: то была молодая крестьянская девушка. Она сидела в двадцати шагах от меня, задумчиво потупив голову и уронив обе руки на колени; на одной из них, до половины раскрытой, лежал густой пучок полевых цветов и при каждом ее дыханье тихо скользил на клетчатую юбку. Чистая белая рубаха, застегнутая у горла и кистей, ложилась короткими и мягкими складками около ее стана; крупные желтые бусы в два ряда спускались с шеи на грудь. Она была

очень недурна собой. Густые белокурые волосы прекрасного пепельного цвета расходились двумя тщательно причесанными полукругами из-под узкой алой повязки, надвинутой почти на самый лоб, белый, как слоновая кость; остальная часть ее лица едва загорела тем золотым загаром, который принимает одна тонкая кожа. Я не мог видеть ее глаз — она их не поднимала; но я ясно видел ее тонкие, высокие брови, ее длинные ресницы: они были влажны, и на одной из ее щек блистал на солнце высохший след слезы, остановившейся у самых губ, слегка побледневших. Вся ее головка была очень мила; даже немного толстый и круглый нос ее не портил. Мне особенно нравилось выражение ее лица: так оно было просто и кротко, так грустно и так полно детского недоумения перед собственной грустью. Она, видимо, ждала кого-то.

...что-то зашумело по лесу, — она встрепенулась... подняла трепещущий, почти молящий взгляд на пришедшего человека, когда тот остановился рядом с ней.

...Признаюсь, он не произвел на меня приятного впечатления. Это был, по всем признакам, избалованный камердинер молодого, богатого барина. Его одежда изобличала притязание на вкус и щегольскую небрежность: на нем было коротенькое пальто бронзового цвета, вероятно, с барского плеча, застегнутое доверху, розовый галстучек с лиловыми кончиками и бархатный черный картуз с золотым галуном, надвинутый на самые брови. Круглые воротнички его белой рубашки немилосердно подпирали ему уши и резали щеки, а накрахмаленные рукавчики закрывали всю руку вплоть до красных и кривых пальцев, украшенных серебряными и золотыми кольцами с незабудками из бирюзы. Лицо его, румяное, свежее, нахальное, принадлежало к числу лиц, которые, сколько я мог заметить, почти всегда возмущают мужчин и, к сожалению, очень часто нравятся женщинам. Он, видимо, старался придать своим грубоватым чертам выражение презрительное и скучающее, беспрестанно щурил свои и без то-

го крошечные молочно-серые глазки, морщился, опускал углы губ, принужденно зевал и с небрежной, хотя не совсем ловкой развязностью то поправлял рукою рыжеватые, ухарски закрученные виски, то щипал желтые волосики, торчавшие на толстой верхней губе, — словом, ломался нестерпимо. Начал он ломаться, как только увидел молодую крестьянку, его ожидавшую; медленно, развалистым шагом подошел он к ней, постоял, подернул плечами, засунул обе руки в карманы пальто и, едва удостоив бедную девушку беглым и равнодушным взглядом, опустил-ся на землю.

— А что, — начал он, продолжая глядеть куда-то в сторону, качая ногою и зевая, — давно ты здесь?

Девушка не могла тотчас ему отвечать.

— Давно-с, Виктор Александрыч, — проговорила она наконец едва слышным голосом.

— А! (Он снял картуз, величественно провел рукою по густым, туго завитым волосам, начинавшимся почти у самых бровей, и, с достоинством посмотрев кругом, бережно прикрыл опять свою драгоценную голову)...

— Что это у тебя, — прибавил он, подвинувшись к ней, — цветы?..

Виктор лениво протянул руку, взял, небрежно понюхал цветы и начал вертеть их в пальцах, с задумчивой важностью посматривая вверх... он уронил васьилки на траву, достал из бокового кармана пальто круглое стеклышко в бронзовой оправе и принялся втискивать его в глаз; но, как он ни старался удержать его нахмуренной бровью, приподнятой щекой и даже носом — стеклышко все вываливалось и падало ему в руку.

— Что это? — спросила наконец изумленная Акулина.

— Лорнет, — отвечал он с важностью.

— Для чего?

— А чтоб лучше видеть.

— Покажите-ка.

Виктор поморщился, но дал ей стеклышко.

— Не разбей, смотри.

— Небось не разобью. (Она робко поднесла его к глазу.) Я ничего не вижу, — невинно проговорила она.

— Да ты глаз-то зажмури, — возразил он голосом недовольного наставника. (Она зажмурила глаз, перед которым держала стеклышко.) — Да не тот, не тот, глупая! Другой! — воскликнул Виктор и, не давши ей исправить свою ошибку, отнял у нее лорнет...

— Видно, нам не годится, — промолвила она.

— Еще бы!

Виктор вытер лорнет полою и положил его обратно в карман» (Тургенев И. С. Свидание).

«Одетый в черную одежду»

«На одной из моих поездок получил я приглашение отобедать у богатого помещика и охотника, Александра Михайлыча Г***. Его село находилось верстах в пяти от небольшой деревеньки, где я на ту пору поселился. Я надел фрак, без которого не советую никому выезжать даже на охоту, и отправился к Александру Михайлычу. Обед был назначен к шести часам; я приехал в пять и застал уже великое множество дворян в мундирах, в партикулярных платьях и других, менее определительных одеждах.

...Прочие дворяне сидели на диванах, кучками жались к дверям и подле окон; один, уже немолодой, но женоподобный по наружности помещик, стоял в уголку, вздрагивал, краснел и с замешательством вертел у себя на желудке печаткою своих часов, хотя никто не обращал на него внимания; иные господа, в круглых фраках и клетчатых панталонах работы московского портного, вечного цехового мастера Фирса Ключина, рассуждали необыкновенно развязно и бойко, свободно поворачивая своими жирными и голыми затылками; молодой человек лет двадцати, подслеповатый и белокурый, с ног до головы одетый в черную одежду, видимо робел, но язвительно улыбался...» (Тургенев И. С. Гамлет Щигровского уезда).

«Лежа, он долго оглядывал коморы, двор, сарай, кур, бегавших по двору, и думал про себя: “Господи, Боже мой, какой я хозяин! Чего у меня нет! Птицы, строение, амбары, всякая прихоть, водка перегонная настоящая; в саду груши, сливы; в огороде мак, капуста, горох... Чего ж еще нет у меня?.. Хотел бы я знать, чего нет у меня?”

Задавши себе такой глубокомысленный вопрос, Иван Иванович задумался; а между тем глаза его отыскали новые предметы, перешагнули чрез забор в двор Ивана Никифоровича и занялись неволью любопытным зрелищем. Тощая баба выносила по порядку залежалое платье и развешивала его на протянутой веревке выветривать. Скоро старый мундир с изношенными обшлагами протянул на воздух рукава и обнимал парчовую кофту, за ним высунулся дворянский, с гербовыми пуговицами, с отъеденным воротником; белые казимировые панталоны с пятнами, которые когда-то натягивались на ноги Ивана Никифоровича и которые можно теперь натянуть разве на его пальцы. За ними скоро повисли другие, в виде буквы Л. Потом синий козацкий бешмет, который шил себе Иван Никифорович назад тому лет двадцать, когда готовился было вступить в милицию и отпустил было уже усы. Наконец, одно к одному, выставилась шпага, походившая на спиц, торчавший в воздухе. Потом завертелись фалды чего-то похожего на кафтан травяно-зеленого цвета, с медными пуговицами величиною в пятак. Из-за фалд выглянул жилет, обложенный золотым позументом, с большим вырезом наперед. Жилет скоро закрыла старая юбка покойной бабушки, с карманами, в которые можно было положить по арбузу. Все, мешаясь вместе, составляло для Ивана Ивановича очень занимательное зрелище, между тем как лучи солнца, охватывая местами синий или зеленый рукав, красный обшлаг или часть золотой парчи или играя на шпажном спице, делали его чем-то необыкновенным, похожим на тот вертеп, который развозят по хуторам

кочующие пройдохи. Особенно когда толпа народа, тесно сдвинувшись, глядит на царя Ирода в золотой короне или на Антона, ведущего козу; за вертепом визжит скрыпка; цыган бренчит руками по губам своим вместо барабана, а солнце заходит, и свежий холод южной ночи незаметно прижимается сильнее к свежим плечам и грудям полных хуторянок.

Скоро старуха вылезла из кладовой, кряхтя и таща на себе старинное седло с оборванными стремянами, с истертыми кожаными чехлами для пистолетов, с чепраком когда-то алого цвета, с золотым шитьем и медными бляхами.

...Минут через пять воздвигнулись нанковые шаровары Ивана Никифоровича и заняли собою почти половину двора. После этого она вынесла еще шапку и ружье» (*Гоголь Н. В. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем*).

«Персидская шапка с малиновым верхом»

«Незнакомец говорил необыкновенно быстро, отрывочно и в нос. Я посмотрел ему в лицо: отроду не видал я ничего подобного. Вообразите себе, любезные читатели, маленького человека, белокурого, с красным вздернутым носиком и длинейшими рыжими усами. Остроконечная персидская шапка с малиновым суконным верхом закрывала ему лоб по самые брови. Одет он был в желтый, истасканный архалук с черными плисовыми патронами на груди и полинялыми серебряными галунами по всем швам; через плечо висел у него рог, за поясом торчал кинжал! Чахлая горбоносая рыжая лошадь шаталась под ним, как уторелая; две борзые собаки, худые и криволапые, тут же вертелись у ней под ногами. Лицо, взгляд, голос, каждое движение, все существо незнакомца дышало сумасбродной отвагой и гордостью непомерной, небывалой; его бледно-голубые, стеклянные глаза разбегались и косились, как у пьяного; он закидывал голову назад, надувал щеки, фыркал и вздрагивал всем телом, словно от

избытка достоинства — ни дать ни взять как индейский петух...

На нем был сюртук с стоячим воротником и медными пуговицами, весьма поношенный, но чистый; суконные его панталончики высоко вздернулись; над желтыми оторочками сапогов виднелись жирненькие икры» (*Тургенев И. С. Чертопханов и Недопюскин*).

«Голубая шаль, заколотая у самого горла...»

«..Дверь тихонько растворилась, и я увидел женщину лет двадцати, высокую и стройную, с цыганским смуглым лицом, изжелта-карими глазами и черною как смоль косою; большие белые зубы так и сверкали из-под полных и красных губ. На ней было белое платье; голубая шаль, заколотая у самого горла золотой булавкой, прикрывала до половины ее тонкие породистые руки. Она шагнула раза два с застенчивой неловкостью дикарки, остановилась и потупилась.

— Вот, рекомендую, — промолвил Пантелей Еремеич: — жена не жена, а почитай что жена...» (*Тургенев И. С. Чертопханов и Недопюскин*).

ШЕКСНИНКА, СТЕРЛЯДЬ ЗОЛОТАЯ, КАЙМАК И БОРЩ УЖЕ СТОЯТ!

Русские помещики славились хлебосольством. Дом у них вечно был полон гостей. Особенно значительные приемы обставлялись с театральной пышностью. То были своего рода спектакли.

Безусловно, больше внимания уделялось «декорации» самой усадьбы, облачению хозяев и дворни, которые дополнялись кулинарными и музыкальными изысками.

Примечательно, что в усадьбах «кулинарный» антураж состоял не только из самих блюд, но и целого таинства их подачи, в зависимости от того, что же предполагали устроить — банкет или званую встречу, юбилейное застолье или свадебное, светский раут или бесшабашную вечеринку... Вся эта съестная процедура могла проходить сначала в доме, а потом продолжаться в беседках сада, в парке, у реки или пруда. Порой пиршество сопровождалось музыкальным сопровождением. Домашние оркестры заполняли паузы между подачей блюд или играли в течение всего обеда.

Запах садовых цветов, аромат блюд и музыка — все вместе создавало какой-то возвышенный и праздничный настрой.

Мастерство приготовления блюда и умение его

красиво подать играло отнюдь не последнюю роль на этих званых обедах в помещичьих усадьбах. Именно в гостях приглашенные ожидали прежде всего мастерства повара и художественности самой подачи блюда. К тому же порой небогатый уездный помещик мог позволить себе уху, к примеру, из живых стерлядей, а вот петербургскому аристократу она была недоступна. А все потому, что имение первого было здесь же, на Волге, а в Петербург свежую рыбу не довести.

А вот появление железных дорог, уравнившее все губернии в доступности продуктов, привело к другой крайности. Дело было вот в чем. Русская национальная кухня, окончательно сформировавшаяся в конце XIX века и ставшая доступной на всей территории империи, уже в 20-е годы XIX столетия перестала существовать в общегосударственном значении. Развал экономики, широкое строительство плотин и ряд других причин с 20-х, а особенно с 50-х годов XX века привели к тому, что в деликатесную попала речная рыба — судак, сиг, а также осетрина, севрюга, семга, кета, залом, омуль, икра — зернистая и паюсная. Редко можно было увидеть на столе и самую дешевую крестьянскую пищу — сушеные белые грибы, соленые грузди, моченые антоновские яблоки, клюкву, бруснику, земляничное варенье, квашеную морошку.

Та же участь постигла и рябчиков в сметане, вальдшнепов, бекасов, куропаток, перепелок.

Исчезли и совсем уж простейшие, исконно русские блюда, такие как бараний бок и жареный поросенок, подовые пироги с говядиной и луком, грибами и яйцами, холодная отварная телятина с хреном, расстегаи с вязигой...

Итак, скромный национальный русский стол стал, по сути дела, экзотикой. И если еще в середине XX столетия ровесники века хоть помнили эту пищу и не успели ее забыть, то для более молодых все это было страницей из неправдоподобной жизни, из мира сказки.

Что предпочитало русское дворянство?

Что же за удивление был этот самый русский пирог, полностью объединяющий вкусы и дворян, и крестьян?!

К русскому пирогу в начинку годится все: и рыба, и мясо, и грибы, и овощи, и зерновые, и фрукты, и ягоды, и варенье.

Причем начинка готовилась из почти целых шляпок грибов, грудок и ножек дичи, крупных кусков рыбного филе. И пекли пироги непременно в русской печи.

Когда повара отступали от определенных правил приготовления русского пирога и, подчиняясь новым веяниям, сооружали так называемый «дворянско-французский» пирог, в нем всегда чего-то не хватало.

Помимо подовых пирогов русское дворянство любило и другие экзотические блюда. Так, особой популярностью пользовались петушьи гребешки. И хотя рецепт приготовления этого русского изыска трудно было сыскать в XIX столетии (он сохранился лишь в кулинарных книгах, изданных исключительно до 1775 года), отечественные повара продолжали готовить это блюдо еще 10—20 лет после знаменитой реформы.

Поставщиками этого яства были Ростов Великий и Вологда. Продавались гребешки исключительно в холодное время года — с декабря по апрель. Доставлялись в свежем виде санным транспортом. Это было достаточно дорогое блюдо.

Столь же великолепным в первой половине XIX столетия было и другое, не менее изысканное блюдо, которое дворяне среднего достатка могли себе позволить только в знаменательные дни. Это особое парадное юбилейное жаркое — гранд-ассорти. Оно состояло из различного мяса: медвежьего, кабаньего, лосиного, заячьего, серны (оленины), изюбра, бычьего (вырезка), баранины (седло), телятины, поросятины, индейки, гусятины (грудки), петушьих гребешков.

Рубеж XVIII и XIX веков — это, как правило, сытное многообразное меню, в котором мирно и уютно соседствуют блюда русской и французской кухонь. Прежде всего необычайно разнообразный суповой стол: здесь превеликое множество супов и щей, хлебок и видов ухи. О вторых блюдах и говорить нечего. Все виды мясных — говяжьи и бараньи, свиные и телячьи. Кулинарные таинства — мясо отварное, жаркое, запеченное, полутушеное, фрикасе, гранулированное и, наконец, простая солонина.

Рыбный стол вторых блюд совсем не скромнее мясного. Вот самое основное: рыба отварная, жареная, запеченная. Не забывали уездные и губернские дворяне и о блюдах из птицы — из фазанов и куропадок, тетеревов, глухарей и уток. Особенно охотники, а увлекались охотой, почитай, все дворяне.

А десерт? Он ли не бесконечен, как сами просторы полей и лесов, где было множество ягод, десятки сортов яблок, груш, вишен.

Из напитков в начале XIX столетия отдавали предпочтение виноградным, как правило, заграничным винам — бургонским, бордоским, испанским, итальянским: десертным, сухим и полусухим, игристым и крепленным. Пользовались успехом и русские водки.

К середине века увеличивается число алкогольных напитков, расширяется их ассортимент. Появляется еще большее количество отечественных водок. Число же вторых блюд уменьшается, но зато расширяется количество закусок. А вот первые блюда в основном ограничиваются супами. И почему-то отходят понемногу от традиционных русских щей и разнообразнейших видов ухи.

На десерт вместо изнеженных фруктов — персиков, абрикосов — приходит свежий молодой огурец с медом. Это уже специфический, чисто русский народный вид сладкого блюда.

В конце XIX века упор делается на так называемый холодный стол — закуски-полуфабрикаты. В русскую кулинарию привнесены: мясное ассорти, щука фаршированная, индейка жареная, отбивные. А вот русские рыбные блюда быстро исчезают.

Рубеж же XIX и XX веков дополнен, наряду с пространенным и ранее кофе, еще и какао. Популярны становятся минеральные воды. Алкогольные напитки не поражают воображение русского человека в это время — все те же виноградные вина: белое и красное, десертное, шипучее, крепленое, а также коньяк, ром, водка, пиво и русская наливка.

«Скатерть с пирожками и рыжиками»

«Оба старичка, по старинному обычаю старосветских помещиков, очень любили покушать. Как только занималась заря (они всегда вставали рано) и как только двери заводили свой разноголосый концерт, они уже сидели за столиком и пили кофий. Напившись кофию, Афанасий Иванович выходил в сени и, встряхнувши платком, говорил: “Киш, киш! пошли, гуси, с крыльца!” На дворе ему обыкновенно попадался приказчик. Он, по обыкновению, вступал с ним в разговор, расспрашивал о работах с величайшею подробностью и такие сообщал ему замечания и приказания, которые удивили бы всякого необыкновенным познанием хозяйства, и какой-нибудь новичок не осмелился бы и подумать, чтобы можно было украсть у такого зоркого хозяина. Но приказчик его был обстрелянная птица: он знал, как нужно отвечать, а еще более, как нужно хозяйничать.

После этого Афанасий Иванович возвращался в покои и говорил, приблизившись к Пульхерии Ивановне:

— А что, Пульхерия Ивановна, может быть, пора закусить чего-нибудь?

— Чего же бы теперь, Афанасий Иванович, закусить? разве коржиков с салом, или пирожков с маком, или, может быть, рыжиков соленых?

— Пожалуй, хоть и рыжиков, или пирожков, — отвечал Афанасий Иванович, и на столе вдруг являлась скатерть с пирожками и рыжиками.

За час до обеда Афанасий Иванович закушивал снова, выпивал старинную серебряную чарку водки,

заедал грибочками, разными сушеными рыбками и прочим. Обедать садились в двенадцать часов. Кроме блюд и соусников, на столе стояло множество горшочков с замазанными крышками, чтобы не могло выдохнуться какое-нибудь аппетитное изделие старинной вкусной кухни. За обедом обыкновенно шел разговор о предметах, самых близких к обеду.

— Мне кажется, как будто эта каша, — говаривал обыкновенно Афанасий Иванович, — немного пригорела; вам этого не кажется, Пульхерия Ивановна?

— Нет, Афанасий Иванович; вы положите побольше масла, тогда она не будет казаться пригорелой, или вот возьмите этого соуса с грибочками и подлейте к ней.

— Пожалуй, — говорил Афанасий Иванович, подставляя свою тарелку, — попробуем, как оно будет.

После обеда Афанасий Иванович шел отдохнуть один часик, после чего Пульхерия Ивановна приносила разрезанный арбуз и говорила:

— Вот попробуйте, Афанасий Иванович, какой хороший арбуз.

— Да вы не верьте, Пульхерия Ивановна, что он красный в середине, — говорил Афанасий Иванович, принимая порядочный ломоть, — бывает, что и красный, да нехороший.

Но арбуз немедленно исчезал. После этого Афанасий Иванович съедал еще несколько груш и отправлялся погулять по саду вместе с Пульхерией Ивановной. Пришедши домой, Пульхерия Ивановна отправлялась по своим делам, а он садился под навесом, обращенным к двору, и глядел, как кладовая беспрестанно показывала и закрывала свою внутренность и девки, толкая одна другую, то вносили, то выносили кучу всякого дрязгу в деревянных ящиках, решетках, ночевках и в прочих фруктохранилищах. Немного погодя он посылал за Пульхерией Ивановной или сам отправлялся к ней и говорил:

— Чего бы такого поесть мне, Пульхерия Ивановна?

— Чего же бы такого? — говорила Пульхерия Ивановна, — разве я пойду скажу, чтобы вам принесли вареников с ягодами, которых приказала я нарочно для вас оставить?

— И то добре, — отвечал Афанасий Иванович.

— Или, может быть, вы съели бы киселику?

— И то хорошо, — отвечал Афанасий Иванович.

После чего все это немедленно было приносимо и, как водится, съедается.

Перед ужином Афанасий Иванович еще кое-чего закушивал. В половине десятого садились ужинать. После ужина тотчас отправлялись опять спать, и всеобщая тишина водворялась в этом деятельном и вместе спокойном уголке. Комната, в которой спали Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна, была так жарка, что редкий был бы в состоянии остаться в ней несколько часов. Но Афанасий Иванович еще сверх того, чтобы было теплее, спал на лежанке, хотя сильный жар часто заставлял его несколько раз вставать среди ночи и прохаживаться по комнате. Иногда Афанасий Иванович, ходя по комнате, стонал.

Тогда Пульхерия Ивановна спрашивала:

— Чего вы стонете, Афанасий Иванович?

— Бог его знает, Пульхерия Ивановна, так как будто немного живот болит, — говорил Афанасий Иванович.

— А не лучше ли вам чего-нибудь съесть, Афанасий Иванович?

— Не знаю, будет ли оно хорошо, Пульхерия Ивановна! впрочем, чего ж бы такого съесть?

— Кислого молочка или жиденского узвару с сушеными грушами.

— Пожалуй, разве так только, попробовать, — говорил Афанасий Иванович.

Сонная девка отправлялась рыться по шкафам, и Афанасий Иванович съедал тарелочку; после чего он обыкновенно говорил:

— Теперь так как будто сделалось легче (*Голь Н. В. Старосветские помещики*).

«С смородинным листом и мушкатным орехом»

«Но интереснее всего казались для меня старички в то время, когда бывали у них гости. Тогда все в их доме принимало другой вид. Эти добрые люди, мож-

но сказать, жили для гостей. Все, что у них ни было лучшего, все это выносилось. Они наперерыв старались угостить вас всем, что только производило их хозяйство. Но более всего приятно мне было то, что во всей их услужливости не было никакой приторности. Это радушие и готовность так кротко выражались на их лицах, так шли к ним, что поневоле соглашался на их просьбы. Они были следствием чистой, ясной простоты их добрых, бесхитростных душ. Это радушие вовсе не то, с каким угощает вас чиновник казенной палаты, вышедший в люди вашими стараниями, называющий вас благодетелем и ползающий у ног ваших. Гость никаким образом не был отпущаем в тот же день: он должен был непременно переночевать.

— Как можно такую позднюю порою отправляться в такую дальнюю дорогу! — всегда говорила Пульхерия Ивановна (гость обыкновенно жил в трех или четырех верстах от них).

— Конечно, — говорил Афанасий Иванович, — неравно всякого случая: нападут разбойники или другой недобрый человек.

— Пусть Бог милует от разбойников! — говорила Пульхерия Ивановна. — И к чему рассказывать эдакое на ночь? Разбойники не разбойники, а время темное, не годится совсем ехать. Да и ваш кучер, я знаю вашего кучера, он такой тендитный* да маленький, его всякая кобыла побьет; да притом теперь он уже, верно, наклюкался и спит где-нибудь.

И гость должен был непременно остаться; но, впрочем, вечер в низенькой теплой комнате, радушный, греющий и усыпляющий рассказ, несущийся пар от поданного на стол кушанья, всегда питательного и мастерски изготовленного, бывает для него наградою.

...Пульхерия Ивановна для меня была занимательнее всего тогда, когда подводила гостя к закуске.

— Вот это, — говорила она, снимая пробку с графина, — водка, настоящая на деревий и шалфей. Ес-

* Тендитный (*польск.* tandeta) — хлам, мелочь.

ли у кого болят лопатки или поясница, то очень помогает. Вот это на золототысячник: если в ушах звенит и по лицу лишай делаются, то очень помогает. А вот эта — перегонная на персиковые косточки; вот возьмите рюмку, какой прекрасный запах. Если как-нибудь, вставая с кровати, ударится кто об угол шкафа или стола и набежит на лбу гугля, то стоит только одну рюмочку выпить перед обедом — и все как рукой снимет, в ту же минуту все пройдет, как будто во все не бывало.

После этого такой перечет следовал и другим графинам, всегда почти имевшим какие-нибудь целебные свойства. Нагрузивши гостя всею этою аптекою, она подводила его ко множеству стоявших тарелок.

— Вот это грибки с чебрецом! это с гвоздиками и волошскими орехами; солить их выучила меня туркения, в то время, когда еще турки были у нас в плену. Такая была добрая туркения, и незаметно совсем, чтобы турецкую веру исповедовала. Так совсем и ходит, почти как у нас; только свинины не ела: говорит, что у них как-то там в законе запрещено... Вот это грибки с смородиным листом и мушкатным орехом! А вот это большие травянки: я их еще в первый раз отваривала в уксусе; не знаю, каковы-то они; я узнала секрет от отца Ивана. В маленькой кадлушке прежде всего нужно разостлать дубовые листья и потом посыпать перцем и селитрою и положить еще что бывает на нечуй-витере цвет, так этот цвет взять и хвостиками разостлать вверх. А вот это пирожки! это пирожки с сыром! это с урдою! а вот это те, которые Афанасий Иванович очень любит, с капустою и гречневою кашею.

— Да, — прибавлял Афанасий Иванович, — я их очень люблю; они мягкие и немножко кисленькие.

Вообще Пульхерия Ивановна была чрезвычайно в духе, когда бывали у них гости. Добрая старушка! Она вся была отдана гостям. Я любил бывать у них, и хотя объедался страшным образом, как и все, гостившие у них, хотя мне это было очень вредно, однако ж я всегда бывал рад к ним ехать. Впрочем, я думаю, что не имеет ли самый воздух в Малороссии какого-то особенного свойства, помогающего пищеварению,

потому что если бы здесь вздумал кто-нибудь таким образом накушаться, то, без сомнения, вместо постели очутился бы лежащим на столе» (*Логаль Н. В. Старосветские помещики*).

«Соус, обхваченный винным пламенем»

«Как бы то ни было, только это было почти невероятное для всех, чтобы Иван Никифорович в такое короткое время мог одеться, как прилично дворянину. Ивана Ивановича в это время не было; он зачем-то вышел. Очнувшись от изумления, вся публика приняла участие в здоровье Ивана Никифоровича и изъявила удовольствие, что он раздался в толщину. Иван Никифорович целовался со всяким и говорил: “Очень одолжен”».

Между тем запах борща понесся чрез комнату и пощекотал приятно ноздри проголодавшимся гостям. Все повалили в столовую. Вереница дам, говорливых и молчаливых, тощих и толстых, потянулась вперед, и длинный стол зарябел всеми цветами. Не стану описывать кушаньев, какие были за столом! Ничего не упомяну ни о мнишках в сметане, ни об утрибке, которую подавали к борщу, ни об индейке с сливами и изюмом, ни о том кушанье, которое очень походило видом на сапоги, намоченные в квасе, ни о том соусе, который есть лебединая песнь старинного повара, — ни о том соусе, который подавался, обхваченный весь винным пламенем, что очень забавляло и вместе пугало дам. Не стану говорить об этих кушаньях потому, что мне гораздо более нравится есть их, нежели распространяться об них в разговорах.

Ивану Ивановичу очень понравилась рыба, приготовленная с хреном. Он особенно занялся этим полезным и питательным упражнением. Выбирая самые тонкие рыбы косточки, он клал их на тарелку и как-то нечаянно взглянул насупротив: творец небесный, как это было странно! Против него сидел Иван Никифорович!» (*Логаль Н. В. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем*).

В дореформенное время, да и в течение нескольких десятилетий после него отношения в дворянской среде, даже и людей порой незнакомых друг другу, были не только радушными, но и доверительными. Случайно встречаясь в пути, на ямских трактах, ожидая лошадей или пережидая непогоду, люди подчас становились приятелями. А если им доводилось служить в одном и том же полку либо участвовать в одной и той же кампании, их буквально захлестывали общие воспоминания.

И даже на балах и званых обедах иногда появлялись и совсем незнакомые люди. И лишь потом выяснялось, что нежданный гость уже час спустя становился желанным посетителем. И теперь уже незнакомец не страдал от недостатка внимания и самого сердечного участия. Недаром в XIX столетии была такая присказка: «Все дворяне — родственники».

«...В молодости дедушка служил в военной службе, где и как — не помню, знаю, что он командовал частью, но полком ли, дивизией или корпусом — осталось для меня покрытым мраком неизвестности, так как будучи ребенком и даже позднее, в ранней молодости, слушая рассказы старших о любимом дедушке, я не придавала никакого значения таким подробностям. Впоследствии дедушка был генерал-губернатором в Оренбурге. Однажды был у него по какому-то случаю парадный бал; конечно, много на том балу было званых и избранных; но видно, что и незваным было нетрудно проникнуть туда, при желании и умении, потому что никого не поразило появление в генерал-губернаторских залах незнакомой обществу дамы, уже немолодой и, вдобавок, некрасивой, в черном платье с георгиевским крестом на груди. Смело пробираясь между рядами приглашенных, незнакомка прямо подошла к дедушке и протянула ему руку: “Позвольте мне еще раз пожать вашу руку, генерал”, — сказала она; на что любезный хозяин, хотя и недоумевая, ответил вежливо, пожимая маленькую ручку: “Извините, не имею чести знать...”

“Я, Дурова, бывший поручик Александров, имевший честь служить под начальством вашего превосходительства”, — отвечала дама. Нечего и говорить о восторге деда моего и о последовавших взаимных изливаниях.

Потомки Александрова—Дуровой, нынешние (конца XIX в.) братья Дуровы, избрали иной путь к славе, презрев лавры, которые пожинала их бабка: один дрессирует крыс, а другой свиней, и оба пользуются громкой известностью. То было время, а теперь другое...» (*Мельникова А.* Воспоминания о давно минувшем и недавно былом).

«...И сочно, и смочно!..»

«В ту отдаленную, блаженную пору, когда люди жили для того, чтобы хорошенько поесть — обеденный час был эпохой дня, обед чем-то вроде священнодействия, жертвоприношения мамоне. Заказывали обед обыкновенно накануне, серьезно обдумывая и обсуждая, что к чему и с чем что; не было тогда денежного вопроса, встававшего наподобие призрака среди жрецов этого культа: всего было в кладовых вдоволь, все было свое, непокупное, а если и покупалось — что же, это было не важно, лишь бы обед вышел на славу и по вкусу гостям, лишь бы не пересолено, не засушено было, а так, чтобы и жирно, и сочно, и смочно! К обеду готовились как к некоему обряду, приступали к нему чинно и благоговейно, как к таинству, и добросовестно занимались истреблением всего так заботливо изготовленного, не опасаясь за тяжелые последствия, вроде нынешних катаров. Сидят за длинным столом хозяин и его гости, завсегдатаи и домочадцы, аки сенаторы какие-нибудь, и, справившись, солидно ожидают торжественного появления второго. И вот оно является, словно шествуя на огромном блюде, выдвигаемое вперед осторожными и привычными руками седовласого слуги, который как бы следует за ним, гордо неся драгоценную ношу и громогласно объявляя в виде доклада: индейка, откормленная оре-

хами! Эта желанная гостья, рекомендуемая дорогим гостям хлебосольным хозяином, встречена чуть не рукоплесканиями. За ней, в таком же порядке, двигается, возвещаемая так же громогласно: индейка, откормленная каштанами! Неизвестно, что главнейшим образом радовало деда: самому ли угоститься лакомым блюдом или гостя подчивать?

Вспоминают и до сих пор о том, как дед мой не мог простить гостю, который мало ел у него за столом или, сохрани Бог, вовсе не ел, почему бы то ни было: он настолько серьезно серчал за это, что на другой раз уже не приглашал к себе такого гостя!» (Мельникова А. Воспоминания о давно минувшем и недавно былом).

«Посты и постники»

«Глубокоуважающая и богобоязненная, она никого, даже детей своих, не заставляла подчиняться слепо всем уставам нашей религии и делать по обязанности то, что она делала с любовью; и эта деликатность матери чрезвычайно действовала на меня. Так, например... она глубоко верила, что постить, т. е. питаться кушаньями на постном масле, необходимо “для души”, и она постила, не огорчаясь шутками отца над постниками и постами и не вникая его убеждениям не есть постной пищи, вредной здоровью. В душе я всегда соглашалась с отцом, что не в той или другой пище заключается спасение души, и что Богу совершенно безразлично, едим мы кушанья, приготовленные на скоромном масле или на ореховом. “А по мне — в умеренности пост; а ведь постный стол прелесть какой, и объедаемся мы всеми деликатесами постом больше, чем в мясоед. Стерляжья уха, пироги с визигой, соусы рыбные с грибами, помилуйте! Да какой же это пост!” — говаривал отец совершенно справедливо, но мне нравилось постить с матерью, которая в душе радовалась этой добровольной уступке ее религиозным взглядам» (Мельникова А. Воспоминания о давно минувшем и недавно былом).

«Парадный колокол в Страстную»

«Уже наступил вечер Страстной субботы; по всему дому бегают, суетятся, готовясь к великому празднику. У дверей кладовой стоит опять кучка людей, все больше помощники и помощницы старших чинов; да и те вскоре разбегаются, и кладовая закрыта. Кухня особенно ярко освещена.

Вот раздался первый, торжественный, призывный удар колокола, все встрепенулись, засуетились и разошлись по комнатам одеваться. Во время этих сборов, в большой зале наверху раздвинули во всю длину парадный обеденный стол и дворецкий Иван с ассистентами приступил с подобающей важностью к размещению различных яств в надлежащем законном порядке.

Между печеным, вареным и жареным всякого рода красовались горшки, кадки с оранжерейными цветами и растениями, зеленые бутылки и кресты, с которыми было поступлено таким образом: за несколько дней до праздника обшивают войлоком несколько обыкновенных бутылок и деревянных крестов, войлок обмазывают семенами кресса, размоченными в воде пополам с землею, по прошествии недели войлок покрывается густой яркой зеленью.

На блюде лежит масляный барашек, т. е. искусно сделанный Фомою барашек из светлого масла, с курчавой шерстью и золотыми рожками, тут холодный поросенок с хреном в зубах, сухой барашек, распростертый на блюде безо всяких украшений; сахарные корзины с крашеными яйцами; окорока, разукрашенные вырезной бумагой; куличи, пасхи, папошники и огромный крендель с торчащими в нем миндалинами. Но этим крупным, белым миндалинам ни разу не пришлось дожидаться следующего, радостного утра: пока старшие заняты сборами к заутрени, Саша Обоянец (один из маленьких гостей, прозвище по имени города Обояни) выколупывает и съедает миндалины. Слух об этом каким-то путем непременно достигает Ксении Захаровны (его тетушки), которая, полуодетая, озабоченная, прибегает за Сашей и

“сажает его на нитку”*, но не за жадность или ослушание, а за то, что “негодник” оскоромился в такой день» (Мельникова А. Воспоминания о давно минувшем и недавно былом).

«Зарисовки пасхальных гостей»

«После обедни приезжали к нам гости: предводитель, исправник и еще кто-нибудь из городских... Соседей у нас было мало; главные и ближайшие муж и жена Карамзины (сын историографа, женатый на баронессе Дука), с двумя взрослыми племянницами, княжнами Багратион, посещавшие нас охотнее в будни, запросто, чем в такие праздники, как храмовой. Это были, разумеется, люди светские, высокообразованные, приятные и нисколько не стеснительные.

Александра Ильинична Карамзина, бывшая фрейлина двора Ее Величества, была (во времена моего детства) женщина средних лет, не красавица, но чрезвычайно привлекательной наружности. Нечего и говорить, что все в ней было изящно и аристократично. Большую часть жизни своей после замужества она болела сильнейшими головными болями, от которых не могли вылечить ее ни купанья во всех морях Европы, ни воды всевозможных курортов целого света, которые она ежегодно посещала.

Владимир Николаевич Карамзин, чистокровный аристократ и джентльмен, был чрезвычайно красив и, когда хотел, обаятельно мил. Он не имел ничего общего с отцом своим, но сам по себе представлял оригинальный тип великосветского самодура или пресыщенного барина, blasé. На обычный вопрос отца моего: что делается на белом свете? — он неизменно отвечал: “Для меня весь свет черный”. Но это было отчасти напускное, и Владимир Николаевич просто-напросто скучал от полнейшего безделья и

* Сажать на нитку — то есть привязывать провинившегося ребенка к ножке стола, стула или кровати.

слишком пресытился всем, а нового не умел придумать.

В сущности, он легко и всем увлекался. Приезжая на лето в свое имение Ивня, в 4-х верстах от нас, Владимир Николаевич непременно привозил с собою новую причуду или новое увлечение. Так, например, одно лето он увлекался фотографией, усердно занимаясь ею, и переснял собственноручно не только всех своих деревенских баб и девок, более или менее смазливых, но и многих соседних сел.

На следующее лето он пристрастился к музыке и привез даже из Петербурга учителя, у которого пресерьезно брал уроки, терпеливо просиживая у рояля по два, по три часа.

На третий год он перенес свое увлечение на скотный двор, где появились новые быки и коровы, выписанные прямо из Швейцарии и Тироля, в сопровождении двух местных пастухов, швейцарца и тирольца. Для этих иностранных гостей устраивались на Ивне чуть ли не овации; коровы и быки были выхолены как комнатные собачонки, стойла их походили скорее на кабинеты, даже полы были паркетные. Но к концу лета все это оказывалось непригодным: скоты оставались скотами и в роскошной обстановке, а швейцарец с тирольцем, которых никто кроме барина не понимал и которые оставались чужды друг другу на чужбине, начинали тосковать по родине и вскоре отправлялись туда обратно скучающим барином, который уезжал в Питер» (*Мельникова А. Воспоминания о давно минувшем и недавно былом*).

«Изыски повара Фомы»

«...Кроме вечеров по субботам, бывали у нас еженедельно званые обеды, на которых, разумеется, главную роль играл дядя — губернатор, приглашались все важнейшие лица и главные чиновники; в генералах, как военных, так и штатских, не было недостатка, и повар Фома относился уже без насмешки к

пирам теперешних господ и находил, что для подобных гостей стоит и ему призадуматься над составлением меню для обеда. Из деревни выписывались целые транспорты провизии: разная зелень, спаржа, артишоки и свежие букеты свежих оранжерейных цветов для уборки обеденного стола.

Чего только не изобретал Фома для украшения! Из моркови, хрена, бураков, брюквы и др. он мастерски вырезывал разные цветы, из которых составлял букеты для украшения некоторых блюд, которые иногда были так удачны, что некоторым из обедневших светил непременно хотелось увезти с собой «на память букетик».

Фома осторожно выглядывал из дверей буфета, упиваясь похвалами, расточаемыми его искусству и уже без горечи вспоминая об ужине персидского посланника» (*Мельникова А.* Воспоминания о давно минувшем и недавно былом).

«Пристало выпить брудершафт»

«...Однако ж муж и брат все-таки уговорили нас выпить брудершафт, считая это средство несомненным для сближения; но и брудершафт не заставил нас «заменить пустое вы сердечным ты». Так прошло время отпуска Александра*, который уже назначил день своего отъезда. В этот же день мы все вместе с ним были приглашены за несколько верст на именины к одному знакомому помещику, оттуда после бала должен был уехать Александр. Кто не знаком с деревенскими именинами, особенно в Малороссии, в доброе, старое время?

Приезд гостей начинается с кануна великого дня; для каждого приготовлена комната, куда по прибытии и отводят его вместе с ручным его багажом. Но

* *Александр Мельников* — брат мужа мемуаристки, сапер, севастопольский герой, известный под именем «обер-крота», данного ему великими князьями Михаилом и Николаем Николаевичами за девятимесячное пребывание под землей во время саперных работ в Севастопольскую кампанию.

есть и такие, которые по близости расстояния приезжают в полном параде, без надобности переодевания. Барыни и барышни, дальние и ближние, одинаково нуждаются если не в переодевании с головы до ног, то в изрядной поправке перед пирогом, т. е. приблизительно около полудня. Приходит батюшка, совершается молебствие с многолетием; имянинник или имянинница умиленно прикладываются ко кресту и растроганно принимают поздравления и пожелания родных и знакомых.

Это момент, когда все, принарядившись, освежившись или, по крайней мере, прибавив еще что-нибудь к туалету, выходят из своих комнат и группируются около виновников торжества, и, поликовав с ними сколько потребно, расходятся по дому и группируются между собой, влекомые симпатиями или вкусами.

За обедом опять собираются все вкупе, а после — опять расходятся: иные — в картишки сразиться, кто трубочку покурить, кто полюбезничать или поболтать, а кто и соснуть.

Вечером — бал. На вылощенном до невероятия полу появляются разнообразнейшие туалеты и невиданные прически; выделяются замысловатейшие па или просто скачки и прыжки вовсю. Весело невообразимо.

Затем ужин, плотный, изобильный, ужасающий, с надлежащей выпивкой и с бесконечными тостами, и снова пляс и скачь, с вывертами, с заковычками, кто во что горазд. Так было и теперь. В 6 часов утра перестали плясать и даже двигаться, все смолкли, повесили головы, приуныли, изнемогли, а некоторые дремали. Солнце осветило далеко не интересные физиономии, на некоторых дамских личиках пот, струясь, оставил следы, легшие темными полосами по яркому румянцу щек...

Все смялось, сжалось, поблекло. Я устала не менее других и в ожидании экипажа и сигнала к отъезду сидела в огромном зале, откинув голову назад, прислонясь к стене и закрыв глаза в полудремоте. Вдруг меня вызвали из забытья два неожиданные и звон-

кие поцелуя в обе щеки, заставившие меня вскочить на ноги. Предо мною стоял сконфуженный Александр, он уезжал и не хотел расстаться со мною, не выразивши мне каким бы то ни было образом хотя перед отъездом своих родственным чувств (он так и объяснил это братьям), чтобы на оставить во мне впечатления его кажущегося равнодушия.

С этой целью он, уже готовый к отъезду, подошел ко мне, забыв свою робость и не стесняясь обществом, облобызал на всю залу и прибавил смело: прощай, Саша! (На основании брудершафта.) Затем бросился вон из комнаты. С тех пор мы уже не встречались более» (*Мельникова А. Воспоминания о давно минувшем и недавно былом*).

«С приятною тяжестью в желудках»

«Очень жаль, что не могу припомнить, по какому обстоятельству случилось бригадному генералу давать большой обед; заготовление к нему было сделано огромное: стук поваренных ножей на генеральской кухне был слышен еще близ городской заставы. Весь рынок был забран совершенно для обеда, так что судья с своею диаконицею должен был есть одни только лепешки из гречневой муки да крахмальный кисель. Небольшой дворик генеральской квартиры был весь уставлен дрожками и колясками. Общество состояло из мужчин: офицеров и некоторых окружающих помещиков. Из помещиков более всех был замечателен Пифагор Пифагорович Чертокуцкий, один из главных аристократов Б... уезда, более всех шумевший на выборах и приезжавший туда в щегольском экипаже. Он служил прежде в одном из кавалерийских полков, был один из числа значительных и видных офицеров. По крайней мере его видали на многих балах и собраниях, где только кочевал их полк; впрочем, об этом можно спросить у девиц Тамбовской и Симбирской губернии. Весьма может быть, что он распустил бы и в прочих губерниях выгодную для себя славу, если бы не вышел в отставку

по одному случаю, который обыкновенно называется неприятною историею: он ли дал кому-то в старые годы оплеуху, или ему дали ее, об этом наверное не помню, дело только в том, что его попросили выйти в отставку. Впрочем, он этим ничуть не уронил своего весу: носил фрак с высокою талией на манер военного мундира, на сапогах шпоры и под носом усы, потому что без того дворяне могли бы подумать, что он служил в пехоте, которую презрительно называл иногда пехтурой, а иногда пехонтарией. Он бывал на всех многолюдных ярмарках, куда внутренность России, состоящая из мамок, детей, дочек и толстых помещиков, наезжала веселиться бричками, таратайками, тарантасами и такими каретами, какие и во сне никому не снились. Он пронюхивал носом, где стоял кавалерийский полк, и всегда приезжал видеться с господами офицерами. Очень ловко соскакивал перед ними с своей легонькой колясочки или дрожек и чрезвычайно скоро знакомился. В прошлые выборы дал он дворянству прекрасный обед, на котором объявил, что если только его выберут предводителем, то он поставит дворян на самую лучшую ногу. Вообще вел себя по-барски, как выражаются в уездах и губерниях, женился на довольно хорошенькой, взял за нею двести душ приданого и несколько тысяч капитала. Капитал был тотчас употреблен на шестерку действительно отличных лошадей, вызолоченные замки к дверям, ручную обезьянку для дома и француза-дворецкого. Двести же душ вместе с двумястами собственных были заложены в ломбард для каких-то коммерческих оборотов. Словом, он был помещик, как следует... Изрядный помещик. Кроме него на обеде у генерала было несколько и других помещиков, но об них нечего говорить. Остальные были всё военные того же полка и два штаб-офицера: полковник и довольно толстый майор. Сам генерал был дюж и тучен, впрочем хороший начальник, как отзывались о нем офицеры. Говорил он довольно густым, значительным басом. Обед был чрезвычайный: осетрина, белуга, стерляди, дрофы, спаржа, перепелки, куропатки, грибы доказывали,

что повар еще со вчерашнего дня не брал в рот горячего, и четыре солдата с ножами в руках работали на помощь ему всю ночь *фрикасеи* и *желеи*. Бездна бутылоч, длинных с лафитом, короткошейных с мадерою, прекрасный летний день, окна, открытые напролёт, тарелки со льдом на столе, отстегнутая последняя пуговица у господ офицеров, растрепанная манишка у владельцев укладистого фрака, перекрестный разговор, покрываемый генеральским голосом и заливаемым шампанским, — все отвечало одно другому. После обеда все встали с приятною тяжестью в желудках и, закурив трубки с длинными и короткими чубуками, вышли с чашками кофе в руках на крыльцо» (*Гоголь Н. В. Коляска*).

«..Подвинулся к пресному пирогу с яйцом»

« — Прошу покорно закусить, — сказала хозяйка (Коробочка. — С. О.).

Чичиков оглянулся и увидел, что на столе стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припеками: припекой с лучком, припекой с маком, припекой с творогом, припекой со сняточками, и невесть чего не было.

— Пресный пирог с яйцом! — сказала хозяйка.

Чичиков подвинулся к пресному пирогу с яйцом и, съевши тут же с небольшим половину, похвалил его. И в самом деле, пирог сам по себе был вкусен, а после всей возни и проделок со старухой показался еще вкуснее.

— А блинков? — сказала хозяйка.

В ответ на это Чичиков свернул три блина вместе и, обмакнувши их в растопленное масло, отправил в рот, а губы и руки вытер салфеткой. Повторивши это раза три, он попросил хозяйку приказать заложить его бричку. Настасья Петровна тут же послала Фетинью, приказавши в то же время принести еще горячих блинов.

— У вас, матушка, блинцы очень вкусны, — сказал Чичиков, принимаясь за принесенные горячие.

— Да, у меня-то их хорошо пекут, — сказала хозяйка, — да вот беда: урожай плох, мука уж такая не авантажная...» (Гоголь Н. В. Мертвые души).

«Желудок господина средней руки»

«Подъехавши к трактиру, Чичиков велел остановиться по двум причинам: с одной стороны, чтоб дать отдохнуть лошадям, а с другой стороны, чтоб и самому несколько закусить и подкрепиться. Автор должен признаться, что весьма завидует аппетиту и желудку такого рода людей. Для него решительно ничего не значат все господа большой руки, живущие в Петербурге и Москве, проводящие время в обдумывании, что бы такое поесть завтра и какой бы обед сочинить на послезавтра, и принимающиеся за этот обед не иначе, как отправивши прежде в рот пилюлю; глотающие устерс, морских пауков и прочих чуд, а потом отправляющиеся в Карлсбад, или на Кавказ. Нет, эти господа никогда не возбуждали в нем зависти. Но господа средней руки, что на одной станции потребуют ветчины, на другой поросенка, на третьей ломоть осетра или какую-нибудь запеканную колбасу с луком и потом как ни в чем не бывало садятся за стол в какое хочешь время, и стерляжья уха с налимами и молоками шипит и ворчит у них меж зубами, заедаемая расстегаем или кулебякой с сомовьим плесом, так что вчуже пронимает аппетит, — вот эти господа, точно, пользуются завидным даянием неба! Не один господин большой руки пожертвовал бы сию же минуту половину душ крестьян и половину имений, заложенных и незаложенных, со всеми улучшениями на иностранную и русскую ногу, с тем только, чтобы иметь такой желудок, какой имеет господин средней руки; но то беда, что ни за какие деньги, ниже имения, с улучшениями и без улучшений, нельзя приобрести такого желудка, какой бывает у господина средней руки...» (Гоголь Н. В. Мертвые души).

«И всего только что попробует»

«В комнате попались всё старые приятели, попадающиеся всякому в небольших деревянных трактирах, каких немало выстроено по дорогам, а именно: заиндевевший самовар, выскобленные гладко сосновые стены, треугольный шкаф с чайниками и чашками в углу, фарфоровые вызолоченные яички перед образами, висевшие на голубых и красных ленточках, окотившаяся недавно кошка, зеркало, показывавшее вместо двух четыре глаза, а вместо лица какую-то лепешку; наконец натканые пучками душистые травы и гвоздики у образов, высохшие до такой степени, что желавший понюхать их только чихал и больше ничего.

— Поросенок есть? — с таким вопросом обратился Чичиков к стоявшей бабе.

— Есть.

— С хреном и со сметаню?

— С хреном и со сметаню.

— Давай его сюда!

Старуха пошла копаться и принесла тарелку, салфетку, накрахмаленную до того, что дыбилась как засохшая кора, потом нож с пожелтевшею костяною колодочкою, тоненький, как перочинный, двузубую вилку и солонку, которую никак нельзя было поставить прямо на стол.

Герой наш, по обыкновению, сейчас вступил с нею в разговор и расспросил, сама ли она держит трактир, или есть хозяин, и сколько дает доходу трактир... Само собою разумеется, что поллюбопытствовал узнать, какие в окружности находятся у них помещики, и знал, что всякие есть помещики: Блохин, Почитаев, Мыльной, Чепраков полковник, Собакевич. “А! Собакевича знаешь?” — спросил он и тут же услышал, что старуха знает не только Собакевича, но и Манилова, и что Манилов будет поделикатней Собакевича: велит тотчас сварить курицу, спросит и телятинки; коли есть баранья печенка, то и бараньей печенки спросит, и всего только что попробует, а Со-

бакевич одного чего-нибудь спросит, да уж зато все съест, даже и подбавки потребует за ту же цену» (*Голь Н. В. Мертвые души*).

«Ватрушки, каждая больше тарелки»

«— Что ж душенька? пойдём обедать, — сказала Собакевичу его супруга.

— Прошу! — сказал Собакевич.

Засим, подошедши к столу, где была закуска, гость и хозяин выпили как следует по рюмке водки, закусили, как закусывает вся пространная Россия по городам и деревням, то есть всякими соленостями и иными возбуждающими благодатями, и потекли все в столовую; впереди их, как плавный гусь, понеслась хозяйка. Небольшой стол был накрыт на четыре прибора. На четвертое место явилась очень скоро, трудно сказать утвердительно, кто такая, дама или девица, родственница, домоводка или просто проживающая в доме: что-то без чепца, около тридцати лет, в пестром платке. Есть лица, которые существуют на свете не как предмет, а как посторонние крапинки или пятнышки на предмете. Сидят они на том же месте, одинаково держат голову, их почти готов принять за мебель и думаешь, что отроду еще не выходило слово из таких уст; а где-нибудь в девичьей или в кладовой окажется просто: ого-го!

— Щи, моя душа, сегодня очень хороши, — сказал Собакевич, хлебнувши щей и отваливши себе с блюда огромный кусок няни, известного блюда, которое подается к щам и состоит из бараньего желудка, начиненного гречневой кашей, мозгом и ножками. — Эдакой няни, — продолжал он, обратившись к Чичикову, — вы не будете есть в городе, там вам черт знает что подадут!

— У губернатора, однако ж, недурен стол, — сказал Чичиков.

— Да знаете ли, из чего это все готовится? вы есть не станете, когда узнаете.

— Не знаю, как готовится, об этом не могу

судить, но свиные котлеты и разварная рыба были превосходны.

— Возьмите барана, — продолжал он, обращаясь к Чичикову: — это бараний бок с кашей! Это не те фрикасе, что делаются на барских кухнях из баранины, какая суток по четыре на рынке валяется! Это все выдумали доктора немцы да французы, я бы их перевешал за это! Выдумали диету — лечить голодом! Что у них немецкая жидкокостная натура, так они воображают, что и с русским желудком сладят! Нет, это все не то, это все выдумки, это все... — Здесь Собакевич даже сердито покачал головою. — Толкуют: просвещение, просвещение, а это просвещение — фук! Сказал бы и другое слово, да вот только что за столом неприлично. У меня не так. У меня, когда свинина — всю свинью давай на стол, баранина — всего барана тащи, гусь — всего гуся! Лучше я съем двух блюд, да съем в меру, как душа требует. — Собакевич подтвердил это делом: он опрокинул половину бараньего бока к себе на тарелку, съел все, обгрыз, обсосал до последней косточки.

“Да, — подумал Чичиков, — у этого губа не дура”.

— У меня не так, — говорил Собакевич, вытирая салфеткою руки, — у меня не так, как у какого-нибудь Плюшкина: восемьсот душ имеет, а живет и обедает хуже моего пастуха!

...За бараньим боком последовали ватрушки, из которых каждая была гораздо больше тарелки, потом индюк ростом с теленка, набитый всяким добром: яйцами, рисом, печенками и невесть чем, что все ложилось комом в желудке. Этим обед и кончился; но, когда встали из-за стола, Чичиков почувствовал в себе тяжести на целый пуд больше. Пошли в гостиную, где уже очутилось на блюдечке варенье, — ни груша, ни слива, ни иная ягода, до которого, впрочем, не дотронулись ни гость, ни хозяин. Хозяйка вышла с тем, чтобы накласть его и на другие блюдечки...

— Вот еще варенье, — сказала хозяйка, возвращаясь с блюдечком: — редька вареная в меду!» (*Гоголь Н. В. Мертвые души*).

*«От произведения природы оставался всего
один хвост»*

« — Итак, — сказал председатель палаты, когда все было кончено, — остается теперь только вспрыснуть покупочку.

— Я готов, — сказал Чичиков. — От вас зависит только назначить время. Был бы грех с моей стороны, если бы для этого приятного общества да не раскупорить другую-третью бутылочку шипучего.

— Нет, вы не так приняли дело: шипучего мы сами поставим, — сказал председатель: — это наша обязанность, наш долг. Вы у нас гость: нам должно угощать. Знаете ли что, господа! Покамест что, а мы вот как сделаем: отправимтесь-ка все, так как есть, к полицеймейстеру, он у нас чудный человек: ему стоит только мигнуть, проходя мимо рыбного ряда или погребца, так мы, знаете ли, как закусим! да при этой okazji и в вистишку.

...Гости добрались наконец гурьбой к дому полицеймейстера. Полицеймейстер, точно, был чудотворец: как только услышал он, в чем дело, в ту ж минуту кликнул квартального, бойкого малого в лакированных ботфортах, и, кажется, всего два слова шепнул ему на ухо да прибавил только: “понимаешь?”, а уж там, в другой комнате, в продолжение того времени, как гости резались в вист, появилась на столе белуга, осетры, семга, икра паюсная, икра свежепросольная, селедки, севрюжки, сыры, копченые языки и балыки, — это все было со стороны рыбного ряда. Потом появились прибавления с хозяйской стороны, изделия кухни: пирог с головизною, куда пошли хрящ и щеки девятипудового осетра, другой пирог — с груздями, пряженцы, масляницы, взваренцы.

...Заметив, что закуска была готова, полицеймейстер предложил гостям окончить вист после завтрака, и все пошли в ту комнату, откуда несшийся запах давно начинал приятным образом щекотать ноздри гостей и куда уже Собакевич давно заглядывал в дверь, наметив издали осетра, лежавшего в стороне на большом блюде. Гости, выпивши по рюмке водки темного,

оливкового цвета, какой бывает только на сибирских прозрачных камнях, из которых режут на Руси печати, приступили со всех сторон с вилками к столу и стали обнаруживать, как говорится, каждый свой характер и склонности, налегая кто на икру, кто на семгу, кто на сыр. Собакевич, оставив без всякого внимания все эти мелочи, пристроился к осетру и, покамест те пили, разговаривали и ели, он в четверть часа с небольшим доел его всего, так что когда полицеймейстер вспомнил было о нем и, сказавши: «А каково вам, господа, покажется вот это произведение природы?» подошел было к нему с вилокю вместе с другими, то увидел, что от произведения природы оставался всего один хвост; а Собакевич пришипился так, как будто и не он, и, подошедши к тарелке, которая была подальше прочих, тыкал вилокю в какую-то сушеную, маленькую рыбку» (*Гоголь Н. В. Мертвые души*).

«...Подад тарелку с соусом на конце шпаги»

«Отделавши осетра, Собакевич сел в кресла и уже более не ел, не пил, а только жмурил и хлопал глазами. Полицеймейстер, кажется, не любил жалеть вина; тостам не было числа. Первый тост был выпит, как читатели, может быть, и сами догадаются, за здоровье нового херсонского помещика, потом за благоденствие крестьян его и счастливое их переселение, потом за здоровье будущей жены его красавицы, что сорвало приятную улыбку с уст нашего героя.

...После шампанского раскупорили венгерское, которое придало еще более духу и развеселило общество.

...За ужином тоже он не был в состоянии развернуться, несмотря на то, что общество за столом было приятное и что Ноздрева давно уже вывели: ибо сами даже дамы наконец заметили, что поведение его чересчур становилось скандально... Ужин был очень весел; все лица, мелькавшие перед тройными подсвечниками, цветами, конфектами и бутылками, были озарены самым непринужденным довольством. Офи-

церы, дамы, фраки — все сделалось любезно, даже до приторности. Мущины вскакивали со стульев и бежали отнимать у слуг блюда, чтобы с необыкновенной ловкостью предложить их дамам. Один полковник подал даме тарелку с соусом на конце обнаженной шпаги. Мущины почтенных лет, между которыми сидел Чичиков, спорили громко, заедая дельное слово рыбой или говядиной, обмакнутой нещадным образом в горчицу, и спорили о тех предметах, в которых он даже всегда принимал участие» (*Гоголь Н. В. Мертвые души*).

«Звуки музыки заменились звуками ножей и вилок»

«...Она отвернулась и подала руку графу, который едва удерживался от смеха.

— Ну, что ж, к столу, я чай, пора? — сказала Марья Дмитриевна.

Впереди пошел граф с Марьей Дмитриевной, потом графиня, которую повел гусарский полковник, нужный человек, с которым Николай должен был догонять полк. Анна Михайловна — с Шиншиным. Берг подал руку Вере... За ними шли еще другие пары, протянувшиеся по всей зале, и сзади всех поодиночке дети, гувернеры и гувернантки. Официанты зашевелились, стулья загремели, на хорах заиграла музыка, и гости разместились. Звуки домашней музыки графа заменились звуками ножей и вилок, говора гостей, тихих шагов официантов. На одном конце стола во главе сидела графиня. Справа Марья Дмитриевна, слева Анна Михайловна и другие гости. На другом конце сидел граф, слева гусарский полковник, справа Шиншин и другие гости мужского пола. С одной стороны длинного стола молодежь постарше: Вера рядом с Бергом, Пьер рядом с Борисом; с другой стороны — дети, гувернеры и гувернантки. Граф из-за хрусталя бутылок и ваз с фруктами поглядывал на жену и ее высокий чепец с голубыми лентами и усердно подливал вина своим соседям, не забывая и себя...

На дамском конце шло равномерное лепетанье; на мужском все громче и громче слышались голоса, особенно гусарского полковника, который так много ел и пил, все более и более краснея, что граф уже ставил его в пример другим гостям... Пьер мало говорил, оглядывал новые лица и много ел. Начиная от двух супов, из которых он выбрал *à la tortue*, и кулебяки и до рябчиков, он не пропускал ни одного блюда и ни одного вина, которое дворецкий в завернутой салфеткою бутылке таинственно высовывал из-за плеча соседа, приговаривая: или “дрей-мадера”, или “венгерское”, или “рейнвейн”. Он подставлял первую попавшуюся из четырех хрустальных, с вензелем графа, рюмок, стоявших перед каждым прибором, и пил с удовольствием, все с более и более приятным видом поглядывая на гостей... Губернантка беспокойно оглядывалась, как бы приготавливаясь к отпору, ежели бы кто вздумал обидеть детей. Губернер-немец старался запомнить все роды кушаний, десертов и вин с тем, чтобы описать все подробно в письме к домашним в Германию, и весьма обижался тем, что дворецкий с завернутой в салфетку бутылкой обносил его. Немец хмурился, старался показать вид, что он не желал получить этого вина, но обижался потому, что никто не хотел понять, что вино нужно было ему не для того, чтоб утолить жажду, не из жадности, а из добросовестной любознательности.

...Перед мороженым подали шампанское. Опять заиграла музыка, граф поцеловался с графинюшкой, и гости, вставая, поздравляли графиню, через стол чокались с графом, детьми и друг с другом. Опять забежали официанты, загремели стулья, и в том же порядке, но с более красными лицами гости вернулись в гостиную и кабинет графа...» (Толстой Л. Н. Война и мир).

«Старший повар — знаменитый Феоктист»

«...Граф (Ростов. — С. О.) в халате ходил по зале, отдавая приказания клубному эконому и знаменитому Феоктисту, старшему повару Английского клуба, о

спарже, свежих огурцах, землянике, телянке и рыбе для обеда князя Багратиона. Граф со дня основания клуба был его членом и старшиною. Ему было поручено от клуба устройство торжества для Багратиона, потому что редко кто умел так на широкую руку, хлебосольно устроить пир, особенно потому, что редко кто умел и хотел приложить свои деньги, если они понадобятся на устройство пира. Повар и эконом клуба с веселыми лицами слушали приказания графа, потому что они знали, что ни при ком, как при нем, нельзя было лучше поживиться на обеде, который стоил несколько тысяч.

— Так смотри же, гребешков, гребешков в тортю положи, знаешь!

— Холодных, стало быть, три?.. — спрашивал повар.

Граф задумался.

— Нельзя меньше, три... майонез — раз, — сказал он, загибая палец...

— Так прикажете стерлядей больших взять? — спросил эконом.

— Что ж делать, возьми, коли не уступают. Да, батюшка ты мой, я было и забыл. Ведь надо еще другую антре на стол. Ах, отцы мои! — Он схватился за голову. — Да кто же мне цветы привезет?! Митенька! А Митенька! Скачи ты, Митенька, в подмосковную, — обратился он к вошедшему на его зов управляющему, — скачи ты в подмосковную и вели ты сейчас нарядить барщину Максимке-садовнику. Скажи, чтобы все оранжереи сюда волók, укутывал бы войлоками. Но чтобы мне двести горшков тут к пятнице были.

Отдав еще и еще разные приказания, он вышел было отдохнуть к графинюшке, но вспомнил еще нужное, вернулся сам, вернул повара и эконома и опять стал приказывать. В дверях послышалась легкая мужская походка, бряцание шпор, и красивый, румяный с чернеющими усиками, видимо отдохнувший и выхолившийся на спокойном житье в Москве, вошел молодой граф.

— Ах, братец мой! Голова кругом идет, — сказал старик, как бы стыдясь, улыбаясь перед сыном. —

Хоть вот ты бы помог! Надо ведь еще песенников. Музыка у меня есть, да цыган, что ли, позвать? Ваша братия военные это любят.

— Право, папенька, я думаю, князь Багратион, когда готовился к Шенграбенскому сражению, меньше хлопотал, чем вы теперь, — сказал сын, улыбаясь.

Старый граф притворился рассерженным.

— Да, ты толкуй, ты попробуй.

И граф обратился к повару, который с умным и почтенным лицом наблюдательно и ласково поглядывал на отца и сына.

— Какова молодежь-то, а, Феоктист? — сказал он. — Смеются над нашим братом — стариками.

— Что ж, ваше сиятельство, им бы только покушать хорошо, а как все собрать да сервировать, это не их дело.

— Так, так! — закричал граф и, весело схватив сына за обе руки, закричал: — Так вот же что, попался ты мне! Возьми ты сейчас сани парные и ступай ты к Безухову и скажи, что граф, мол, Илья Андреич прислали просить у вас земляники и ананасов свежих. Больше ни у кого не достанешь. Самого-то нет, так ты зайди княжнам скажи, а оттуда, вот что, поезжай ты на Разгуляй! — Ипатка-кучер знает, — найди там Ильюшку-цыгана, вот что у графа Орлова тогда плясал, помнишь, в белом казакине, и притащи ты его сюда, ко мне.

— И с цыганками его сюда привести? — спросил Николай, смеясь.

— Ну, ну!..

В это время неслышными шагами, с деловым, озабоченным и вместе христиански-кротким видом, никогда не покидавшим ее, вошла в комнату Анна Михайловна. Несмотря на то, что каждый день Анна Михайловна заставляла графа в халате, всякий раз он конфузился при ней и просил извинения за свой костюм. Так сделал он и теперь.

— Ничего, граф, голубчик, — сказала она, кротко закрывая глаза. — А к Безухову я съезжу, — сказала она. — Молодой Безухов приехал, и теперь мы все

достанем, граф, из его оранжерей. Мне и нужно было видеть его. Он мне прислал письмо от Бориса. Слава богу, Боря теперь при штабе.

Граф обрадовался, что Анна Михайловна брала одну часть его поручений, и велел ей заложить маленькую карету.

— Вы Безухову скажите, чтоб он приезжал. Я его запишу. Что, он с женой? — спросил он» (*Толстой Л. Н. Война и мир*).

«Обед в честь храбреца Багратиона»

«На другой день, 3-го марта, во втором часу пополудни, двести пятьдесят человек членов Английского клуба и пятьдесят человек гостей ожидали к обеду дорогого гостя и героя Австрийского похода, князя Багратиона. В первое время по получении известия об Аустерлицком сражении Москва пришла в недоумение. В то время русские так привыкли к победам, что, получив известие о поражении, одни просто не верили, другие искали объяснений такому странному событию в каких-нибудь необыкновенных причинах... Были найдены причины тому невероятному, неслыханному и невозможному событию, что русские были побиты, и все стало ясно, и во всех углах Москвы заговорили одно и то же. Причины эти были: измена австрийцев, дурное продовольствие войска, измена поляка Пржибышевского и француза Ланжерона, неспособности Кутузова и (потихоньку говорили) молодость и неопытность государя, вверившегося дурным и ничтожным людям. Но войска, русские войска, говорили все, были необыкновенны и делали чудеса храбрости. Солдаты, офицеры, генералы были герои. Но героем из героев был князь Багратион, прославившийся своим Шенграбенским делом и отступлением от Аустерлица, где он один провел свою колонну нерасстроенною и целый день отбивал вдвое сильнеешего неприятеля» (*Толстой Л. Н. Война и мир*).

«Дворецкий провозгласил: “Кушанье готово!”»

«Старшины встретили его у первой двери, сказав ему несколько слов о радости видеть столь дорогого гостя, и, не дождавшись его ответа, как бы завладев им, окружили его и повели в гостиную. В дверях гостиной не было возможности пройти от столпившихся членов и гостей, давивших друг друга и через плечи друг друга старавшихся, как редкого зверя, рассмотреть Багратиона. Граф Илья Андреич, энергичнее всех, смеясь и приговаривая: “Пусти, топ cher, пусти, пусти!”, протолкал толпу, провел гостей в гостиную и посадил на средний диван. Тузы, почетнейшие члены клуба, обступили вновь прибывших. Граф Илья Андреич, проталкиваясь опять через толпу, вышел из гостиной и с другим старшиной через минуту явился, неся большое серебряное блюдо, которое он поднес князю Багратиону. На блюде лежали сочиненные и напечатанные в честь героя стихи. Багратион, увидав блюдо, испуганно оглянулся, как бы отыскивая помощи. Но во всех глазах было требование того, чтобы он покорился. Чувствуя себя в их власти, Багратион решительно, обеими руками взял блюдо и сердито, укоризненно посмотрел на графа, подносившего его. Кто-то услужливо вынул из рук Багратиона блюдо (а то бы он, казалось, намерен был держать его так до вечера и так идти к столу) и обратил его внимание на стихи. “Ну, и прочту”, — как будто сказал Багратион и, устремив усталые глаза на бумагу, стал читать с сосредоточенным и серьезным видом. Сам сочинитель взял стихи и стал читать. Князь Багратион склонил голову и слушал.

Славь тако Александра век
И охраняй нам Тита на престоле,
Будь купно страшный вождь и добрый человек,
Рифей в отечестве, а Цесарь в бранном поле.
Да счастливый Наполеон,
Познав чрез опыты, каков Багратион,
Не смеет утруждать Алкидов русских боле...

Но еще он не кончил стихов, как громогласный дворецкий провозгласил: “Кушанье готово!” Дверь

отворилась, загремел из столовой польский: “Тром победы, раздавайся, веселися, храбрый росс”, — и граф Илья Андреич, сердито посмотрев на автора, продолжавшего читать стихи, раскланялся перед Багратионом. Все встали, чувствуя, что обед был важнее стихов, и опять Багратион впереди всех пошел к столу. На первом месте, между двух Александров — Беклешова и Нарышкина, что тоже имело значение по отношению к имени государя, посадили Багратиона: триста человек разместились в столовой по чинам и важности, кто поважнее — поближе к чествуемому гостю: так же естественно, как вода разливается туда глубже, где местность ниже.

Перед самым обедом граф Илья Андреич представил князю своего сына. Багратион, узнав его, сказал несколько нескладных, неловких слов, как и все слова, которые он говорил в этот день. Граф Илья Андреич радостно и гордо оглядывал всех в то время, как Багратион говорил с его сыном» (*Толстой Л. Н. Война и мир*).

«Выпив залпом бокал, бросил его на пол»

«Николай Ростов с Денисовым и новым знакомцем Долоховым сели вместе почти на середине стола. Напротив их сел Пьер рядом с князем Несвицким. Граф Илья Андреич сидел напротив Багратиона с другими старшинами и угощал князя Багратиона, олицетворяя в себе московское радушие.

Труды его не пропали даром. Обеды, постный и скоромный, были великолепны, но совершенно спокоен он все-таки не мог быть до конца обеда. Он подмигивал буфетчику, шепотом приказывал лакеям и не без волнения ожидал каждого, знакомого ему блюда. Все было прекрасно. На втором блюде, вместе с исполинскою стерлядью (увидав которую, Илья Андреич покраснел от радости и застенчивости), уже лакеи стали хлопать пробками и наливать шампанское. После рыбы, которая произвела некоторое впечатление, граф Илья Андреич переглянулся с други-

ми старшинами. “Много тостов будет, пора начинать!” — шепнул он и, взяв бокал в руки, встал. Все замолкли и ожидали, что он скажет.

— Здоровье государя императора! — крикнул он, и в ту же минуту добрые глаза его увлажнились слезами радости и восторга. В ту же минуту заиграли “Гром победы, раздавайся”. Все встали с своих мест и закричали ура! И Багратион закричал ура! тем же голосом, каким он кричал на Шенграбенском поле. Восторженный голос молодого Ростова был слышен из-за всех трехсот голосов. Он чуть не плакал.

— Здоровье государя императора, — кричал он, — ура! — Выпив залпом свой бокал, он бросил его на пол. Многие последовали его примеру. И долго продолжались громкие крики. Когда замолкли голоса, лакеи подобрали разбитую посуду, и все стали усаживаться... вместо музыки слышались певчие, певшие кантату сочинения Павла Ивановича Кутузова.

Тщетны россам все препоны,
Храбрость есть побед залог,
Есть у нас Багратионы,
Будут все враги у ног...
и т. д.

Только что кончили певчие, как последовали новые и новые тосты, при которых все больше и больше расчувствовался граф Илья Андреич, и еще больше билось посуды, и еще больше кричалось...» (Толстой Л. Н. Война и мир).

«Все отзывалось сочностью, белизной и приятной улыбкой»

«Скоро после дядюшки отворила дверь по звуку ног, очевидно, босая девка, и в дверь с большим уставленным подносом в руках вошла толстая, румяная, красивая женщина лет сорока, с двойным подбородком и полными, румяными губами. Она с гостеприимной представительностью и привлекательностью в глазах и каждом движении оглянула гостей и с ласковой улыбкой почтительно поклонилась»

лась им. Несмотря на толщину больше чем обыкновенную, заставлявшую ее выставлять вперед грудь и живот и назад держать голову, женщина эта (экономка дядюшки) ступала чрезвычайно легко. Она подошла к столу, поставила поднос и ловко своими белыми, пухлыми руками сняла и расставила по столу бутылки, закуски и угощенья. Окончив это, она отошла и с улыбкой на лице стала у двери. «Вот она и я! Теперь понимаешь дядюшку?» — сказала Ростову ее появление. Как не понимать: не только Ростов, но и Наташа поняла дядюшку и значение нахмуренных бровей и счастливой, самодовольной улыбки, которая чуть морщила его губы в то время, как входила Анисья Федоровна. На подносе были травник, наливки, грибки, лепешки черной муки на юраге, сотовый мед, мед вареный и щипучий, яблоки, орехи сырые и каленые и орехи в меду. Потом принесено было Анисьей Федоровной и варенье на меду и на сахаре, и ветчина, и курица, только что зажаренная.

Все это было хозяйства, сбора и варенья Анисьи Федоровны. Все это и пахло, и отзывалось, и имело вкус Анисьи Федоровны. Все отзывалось сочностью, чистотой, белизной и приятной улыбкой.

— Покушайте, барышня-графинюшка, — приговаривала она, подавая Наташе то то, то другое. Наташа ела все, и ей показалось, что подобных лепешек на юраге, с таким букетов варений, на меду орехов и такой курицы никогда она не видала и не едала» (*Толстой Л. Н. Война и мир*).

Чай на армейской попоне

«В разломанной печке разложили огонь. Достали доску и, утвердив ее на двух седлах, покрыли попонной, достали самоварчик, погребец и полбутылки рому, и, попросив Марью Генриховну быть хозяйкой, все столпились около нее...

...Стаканов было только три; вода была такая грязная, что нельзя было решить, когда крепок или некрепок чай, и в самоваре воды было только на шесть

стаканов, но тем приятнее было по очереди и старшинству получить свой стакан из пухлых с короткими, не совсем чистыми ногтями ручек Марии Генриховны...

Ложка была только одна, сахару было больше всего, но размешивать его не успевали, и потому было решено, что она будет поочередно мешать сахар каждому. Ростов, получив свой стакан и подлив в него рому, попросил Марью Генриховну размешать.

— Да ведь вы без сахара? — сказала она, вся улыбаясь...

— Да мне не сахар, мне только, чтоб вы помешали своей ручкой.

Марья Генриховна согласилась и стала искать ложку, которую уже захватил кто-то.

— Вы пальчиком, Марья Генриховна, — сказал Ростов, — еще приятнее будет...

Ильин взял ведро с водой и, капнув туда рому, пришел к Марье Генриховне, прося помешать пальчиком.

— Это моя чашка, — говорил он. — Только вложите пальчик, все выпью.

Когда самовар весь выпили, Ростов взял карты и предложил играть в короли с Марьей Генриховной. Кинули жребий, кому составлять партию Марии Генриховны. Правилами игры, по предложению Ростова, было то, чтобы тот, кто будет королем, имел право поцеловать ручку Марии Генриховны» (*Толстой Л. Н. Война и мир*).

«На чашку чая и на ужин»

«В то утро полковник Адольф Берг, которого Пьер знал, как знал всех в Москве и Петербурге, в чистеньком с иголки мундире, с припомаженными наперед височками, как носил государь Александр Павлович, приехал к нему.

... — Что вам угодно, полковник? Я к вашим услугам.

— Я теперь, граф, уже совершенно устроился на

новой квартире, — сообщил Берг, очевидно зная, что это слышать не могло не быть приятно, — и потому желал сделать так, маленький вечерок для моих и моей супруги знакомых. (Он еще приятнее улыбнулся.) Я хотел просить графиню и вас сделать мне честь пожаловать к нам на чашку чая и... на ужин.

...В новом, чистом, светлом, убранном бюстиками, и картинками и новою мебелью кабинете сидел Берг с женой. Берг в новеньком застегнутом мундире сидел подле жены, объяснял ей, что всегда можно и должно иметь знакомства людей, которые выше себя, потому что тогда только есть приятность от знакомств.

— Переймешь что-нибудь, можешь попросить о чем-нибудь. Вот посмотри, как я жил с первых чинов (Берг жизнь свою считал не годами, а высочайшими наградами). Мои товарищи теперь еще ничто, а я на вакансии полкового командира, я имею счастье быть вашим мужем (он встал и поцеловал руку Веры, но по пути к ней отогнул угол заворотившегося ковра).

...обняв жену осторожно, чтобы не измять кружевную пелеринку, за которую он дорого заплатил, поцеловал ее в середину губ» (Толстой Л. Н. Война и мир).

«Вечер с разговорами, чаем и зажженными свечами»

«Пьер был принят в новенькой гостиной, в которой нигде сесть нельзя было, не нарушив симметрии, чистоты и порядка, и потому весьма понятно было и не странно, что Берг великодушно предлагал разрушить симметрию кресла или дивана для дорогого гостя и, видимо находясь сам в этом отношении в болезненной нерешительности, предложил решение этого вопроса выбору гостя. Пьер расстроил симметрию, подвинув себе стул, и тотчас же Берг и Вера начали вечер, перебивая один другого и занимая гостя.

Вера, решив в своем уме, что Пьера надо занимать разговорами о французском посольстве, тотчас же начала этот разговор. Берг, решив, что надобен и

мужской разговор, перебил речь жены, затрагивая вопрос о войне с Австрией, и невольно с общего разговора соскочил на личные соображения о тех предложениях, которые ему были деланы для участия в австрийском походе, и о тех причинах, почему он не принял их. Несмотря на то, что разговор был очень нескладный и что Вера сердилась за вмешательство мужского элемента, оба супруга с удовольствием чувствовали, что, несмотря на то, что был только один гость, *вечер* был начат очень хорошо и что вечер был как две капли воды похож на всякий другой вечер с разговорами, чаем и зажженными свечами.

Вскоре приехал Борис, старый товарищ Берга. Он с некоторым оттенком превосходства и покровительства обращался с Бергом и Верой. За Борисом приехала дама с полковником, потом сам генерал, потом Ростовы, и вечер уже совершенно несомненно стал похож на все вечера.

...Вечер был очень хорош и совершенно такой, как и другие вечера, которые он видел. Все было похоже. И дамские тонкие разговоры, и карты, и за картами генерал, возвышающий голос, и самовар, и печенье; но одного еще недоставало, того, что он всегда видел на вечерах, которым он (Берг. — С. О.) желал подражать. Недоставало громкого разговора между мужчинами и спора о чем-нибудь важном и умном. Генерал начал этот разговор, и к нему-то Берг привлек Пьера» (*Толстой Л. Н. Война и мир*).

«О, МУДРАЯ ОХОТНИЧЬЯ НАУКА!
ТОРОЧА ЗАЙЦА, СЛУШАЮ СЛУГУ...»

«...Охоту по справедливости должно почесть одним из главнейших занятий человека», — отмечал Иван Сергеевич Тургенев.

Самое древнее упоминание, так же как и изображение охотника с ловчей птицей, относят к Древнему Китаю. Оказывается, соколиная охота здесь появилась еще за семь веков до нашей эры. С древних времен охотой были увлечены и арабы. Затем азарт травли и ловли животных охватил монгольские просторы.

Много веков тому назад появляется она и на Руси. Знаменательно, что еще в XII веке киевский князь Владимир Мономах наставлял сыновей в таинствах охоты, поскольку она дана Богом «на угоды человеком, на снедь и на веселие». Дошли до нас и описания охот в «Слове о полку Игореве». Не менее убедительны оказались и сюжеты на фресках Софийского собора в Киеве. И каких только приемов охоты в Древней Руси здесь не увидишь! Тут и пеший выход с собакой на белку и кабана, и охота с борзой на оленя, и, наконец, жестокая схватка верхоконного на охоте с медведем. А поскольку лесные угоды изобиловали всевозможной дичью и пушным зверем, охота являлась и прекрасным промыслом. Особый азарт охватывал русских людей в поединках и даже битвах с ту-

рами и медведями, где наши далекие предки могли проявлять необычайную ловкость и удивительную смекалку, чтобы одолеть хитрого, коварного и могучего зверя.

Знаменитые на весь мир царские охоты являлись не только монаршими забавами, но были и школой, и прекрасным примером подражания для русского дворянства. А потому многие служилые люди обзаводились псарнями и стали содержать ловчих птиц. Так что охотиться в собственных поместьях либо скакать в отъезжие поля становилось не только модным, но и считалось делом чести. Соседи-помещики соревновались в мастерстве верховой езды; выучке слуг — егерей, доезжачих, ловчих и т. д.; меткости стрельбы из охотничьего оружия; и, наконец, мгновенности реакции в пылу охотничьих батальи.

Правда, при всем многообразии видов охот служилое дворянство более всего ценило псовую охоту.

Необычайная страсть к этому виду охот сохранялась не только после отмены крепостного права (тогда у большинства помещиков уже не было средств на содержание псарных дворов), но и во время Гражданской войны и даже спустя годы после переворота 1917 года.

На русских просторах преимущественно охотились на волков, лисиц и зайцев. Четко определяли и время года. Подразделяли охоту на езду по черной тропе (по земле, не покрытой снегом) и на езду по белой тропе. Практиковалась езда в брызги — когда оттаял только верхний слой земли, то есть ранней весной. Езда по пожару — тоже как будто не требует объяснений. Это уже позднее, однако до посева яровых хлебов. И наконец, езда осенняя — пожалуй, самое главное время охоты. Она начиналась с сентября (по старому стилю) и могла тянуться до середины ноября.

Зимой охотники уносятся за дичью и в порошное время, и по насту, и, наконец, в наездку в санях.

Особый азарт представляла последняя. Охотники уютно располагались в санях, но смотрели, как говорится, в оба. Верховые загонщики в эти часы направ-

ляли волков на охотников, что двигались им навстречу, держа в каждых санях по три борзых.

Пожалуй, самой сложной, но и результативной считалась охота по насту. Устраивали ее в начале весенних месяцев и проводили в основном по зайцам. Пригодным для охоты считался только такой наст, который смог бы на шаг выдержать лошадь. В противном случае, пробивши наст, животное рисковало поломать себе ноги.

Наивысшая точка напряжения охоты — «езда с борзыми и гончими» — наступает тогда, когда неутомные труженики — доезжачие «называют» (то есть направляют) гончих на след зверя. Собаки выгоняют его из леса, болота или оврага. Одним словом, из природного, облюбованного им убежища на открытое место. Здесь и поджидают зверя борзятники.

Наконец, когда настает удобный момент, охотник, стоящий ближе к промелькнувшему зверю, спускает со сворки — длинного ремня — своих борзых. А затем и сам преследует собственных собак и зверя особым «усиленным галопом». Гонка продолжается до тех пор, пока собаки не поймают жертву или не станет очевидным, что зверь ушел от борзых. После чего охотник поддавливает, как можно скорее, своих собак и опять возвращается на уготованное ему место.

Если же все происходит удачно, охотник, привычно соскочив с лошади, в мгновение ока «принимает» (ограждает) зверя от собак. Зайца «откалывают» — быстро, но не суетливо втыкают нож в грудь между плечами на 1,5—2 вершка в глубину вертикально. Отпазанчивают и вторачивают в заднее тороко к седлу за задние ноги.

Для лисы своя метода. Ее пришибают в голову ударом кнутовища арапника по переносью. Убеждаются, что она более не жива, поскольку лисицы частенько притворяются мертвыми. Затем вторачивают ее в седло за шею.

А вот волка осторожно берут левой рукой за заднюю ногу. Правой же втыкают нож в бок зверя, под

переднюю лопатку. К седлу, как правило, не приторачивают. Оставляют до окончания охоты на месте.

Особые требования охотники предъявляли и к лошадям. Брели мерингов и кобыл, как более спокойных. Ведь лошадь должна слушаться повода, быть непугливой и смирной к собакам.

Наряду с внутренней организацией большое значение придавалось и внешнему оформлению охоты.

Простое служилое дворянство не забывало об облачении слуг, участвовавших в охотах, начиная от корытничих, сырейщиков и кончая конюхами, шорниками, выжлятниками, борзятниками, доезжачими, стремянными и ловчими. Как правило, все псовые охотники одевались в шаровары, высокие сапоги и кафтаны. У борзятников они были темных цветов, а у выжлятников — ярких. На головы предпочитали надевать фуражку с козырьком.

Охотничьи принадлежности при псовой охоте обычно состояли из остроконечного ножа девятивершковой длины, сворок из сыромятного ремня, арапника и сигнального рога.

К 40-м годам XIX века интерес к русской псовой охоте стал падать. А с освобождением крестьян большие охоты, которые были удивительно популярны в усадьбах по всей России, смогли уцелеть лишь у незначительного числа помещиков. Правда, в конце 70-х годов псовые охоты восстанавливаются, но уже не в тех размерах.

«Отчаянный был человек...»

Охота в России в XIX столетии, особенно в его первой половине, имела какой-то особенный колорит. Стойкое увлечение русского человека удалью охотничьих пристрастий было таково, что в этой отчаянной гоньбе за зверем, ревностно и лихо прочесывая перелески, рощи, леса и увалы дальних отъезжих полей, верхоконная братия была единым, прекрасно организованным сообществом. Ускользали в небытие все классовые условности и на первый

план вырывалось необычайное мастерство. Неважно, от кого оно исходило — егерей ли, доезжачих или дирижеров охоты.

Да и сам владелец усадьбы — изобретательный организатор самых разнообразных охот, будь то езда в брызги, езда по чернотропу либо по белой тропе, — уходил на второй план. Растворялся в общей ватаге творящих единое дело.

Таким был и дед И. С. Тургенева, обожавший мастерство своего главного ловчего, прощавший ему всякие причуды и пристрастия.

«...А то, в бытность мою в Москве, затеял садку такую, какой на Руси не бывало: всех как есть охотников со всего царства к себе в гости пригласил и день назначил, и три месяца сроку дал. Вот и собрались. Навезли собак, егерей — ну, войско наехало, как есть войско! Сперва попиروвали как следует, а там и отправились за заставу. Народу сбежалась тьма-тьмушная!.. И что вы думаете?.. Ведь вашего дедушки (Тургенева. — С. О.) собака всех обскакала.

— Не Миловидка ли? — спросил я.

— Миловидка, Миловидка... Вот граф его и начал спрашивать: “Продай мне, дескать, твою собаку: возьми, что хочешь”. — “Нет, граф, говорит, я не купец: тряпицы ненужной не продам, а из чести хоть жену готов уступить, только не Миловидку... Скорее себя самого в полон отдам”. А Алексей Григорьевич его похвалил: “Люблю”, — говорит. Дедушка-то ваш ее назад в карете повез; а как умерла Миловидка, с музыкой в саду ее похоронил — псицу похоронил и камень с надписью над псицей поставил.

— Ведь вот Алексей Григорьевич не обижал же никого, — заметил я.

— Да оно всегда так бывает: кто сам мелко плавает, тот и задирает.

— А что за человек был этот Бауш? — спросил я после некоторого молчания.

— Как же это вы про Миловидку слышали, а про Бауша нет?.. Это был главный ловчий и доезжачий вашего дедушки. Дедушка-то ваш его любил не меньше Миловидки. Отчаянный был человек, и что бы ваш

дед ни приказал — мигом исполнит, хоть на нож полезет... И как порскал — так стон в лесу, бывало, и стоит. А то вдруг заупрямится, слезет с коня и ляжет... И как только перестали собаки слышать его голос — кончено! Горячий след бросят, не погонят ни за какие блага. И-их, ваш дедушка рассердится! “Жив быть не хочу, коли не повешу бездельника! Наизнанку антихриста выворочу! Пятки душегубцу сквозь горло протащу!” А кончится тем, что пошлет узнать, чего ему надобно, отчего не порскает? И Бауш в таких случаях обыкновенно потребует вина, выпьет, поднимется и загогочет опять на славу.

— Вы, кажется, также любите охоту, Лука Петрович?

— Любил бы... точно, — не теперь: теперь моя пора прошла, — а в молодых годах... да знаете, неловко, по причине звания. За дворянами нашему брату не приходится тянуться. Точно: и из нашего сословия иной, пьющий и неспособный, бывало, присоединится к господам... да что за радость! Только себя срамит. Дадут ему лошадь дрянную, спотыкливую; то и дело шапку с него наземь бросают; арапником, будто по лошади, по нем задевают; а он все смейся да других смеши. Нет, скажу вам: чем мельче звание, тем строже себя держи, а то как раз себя замараешь» (*Тургенев И. С. Олднодворец Овсяников*).

«Кучера в России очень скоро дружатся»

Если егеря, доезжачие, ловчие, при всем их видимом спокойствии и размеренности, всегда были более склонны к лихому мастерству бешеной скачки за ускользящим зверем, то вот господские кучера частенько пребывали в спокойном и даже полусонном состоянии. Нет, это не было замедленной реакцией сидящего на козлах, просто сам характер службы при барине предполагал иной раз и долгое ожидание своего господина у подъездов присутственных мест, дворянских собраний, государственных и частных банков и конечно же пребывавшего на дружес-

ких пирушках, что нередко затягивались и далеко за полночь.

Многие из тех старинных, еще дореформенных возникших помимо излишней иногда размеренности и основательности отличались еще и особой рассудительностью.

При любой погоде они всегда находились снаружи — в дождь и холод, в изнуряющий июльский зной и в немилосердную пургу, метели и бураны. Именно крепкая и трезвая мужицкая сметка позволяла им иной раз буквально угадывать дорогу, мысленно ощупывать и выверять единственно верный путь.

«... Измученные, грязные, мокрые, мы достигли, наконец, берега.

Часа два спустя, мы уже все сидели, по мере возможности обсушенные, в большом сенном сарае и собирались ужинать. Кучер Иегудиил, человек чрезвычайно медлительный, тяжелый на подъем, рассудительный и заспанный, стоял у ворот и усердно потчевал табаком Сучка. (Я заметил, что кучера в России очень скоро дружатся.) Сучок нюхал с остервенением, до тошноты: плевал, кашлял и, по-видимому, чувствовал большое удовольствие. Владимир принимал томный вид, наклонял голову набок и говорил мало. Ермолай вытирал наши ружья. Собаки с преувеличенной быстротой вертели хвостами в ожидании овсянки; лошади топали и ржали под напором... Солнце садилось; широкими багровыми полосами разбегались его последние лучи; золотые тучки расстилались по небу все мельче и мельче, словно вымытая расчесанная волна... На селе раздавались песни» (*Тургенев И. С. Льгов*).

Охота пуще неволи

Если в России принимались за что-либо с увлечением, результат бывал выше всяких похвал. Будь то постройка монастыря — выросал Посад отца Сергия, Сергиев Посад. Воспитательный ли дом — и огромный ансамбль (между Славянской площадью и

Москвой-рекой) Ивана Бецкого до сих пор (даже и в урезанном ныне виде и с иным назначением) поражает своими размерами. Это и тысячи десятин лесопосадок в усадьбе графа Уварова Поречье. И, наконец, псовая охота, которую по старинке называли «ездой», а поименно голицынской, ростопчинской, першинской и еще десятками, если не сотнями частных, именных охот, отличила Россию лучшими в мире русскими борзыми и гончаками. Отличила и отменными верховыми лошадьми — непременно участницами парфорских охот. И продолжала отшлифовывать самые лучшие грани главного участника езды — самого охотника.

Чем шире была география мест охоты, не ограниченная близлежащим пространством, а распространенная на отъезжие поля и далее на соседние уезды и губернии, тем больше самых разнообразных людей и событий мог наблюдать острый глаз русского охотника.

«Одна из главных выгод охоты, любезные мои читатели, состоит в том, что она заставляет вас беспрестанно переезжать с места на место, что для человека незанятого весьма приятно... “Эй, любезный! как бы нам проехать в Мордовку?”, а в Мордовке пытаться у тупоумной бабы (работники-то все в поле): далеко ли до постоянных дворишков на большой дороге, и как до них добраться, и, проехав верст десять, вместо постоянных дворишков очутиться в помещичьем, сильно разоренном сельце Худобубнове, к крайнему изумлению целого стада свиней, погруженных по уши в темно-бурую грязь на самой середине улицы и нисколько не ожидавших, что их беспокоят. Не весело также переправляться через животрепещущие мостики, спускаться в овраги, перебираться вброд через болотистые ручьи; не весело ехать, целые сутки ехать по зеленоватому морю больших дорог или, чего Боже сохрани, загрязнуть на несколько часов перед пестрым верстовым столбом с цифрами: 22 на одной стороне и 23 на другой; не весело по неделям питаться яйцами, молоком и хваленным ржаным хлебом... Но все эти неудобства и не-

удачи выкупаются другого рода выгодами и удовольствиями...

Наш брат охотник может в одно прекрасное утро выехать из своего более или менее родового поместья с намерением вернуться на другой же день вечером и понемногу, понемногу, не переставая стрелять по бекасам, достигнуть, наконец, благословенных берегов Печоры; притом всякий охотник до ружья и до собаки — страстный почитатель благороднейшего животного в мире: лошади» (*Тургенев И. С. Лебедянь*).

«За мною заряд, любезный»

Где же иначе, как не на охоте, можно было увидеть обнаженными, пульсирующими чувства человека, задетого за живое самой погоней за дичью? Целый каскад эмоций, порой диаметрально противоположных, обрушивался на случайного встречного. Дополнялся градом вопросов, нередко и неосмысленных. Вот он, охотник в пылу преследования, с сумасшедшинкой в глазах, в пылу азарта и при всем гоноре провинциального дворянина, в общем-то человек незащищенный. Открытый.

«В жаркий летний день возвращался я однажды с охоты на телеге; Ермолай дремал, сидя возле меня, и клевал носом. Заснувшие собаки подпрыгивали, словно мертвые, у нас под ногами. Кучер то и дело стонял кнутом оводов с лошадей. Белая пыль легким облаком неслась вслед за телегой. Мы въехали в кусты. Дорога стала ухабистее, колеса начали задевать за сучья. Ермолай встрепнулся и глянул кругом... “Э! — заговорил он, — да здесь должны быть тетерева. Слеземте-ка”. Мы остановились и вошли в “площадь”. Собака моя наткнулась на выводок. Я выстрелил и начал было заряжать ружье, как вдруг позади меня поднялся громкий треск, и, раздвинув кусты руками, подъехал ко мне верховой. “А па-азвольте узнать, — заговорил он надменным голосом, — по какому праву вы здесь а-ахотитесь, мюлсвый сдарь?”

Незнакомец говорил необыкновенно быстро, отрывочно и в нос... Он повторил свой вопрос.

— Я не знал, что здесь запрещено стрелять, — отвечал я.

— Вы здесь, милостивый государь, — продолжал он, — на моей земле.

— Извольте, я уйду.

— А па-азвольте узнать, — возразил он, — я с дворянином имею честь объясняться?

Я назвал себя.

— В таком случае извольте охотиться. Я сам дворянин и очень рад услужить дворянину... А зовут меня Чер-топ-хановым, Пантелеем.

Он нагнулся, гикнул, вытянул лошадь по шее; лошадь замотала головой, взвилась на дыбы, бросилась в сторону и отдала одной собаке лапу. Собака пронзительно завизжала. Чертопханов закипел, зашипел, ударил лошадь кулаком по голове между ушами, быстрее молнии соскочил наземь, осмотрел лапу у собаки, поплевал на рану, пихнул ее ногою в бок, чтобы она не пищала, уцепился за холку и вдел ногу в стремя. Лошадь задрала морду, подняла хвост и бросилась боком в кусты; он за ней на одной ноге вприпрыжку, однако наконец-таки попал в седло; как исступленный завертел нагайкой, затрубил в рог и поскакал. Не успел я еще прийти в себя от неожиданного появления Чертопханова, как вдруг, почти безо всякого шума, выехал из кустов толстенный человек лет сорока, на маленькой вороненькой лошаденке. Он остановился, снял с головы зеленый кожаный картуз и тоненьким и мягким голосом спросил меня, не видал ли я верхового на рыжей лошади? Я отвечал, что видел.

— В какую сторону они изволили поехать? — продолжал он тем же голосом и не надевая картуза.

— Туда-с.

— Покорнейше вас благодарю-с.

Он чмокнул губами, заболтал ногами по бокам лошаденки и поплелся рысцей — трюхи, трюхи — по указанному направлению. Я посмотрел ему вслед, пока его рогатый картуз не скрылся за ветвями. Этот но-

вый незнакомец наружностью нисколько не походил на своего предшественника. Лицо его, пухлое и круглое, как шар, выражало застенчивость, добродушие и кроткое смирение; нос, тоже пухлый и круглый, испещренный синими жилками, изобличал сластолюбца. На голове его спереди не оставалось ни одного волосика, сзади торчали жиденские русые косицы; глазки, словно осокой прорезанные, ласково мигали; сладко улыбались красные и сочные губки...

— Кто это? — спросил я Ермолая.

— Это? Недопюскин, Тихон Иваныч. У Чертопханова живет.

— Что он, бедный человек?

— Небогатый; да ведь и у Чертопханова-то гроша нет медного.

— Так зачем же он у него поселился?

— А, вишь, подружились. Друг без дружки никуда... Вот уж, подлинно: куда конь с копытом, туда и рак с клешней...

Мы вышли из кустов; вдруг подле нас “затявкали” две гончие, и матерой беляк покотился по овсам, уже довольно высоким. Вслед за ним выскочили из опушки собаки, гончие и борзые, а вслед за собаками вылетел сам Чертопханов. Он не кричал, не травил, не атукал: он задыхался, захлебывался; из разинутого рта изредка вырывались отрывистые, бессмысленные звуки; он мчался, выпуча глаза, и бешено сек нагайкой несчастную лошадь. Борзые “приспели”... Беляк присел, круто повернул назад и ринулся, мимо Ермолая, в кусты... Борзые пронеслись. “Бе-е-ги, бе-е-ги! — с усилием, словно косноязычный, залепетал замиравший охотник, — родимый, береги!” Ермолай выстрелил... раненый беляк покотился кубарем по гладкой и сухой траве, подпрыгнул кверху и жалобно закричал в зубах рассевавшегося пса. Гончие тотчас подвалились.

Турманом слетел Чертопханов с коня, выхватил кинжал, подбежал, растопыря ноги, к собакам, с яростными заклинаниями вырвал у них истерзанного зайца и, перекосясь всем лицом, погрузил ему в горло кинжал по самую рукоятку... погрузил и загоготал.

Тихон Иванович показался в опушке. “Го-го-го-го-го-го-го-го!” — завопил вторично Чертопханов... “Го-го-го-го-го”, — спокойно повторил его товарищ.

— А ведь, по-настоящему, летом охотиться не следует, — заметил я, указывая Чертопханову на измятый овес.

— Мое поле, — ответил, едва дыша, Чертопханов.

Он отпазончил, второчил зайца и роздал собакам лапки.

— За мною заряд, любезный, по охотничьим правилам, — проговорил он, обращаясь к Ермолаю.

...Чертопханов ударил лошадь нагайкой по морде и поскакал сломя голову. Тихон Иванович поклонился мне два раза — за себя и за товарища, и опять полпелся рысцей в кусты» (*Тургенев И. С. Чертопханов и Недопюскин*).

И задаешься вопросом: а можно ли было встретить позже, уже в начале XX века, подобных людей? В чем-то отталкивающих, а в чем-то и привлекательных веером своих ощущений. Довольно цельных и уж, во всяком случае, самобытных. Людей, которых ни с кем не спутаешь...

Предвкушение

Пореформенная знаменитая русская езда продолжала оставаться все такой же многолюдной и стремительно бесшабашной, но азарт понемногу затухал. И эхо губернских охот становилось все глуше. И чем меньше становились земельные наделы помещиков средней руки, тем реже звучал знаменитый охотничий рог.

Но по-прежнему, как и в былые времена, загорались азартно-лихие огоньки в глазах вчерашних егерей, доезжачих и ловчих при упоминании о барской охоте. Однако такой же, как и раньше, была сама природа. Как и в былые времена, тревожили чуткую охотничью душу мигающие звезды на предутреннем небе, шорохи влажного ветерка и стеснительно шуршащие листья на покорных ветвях плакучих берез.

Так что же оставалось обедневшим и почти стреноженным временем помещикам? Быть самими себе хозяевами. И охотиться в одиночку.

«Охота с ружьем и собакой прекрасна сама по себе, für sich, как говаривали в старину; но, положим, вы не родились охотником: вы все-таки любите природу; вы, следовательно, не можете не завидовать нашему брату...

Знаете ли вы... какое наслаждение выехать весной до зари? Вы выходите на крыльцо... На темно-сером небе кое-где мигают звезды; влажный ветерок изредка набегает легкой волной; слышится сдержанный, неясный шепот ночи; деревья слабо шумят, облитые тенью. Вот кладут ковер на телегу, ставят в ноги ящик с самоваром. Пристяжные ежатся, фыркают и щеголевато переступают ногами... каждый звук словно стоит в застывшем воздухе, стоит и не проходит. Вот вы сели; лошади разом тронулись, громко застучала телега... В избах красным огнем горят лучины, за воротами слышны заспанные голоса. А между тем заря разгорается; вот уже золотые полосы протянулись по небу, в оврагах клубятся пары; жаворонки звонко поют, предрассветный ветер подул — и тихо всплывает багровое солнце. Свет так и хлынет потоком; сердце в вас встрепенется, как птица. Свежо, весело, любо!.. Живее, кони, живее! Крупной рысью вперед!..

А летнее, июльское утро! Кто, кроме охотника, испытал, как отрадно бродить на заре по кустам? Зеленой чертой ложится след ваших ног по росистой, побелевшей траве. Вы раздвинете мокрый куст — вас так и обдаст накопившимся теплым запахом ночи; воздух весь напоен свежей горечью полыни, медом гречихи и “кашки”; вдали стеной стоит дубовый лес и блестит и алеет на солнце; еще свежо, но уже чувствуется близость жары. Голова томно кружится от избытка благоуханий...

И как этот же самый лес хорош поздней осенью, когда прилетают вальдшнепы! Они не держатся в самой глуши: их надобно искать вдоль опушки. Ветра нет, и нет ни солнца, ни света, ни тени, ни движенья, ни шума; в мягком воздухе разлит осенний запах, по-

добный запаху вина; тонкий туман стоит вдали над желтыми полями. Сквозь обнаженные, бурые сучья деревьев мирно белеет неподвижное небо; кое-где на липах висят последние золотые листья. Сырая земля упруга под ногами...

Но вот вы собрались в отъезжее поле*, в степь... Мимо бесконечных обозов, мимо постоянных дворишков с шипящим самоваром под навесом, раскрытыми настежь воротами и колодезем... грузная помещицья карета, запряженная шестериком рослых и разбитых лошадей, плывет вам навстречу. Из окна торчит угол подушки, а на запятках, на кульке, придерживаясь за веревочку, сидит боком лакей в шинели, забрызганной до самых бровей...

А в зимний день ходить по высоким сугробам за зайцами, дышать морозным, острым воздухом, невольно щуриться от ослепительного мелкого сверканья мягкого снега, любоваться зеленым цветом неба над красноватым лесом!..» (Тургенев И. С. Лес и степь).

«Непреодолимое охотничье чувство»

«Уже были зазимки, утренние морозы заковывали смоченную осенними дождями землю, уже зелень уклочилась и ярко-зелено отделялась от полос буреющего, выбитого скотом, озимого и светло-желтого ярового жнивья с красными полосами гречи. Вершины и леса, в конце августа еще бывшие зелеными островами между черными полями озимей и жнивями, стали золотистыми и ярко-красными островами посреди ярко-зеленых озимей. Русак уже до половины затерся (перелинял), лисьи выводки начинали разбредаться, и молодые волки были больше собаки. Было лучшее охотничье время. Собаки горячего молодого охотника Ростова уже не только вошли в охотничье тело, но и подбились так,

* Отъезжее поле — псовая охота в дальности от своего жилья, в пустошах, где ночуют табором, станом.

что в общем совете охотников решено было три дня дать отдохнуть собакам и 16 сентября идти в отъезд, начиная с Дубравы, где был нетронутый волчий выводок.

В таком положении были дела 14-го сентября.

Весь этот день охота была дома; было морозно и колко, но с вечера стало замораживать и оттепело. 15 сентября, когда молодой Ростов утром в халате выглянул в окно, он увидал такое утро, лучше которого ничего не могло быть для охоты: как будто небо таяло и без ветра спускалось на землю. Единственное движение, которое было в воздухе, было тихое движение сверху вниз спускающихся микроскопических капель мги или тумана. На оголившихся ветвях сада висели прозрачные капли и падали на только что свалившиеся листья. Земля на огороде, как мак, глянцеви́то-мокро чернела и в недалеком расстоянии сливалась с тусклым и влажным покровом тумана. Николай вышел на мокрое с натасканною грязью крыльцо; пахло вянущим лесом и собаками. Чернопегая широкозадая сука Милка с большими черными навывкате глазами, увидав хозяйина, встала, потянулась назад и легла по-русачьи, потом неожиданно вскочила и лизнула его прямо в нос и усы. Другая борзая собака, увидав хозяина с цветной дорожки, выгибая спину, стремительно бросилась к крыльцу и, подняв правило (хвост), стала тереться о ноги Николая.

— О гой! — слышался в это время тот неподражаемый охотничий подклик, который соединяет в себе и самый глубокий бас и самый тонкий тенор; и из-за угла вышел доезжачий и ловчий Данило, по-украински в скобку обстриженный, седой, морщинистый охотник, с гнутым арапником в руке и с тем выражением самостоятельности и презрения ко всему в мире, которое бывает только у охотников. Он снял свою черкесскую шапку перед барином и презрительно посмотрел на него. Презрение это не было оскорбительно для барина: Николай знал, что этот всепрезирающий и превыше всего стоящий Данило все-таки был его человек и охотник.

— Данило! — сказал Николай робко чувствуя, что при виде этой охотничьей погоды, этих собак и охотника его уже обхватило то непреодолимое охотничье чувство, в котором человек забывает все прежние намерения, как человек влюбленный в присутствии своей любовницы.

— Что прикажете, ваше сиятельство? — спросил протоиерейский, охрипший от порсканья бас, и два черные блестящие глаза взглянули исподлобья на замолчавшего барина. “Что, или не выдержишь?” — как будто сказали эти два глаза.

— Хорош денек, а? И гоньба и скачка, а? — сказал Николай, чеша за ушами Милку.

Данило не отвечал и помигал глазами.

— Увырку посылай послушать на заре, — сказал его бас после минутного молчания, — сказывал в отраденский заказ *перевела*, там выли. (Перевела значило то, что волчица, про которую они оба знали, перешла с детьми в отраденский лес, который был за две версты от дома и который был небольшое отъемное место.)

— А ведь ехать надо? — сказал Николай. — Приди-ка ко мне с Уваркой.

— Как прикажете!

— Так погоди же кормить.

— Слушаю.

Через пять минут Данило с Уваркой стояли в большом кабинете Николая. Несмотря на то, что Данило был невелик ростом, видеть его в комнате производило впечатление, подобное тому, как когда видишь лошадь или медведя на полу между мебелью и условиями людской жизни. Данило сам это чувствовал и, как обыкновенно, стоял у самой двери, стараясь говорить тише, не двигаться, чтобы не поломать как-нибудь господских покоев, и стараясь поскорее все высказать и выйти на простор, из-под потолка под небо.

Окончив расспросы и выпытав сознание Данилы, что собаки ничего (Даниле и самому хотелось ехать), Николай велел седлать» (*Толстой Л. Н. Война и мир*).

«Николай Ростов между тем стоял на своем месте, ожидая зверя. По приближению и отдалению гона, по звукам голосов известных ему собак, по приближению, отдалению и возвышению голосов доезжающих он чувствовал то, что совершалось в острове. Он знал, что в острове были прибылые (молодые) и матерые (старые) волки; он знал, что гончие разбились на две стаи, что где-нибудь травили и что что-нибудь случилось неблагополучное. Он всякую секунду на свою сторону ждал зверя. Он делал тысячи различных предположений о том, как и с какой стороны побежит зверь и как он будет травить его. Надежда сменялась отчаянием. Несколько раз он обращался к Богу с мольбой о том, чтобы волк вышел на него; он молился с тем страстным и совестливым чувством, с которым молятся люди в минуты сильного волнения, зависящего от ничтожной причины. “Ну что тебе стоит, — говорил он Богу, — сделать это для меня! Знаю, что Ты велик и что грех Тебя просить об этом; но, ради Бога, сделай, чтобы на меня вылез матерый и чтобы Карай, на глазах дядюшки, который вон оттуда смотрит, впелся ему мертвой хваткой в горло”. Тысячу раз в эти полчаса упорным, напряженным и беспокойным взглядом окидывал Ростов опушку лесов с двумя редкими дубами над осиновым подседом, и овраг с измытым краем, и шапку дядюшки, чуть видневшегося из-за куста направо.

“Нет, не будет этого счастья, — думал Ростов, — а что бы стоило! Не будет! Мне всегда, и в картах, и на войне, во всем несчастье”. Аустерлиц и Долохов, ярко, но быстро сменяясь, мелькали в его воображении. “Только один раз бы в жизни затравить матерого волка, больше я не желаю!” — думал он, напрягая слух и зрение, оглядываясь налево и опять направо и прислушиваясь к малейшим оттенкам звуков гона. Он взглянул опять направо и увидел, что по пустынному полю навстречу к нему бежало что-то. “Нет, это не может быть!” — подумал Ростов, тяжело вздыхая, как вздыхает человек при совершении того, что было

долго ожидаемо им. Совершилось величайшее счастье — и так просто, без шума, без блеска, без ознаменования. Ростов не верил своим глазам, и сомнение это продолжалось более секунды. Волк бежал вперед и перепрыгнул тяжело рытвину, которая была на его дороге. Это был старый зверь с седой спиной и с наеденным красноватым брюхом. Он бежал неторопливо, очевидно убежденный, что никто не видит его. Ростов, не дыша, оглянулся на собак. Они лежали, стояли, не видя волка и ничего не понимая. Старый Карай, завернув голову и оскалив желтые зубы, сердито отыскивал блоху, щелкал ими на задних ляжках.

— Улюлюлю! — шепотом, оттопыривая губы, проговорил Ростов. Собаки, дрогнув железками, вскочили, насторожив уши. Карай дочесал свою ляжку и встал, насторожив уши, и слегка мотнул хвостом, на котором висели войлоки шерсти.

“Пускать? не пускать?” — говорил сам себе Николай в то время, как волк подвигался к нему, отделяясь от леса. Вдруг вся физиономия волка изменилась: он вздрогнул, увидав еще, вероятно, никогда невиданные им человеческие глаза, устремленные на него, и, слегка поворотив к охотнику голову, остановился. — назад или вперед? “Э! все равно вперед!..” — видно как будто сказал он сам себе и пустился вперед, уже не оглядываясь, мягким, редким, вольным, но решительным скоком.

— Улюлю!.. — не своим голосом закричал Николай, и сама собой стремглав понеслась его добрая лошадь под гору, перескакивая через водомоины впоперечь волку; и еще быстрее, обогнав ее, понеслись собаки. Николай не слышал своего крика, не чувствовал того, что сам скачет, не видал ни собак, ни места, по которому он скачет; он видел только волка, который, усилив свой бег, скакал, не переменяя направления, по лощине. Первая показалась вблизи зверя черно-пегая, широкозадая Милка и стала приближаться к зверю. Ближе, ближе... вот она приспела к нему. Но волк чуть покосился на нее, и, вместо того, чтобы наддать, как это она всегда делала, Милка вдруг, подняв хвост, стала упирается на передние ноги.

— Улюлюлюлю! — кричал Николай.

Красный Любим выскочил из-за Милки, стремительно бросился на волка и схватил его за гачи (ляжки задних ног), но в ту же секунду испуганно перескочил на другую сторону. Волк присел, щелкнул зубами и опять поднялся и поскакал вперед, провожаемый на аршин расстояния всеми собаками, не приближавшимися к нему.

“Уйдет! Нет, это невозможно!” — думал Николай, продолжая кричать охрипшим голосом.

— Карай! Улюлю!.. — кричал он, отыскивая глазами старого кобеля, единственную свою надежду. Карай из всех своих старых сил, вытянувшись, сколько мог, глядя на волка, тяжело скакал в сторону от зверя, наперерез ему. Но по быстроте скока волка и медленности скока собаки было видно, что расчет Карая был ошибочен. Николай уже не далеко впереди себя видел тот лес, до которого добежав, волк уйдет наверное. Впереди показались собаки и охотник, скакавший почти навстречу. Еще была надежда. Незнакомый Николаю муругий молодой длинный кобель чужой своры стремительно подлетел спереди к волку и почти опрокинул его. Волк быстро, как нельзя было ожидать от него, приподнялся и бросился к муругому кобелю, щелкнул зубами — и окровавленный, с распоротым боком кобель, пронзительно завизжав, ткнулся головой в землю.

— Караюшка! Отец!.. — плакал Николай.

Старый кобель с своими мотавшимися на ляжках клоками, благодаря происшедшей остановке, перерезывая дорогу волку, был уже в пяти шагах от него. Как будто почувствовав опасность, волк покосился на Карая, еще дальше спрятав полено (хвост) между ног, и наддал скоку. Но тут — Николай видел только, что что-то сделалось с Караем, — он мгновенно очутился на волке и с ним вместе повалился кубарем в водомоину, которая была перед ними.

Та минута, когда Николай увидал в водомоине копошащихся с волком собак, из-под которых виднелась седая шерсть волка, его вытянувшаяся задняя нога и с прижатыми ушами испуганная и задыхаю-

щаяся голова (Карай держал его за горло), — минута, когда увидел это Николай, была счастливейшею минутою его жизни. Он взялся уже за луку седла, чтобы слезть и колотить волка, как вдруг из этой массы собак высунулась вверх голова зверя, потом передние ноги стали на край водомоины. Волк лякнул зубами (Карай уже не держал его за горло), выпрыгнул задними ногами из водомоины и, поджав хвост, опять отделившись от собак, двинулся вперед. Карай с ошетилившейся шерстью, вероятно ушибленный или раненый, с трудом вылез из водомоины.

— Боже мой! За что?.. — с отчаянием закричал Николай.

Охотник дядюшки с другой стороны скакал наперерез волку, и собаки его опять остановили зверя. Опять его окружили.

Николай, его стремянной, дядюшка и его охотник вертелись над зверем, улюлюкая, крича, всякую минуту собираясь слезть, когда волк садился на зад, и всякий раз пускаясь вперед, когда волк встряхивался и подвигался к засеке, которая должна была спасти его.

Еще в начале этой травли Данило, услышав улюлюканье, выскочил на опушку леса. Он видел, как Карай взял волка, и остановил лошадь, полагая, что дело было кончено. Но когда охотники не слезли, волк встряхнулся и опять пошел наутек, Данило выпустил своего бурого не к волку, но прямой линией к засеке так же, как Карай, — наперерез зверю. Благодаря этому направлению он подскакивал к волку в то время, как во второй раз его остановили дядюшкины собаки.

Данило скакал молча, держа вынутый кинжал в левой руке и, как цепом, молоча своим арапником по подтянутым бокам бурого.

Николай не видал и не слышал Данилы до тех пор, пока мимо самого его не пропыхтел, тяжело дыша, бурый, и он услышал звук падения тела и увидел, что Данило уже лежит в середине собак на задку волка, стараясь поймать его за уши. Очевидно было и для собак, и для охотников, и для волка, что теперь все кончено. Зверь, испуганно прижав уши, старался подняться, но собаки облепили его. Данило, привстав, сделал пада-

ющий шаг и всею тяжестью, как будто ложась отдыхать, повалился на волка, хватая его за уши. Николай хотел колоть, но Данило прошептал: “Не надо, соструним”, — и, переменив положение, наступил ногой на шею волку. В пасть волку заложили палку, завязали, как бы взнуздав его сворой, связали ноги, и Данило раза два с одного бока на другой перевалил волка.

С счастливыми, измученными лицами живого матерого волка взвалили на шарахающую и фыркающую лошадь и, сопутствуемые визжавшими на него собаками, повезли к тому месту, где должны были все собраться. Охотники съезжались с своими добычами и рассказами, и все подходили смотреть матерого волка, который, свесив свою лобастую голову с закушенной палкой во рту, большими стеклянными глазами смотрел на всю эту толпу собак и людей, окружавших его. Когда его трогали, он, вздрагивая завязанными ногами, дико и вместе с тем просто смотрел на всех.

Граф Илья Андреич тоже подъехал и потрогал волка.

— О, материщий какой, — сказал он. — Матерый, а? — спросил он у Данилы, стоявшего подле него.

— Матерый, ваше сиятельство, — отвечал Данило, поспешно снимая шапку.

Граф вспомнил своего прозванного волка и свое столкновение с Данилой.

— Однако, брат, ты сердит, — сказал граф. Данило ничего не сказал и только застенчиво улыбнулся детски-кроткой и приятной улыбкой» (*Толстой Л. Н. Война и мир*).

«Из-под чужих гончих»

В XVIII столетии отношения между соседями-помещиками бывали самые разные, но, как правило, жили они дружно. Быть может, потому, что виделись редко, — годы, если не десятилетия занимала армейская служба. Век спустя, в XIX, не служа или вовсе выйдя в отставку, вчерашние офицеры занимались благоустройством поместий, постигали таинства

сельского хозяйства, растили детей, но основным увлечением продолжала оставаться все та же охота. Однако звук рожка или рога, что звончатым либо низким глуховатым эхом расслаивался в лесных угодах или заливисто пел посреди упругих полевых увалов, далеко не всегда возвещал о безоблачных минутах гона. И чем беднее становились поместья, тем чаще доводилось сталкиваться интересам соседей. Мелели усадьбы, но учащались ссоры. Иной раз сталкивались и охотами, завершая мирную гоньбу неожиданными комуфлетами. Но даже и здесь все старались урезонить осерчавших противников.

«Старый граф поехал домой. Наташа с Петей остались с охотой, обещаясь сейчас же приехать. Охота пошла дальше, так как было еще рано. В середине дня гончих пустили в поросший молодым частым лесом овраг. Николай, стоя на жнивье, видел всех своих охотников.

Насупротив от Николая были зеленыя, и там стоял его охотник, один в яме за выдавшимся кустом орешника. Только что завели гончих, Николай услышал редкий гон известной ему собаки — Волторна; другие собаки присоединились к нему, то замолкая, то опять принимаясь гнать. Через минуту из острова подали голос по лисе, и вся стая, свалившись, погнала по отвершку, по направлению к зеленым, прочь от **Николая**.

Он видел скачущих выжлятников в красных шапках по краям поросшего оврага, видел даже собак и всякую секунду ждал того, что на той стороне, на зеленых, покажется лисица.

Охотник, стоявший в яме, тронулся и выпустил собак, и Николай увидал красную, низкую, странную лисицу, которая, распушив трубу, торопливо неслась по зеленым. Собаки стали спеть к ней. Вот приблизились, вот кругами стала она вилять между ними, все чаще и чаще делая эти круги и обводя вокруг себя пушистой трубой (хвостом), и вот налетела чья-то белая собака, и вслед за ней черная, и все смешалось, и звездой, врозь расставив зады, чуть колеблясь, стали собаки. К собакам подскакали два

охотника: один в красной шапке, другой, чужой, в зеленом кафтане.

“Что это такое? — подумал Николай. — Откуда взялся этот охотник? Это не дядюшкин”.

Охотники отбили лисицу и долго, не тороча, стояли пешие. Около них на чумбурах стояли лошади с своими выступами седел и лежали собаки. Охотники махали руками и что-то делали с лисицей. Оттуда же раздался звук рога — условленный сигнал драки.

— Это илагинский охотник что-то с нашим Иваном бунтует, — сказал стремянный Николая.

Николай послал стремянного позвать к себе сестру и Петю и шагом поехал к тому месту, где доезжачие собирали гончих. Несколько охотников поскакали к месту драки.

Николай, слезши с лошади, остановился подле гончих с подъехавшими Наташей и Петей, ожидая сведений о том, чем кончится дело. Из-за опушки выехал дравшийся охотник с лисицей в тороках и подъехал к молодому барину. Он издалека снял шапку и старался говорить почтительно; но он был бледен, задыхался, и лицо его было злобно. Один глаз у него был подбит, но он, вероятно, и не знал этого.

— Что у вас там было? — спросил Николай.

— Как же, из-под наших гончих он травить будет! Да и сука-то моя мышастая поймала. Поди, судись! За лисицу хватает! Я его лисицей ну катать. Отдай, в тороках. А этого хочешь? — говорил охотник, указывая на кинжал и, вероятно, воображая, что он все еще говорит с своим врагом.

Николай, не разговаривая с охотником, попросил сестру и Петю подождать его и поехал на то место, где была эта враждебная илагинская охота.

Охотник-победитель въехал в толпу охотников и там, окруженный сочувствующими любопытными, рассказывал свой подвиг.

Дело было в том, что Илагин, с которым Ростовы были в ссоре и процессе, охотился в местах, по обычаю принадлежавших Ростовым, и теперь как будто нарочно велел подъехать к острову, где охотились Ростовы, и позволил травить своему охотнику из-под чужих гончих.

Николай никогда не видел Илагина, но, как и всегда в своих суждениях и чувствах не зная середины, по слухам о буйстве и своеволье этого помещика, всей душой ненавидел его и считал своим злейшим врагом. Он озлобленно-взволнованный ехал теперь к нему, крепко сжимая арапник в руке, в полной готовности на самые решительные и опасные действия против своего врага.

Едва он выехал за уступ леса, как он увидел подвигающегося ему навстречу толстого барина в бобровом картузе, на прекрасной вороной лошади, сопровождаемого двумя стрелянными.

Вместо врага Николай нашел в Илагине представителя, учтвого барина, особенно желавшего познакомиться с молодым графом. Подъехав к Ростову, Илагин приподнял бобровый картуз и сказал, что очень жалеет о том, что случилось; что велит наказать охотника, позволившего себе травить из-под чужих собак, просил графа быть знакомым и предлагал ему свои места для охоты.

Наташа, боявшаяся, что брат ее наделает что-нибудь ужасное, в волнении ехала недалеко за ним. Увидав, что враги дружелюбно раскланиваются, она подъехала к ним. Илагин еще выше приподнял свой бобровый картуз перед Наташей и, приятно улыбувшись, сказал, что графиня представляет Диану и по страсти к охоте, и по красоте своей, про которую он много слышал.

Илагин, чтобы загладить вину своего охотника, настоятельно просил Ростова пройти в его угорь, который был в версте, который он берег для себя и в котором было, по его словам, насыпано зайцев. Николай согласился, и охота, еще вдвое увеличившаяся, тронулась дальше.

Идти до илагинского угорья надо было полями. Охотники разровнялись. Господа ехали вместе. Дядюшка, Ростов, Илагин поглядывали тайком на чужих собак, стараясь, чтобы другие этого не заметили, и с беспокойством отыскивали между этими собаками соперниц своим собакам.

Ростова особенно поразила своей красотой не-

большая чистопсовая, узенькая, но с стальными мышцами, тоненьким щипцом (мордой) и навывкате черными глазами, краснопегая сучка в своре Илагина. Он слышал про резвость илагинских собак и в этой красавице-сучке видел соперницу своей Милке» (Толстой Л. Н. Война и мир).

«Чистое дело марш!»

Иван Тургенев был абсолютно прав, когда утверждал, что «всякий охотник до ружья и до собаки — страстный почитатель благороднейшего животного в мире: лошади». Но именно в охоте предпочтение отдавалось собакам. И знаменитые на весь мир русские борзые и гончаки стоили по тем далеким временам и сотни, и даже тысячи полновесных и достойных русских рублей.

В дореформенные времена строители конюшен были всегда в большой цене и высокой чести, но и псарные дворы ценились не меньше. А уход за собаками, отлаженный и отмеренный их рацион продумывался также скрупулезно, как подбор для них псарей и егерей.

Обычно в российских губерниях были хорошо слышаны об именных охотах местных помещиков. Знали, конечно, о цене свор и отдельных особей. Величина суммы являлась своеобразной визитной карточкой для той или иной быстроногой спутницы хозяина. Но случались и неожиданности. Скромные, бедные помещики, число которых непомерно росло с убыванием века, были не в состоянии позволить себе участие в шикарных «ездах». Охотились они в одиночку либо с одним-двумя своими ближайшими приятелями, такими же несостоятельными дворянами.

Но бывало, правда, что приглашали поохотиться за компанию их же собственные состоятельные родственники. И порой оказывалось, что какой-то безвестный кобель или сука заштатного помещика обставляли в гоне прославленных губернских борзых.

«В середине степенного разговора об урожае ны-

нешнего года, который завел Илагин, Николай указал ему на его красно-пегую суку.

— Хороша у вас эта сучка! — сказал он небрежным тоном. — Резва?

— Эта? Да, эта добрая собака, ловит, — равнодушным голосом сказал Илагин про свою красно-пегую Ерзу, за которую он год тому назад отдал соседу три семьи дворовых. — Так и у вас, граф, умолотом не хвалятся? — продолжал он начатый разговор. И считая учтивым отплатить тем же молодому графу, Илагин осмотрел его собак и выбрал Милку, бросившуюся ему в глаза своей шириной.

— Хороша у вас эта черно-пегая — ладна! — сказал он.

— Да, ничего, скачет, — отвечал Николай. “Вот только бы побежал в поле русак матерый, я бы тебе показал, какая это собака!” — подумал он. И, обернувшись к стремянному, сказал, что он даст рубль тому, кто подóзрит, то есть найдет лежачего зайца.

— Я не понимаю, — продолжал Илагин, — как другие охотники завистливы на зверя и на собак. Я вам скажу про себя, граф. Меня веселит, знаете, проехаться; вот съедешься с такой компанией... уж чего же лучше (он снял опять свой бобровый картуз перед Наташей); а это, чтобы шкуры считать, сколько привез, — мне все равно!

— Ну да.

— Или чтобы мне обидно было, что чужая собака поймает, а не моя, — мне только бы полюбоваться на травлю, не так ли, граф? Потому я сужу...

— Агу — его! — слышался в это время протяжный крик одного из остановившихся борзятников. Он стоял на полубугре жнивья, подняв арапник, и еще раз повторил протяжно: — А — ту — его! (Звук этот и поднятый арапник означали то, что он видит перед собой лежачего зайца.)

— А, подозрил, кажется, — сказал небрежно Илагин. — Что же, потрафим, граф.

— Да, подъехать надо... да что ж, вместе? — отвечал Николай, взглядываясь в Ерзу и в красного Ругая дядюшки, в двух своих соперников, с которыми еще

ни разу ему не удалось поравнять своих собак. “Ну что как с ушей оборвут мою Милку!” — думал он, рядом с дядюшкой и Илагиным подвигаясь к зайцу.

— Матерый? — спрашивал Илагин, подвигаясь к подозрившему охотнику и не без волнения оглядываясь и подсвистывая Ерзу...

— А вы, Михаил Никанорыч? — обратился он к дядюшке. Дядюшка ехал, насупившись.

— Что мне соваться! Ведь ваши — чистое дело марш! — по деревне за собаку плачены, ваши тысячные. Вы померяйте своих, а я посмотрю!

— Ругай! На, на! — крикнул он. — Ругаюшка! — прибавил он, невольно этим уменьшительным выражая свою нежность и надежду, возлагаемую на этого красного кобеля. Наташа видела и чувствовала скрываемое этими двумя стариками и ее братом волнение и сама волновалась.

Охотник на полугорке стоял с поднятым арапником, господа шагом подъезжали к нему; гончие, шедшие на самом горизонте, заворачивали прочь от зайца; охотники, не господа, тоже отъезжали. Все двигалось медленно и степенно.

— Куда головой лежит? — спросил Николай, подъезжая шагов на сто к подозрившему охотнику. Но не успел еще охотник отвечать, как русак, чуя мороз к завтрашнему утру, не вылежал и вскочил. Стая гончих, на смычках, с ревом понеслась под гору за зайцем; со всех сторон борзые, не бывшие на сворах, бросились на гончих и к зайцу. Все эти медленно двигавшиеся охотники — выжлятники, криком: “стой!”, сбивая собак, борзятники, криком: “ату!”, направляя собак, — поскакали по полю. Спокойный Илагин, Николай, Наташа и дядюшка летели, сами не зная как и куда, видя только собак и зайца и боясь только потерять хоть на мгновение из вида ход травли. Заяц попался матерый и резвый. Вскочив, он не тотчас же поскакал, а повел ушами, прислушиваясь к крику и топоту, раздававшемуся вдруг со всех сторон. Он прыгнул раз десять не быстро, подпуская к себе собак, и, наконец, выбрав направление и поняв опасность, приложил уши и понесся во все ноги. Он лежал на

жнивьях, но впереди были зелены, по которым было топко. Две собаки подозрившего охотника, бывшие ближе всех, первые воззрились и заложились за зайцем; но еще далеко не подвинулись к нему, как из-за них вылетела илагинская красно-пегая Ерза, приблизилась на собаку расстояния, с страшной быстротой наддала, нацелившись на хвост зайца, и, думая, что она схватила его, покатила кубарем. Заяц выгнул спину и наддал еще шибче. Из-за Ерзы вынеслась широкозадая черно-пегая Милка и быстро стала спеть к зайцу.

— Милушка, матушка! — послышался торжествующий крик Николая. Казалось, сейчас ударит Милка и подхватит зайца, но она догнала и пронеслась. Русак отсел. Опять надела красавица Ерза и над самым хвостом русака повисла, как будто примеряясь, как бы не ошибиться теперь, схватить за заднюю ляжку.

— Ерзынька! сестрица! — послышался плачущий, не свой голос Илагина. Ерза не вняла его мольбам. В тот самый момент, как надо было ждать, что она схватит русака, он вихнул и выкатил на рубеж между зелеными и жнивьем. Опять Ерза и Милка, как дышловая пара, выровнялись и стали спеть к зайцу; на рубеже русаку было легче, собаки не так быстро приближались к нему.

— Ругай! Ругаюшка! Чистое дело марш! — закричал в это время еще новый голос, и Ругай, красный, горбатый кобель дядюшки, вытягиваясь и выгибая спину, сравнялся с первыми двумя собаками, выдвинулся из-за них, наддал с страшным самоотвержением уже над самым зайцем, сбил его с рубежа на зеленя, еще злей наддал другой раз по грязным зеленым, утопая по колена, и только видно было, как он кубарем, пачкая спину в грязь, покатился с зайцем. Звезда собак окружила его. Через минуту все стояли около столпившихся собак. Один счастливый дядюшка слез и отпазанчил. Потряхивая зайца, чтобы стекала кровь, он тревожно оглядывался, бегая глазами, не находя положения рукам и ногам, и говорил, сам не зная с кем и что. “Вот это дело марш... вот собак... вот вытянул всех, и тысячных и рублевых — чистое дело

марш!” — говорил он, задыхаясь и злобно оглядываясь, как будто ругая кого-то, как будто все были его враги, все его обижали и только теперь, наконец, ему удалось оправдаться. “Вот вам и тысячные — чистое дело марш!”

— Ругай, нá пазанку! — говорил он, кидая отрезанную лапу с налипшей землей. — Заслужил, чисто дело марш!

— Она вымахалась, три угонки дала одна, — говорил Николай, тоже не слушая никого и не заботясь о том, слушают ли его или нет.

— Да это что же, впоперечь! — говорил илагинский стремянный.

— Да как осеклась, так с угонки всякая дворняжка поймает, — говорил в то же время Илагин, красный, насилу переводивший дух от скачки и волнения. В то же время Наташа, не переводя духа, радостно и восторженно визжала так пронзительно, что в ушах звенело. Она этим визгом выражала все то, что выражали и другие охотники своим единовременным разговором. И визг этот был так странен, что она сама должна бы была стыдиться этого дикого визга и все бы должны были удивиться ему, ежели бы это было в другое время. Дядюшка сам второчил русака, ловко и бойко перекинул его через зад лошади, как бы упрекая всех этим перекидыванием, и с таким видом, что он и говорить ни с кем не хочет, сел на своего каурого и поехал прочь. Все, кроме него, грустные и оскорбленные, разъехались и только долго после могли прийти в прежнее притворство равнодушия. Долго еще они поглядывали на красного Ругая, который, с испачканной грязью, горбатой спиной, побрякивая железкой, с спокойным видом победителя шел за ногами лошади дядюшки.

“Что ж, я такой же, как и все, когда дело не коснется до травли. Ну, а уж тут, держись!” — казалось Николаю, что говорил вид этой собаки.

Когда, долго после, дядюшка подъехал к Николаю и заговорил с ним, Николай был польщен тем, что дядюшка после всего, что было, еще достаивает говорить с ним...

Когда ввечеру Илагин распостился с Николаем, Николай оказался на таком далеком расстоянии от дома, что он принял предложение дядюшки оставить охоту, ночевать у него (у дядюшки) в его деревеньке Михайловке.

— И если бы заехали ко мне — чистое дело марш! — сказал дядюшка, — еще бы того лучше; видите, погода мокрая, — говорил дядюшка, — отдохнули бы, графинечку бы отвезли в дрожках. — Предложение дядюшки было принято, за дрожками послали охотника в Отрадное; а Николай с Наташей и Петей поехали к дядюшке.

Человек пять, больших и малых, дворовых мужчин высыпало на парадное крыльцо встречать барина. Десятки женщин, старых, больших и малых, высунулись с заднего крыльца смотреть на подъезжавших охотников. Присутствие Наташи, женщины, барыни верхом, довело любопытство дворовых дядюшки до тех пределов удивления, что многие, не стесняясь ее присутствием, подходили к ней, заглядывали ей в глаза и при ней делали о ней свои замечания, как о показываемом чуде, которое не человек и не может слышать и понимать, что говорят о нем.

— Аринка, глянь-ка, на бочкю сидит! Сама сидит, а подол болтается... Вишь, и рожок!

— Батюшки-светы, ножик-то!..

— Вишь, татарка!

— Как же ты не перекувырнулась-то? — говорила самая смелая, прямо уж обращаясь к Наташе.

Дядюшка слез с лошади у крыльца своего деревянного, заросшего садом домика и, оглянув своих домочадцев, крикнул повелительно, чтобы лишние отошли и чтобы было сделано все нужное для приема гостей и охоты.

Все разбежалось. Дядюшка снял Наташу с лошади и за руку провел ее по шатким дощатым ступеням крыльца» (Толстой Л. Н. Война и мир).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Язык мушек

Круглые мушки назывались «убийцами». Мушка, приклеенная посередине лба, называлась «величественная», в углу глаза приклеивали «пылкую», на носу — «бесстыдницу», на губах — «кокетку», наклеенная около глаза — «страстная»; в углу рта «охотница до поцелуев»; на носу — «нахалка»; посреди щеки — «щегольская»; на ямочке щеки, образующейся при смехе, — «развеселая»; на нижней губе — «скромная».

Мушки скрывали недостатки на лице: если вскакивал прыщик, его немедленно заклеивали мушкой-«укрывающей». Мушки помогали обманывать бдительность ревнивцев: расположенные на лице известным образом, они, например, обозначали час условленного свидания. И грим, и мушки были необходимым дополнением к пудренным волосам, придавали законченность всему облику и костюму в целом (Дворянский язык изящных чувств и жестов. М., 2001).

Язык верных знаков

Язык этот был известен уже в галантную эпоху рококо. С помощью веера назначались свидания (количество открытых лопастей указывало на его час), принималась или отвергалась чья-либо любовь.

В эпоху ампира появились веера с вмонтированными в них лорнетками или моноклями, а также веера с тюлевыми прозрачными вставками, что позволяло дамам, прикрываясь веером, бросать кокетливые взгляды.

В эпоху романтизма язык вееров постепенно изживает себя, его заменяет сентиментальная переписка. К середине XIX века, когда интерес к XVIII веку возник вновь, кокетки стали возрождать язык вееров. Приведенное ниже описание значения цвета и положения веера следует, по-видимому, отнести к 1850—1860-м годам, на что указывают ставшие в то время модными цвета: лиловый, фиолетовый, красный, а также упоминание о расшитых блестками веерах.

Как известно, электрическое освещение, не согревавшее, подобно свечному и масляному, бальных залов и гостиных, в конце XIX века вытеснило этот хрупкий предмет женского туалета из обихода.

Чтобы веером сказать «да», следует приложить веер левой рукой к правой щеке.

«Нет» — приложить открытый веер левой рукой к левой щеке.

«Я тебя люблю» — правой рукой указать открытым веером на сердце.

«Ты мой идеал» — дотронуться открытым веером до губ и сердца.

«Я вас люблю» — сделать закрытым веером движение в сторону.

«Я к вам не чувствую приязни» — открыть и закрыть веер, держа его у рта.

«Мои мысли всегда с тобой» — наполовину открыть веер и провести им несколько раз по лбу.

«Верить ли вашим словам?» — закрытый веер держать у левого локтя.

«Будьте осторожны, за нами следят» — открытым веером дотронуться до левого уха.

«Мои слова не должны быть переданы другим» — правой рукой держать открытый веер и прикрыть им левую щеку.

«Твои слова умны» — приложить закрытый веер ко лбу.

«Хочешь меня выслушать?» — открыть и закрыть веер.

«Выскажись яснее» — наклонить голову, рассматривать закрытый веер.

«Не приходи поздно» — правую сторону открытого веера держать перед тем, с кем ведется разговор, а затем быстро закрыть его.

«Я не приду» — держать левую сторону открытого веера перед тем, с кем идет разговор.

«Я приду» — держа веер левой рукой перед тем, кому дается знак, прижать веер к груди и затем быстро махнуть в сторону собеседника.

«Я жду ответа» — ударить закрытым веером по ладони.

«Я буду исполнять твои желания» — открыть веер правой рукой и снова закрыть.

«Делай, как я хочу» — закрытый веер держать посередине.

«Не приходи сегодня» — провести закрытым веером по наружной стороне руки.

«Ты меня огорчил» — быстро закрыть веер и держать его между сложенными руками.

«Прости меня» — сложить руки под открытым веером.

«Я хочу с тобой танцевать» — открытым веером махнуть к себе, то есть поманить.

«Я сделалась недоверчива» — барабанить закрытым веером по ладони левой руки.

«Молчи, нас подслушивают» — дотронуться закрытым веером до губ.

«Приходи, я буду довольна» — держа открытый веер в правой руке, медленно сложить его в ладонь левой руки.

Если собеседник, пользующийся особым расположением, просит веер, то следует подать его верхним концом, что означает не только симпатию, но и любовь.

Для выражения презрения подать веер нижним концом (ручкой). Подавать же веер открытым не следует, так как

это означает просьбу или же просто напрашивание на любовь».

Значение цвета в веерах

Белый — невинность.

Черный — печаль.

Красный — радость, счастье.

Желтый — отказ.

Лиловый — смирение, искренность.

Голубой — постоянство, верность.

Зеленый — надежда.

Коричневый — недолговременное счастье.

Розовый с голубым — любовь и верность.

Шитый золотом — богатство.

Шитый серебром — скромность.

Убранный блесками — твердость и доблесть (Самый новый и полный оракул. Евдокия Коновалова и К^о. М., 1915).

Язык перчаток

Кроме вышеуказанных секретных знаков для передачи сентиментальных чувств в XIX веке существовал язык перчаток. Особенно он был популярен в периоды, когда в моду входили длинные перчатки — в 1820-е, 1870-е и 1900-е годы.

Чтобы выразить «да», перчатку следует как бы нечаянно обронить.

«Нет» — просто теревить перчатки рукой.

«Я к вам равнодушна» — опустить перчатку до половины левой руки.

«Не уходите» — слегка ударить, как бы шутя, по левому плечу.

«Я вас не люблю» — дотронуться перчаткой до подбородка.

«Я вас ненавижу» — выверотить перчатки наизнанку.

«Я вас люблю» — выронить разом обе перчатки.

«Будьте осторожны, за нами следят» — обернуть перчатку вокруг пальцев.

«Надейся» — дотронуться перчаткой до левого плеча.

«Мне хотелось бы быть около тебя» — разглаживать перчатки в руке.

«Вы меня оскорбили» — свернуть перчатки и спрятать их совсем.

«Я хочу с тобой танцевать» — взять за пальцы перчатки, поманить ими.

«Прости меня» — перчатку правой руки приложить к сердцу.

«Мужайтесь» — встряхнуть перчатку.

Досаду или неудовольствие выражают сильным ударом по руке перчатками (Самый новый и полный оракул. Евдокия Коновалова и К^о. М., 1915).

Язык цветов

- Акация — любовь платоническая.
Аконит (пострел) — месть.
Амарант (бархатник) — бессмертие.
Амариллис (светлана) — кокетство.
Анемон — непорочность.
Астра китайская — непорочность.
Базилика — бедность.
Бальзамин — предусмотрительность.
Барвинок — приятное воспоминание.
Бирючина — защита.
Боярышник — благоразумие, чистосердечие.
Буквица белая (скороспелка) — молодость, желание любить.
Буль-де-неж — клевета.
Валериана — легкость.
Василек — возвышенное чувство, меланхолия.
Вахта — тишина, спокойствие.
Вьюнок трехцветный (бель-де-жур) — неверность.
Гвоздика — чувствование.
Гераний мускусный — уважение.
Гераний розовый — слабость, изнеможение.
Гераний, имеющий запах лимона, — своенравие, причуды.
Гиацинт — скорбь.
Гортензия — любовь постоянная.
Гранатовое дерево — честолюбие.
Дрок (душица) — слабая надежда.
Дубровка — более на тебя гляжу, более тебя люблю.
Дягиль — восхищение.
Железняк — очарование.
Иван-да-марья — воспоминание.
Иммортель — постоянство вечное.
Ирис (касатик) — доверие.
Кавалерийские шпоры — ветренность.
Каприфолий — узы любви.
Кипарис — печаль, слезы.
Колокольчик — болтливость.
Кресс индийский (настурций) — молчаливость.
Лавровое дерево (дафна) с розовыми цветами — означает красоту и признание, а с белыми цветами — нерешимость в любви.
Ландыш — ветренность, равнодушие.
Левкой — счастье, симпатия.
Лилия — непорочность, величие.
Лимонное дерево — желание вести переписку.
Майоран — всегда счастлив.
Мак — бессилие.
Маргаритка — я о том подумаю.
Медвежья лапа — узы неразрывные.
Медвежье ушко — обольщение.
Миндальное дерево — ветренность, безрассудство.

Мирт — любовь, взаимная любовь.
Мята — пламенная любовь.
Нарцисс — себялюбие.
Незабудка — не забудь меня.
Не-тронь-меня — чувствительность.
Ноготки — мука, скорбь.
Плющ — взаимная любовь.
Подсолнечник — интриги, сплетни.
Полынь — горесть, огорчение.
Померанцевое дерево — кротость, приятность.
Пустоцвет — предзнаменование.
Ранункул — нетерпеливость.
Резеда — кратковременное счастье.
Роза алая — нежность, юность, свежесть.
Роза белая — невинность.
Роза дикая — простота.
Роза желтая — бесчестие, вероломство.
Розмарин — откровенность.
Серебреник — гордость.
Сирень белая — презрение.
Сирень лиловая — первое чувство любви.
Скабиоза — пренебрежение.
Снежнянка — надежда.
Тимиан — деятельность.
Тубероза — сластолюбие.
Тюльпан — объяснение в любви.
Фиалка — стыдливость, скромность.
Элиотроп — упоение любви, отдаюшь во власть тебе.
Ялаппа (бель-де-нюи) — убегает и страшится любви.
Ясмин белый — любовь, страсть (Язык цветов или описание эмблематических значений, символов и мифологического происхождения цветов и растений. Посвящение прекрасному полу. СПб., 1849).

Аби (*фр.* *habut*) — в XIX столетии этим кратким словом называли фрак. А веком раньше так величали распространенный среди дворян мужской костюм. Его полное название было «аби а ля француз». Одежда эта — без воротника. Плотно облегает верхнюю часть фигуры, особо подчеркивая талию. С узкими плечами и рукавами с расширяющимися обшлагами. Книзу расширяется за счет нескольких складок-фалд. Вместо воротника лишь узкая стойка. Русские дворяне шили аби из шелковых и бархатных тканей.

На грани XVIII и XIX веков более сложный силуэт аби становится придворной одеждой, да и то употребляемой в особо торжественных случаях. Его называют «аби де ля кур». Тот, который попроще, продолжает называться аби.

Абрикосовая водка — отменный спиртной напиток, который изготавливался в России в XIX столетии.

Авертиссёр (*фр.* *avertisseur* — уведомитель) — в русских усадьбах, в самых торжественных случаях специальные лица, извещавшие гостей о появлении очередного блюда.

Авсень, овсень — древнеславянское блюдо. Название связано с одноименным языческим праздником — первой встречей весны, проводившейся 1 марта по старому стилю. Праздник авсень был распространен во многих губерниях Центральной России. Само блюдо, подававшееся к столу в этот день, состояло из отварного языка и мозгов. К ним полагались чеснок и печеные антоновские яблоки. К середине XIX столетия это древнерусское кушанье постепенно забывалось, сохранялось только в некоторых дворянских усадьбах глубинной России.

Агафьин день — День хлеба и соли. Отмечали его 18 февраля (5 февраля по старому стилю). В это время славяне освящали каравай хлеба и солонку соли, символы домашнего очага, и берегли в течение целого года. Считалось, что они надежно охраняют дом от пожара, а поле — от недорода. Если же и случался неожиданный пожар, то соль бросали в самое пламя, а хлеб — на поле, куда и отвлекали, таким образом, взбунтовавшийся огонь.

Праздник этот существовал в России и весь XIX век, но все его отличие от нынешних подношений «хлеба и соли» состояло в том, что тогда выносили не испеченный по случаю каравай, а именно тот, что был сбережен со времени праздника, то есть с Агафьиного дня. Праздник соблюдали в равной степени и русские крестьяне, и дворянство, прежде всего усадебное, непосредственно связанное с сельским хозяйством.

Аграмант (*фр.* *agreements* — прикрасы, украшения) — узорчатое плетение из шнура (шерстяного, шелкового) с серебряной, золотой нитью, используемое как украшение платья, головных уборов, штор, портьер, мягкой мебели в дворянском быту. Существовала фабрика, выпускавшая узорчатые плетехки из шнурков, так называемые витейки, витушки.

Аграфены день — поначалу языческий, а впоследствии русский народный праздник каши. Именно в этот день — 6 июля по старому стилю (23 июня) — было принято есть каши. На северо-западе страны — овсяную, а в центральной и южных губерниях — гречневую. Праздник включал также и состязания кашеваров.

Почтительное отношение к кашам бытовало не только среди простонародья. Каши находились и в рационе питания русского дворянства, причем не только среди «недостаточных», то есть бедных, дворян, но и людей с достатком.

Аделаида — красный оттенок липового цвета.

Аллюр (*фр.* allure — скорость движения) — виды движения лошадей. Это может быть шаг, рысь, галоп, карьер, иноходь, трусца.

Амбигю (*лат.* ambigere — соединять противоположное) — обед, на котором подавали на первое или на третье сразу два блюда — горячее и холодное, легкое и сытное. Наилучшим примером такого сочетания в русской кухне является подача на первое двух видов супов — горячих, мясных наваристых щей со сметаной и прозрачно-янтарной, легкой ботвиньи из свекольного и крапивного листа, щавеля с осетриной. Кроме того, к последнему первому подавали тарелку с колотым льдом для того, чтобы кусочками льда постоянно охлаждать ботвинью. Подобные амбигю бытовали у коренных, исконно русских дворян. Представители же российского западного дворянства предпочитали амбигю в духе французской кухни. Любили на десерт мороженое с ягодами — клубникой, земляникой, черной смородиной, которое заедали горячими бисквитами, кофе и печеньем.

Ангажант (*фр.* engageant — привлекательный) — отделка рукавов женских платьев, трехслойные кружевные оборки.

Ансамбль — совокупность зданий, образующих единую архитектурную композицию.

Антре (*фр.* entree — вход) — закуска, подающаяся за час-полтора до обеда. На званых парадных обедах в русских дворянских усадьбах закуску подавали в другом помещении, как правило, в приемной, смежной с парадным обеденным залом. В России былых времен, в частности XIX века, это преддверие обеда называлось закуски с подноса. Здесь же располагались и различные спиртные напитки, поскольку держать их на обеденном столе в зале считалось неприличным. Однако такого правила придерживались русские дворяне лишь в начале XIX века. В конце же столетия и подносная закуска, да и спиртное уже перебазировались в парадный обеденный зал.

Антреме (*фр.* entremets) — блюдо, подаваемое между кушаньями либо между основными блюдами, либо перед десертом. Например, французы к антреме относили сыры. В России же эту роль прекрасно исполняли пироги или каши.

Арапник (*польск.* herapnik) — длинный охотничий кнут с короткой рукоятью, на конце которой — «подцепка» для закрепления на кисти руки. Арапник снабжен и маленьким свинцовым набалдашником — «убойкой». Псовые охотники использовали арапник для вспугивания зверя и управления собаками.

Арка — криволинейное перекрытие между опорами или проем в стене.

Арлекин — гончая собака светло-серого окраса с мельчайшим черным крапом и синевато-белым цветом глаз.

По словам старых охотников, эта порода появилась в России со времен Персидской кампании.

Армяк — верхняя долгополая крестьянская одежда в виде халата из сукна или из грубой шерстяной ткани.

Архалук — легкий кафтан из цветной шерстяной или шелковой ткани, собранной у талии.

Баба — высокое, в виде усеченного конуса кондитерское изделие. Чем выше поднималась на дрожжах баба, замешенная на молоке, тем больше почитали мастерство кулинара. Особенно широко это кондитерское изделие было распространено в XIX веке. Появилось в России примерно в XVI—XVII веках. Существовало много разновидностей баб: ромовая, виноградная, фруктовая и т. д. Приготовлялось изделие в общей сложности около восьми часов. Поэтому в XIX столетии кулинары переключаются на изготовление так называемых бабок, то есть небольших баб.

Баклага — деревянный дорожный узкогорлый сосуд для хранения и переноса жидкостей. Использовалась охотниками.

Балдак — трость, палка, подпорка. Предназначалась для упора руки охотника, на которой сидит ловчая птица. Применялась при верховой охоте с ловчими птицами. Балдак выстругивается из твердых пород древесины. Верхняя его часть, сделанная в виде рогатки, обтягивается толстой кожей.

Балморал (*англ.* balmoral) — шотландский стиль, существовавший в интерьерах дворянских особняков и усадеб. Традиционная шотландская шапочка без полей, грубый башмак на шнуровке, пестротканая шерстяная юбка. Происходит от названия замка Балморал, расположенного в Шотландии.

Бандо (*фр.* bandeau) — дамская прическа, широко распространенная в дворянской среде в 1840—1860-х годах. Волосы гладко укладываются вниз от пробора, а сзади приподнимаются. Иногда они прикрывали уши.

Березовица — древнейший русский напиток. Приготавливался из весеннего березового сока, который помещали в бочки, где он должен был перебродить.

Бешамель — соус из сливок с луком. Подается к мясу. Как рассказывают, его изобрел гофмейстер французского короля Людовика XIV — Луи де Бешамель маркиз де Нуантель. В России придумали свой соус бешамель, добавив три столовые ложки свежестертого корня хрена.

Бить — плоская проволочная нить (медная, золотая либо серебряная) с особым зеркальным блеском. Использовалась в дворянских усадьбах, в частности для золотошвейной и золототканой работы.

Битки — старинное русское название отбивных котлет, приготовленных, как правило, из баранины.

Битый пирог — старинное название русских пирогов, простых в изготовлении, воздушных и необыкновенно сытых. Название произошло от теста, взбиваемого на яичных белках. Частенько подавали на десерт в скромных, небогатых усадьбах.

Блинник — слоеный пирог из блинов с яйцами, луком и гречневой кашей.

Блонды (*фр.* blonde — белокурый) — дорогое тончайшее плетеное кружево из шелка-сырца цвета слоновой кости. Им, в частности, отделялись бальные платья.

Бонбоньерка (*фр.* bonbon — конфета) — небольшая коробочка для конфет. Создавали бонбоньерки из фарфора и керамики, дерева и металла.

Борканник — старинный русский морковный пирог, который часто пекли в XIX веке в усадьбах Псковской, Новгородской и

Тверской губерний. Тесто готовили из ржаной муки, а начиняли пирог морковью с крутыми яйцами.

Брегет — карманные часы, изобретенные знаменитым французом часовщиком А. Л. Брегом (Breguet; 1747—1823). Почитались дороже иных драгоценностей. Уникальность их конструкции состояла в том, что они отбивали не только часы, но и доли часов, показывали числа месяца, стоило только нажать кнопку особой пружины. Да, кроме того, показывали еще и число месяца.

Броккар (*фр.* brocart) — изысканная и дорогая шелковая ткань, украшенная рисунком. При ее изготовлении используются серебряные и золотые нити. По внешнему виду похожа на парчу. Если в XVIII веке из брокара шились нарядные мужские аби, то позже ткань использовали для изготовления жилетов.

Броше (*фр.* broche) — шелковая ткань, характерная сложным переплетением с рисунком, имеющим рельефную поверхность, похожую на вышивку. Этот эффект достигался при помощи особого переплетения нитей утка и основы.

Бурнус (*фр.* burnous от *ар.* burnus) — накидка и верхняя одежда разного вида. Это простой плащ с широкими рукавами, а иногда и без них. Вошел он в моду предположительно в 30-е годы, когда форма рукавов «жиго» уже не позволяла носить редингот.

Буфет (*лат.* bufetum — блестящий, щегольской) — первое основное значение — шкаф для хранения принадлежности к столу. Нижнюю и верхнюю части буфета часто соединял раздаточный стол с нишей. Он был удобен для подготовки приборов, перед тем как вынести их к столу. От этого предмета мебели и помещение стали называть буфетной. В XIX веке, когда появляется необходимость отделять буфет от публики (в общественных заведениях), строятся специальные буфетные стойки.

Быки — старинное русское кушанье из овсяного толокна с растительным маслом. Пользовалось успехом в усадьбах Тверской, Владимирской и Ярославской губерний.

Вабельщик — охотник, умеющий имитировать вой волка.

Таким образом можно было выявить место нахождения зверя или волчьего выводка.

Валованчики (*фр.* vol-au-vent) — пирожки из пресного теста, подававшиеся к разным бульонам. Тесто печется отдельно от начинки, которая закладывается потом в специальную выемку, вырезанную в середине валованчика. Сверху пирожок закрывается тестом.

Вараховица — зеленая каша, одно из любимейших блюд не только простого народа, но и дворян. Лакомство готовили из зеленой недозрелой ржи. Появившись в XVIII веке, уже в XIX она начинает исчезать со столов крестьян.

Варенец — топленое молоко, выпаривавшееся в глиняных кринках русской печи и заквашенное сметаной.

Велигорка — гречневая крупа, отличающаяся от обычной ребристой ядрицы своей круглоокатанностью. Ее круглая, шаровидная форма создана искусственно, исключительно из эстетических соображений. По вкусу она уступает обычной ядрице да и почти полностью лишена питательных, целебных свойств. По одной из версий название крупа получила по имени гусара Михаила

Юрьевича Виельгорского, который заботился не только о вкусе блюд, но и о том, как они будут смотреться при подаче на стол.

Веселый стол — пирожный стол. На следующий день после свадьбы собирались вместе с новобрачными лишь самые близкие им люди, к столу подавали только чай и сладкое — пирожки, конфеты и т. п.

Вестон (*фр.* veston) — подобие пиджака, а также разновидность куртки, которые нередко использовали дворяне средней руки в качестве будничной, рабочей одежды.

Визитка (*фр.* visite — посещение) — род полужаке. Застегивалась на одну пуговицу. Появилась в середине XIX столетия. Носили ее с брюками в полосу.

Виндзор (*англ.* windsor) — холодный оттенок синего цвета. Уже не одно столетие мужские и женские костюмы цвета виндзор используются при официальных торжественных встречах, на дипломатических приемах и т. д.

Вкусня — яичница с небольшими кусочками белого хлеба, предварительно размоченного в молоке и слегка обжаренного в масле. Особенно популярно это блюдо становится в российских бедных разрушающихся усадьбах в конце XIX столетия.

Водички — натуральные прохладительные напитки, готовившиеся из ягодных соков: малины и клюквы, морозики и земляники, черной и красной смородины, крыжовника и черники, ежевики и клубники и воды.

Возок — зимняя крытая повозка на полозьях.

Волант (*фр.* volant — развивающийся, легкий) — неприталенное платье, использовалось в летнюю пору усадебной жизни во время отдыха, на пикниках.

Высворка — приучение борзых собак к охоте в своре.

Гимп (*фр.* guimpe — манишка) — крошечная пелеринка, сшитая без воротника. Ее особенность и шарм состояли в том, что гимп закрывала не только грудь, но и шею.

Гоголь-моголь — сбитые яичные желтки с сахаром, ромом или коньяком.

Дафния — старинное русское название лаврового листа. Термин этот перекочевал в Россию из Византии и применялся вплоть до XVIII столетия.

Дворецкий — управляющий хозяйством в помещичьих имениях России XVIII — начала XX века.

Дворик — территория вокруг приманки, которая огораживается частоколом из жердей с трех сторон. Это вынуждает зверя подойти к приманке с нужной стороны, именно там, где расставлены кулемы, стационарные ловушки для добычи пушных и хищных зверей.

Дежень — разновидность ржаного пирога из простого хлебного теста. Этот скромный и сытный пирог пекли в основном в усадьбах однодворцев.

Дивий мед — народное обозначение меда диких пчел и шмелей. В основном относится к меду пчел, селящихся в пещерах, земле, расщелинах скал. Старинное русское лакомство.

Дневка — отдых охотников и собак в течение дня при продолжительной охоте.

Добомр — гоньба собачьей стаи по следу зверя.

Дормёз (*фр.* *dormeuse* — любительница поспать) — старинная дорожная карета, в которой можно расположиться спать.

Дуплет (*фр.* *douplet* — двойной) — выстрел, произведенный почти одновременно либо с запозданием (на одну-две секунды) из двух стволов охотничьего ружья.

Егерь — штатный охотник, работник государственного либо частного охотничьего хозяйства, отвечающий за порядок на всей территории отведенных ему охотничьих угодий.

Епанча — старинная русская верхняя одежда, плащ, пошитый из сукна или войлока. Епанча известна в России с XVII века, однако эта одежда упоминается еще в «Слове о полку Игореве». Одежда верно служило русским во время дальних поездок и переходов — защищало от ветра и холода, укрывало от дождя, поскольку ткань пропитывалась олифой, согревало во время длительных конных переходов. Епанчи были простой формы в виде колокола, позже появляются с рукавами.

Ерофеич — спиртовая настойка, приготовленная на травах. По одной из версий, название получила по имени цирюльника Ерофеича, который вылечил графа Алексея Орлова, страдающего тяжелым желудочным заболеванием.

Жаворонки — плюшки из пшеничной муки, выпекающиеся в виде птички. Обычно жаворонков в России выпекали в марте, отмечая тем самым приход весны.

Жак (*фр.* *jaque*) — узкая мужская куртка с длинными или короткими рукавами.

Жданики — пироги, испеченные для жданных, званых гостей.

Жжёнка — напиток из смеси рома, вина и сахара.

Жирник — старинное русское кушанье из каши с рублеными грибами на масле или на жиру.

Заядки — в России до начала XVIII столетия названия десертных блюд и сладостей. К ним относили пряники и сахарные изделия (например, леденцы), варенье, засахаренные фрукты и овощи.

Збожие — зерновой хлеб, приготовленный не из муки, а из дробленого либо цельномятого зерна. Причем по своим питательным качествам он много ценнее обычного.

Изучив целебные и питательные качества этого древнерусского хлеба, английский врач Грэхэм в начале XIX века способствовал его распространению во многих странах Европы.

Заказчик — лесной, водный или полевой участок, на котором запрещена охота на определенный срок для сохранения или восстановления природы и животного мира.

Заломм — крупная сельдь, вылавливаемая в Каспийском море. По одной из версий, название происходит от термина «заломный купец», то есть богатый купец. Стало быть, рыба «заломная», то есть очень дорогая.

Именинный пирог — рыбный, мясной или сладкий пирог, приготовленный в честь именинника, оригинальной формы, овальный, восьмигранный. И если сладкий пирог бывал полузакрытым, то мясной или рыбный закрывали полностью. Украшали надписью имени именинника, выполненной из теста. Иногда на

верхней стороне пирога располагали упрощенное изображение дворянского герба именинника.

Итальянское окно — широкое окно в три или четыре створки.

Казакин (*фр.* casaquin) — название разных видов одежды. Во Франции во второй половине XVIII века — распашная женская кофточка с широкой баской, в XIX веке — жакет в талию для прогулок и визитов. На Руси так назывался полукафтан со сборками, прямым воротником, без пуговиц, на крючках.

Казачок — в старинном дворянском быту — мальчик-слуга, наряжаемый в казакин или черкеску и остриженный по-казацки.

Калач (*лат.* калач — будь голоден или колесо) — старинный вид русского хлеба, выпеченный из белой пшеничной муки. В калаче различают животок с губкою, ручку или дужку — перевяло. Калачное тесто долго не черствеет. В XIX столетии еще продолжали существовать два вида русских калачей — «московский» и «муромский». До наших дней сохранился лишь один — «московский».

Калеш (*фр.* calèche — кибитка) — женский капор на складном каркасе. Использовали его в первой половине XIX века в непогоду, особенно в усадебной глубинке.

Калинник — народное лакомство из вареных ягод калины, запеченных с капустными листьями.

Канзу (*фр.* canezou) — небольшая женская пелерина, сшитая из легких тканей (батиста, кружев). Канзу иногда носили молодые дамы на балах, приемах, званых обедах и т. д. Канзу надевалась поверх платья и застегивалась у ворота. В первой трети XIX столетия эта ажурная пелерина походила на широкий воротник, иногда украшенный воланами.

Канотье (*фр.* canotier — гребец) — сплетенная из крупной соломки мужская или женская летняя шляпа. У нее невысокая тулья в виде цилиндра и плоские прямые поля. Русское дворянство носило канотье во время летних прогулок, катаясь на лодках. Появляются эти легкие шляпы в России в 50—60-е годы XIX века.

Каррик (*англ.* carrick) — мужское двубортное пальто, дополненное двумя или тремя широкими воротниками — пелеринами. Получило распространение в XVIII веке как одежда для езды верхом или в экипаже. По одной из версий происходит от имени английского актера Э. Гаррика, который играл, как правило, в подобной одежде.

Каргуз — фуражка с козырьком, легкая летняя шапочка разного вида, кожаная или из ткани, с козырьком. В холодное время года существовали также и теплые картузы с ушами. В России был и так называемый дворянский каргуз — отличался от обычных картузов своим кроєм. Имел широкий околыш.

Кестор — сукно тончайшей выработки самых разных цветов.

Кираса (*фр.* cuirasse — доспехи) — корсет, корсаж с большими пластинами (от груди до талии) китового уса. Кирасу использовали в дамской одежде в последней четверти XIX века.

Клюбучок — кожаный колпачок, надеваемый на голову ловчим птицам для устранения возможных зрительных раздражителей. При напуске на добычу чехол снимают. Выкройку делают точно по размеру и форме головы данной хищной ловчей птицы.

Небезызвестно, что, в частности, в России владельцы ловчих птиц старались декорировать эти крошечные чехлы орнаментами и украшениями из серебра. А иногда дополняли и нежно-звучными крохотными колокольчиками.

Коренник — средняя лошадь в тройке, впрягаемая в оглобли.

Кринолин (*фр.* *crinoline*, *crin* — конский волос и *lin* — лён) — нижняя юбка, сшитая из волосяной ткани, укрепленной на обручах из стальных полос или пластин китового уса.

Корытничий — служитель при псовой охоте, у которого на руках корм для собак.

Кулебяка — длинный закрытый пирог из дрожжевого теста. Название произошло от глагола «кулебячить», то есть мять, лепить, ваять руками. Для того чтобы получить настоящее русское кулебячное тесто, надо обязательно было положить в него почечное говяжье сало с небольшим количеством подсолнечного масла. Начинка для пирога могла быть из мяса, грибов, рыбы, капусты и гречневой каши.

Куриник — сдобный круглый закрытый пирог с начинкой из курицы, индюшатины или утки. Одно из любимых блюд казачества.

Лабардан — треска, посоленная в бочках.

Лафитник — большая рюмка удлиненной формы.

Легавые — охотничьи собаки, используемые для охоты на пернатую дичь. Свое происхождение ведут от древних охотничьих собак Западной и Южной Европы. Найдя птицу, собака ложилась перед дичью, после этого собаку и птицу накрывали сетью. Отсюда и название этой собаки. Одной из наиболее приемлемых классификаций легавых в Европе является их деление по шерстяному покрову. К короткошерстным легавым собакам относятся: пойнтер, немецкая короткошерстная легавая (курцхаар), веймарская легавая, венгерская короткошерстная легавая, французские бракки. К длинношерстным: ирландские, шотландские (гордон) и английские сеттеры, немецкие легавые (лангхаары), малые и большие мюнстерлендеры, французские эпизьюли. К жесткошерстным: немецкая легавая (дратхаар), чешский фосуек, венгерская жесткошерстная легавая, гриффон Кортальса, испанская барбюс, итальянская спиноне и конечно же пудель-пойнтер.

Ливрея — форменная одежда лакеев, швейцаров. Длинный кафтан, расшитый галунами.

Лорнет — складные очки с ручкой для временного приставления к глазам. Самыми модными считались лорнеты с черепаховыми ручками.

Люнёты — круглые, полукруглые или овальные окна.

Макферлейн (*англ.* *macfarlane*) — мужское однобортное пальто без рукавов, с отложным воротником и большой пелериной.

Манок — специальная дудочка, пищик, используемая для призывания различных птиц и зверей к охотнику. Манок прекрасно имитирует голоса гуся, утки, рябчика, бурундука, лисицы, лося и т. д. Несмотря на то что в конце XIX века манки начинают изготавливать фабричным способом, охотники предпочитают пользоваться самодельными — и звук чище, и тональность можно было варьировать.

Мантилья (*исп.* mantilla, от *лат.* mantellum) — длинная козырька, головной шарф из кружев или шелка (как правило, черного цвета) либо кружевное или шелковое покрывало, укрывающее голову и плечи. Мантильей в XIX веке в России называли и легкую короткую накидку, пелерину, обычно с удлиненными концами.

Марешаль (*фр.* marechal — маршалский) — мясные блюда, для приготовления которых используется только филейная часть туши животного или птицы. Так, для марешаля из кур берут только грудки. Филе отбивается, панируется и обжаривается во фритюре. Но это лишь полдела. К блюду подавали густой соус и гарнир из молодых, нежных и слегка отваренных овощей. Это кушанье появилось во Франции при Людовике XIV, а в России — в 1814 году после победы русской армии над Наполеоном.

Меды питные — алкогольные, достаточно крепкие напитки, для которых мед выступает в качестве основного сырья. В летописях мед на Руси впервые упоминается в 880 году и называется ставленным, то есть состоящим из двух третей меда и одной трети натурального сока ягод — малины, брусники и вишни. Смесь подвергалась естественному брожению в открытых огромных чанах. Затем содержимое несколько раз переливали и выдерживали в уже закрытых и засмоленных бочках, которые зарывали в землю. Срок хранения для созревания меда был необычайно долгим — от 15 до 40 лет. Столетие спустя появляется скорый и более крепкий хмельный мед. В медово-ягодное сусло еще до начала брожения добавляют медовый уксус или оксимель, а также хмель. А в конце XI столетия появляется вареный питный мед, который готовится три недели.

Митенки (*фр.* mitaines) — женские полуперчатки, перчатки без пальцев. Носили митенки в XVII—XIX веках. Шили их из бархата, шелка, замши, отделявали вышивкой. Существовали и так называемые зимние митенки. Они подбивались мехом. В XIX столетии митенки изготавливали из шелковых нитей, нередко используя цвет «экрю», то есть топленого молока. Существовали и белые, и черные митенки. Согревая кисти рук, они не мешали выполнять тонкую работу — шить, вязать и т. д. Митенки получают в России особую популярность в дворянской среде в конце XIX и начале XX века.

Монокль (*фр.* monocle) — очковая линза, вставляемая в глазную впадину.

Мушка (*фр.* mouche — муха) — пятнышко в узоре ткани, обоев, крапинка, а также тафтяное, наклеенное пятнышко на лице, плечах или груди в виде родинки для красоты и особой пикантности. Форма мушек могла быть самой разнообразной.

Мюли (*фр.* mules) — туфли на каблучке без задника. Были модны в XVIII веке. В XIX веке их делали на плоской подошве без каблучков.

Нанка — сорт грубой хлопчатобумажной ткани.

Несессер — плоская кожаная сумочка для дамских ножниц, перчаток и крючков для их застегивания.

Няня — старинное русское мясное блюдо, которое обычно подавалось к щам.

Обертух — блинчатый пирог с искусственно придуманным немецким названием. Изделие было распространено во второй половине XIX века в петербургской кухне.

Однодворцы — одна из категорий государственных крестьян в России. До 1840 года имели право владеть крепостными, как правило, жили с ними одним двором.

Омбрель (*фр.* ombrelle) — небольшой складной зонтик от солнца, как правило, отделанный по краям оборками, бахромой либо кружевом.

Онучи — кусок плотной ткани, навертывавшийся на ноги при ношении лаптей или сапог.

Паж (*фр.* page) — приспособление в виде пояса с тесемками или застежками-зажимами с круглыми наконечниками. С помощью такого пажа дамское платье при необходимости, к примеру перед прогулкой, можно было укорачивать.

Пазанка — задняя лапа у зайца. **Пазаанчить** — отрубить задние лапки у зайца.

Палантин (*фр.* palatine) — дамская наплечная накидка либо большой широкий шарф (меховой, бархатный и т. д.). Название накидки происходит от имени принцессы Палатинской. Однажды, спасаясь от холода, она накинула на плечи длинный теплый шарф, сшитый из шкурки соболя.

Паношник — сдобный пшеничный хлеб или пряник.

Парфорс (*фр.* par force — силой) — колючий или затыжной ошейник для охотничьих собак, который заставляет слушаться приказаний.

Пастила — кондитерское изделие тестообразного вида из протертых, сваренных с сахаром фруктов (обычно сбиваемых с яичным белком). Это традиционно русское национальное лакомство было известно в нашей стране еще с XIV столетия. В каждом городе готовили свою, местную, пастилу. Была она ярославская и тульская, ржевская и коломенская. Характерной особенностью именно русской пастилы было то, что готовили ее из антоновских яблок русского сорта, неизвестных в Западной Европе. Древняя русская пастила была рыжевато-розового цвета из-за окисления яблочной массы. В XV веке в состав коломенской пастилы вводят взбитый яичный белок, что обеспечило изделию белый цвет. Секрет изготовления коломенской пастилы хранится в тайне до XIX века, когда французские кондитеры сами стали включать в состав яблочного пюре яичный белок, получив французскую пастилу и назвав ее зефиром. После отмены крепостного права производство пастилы уходит из помещичьих усадеб и обосновывается в нескольких городах России (в частности, в Коломне и Ржеве) уже «на вольных хлебах». Организуются так называемые артели пастильщиков.

Пеклеванный хлеб — хлеб, испеченный из чистой, мелко просеянной ржаной муки.

Пестрая тропа — земля, лишь частично покрытая снегом.

Пластрон (*фр.* plastron) — туго накрахмаленная нагрудная часть мужской верхней сорочки. Она надевалась под открытый жилет при фраке или смокинге. Существовали также и съемные пластроны, закрепленные при помощи завязок на спине и талии. Ко второй половине XIX века пластроны становятся неотъемле-

мой частью мужского вечернего костюма. Также пластрон — плоское поле перекрытия, обычно украшенное лепниной или декоративной росписью. Пластроном называли и отделку в виде вставки, пришиваемой либо пристегиваемой на груди у дамского платья. В XIX веке пластроном называли также и короткий, широкий мужской галстук. Пластрон — это было первое, что бросалось в глаза при встрече, поэтому-то острые русские языки и называли пластроном человека, являющегося предметом шуток и насмешек.

Плис — бумажная или шерстяная бархатовидная ткань.

Плюмаж (*фр.* plumage — оперение) — украшение из перьев на головных уборах и конской сбруе (оголовье). Существовали в XIX столетии такие понятия, как треуголка с плюмажем, платье с плюмажем, плюмажная шляпа.

Порскать — криком и хлопаньем арапника выставлять зверя в поле.

Погребец — дорожный сундучок с напитками и едой.

Покромка — женский пояс.

Полонез (*фр.* polonaise) — драпированное платье. Иногда его называют «robe am la polonaise», что означает — польское платье. Появилось оно в XVIII веке вскоре после раздела Польши. Интересно, что платье это, как и сама страна, тоже было поделено на три части — драпировки его распределялись по бокам и сзади.

Потяжка — замедленное и осторожное приближение собаки к дичи.

Пристяжная — лошадь, запрягаемая впристяжку, сбоку от оглобель.

Рассольник — один из наиболее распространенных русских супов, характерен использованием в нем потрохов вместо мяса и соленых огурцов. Как правило, к рассольникам подают пресные слоеные пирожки с ливером.

Расстегай — русский печеный пирожок с отверстием сверху. Подается к разного рода супам. Расстегаи с рисом, морковью, луком и яйцом — к мясным либо рыбным супам, с мясом и грибами — к бульонам, с рыбой — к ухе. Пирожок лепят оригинальной удлиненной формы в виде элегантной туфельки. А теперь, после того как сама скульптурность пирожка уже не поддается сомнению, приоткроем тайну его содержимого. Самые распространенные и вкусные в отечественной кухне — расстегаи из рыбного тельного. Горячие расстегаи семь минут должны постоять под полотенцем, после чего в отверстие каждого пирожка заливают по ложке крепкого рыбного бульона и тотчас же подают к ухе.

Ридикюль (*фр.* ridicule) — небольшая дамская сумочка. По виду — мешочек, закрывающийся на металлическую застежку. Их шили из шерсти, шелка и бархата, украшали бисером и гарусом. Особенно модны становятся на рубеже XVIII и XIX веков. Именно в это время появляются прямые узкие платья из тонких тканей без карманов и дамам просто необходимо иметь маленькую сумочку для разных мелочей.

Роброн (*фр.* goberonde) — просторное верхнее женское платье. Широкая юбка крепится на каркасе в виде обруча.

Роکلор, рокелор (*фр.* goquelaurе) — просторная верхняя мужская одежда плащеобразной формы. Первоначально роклоры кроили без рукавов с большим воротником и многочисленными

пуговицами. Плащ назван по имени герцога Ангуана де Роклора (1656—1738), который и ввел его в употребление. Этот удобный и вместе с тем элегантный плащ пользовался немалой популярностью в XIX столетии среди русских путешественников-дворян.

Русты — камень с грубоотесанной или выпуклой лицевой поверхностью.

Рюш (*фр.* *ruche*) — отделка дамских платьев, шляп, чепцов, а также белья. Нередко для рюшей использовались кружева.

Саварен (*фр.* *savarin* — название в честь кулинара Ж. А. Брилья-Саварена; 1755—1826) — сдобное тесто для выпекания сладких пирогов. В изделия добавляли цукаты, изюм или сверху покрывали яблоками, сливами, вишнями, земляникой. Тесто и пироги-саварены пользовались огромной популярностью у русских.

Саквояж (*фр.* *sac de voyage*) — дорожная, обычно кожаная, сумка с запором.

Салоп — верхняя женская одежда в виде широкой длинной накидки.

Сбитень — старинный русский напиток, популярен в России с XV столетия, особенно в Первопрестольной. Представлял собой горячий отвар из пряных трав с медом, патокой или сахаром.

Свитка — верхняя крестьянская одежда, род армяка.

Сорти-де-баль (*фр.* *sortie-de-bal*) — дамская накидка в виде пелерины, надеваемая на вечернее платье. Иногда была с широкими рукавами. Шили сорти-де-баль из шелка, атласа либо бархата, нередко оторачивая мехом. Использовалась в дворянских кругах для выхода к карете на балах, светских раутах, торжественных приемах.

Спенсер (*англ.* *spencer*) — мужская либо женская короткая курточка, обычно из шерсти, с очень длинными рукавами, которые закрывают и кисти рук, облегающего фасона. Полагают, что именно английский лорд Спенсер явился автором этой одежды, надежно предохраняющей от холодной погоды. Спенсер был в моде на рубеже XVIII и XIX веков. В России в спенсеры облачались в усадьбах холодными вечерами.

Сырейщик — работник, приготовляющий собакам корм из дохлого скота.

Тавлинка — плоская табакерка из дерева или бересты.

Тартинки (*фр.* *tartine*) — маленькие горячие бутерброды. Эта закуска подавалась к столу на ужин. Маленькие бутербродики из белого или черного хлеба, поджаренные на масле, украшались ломтиками жареной или отварной рыбы, паштета и обсыпались тертым сыром. Особенно широко использовались тартинки в конце XIX столетия на скромных деловых встречах дворян в уездных городках.

Труа-кар (*фр.* *trois quart*) — рукав в три четверти женского платья.

Турнюр, турнюра (*фр.* *tourneur* — осанка, манера держать ся) — принадлежность женского платья в виде подушечки, набитой конским волосом. Она подкладывалась под платье ниже талии для придания женской фигуре пышности. Турнюры были особенно модны в конце XIX века, в том числе и в России. А впервые та-

кое приспособление появилось еще в конце XVII столетия под названием криард, и, наконец, в XIX веке они стали неизменным элементом в одежде самых ярких поклонниц этой моды.

Туроны — разновидность мелкого печенья родом из Испании. Это нежное изысканное лакомство появлялось нередко на праздничных столах русских дворян. Добавляли в туроны лимонную, миндальную, апельсиновую эссенции.

Утиральник — полотенце для рук и лица.

Урда — козий сыр.

Уха — старинное русское национальное рыбное блюдо. В уху должна идти свежая или даже живая рыба (в частности, уха из стерляди) в отличие от рыбных супов. Примечательно, что любую уху готовят только из одного сорта рыбы, а потому она и именуется соответственно: из окуня — окуневая, из судака — судачья, из осетра — осетровая и т. д. В уху идет только белая рыба, иначе ее называют «сладкая», но совершенно не годятся для ухи по русской традиции такие виды рыбы, как щука, налим, плотва, лещ, пескарь, которые относят к «черной» рыбе. Так что все, сваренное из рыбы «черной», именуют просто «рыбным супом».

Фалетор (форейтор) — верховой, сидящий на передней лошади при запряжке цугом.

Ферязь — мужская верхняя одежда с длинными рукавами без воротника и перехвата.

Фуру (*фр.* fourreau — чехол, ножны, футляр) — узкое дамское платье, облегающее фигуру.

Хворост — изделие из пресного сдобного теста, обжариваемого во фритюре. Заимствовано Россией из греческой кухни. Хворост получает особое распространение в русской кухне с конца XIX века.

Шанжан (*фр.* changeant — изменчивый) — ткань, обладающая свойством переливаться разными цветами. Появилась в Китае. Впервые шанжаны вошли в употребление в Европе в XVIII—XIX веках. Наибольшую популярность приобрели в 1840—1860-х годах, именно тогда, когда для платьев-кринолинов потребовались жесткие ткани, чтобы держать форму. В России шанжан использовалась и в обивке мебели в русских усадьбах. Примечательно, что даже предметы русской военной одежды шили порой из шанжана.

Шинель — форменное пальто особого покроя, со складкой на спине и хлястиком. Были шинели у военных и гимназистов, студентов и лицейцев, служащих и чиновников. Особой популярностью среди русского дворянства пользовалась знаменитая «николаевская шинель», вошедшая в моду с легкой руки императора Николая I.

Шапокляк (*фр.* chapeau a claque — шляпа-хлопок) — шляпа-цилиндр, складывающаяся на пружинах. Вошла в моду во второй половине XIX столетия, в частности, и из-за своей компактности, поскольку обычные цилиндры требовали для своего хранения объемных футляров, картонок и т. п. Носили эти шляпы на рубеже веков студенты, а также некоторые представители дворянства скромного достатка.

Шатлен, шатлены (*фр.* *châtelaine* — цепочка для украшения) — дамское либо мужское поясное украшение. Состояло из разнообразных металлических пластин и цепочек, на которые подвешивались часы и брелоки. Впервые шатлены появились еще в XVII столетии. Это были ювелирные изделия, созданные из серебра, золота и отделанные эмалью и драгоценными камнями. В XIX веке шатлены вновь входят в моду, но их уже изготавливают из стали и чугуна.

Шинц (*англ.* *chintz*) — название вошеного ситца с матовым блеском, впервые появившегося в Европе в середине XVII столетия. В XIX веке в России используется при обивке мебели, стен в дворянских усадьбах. Из этого яркого радужного материала шили и разнообразные чехлы для стульев, кресел, роялей. Шинцем оформляли дамские будуары, из него шили портьеры.

Шлафрок, шлафор (*нем.* *schlafrock*) — широкий, просторный и длинный домашний халат. Обычно подпоясывался витым шнуром с кистями.

Шлея — часть упряжи в виде ремня, прикрепленного двумя концами к хомуту и охватывающего туловище лошади.

Шугай — род суконной, ситцевой или шелковой короткополой кофты с рукавами, с отложным воротником, с перехватом и ленточной оторочкой кругом.

Эгрет, эгретка (*фр.* *aigrette* — султан, хохолок у птиц) — торчащее вверх перо или какое-либо другое украшение, состоящее из перьев птиц (как правило, цапли). Дополнялось драгоценными или полудрагоценными камнями и прикреплялось к женскому головному убору либо прическе.

Экрю (*фр.* *écru* — сырцовый, некрашенный) — цвет топленого молока. Так, в частности, назывался цвет кружев, сплетенных из суровых нитей.

Электрик (*фр.* *électrique*) — ярко-синий цвет ткани с особым, приятным для глаза серым оттенком. Был особенно популярен во второй половине XIX столетия. Изысканность цвета электрик подчеркивали в своих рассказах и такие знатоки одежды и фасонов, как, например, Иван Шмелев и Александр Куприн.

Эскарпен (*фр.* *escarpin*) — легкая мужская или женская обувь, как правило, без каблуков. Эскарпены были очень мягкими. Изготавливались из лайки и даже из атласа. Русское дворянство использовало эту разновидность легкой обуви на балах. Если у мужчин были черные лаковые эскарпены, носимые с фракком, то для дам существовали эскарпены всевозможных цветов еще и дополненные завязками.

Юфть — кожа комбинированного дубления. Вырабатывалась из шкур быков, коров, лошадей и свиней. Из юфти шили башмаки, сапоги и фуражки, обивали стулья, использовали в качестве переплетов книг. Юфть производили двух цветов — черную и белую.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абрамов Л. К. Гатчинский садово-парковый ансамбль — создание русских архитекторов и строителей. — В кн.: Научные труды Ленинградского инженерно-строительного института. Вып. 10. М.; Л., 1950.

Артамонова З. Неизданные стихи Н. А. Львова // Литературное наследство. 1991. № 9—10.

Архив Государственного совета. Т. II. СПб., 1888.

Архив кн. Воронцова. Кн. 9. М., 1876; Кн. 12. М., 1877; Кн. 30. М., 1884; Кн. 31. М., 1885; Кн. 32. М., 1886.

Архитектура русской усадьбы / Под ред. Н. Ф. Гуляницкого. М., 1998.

Бирюкова Т. З., Иванова Л. В., Коробко М. Ю. Усадебное ожерелье Юго-Запада Москвы. М., 1996.

Брун В. История костюма. М., 1995.

Будылина М. В., Брайцева О. И., Харламова А. М. Архитектор Львов. М., 1961.

Будылина М. В. Н. А. Львов. — В кн.: Советская архитектура. М., 1954.

Верещагин В. Путевые заметки Н. А. Львова об Италии в 1781 г. // Старые годы. 1909. Май.

Верховский В. И. Сельские огнестойкие постройки вообще и в частности на Всероссийской 1896 г. выставке в Нижнем Новгороде. СПб., 1898.

Врангель Н. И. Искусство и государь Николай Павлович // Старые годы. 1915.

Он же. Свойства века. СПб., 2001.

Он же. Старые усадьбы. СПб., 1999.

Он же. Старый Петербург. СПб., 1903.

Горностаев Ф. Ф. Строительство гр. Разумовских в Черниговщине. — Ляличи. Дворец П. В. Завадовского. — В кн.: Труды археологического съезда в Чернигове 1908 г. Т. II. М., 1911.

Грабарь И. Э. История русского искусства. М., 1913.

Грамолина Н. Н. Мураново. М., 1972.

Гримм Г. Проект парка Безбородко в Москве. — В кн.: Сообщения Института истории искусств АН СССР. М., 1954.

Дембовецкий А. С. Опыт описания Могилевской губернии. Кн. 2. Могилев, 1884.

Джунковский С. Александрова увеселительный сад. Харьков, 1810.

Дмитриев Н. Земляное строение в Приоратском дворце в Гатчине // Строитель. 1895. № 24.

Затворницкий П. Церковь святителя Николая в селении Диканьке Полтавской губернии // Полтавские епархиальные ведомости. 1869. № 6.

Захаров И. С. Усадьба, или Новый способ селить крестьян и собирать с них помещичий доход. СПб., 1801.

Ильин М. Чертежи архитектора Н. А. Львова // Архитектура Ленинграда. 1941. № 2.

Коантеро Ф. Школа деревенской архитектуры, или Наставление, как строить прочные дома, о многих жильях из одной только земли или других обыкновенных и дешевых материалов. М., 1794.

- Коробко М. Ю.* Усадьба Узкое. М., 1996.
- Курбатов В.* Дом Римско-католической духовной коллегии // Старые годы. 1912. Октябрь.
- Курилов Л.* Дворец на грунте // Строитель. 1958. № 8.
- Лансере Н.* Архитектура и сады Гатчины // Старые годы. 1914. Июль — сентябрь.
- Линковский В.* Архитектурные модели в России // Старые годы. 1910. Декабрь.
- Личачев Д. С.* Поэзия садов. М., 2000.
- Логвинский Д.* Из истории сельского строительства в России. Пионер глинобитных построек // Сельское огнестойкое строительство. 1916. № 1—3.
- Лукомский Г. К.* Памятники старинной архитектуры России. Ч. I. Русская провинция. Пг., 1916.
- Львова Е. Н.* Рассказы, записки и анекдоты из записок // Русская старина. 1880. Т. 27, 28.
- Макаренко Н.* Ляличи // Старые годы. 1910. Июль — сентябрь.
- Мериалова М. Н.* От «домостроя» до «переписки моды» // Наше наследие. 1989. № 3.
- Она же.* Костюм разных времен и народов. М., 2001. Т. 1—4.
- Наше наследие.* 1994. № 29—30.
- Нащокина М. В.* Античное наследие в русской архитектуре 30—50-х годов XIX века. М., 1983.
- Она же.* Архитектурные прогулки по Москве. М., 1996.
- Она же.* Дворянские гнезда России. М., 2000.
- Новые материалы по истории русской культуры.* М., 1987.
- Носик Б.* Отцы и дети // Наше наследие. 1990. № 15.
- Очерки истории московской архитектуры.* М., 1999.
- Орлов А. И.* Русская отопительно-вентиляционная техника. М., 1950.
- Павловск.* Очерки истории и описание (1777—1877). СПб., 1877.
- Палентреер С. Н.* Вороново. М., 1960.
- Палладио А.* Четыре книги об архитектуре. М., 1936.
- Пинчук А. Г.* Усадьба Дзержиново. Минск, 1983.
- Пирумова Н.* Дворянское гнездо // Наше наследие. 1990. № 3.
- Полушкина Е.* Новоспасское — родовое имение Михаила Глинки // Наше наследие. 1996. № 37.
- Рудницкий Л.* Биографии архитекторов, работы которых находились на исторической выставке архитектуры. СПб., 1912.
- Сенатский архив. Т. I.* Именные указы императора Павла I. СПб., 1888.
- Собалевская Н. А.* Усадьба и жилище российского крестьянина-колониста Приамурья в конце XIX — начале XX века. Хабаровск, 1997.
- Средин А.* Полотняный завод // Наше наследие. 1988. № 1.
- Степанов Е.* Вторая родина // Наше наследие. 1989. № 3.
- Строев Н.* Русский биографический словарь. СПб., 1914.
- Тихомиров Н. Я.* Архитектура подмосковных усадеб. М., 1955.
- Тиц А. А.* Загадки древнерусского чертежа. М., 1978.
- Топуридзе К.* Выдающиеся памятники города Торжка. — В кн.: Памятники зодчества, разрушенные немецкими захватчиками. Вып. II. М., 1944.

Усадьба в русской культуре XIX — начала XX века. Материалы научной конференции 22—24 ноября 1994 г. М., 1996.

Усадьбы южного Подмосковья. Подольск, 2000.

Фальц-Фейн Э. А. Русский дом в Лихтенштейне // Наше наследие. 1988. № 1.

Шаховская З. А. Отражения. М., 1991.

Шуйский В. К. Винченцо Бренна. Л., 1986.

Щекатов А. Географический словарь Российского государства. Ч. 1. М., 1801; Ч. 4. М., 1805.

Шужина Е. П. Подмосковные усадебные сады и парки второй половины XVIII века. Кандидатская диссертация. М., 1951.

Юрьева И., Смирнов Л. Захарово // Наше наследие. 1988. № 2.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. И. Фролов.</i> Предисловие	6
Введение	10
<i>Глава первая.</i> «ДУШЕ ВСЕ ГРЕЗИТСЯ УСАДЬБА ДАЛЬНЯЯ» ...	31
«Сквозь растворенное окно»	31
«Смею ли просить, государь мой, об одолжении?»	34
«Я перед вами в натуре»	36
Этот несуществующий уже тип старого барина... ..	37
«Смеется звонко, позвякивает шпорами, крутит усы» ..	41
«В домоделанной коляске в полтораста пуд»	45
«Словно ястреб на пашне»	47
«Их же крепостной... гнет их, куда хочет...»	51
«Лежён, мой сосед и орловский помещик»	54
<i>Глава вторая.</i> БЫЛЫХ ПРИЧУД ЛУКАВЫЕ ЗАГАДКИ	58
«Недорогая роскошь» или раритеты родовых гнезд? ..	60
Обрусевшие турецкие причуды — оттоманка, конфидант	63
Тет-а-тет и визави	65
Пудрёз и столик-бобик	66
Тайны секретера	66
Штакеншнейдер — оранжировка усадебного быта ...	68
«Буль» французский — «буль» российский!	70
«Ореховое рококо»	72
Усадьбы в «русском духе»	73
Гартман, Монигетти — возрождение русской старины	74
Серийность — городам, уникальность — усадьбам	76
Кантакузен, Панина	79
Национальный романтизм	83
Сказочный мир княгини	85
Дом, который построил Львов	90
Ледяной дом	94
Из огня, да в полымя... ..	94
Земной рай Глебовых — Знаменское	96
Прямухинский ангел-хранитель	98
Жизнь Званская — по Державину	100
<i>Глава третья.</i> КАКИХ ЧУДЕС НЕ ВИДЕЛ ЗДЕСЬ Я?!	103
Сад для прогулок	104
«Замерз... от удовольствия»	106
Под куполом конного двора	111
«Каскад» и воду подает	111
Каскад прудов у речки Логовеж	113
Поэзия русских садов	114
Отбивали десятины под фруктовый сад... ..	119
Театр — с вешалки, усадьба — с парка	121
Увеселительные сады	122
Сад Головинский императорский... ..	125
«Производить сады собственного своего вкуса»	126

Старов или Болотов?!	131
Как аукнется, так и откликнется	133
Эффект «улитки», подземелье грота	134
Ахтырка — поклонники усадебного парка	135
Глава четвертая. ОБИТАТЕЛИ УСАДЕБ	140
«Мелкотравчатые»	141
Управляющий — фон-дер-Кок	142
Замысловатые профили былой дворни	144
Неведомый однодворец	147
«Наперед мужицкое, а потом свое»	148
Купец не то что барин	153
Глазами внуков	156
Сметь свое суждение иметь	157
Вкусы, взгляды, барские привычки	158
Бонны и русская гувернантка	160
«Мать не мешалась в дело нашего воспитания»	163
Сестры, братья — веер чувств и увлечений	164
«Дворецкий Иван Павлов»	166
Повар Фома — еще от «коренных господ»... ..	168
Паромов — бывший учитель и нынешний гость	170
Управитель имением	174
Буфетчик и цирюльник Николай Павлов	175
Дворня — на тургеневский взгляд	177
Из хама сделаешь ли пана?	179
Об оркестрах господских — ни слуха ни духа	181
Средь шумного бала, случайно... ..	182
Тон святочного веселья	185
«Гул голосов, шагов, приветствий»	190
Хрустальным звоном детских вечеров	192
Весь этот странный антураж и толстощекий экипаж ..	194
«Он... не любил рессорных экипажей»	196
«...Прежде ездил кучером»	197
«Кучер мой не удостоил меня ответом»	201
Сани с по́дрезом, кони с по́свистом!	203
«Свои господа» и Балага — ямщик от Бога	205
Извольте ждать, нет лошадей	206
Красного дерева ларчик и чемодан из белой кожи ..	207
Шкатулка, погребец и пара пистолетов	208
Переезд из усадьбы, или Train de maison	209
Глава пятая. ШЛАФРОК, БРЕГЕТ, КАРТУЗ ДВОРЯНСКИЙ	213
Одежда — зеркало времени	213
«Сюртук, застегнутый доверху...»	228
Вольноотпущенный, или человек в панталонах блё-д-а-мур	229
Новый армячок, надетый внакидку	231
«Завитой камердинер в голубой ливрее»	233
«Сюртук цвета аделаида»	235
«В замашной рубашке господский лесник»	237
«С несколькими воротниками и золотым галуном» ...	239
«Обступили его блистающею гирляндой»	240
«С розанами в корсаже»	242
«В отставном морском мундире»	245

«Одет он был забубенным помещиком»	246
Белокурые волосы из-под алой повязки	247
«Одетый в черную одежду»	250
«...Жилет, обложенный золотым позументом»	251
«Персидская шапка с малиновым верхом»	252
«Голубая шаль, заколотая у самого горла...»	253

Глава шестая. ШЕКСНИНКА, СТЕРЛЯДЬ ЗОЛОТАЯ, КАЙМАК И БОРЩ УЖЕ СТОЯТ!	254
Что предпочитало русское дворянство?	256
«Скатерть с пирожками и рыжиками»	258
«С смородиновым листом и мушкатным орехом»	260
«Соус, обхваченный винным пламенем»	263
«Обед — священнодействие, обед — эпоха дня»	264
«...И сочно, и смочно!...»	265
«Посты и постники»	266
«Парадный колокол в Страстную»	267
«Зарисовки пасхальных гостей»	268
«Изыски повара Фомы»	269
«Пристало выпить брудершафт»	270
«С приятною тяжестью в желудках»	272
«...Подвинулся к пресному пирогу с яйцом»	274
«Желудок господина средней руки»	275
«И всего только что попробует»	276
«Ватрушки, каждая больше тарелки»	277
«От произведенья природы оставался всего один хвост»	279
«...Подал тарелку с соусом на конце шпаги»	280
«Звуки музыки заменились звуками ножей и вилок» ..	281
«Старший повар — знаменитый Феоктист»	282
«Обед в честь храбреца Багратиона»	285
«Дворецкий провозгласил: “Кушанье готово!”»	286
«Выпив залпом бокал, бросил его на пол»	287
«Все отзывалось сочностью, белизной и приятной улыбкой»	288
Чай на армейской попоне	289
«На чашку чая и на ужин»	290
«Вечер с разговорами, чаем и зажженными свечами» ..	291

Глава седьмая. «О, МУДРАЯ ОХОТНИЧЬЯ НАУКА! ТОРОЧА ЗАЙЦА, СЛУШАЮ СЛУГУ...»	293
«Отчаянный был человек...»	296
«Кучера в России очень скоро дружатся»	298
Охота пуще неволи	299
«За мною заряд, любезный»	301
Предвкушение	304
«Непреодолимое охотничье чувство»	306
«Не надо, соструним...»	309
«Из-под чужих гончих»	313
«Чистое дело марш!»	317

Приложения	323
Краткий словарь	328
Библиография	342

Охлябинин С. Д.

О 92 Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века / Автор предисл. А. И. Фролов. — М.: Молодая гвардия, 2006. — 347[5] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 5-235-02864-3

На интереснейшем фактическом материале автор рассказывает об истории и владельцах известных усадеб: Архангельское, Абрамцево, Талашкино, Званка, Знаменское-Раёк... Книга фиксирует внимание читателя на «живой» русской усадьбе XIX века, показывает разные стороны ее бытия. Повествование иллюстрируется выдержками из произведений известных писателей, многие из которых сами были владельцами усадеб, — Н. В. Голя, А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева.

**УДК 908(470+571)“18”
ББК 63.5(2)**

Охлябинин Сергей Дмитриевич

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ УСАДЬБЫ
XIX ВЕКА**

Главный редактор **А. В. Петров**

Редактор **Е. М. Лопухина**

Художественные редакторы **А. В. Никитин, И. И. Суслов**

Технический редактор **В. В. Пилкова**

Корректоры **Л. С. Барышникова, Г. В. Платова**

Лицензия № ЛР 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 29.09.2005. Подписано в печать 13.10.2006. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамон». Усл. печ. л. 18,48+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 54409.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dse@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02864-3

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

*Склад издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы по адресу:
СУЩЕВСКАЯ УЛ., Д. 21*

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

495-787-62-92 ☼ 499-978-21-59

495-787-64-78 ☼ 495-787-63-81

495-787-63-97 ☼ 499-978-01-22

499-972-00-49

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

495-787-65-39 ☼ 499-787-63-64

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

П. Брюле

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ЖЕНЩИН
В КЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ»**

И. Дегтярева

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКОГО СПЕЦНАЗА»**

Ш. Казиев

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВОСТОЧНЫХ ГАРЕМОВ»**

С. Ютен

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
АЛХИМИКОВ В СРЕДНИЕ ВЕКА»**

М. Брион

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВЕНЫ
ВО ВРЕМЕНА МОЦАРТА И ШУБЕРТА»**

Э. Бартон

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ АНГЛИЧАН
В ЭПОХУ ЕЛИЗАВЕТЫ I»**

Телефоны для оптовых покупателей:

499-978-21-59; 495-787-63-75; 495-787-63-64

<http://mg.gvardiya.ru>. dsel@gvardiya.ru

Повседневная жизнь каждого человека с ее рутинной, однообразным бытом представляется чем-то непреодолимо скучным. Но когда она становится историей, то окутывается романтическим флером, прорастает загадками. И чем дальше от нашего сегодня прошедшая эпоха, тем больше у нее загадок и тем неудержимее в нас стремление разгадывать их.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

В. Шевченко

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КРЕМЛЯ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТАХ»**

А. Шураки

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЛЮДЕЙ БИБЛИИ»**

Р. Мантран

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СТАМБУЛА В ЭПОХУ
СУЛЕЙМАНА ВЕЛИКОЛЕПНОГО»**

Л. Адлер

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПУБЛИЧНЫХ ДОМОВ. XIX—XX ВЕКА»**

М. Аникович

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ОХОТНИКОВ НА МАМОНТОВ»**

Е. Лаврентьева

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ДВОРЯНСТВА
ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ»**

Телефоны для оптовых покупателей:

499-978-21-59; 495-787-63-75; 495-787-63-64

<http://mg.gvardiya.ru> dse1@gvardiya.ru

Всех любителей
гуманитарной литературы
приглашаем посетить
новый специализированный
магазин-салон

КНИЖНАЯ СЛОВОДА

ЖИЗЛ

открытый при издательстве «Молодая гвардия»

В продаже самый широкий ассортимент
биографических изданий,
книги по истории, философии, психологии
и другим отраслям гуманитарных знаний.

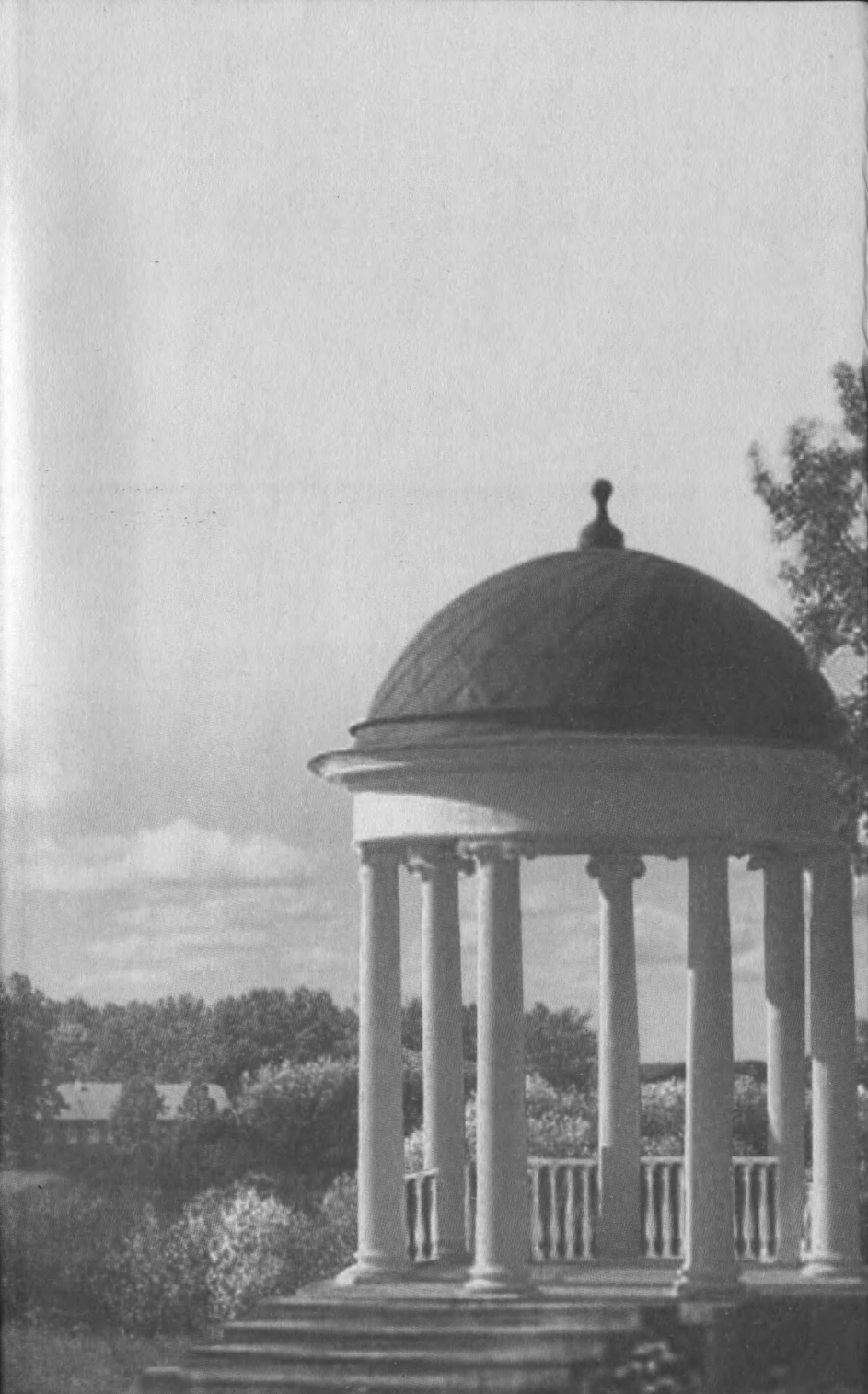
Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4.
Проезд до станций метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы)
или «Новослободская».

Телефоны: 499-972-05-41, 495-787-64-77.

<http://mg.gvardiya.ru> book@gvardiya.ru

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

Е. Лаврентьева

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ДВОРЯНСТВА
ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ.
ПРИМЕТЫ И СУЕВЕРИЯ

Л. Фредерик

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЯПОНИИ
В ЭПОХУ МЭЙДЗИ

Г. Бондаренко

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ КЕЛЬТОВ

Р. Мантран

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СТАМБУЛА В ЭПОХУ
СУЛЕЙМАНА
ВЕЛИКОЛЕПНОГО

А. Вульф

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКИХ
ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

ISBN 5-235-02864-3

9 785235 028647 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ